

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 4(26)

**СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА
ПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ТЕМА НОМЕРА
ГЕОПОЛИТИКА
СНГ
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ**

**EDITOR'S PAGE
PRESSING TOPIC
POLITICS
FOREIGN AFFAIRS
THE ISSUE'S MAIN TOPIC
GEOPOLITICS
CIS
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS**

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа.

Издается при поддержке ЗАО «Северстальтранс»

и Бюро социально-экономической информации.

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,

Председатель Совета – **Вагиф Гусейнов**, директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель

главного редактора – **Юрий Поройков**, к. филос. н.

Редакционный совет: **Михаил Делягин**, д.экон.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации

Владимир Егоров, д.филос.н., президент-ректор Российской академии госслужбы при Президенте РФ

Сергей Караганов, д.ист.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, зам. директора Института Европы РАН

Андрей Кокошин, д.ист.н., член-корреспондент РАН, председатель К-та Госдумы РФ

Николай Михайлов, д.экон.н., член совета директоров АФК «Система»

Александр Назарчук, д. филос. н., проф. филос. ф-та МГУ

Алексей Пушкин, к.ист.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»

Александр Рар, директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике

Владимир Рыжков, к.ист.н., депутат Госдумы РФ

Леонид Слуцкий, д.экон.н., первый зам. председателя Комитета по международным делам Госдумы РФ

Андрей Федоров, директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»

Александр Ципко, д. филос. н., гл. науч. сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН

Ответственные
за выпуск:

Константин Радовицкий, к.соц.н.

Игорь Измоленов, к.ист.н.

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов 5

Слово прощания 10

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА (Экспресс-анализ)

Андрей Шаронов, Юрий Поройков. Диверсификация экономики
как генеральная задача (*беседа*) 11

ПОЛИТИКА

«500 слов»

Зарубежные корреспонденты о своей жизни и работе в России 27

Олег Никитин. Послесловие к состоявшемуся разговору 34

Стивен Коэн (США). «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?» ... 37

Оксана Гаман-Голутвина. Административная реформа
в Российской Федерации: предварительные малоутешительные итоги ... 45

Алла Язкова. Практика федерализма: международный опыт 53

Михаил Катышев, Валентин Демин.
Правовая стратегия и правопорядок. *Окончание* 70

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сергей Ознобищев. Россия – Британия: новые времена – новые отношения? ... 83

Изабель Факон (Франция). Качественно новая российская армия –
какая она? 98

ТЕМА НОМЕРА: Ценности в современную эпоху

Кристина Матутите. Какой этос нужен России? 109

Ирина Моница. Ценности как «оборотни» 113

Татьяна Свицина. Должны ли расцветать все цветы? 116

Павел Гуревич. Меняются ценности – меняется эпоха 121

ГЕОПОЛИТИКА

Евгений Вертлиб (Германия). Геостратегический контекст
проблематики национальной безопасности России
и стабильности центрально-азиатского региона 134

Михаил Войтенко. Мировое судоходство, его роль, тенденции развития.
Россия в мировом судоходстве 155

Социальная миграция: зоны риска

Борис Базаров, Михаил Ефимкин, Владимир Ламин.
Ретроспектива и современность «желтой миграции». *Окончание* 168

СНГ

Расим Агаев (Азербайджан). Переходный период:
штрихи к портрету независимой республики 187

ПУБЛИКАЦИИ

Как это было

Геннадий Бочаров. Летящие в темноте. Откажется ли человечество
от сверхзвуковых пассажирских самолетов? 222

Александр Ципко. Русский XXI век – грядущее,
которое нам не дано увидеть. *Продолжение* 231

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спинова. «Гнев, ведай меня!..». О книге Андре Глюксманна
«Философия ненависти» 247

Новые книги, которые могут вас заинтересовать 253

Об авторах 267

Статьи, опубликованные в 2006 году (по разделам) 280

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov	5
Words of farewell	10

PRESSING TOPIC (Express-analysis)

Andrey Sharonov, Yury Poroikov. Diversification of the economy as the major objective (discussion)	11
---	----

POLITICS

«500 words»

Foreign correspondents speak about Russia	27
Oleg Nikitin. An epilogue to one discourse	34
Stephen Cohen (USA). 'A question of questions': why has the Soviet Union ceased to exist?	37
Oksana Ghaman-Golutvina. Administrative reform in the Russian Federation: preliminary summing up with not so much comfort	45
Alla Yazkova. International experience on federalism in practice	53
Mikhail Katyshev, Valentine Dyomin. The legal strategy and the law and order (<i>conclusion</i>)	70

FOREIGN AFFAIRS

Sergey Oznobishchev. Russia – Britain: in new times, new relations?	83
Isabelle Facon (France). The qualitatively new russian army: what kind of army is it?	98

THE ISSUE MAIN TOPIC: The values in the modern epoch

Christina Matoutyte. What ethos is needed in Russia?	109
Irina Monina. Values as 'werewolves'	113
Tatyana Svinina. Do all the flowers are to blossom?	116
Pavel Gurevich. The values alter, the epoch alters	121

GEOPOLITICS

Eugenie Vertlib (Germany). Geostrategical context of the problems of Russia's national security and the Central Asia regional stability	134
Mikhail Voytenko. World shipping: its role and trends in development. Russia in world shipping	155

Social migration: zones of risk

Boris Bazarov, Mikhail Yefimkin, Vladimir Lamin. Yellow migration: retrospective and up-to-date review (<i>conclusion</i>)	168
---	-----

CIS

Rasim Agayev (Azerbaijan). Transition period: some features of the portrait of independent republic	187
--	-----

PUBLICATIONS

The way it were

Gennady Bocharov. Flyers in the dark. Will the mankind refuse from supersonic passenger aircraft?	222
Alexander Tsipko. The Russian 21ST century: the future we are not given to see (<i>continuation</i>)	231

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. 'Anger, drive me!..' on The Philosophy of Hatred by Andre Glucksmann	247
---	-----

Books that Might Be of Interest	253
---------------------------------------	-----

SUMMARY	257
---------------	-----

OUR AUTHORS	274
-------------------	-----

Published in 2006	283
-------------------------	-----

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Читатель наверняка обратит внимание на то, что в номере несколько статей с вопросительными интонациями в названиях. Естественно, заметили это и мы, но не стали ничего менять.

«Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?». «Россия – Британия: новые времена – новые отношения?». «Какой этос нужен России?». «Должны ли расцветать все цветы?». «Качественно новая российская армия – какая она будет?». «Каким быть отечественному образованию?». «Откажется ли человечество от сверхзвуковых пассажирских самолетов?».

Такой вот букет вопросов в итоговом, четвертом, номере «Вестника» – вопросов, касающихся самых различных сторон государственной политики и общественной жизни.

Что стоит за ними? Несомненно, проблемы – еще не решенные или решенные не так, как ожидалось, или вообще замороженные в силу каких-то причин, но грозящие серьезными осложнениями в будущем. В результате их анализа авторы формулируют выводы, которые, собственно, и являются ответами на поставленный в названии статьи вопрос. И в любом случае – это приглашение читателя к размышлениям, к сотворчеству, что, собственно, и является одной из задач аналитики.

«...и для нас вопрос об исчезновении этого огромного, ставшего эпохой, государства, и о том, почему это произошло, имеет жизненно важное значение, – пишет Стивен Коэн. – Это событие, как никакое иное в современной истории, явилось определяющим для мира, в котором мы все живем после 1991 г. Сгруппировав ряд наиболее часто называемых факторов по признаку сходства, мы получим шесть разных объяснений конца Советского Союза, которые заслуживают нашего внимания».

Весьма интересен подход к проблеме реформирования российской армии **Изабель Факон**: «Подлинно качественная реформа, учитывая нынешнее состояние российской военной и военно-промышленной системы, несомненно, позволила бы развернуть самое серьезное сотрудничество с зарубежной промышленностью и армиями. Для военных такая перспектива не очевидна: даже несмотря на рост военного сотрудничества, оно остается ограниченным, а интерес российских офицеров к иностранным моделям модернизации вооруженных сил – весьма относительным. Складывается впечатление, что в промышленности процесс преобразований идет быстрее – и именно потому, что правительство в этом заинтересовано: это свидетельство не только о военной, но и экономической мощи страны».

Ее «взгляд со стороны» критичен, но конструктивен. И с выводами ее можно соглашаться или нет, но наличие кризисных явлений в оборонной и военно-технической политике очевидно, как и то, что совершенствование промышленного оборонного комплекса требует системного подхода.

Это, несомненно, одна из ключевых проблем государственного строительства, имеющая принципиальное значение для настоящего и будущего России.

Хотел бы высказаться на сей счет поподробнее.

Однажды мой приятель, дружбой которого я дорожу, бросил мне упрек в очередной дискуссии: «Почему ты так не любишь американцев? Ведь что ни статья или книга, США у тебя едва ли не главный виновник всех бед?»

Вопрос меня, признаюсь, озадачил и действительно заставил задуматься и даже засомневаться в своей объективности. Вспомнил об этом, размышляя над итогами очередного визита высокопоставленного лица НАТО – генерального секретаря НАТО Яапа де Хоопа Схеффера. Встречаясь с президентом России и министром обороны, он сделал немало любопытных заявлений: «...состояние здоровья отношений между Россией и НАТО очень хорошее. Но во всех отношениях, даже семейных, есть расхождения»; «...Мы с Россией идем по восходящей, мы не во всем согласны по всем вопросам, но по многим вопросам все-таки согласны»; касаясь российско-грузинских отношений: «Я сказал президенту, что хотя НАТО напрямую не играет здесь никакой роли...»

Очевидно, генсек имел в виду роли обходные, завуалированные, т.е. совсем другие какие-то роли, о которых он, естественно, умолчал, как и обошел ответом вопрос о том, как руководство НАТО отреагировало на беспокойство России в связи с расширением военной инфраструктуры НАТО в сторону российской границы и на планы США, члена НАТО, по размещению глобальной системы ПРО в Восточной Европе.

Туманные разъяснения о необходимости борьбы с терроризмом в центре Европы ракетами с ядерными боеголовками вряд ли можно принимать всерьез.

НАТО неуклонно расширяется, с каждым годом вбирая в себя все новых и новых членов, и мощная военная организация, уже обзаведшаяся собственными силами быстрого реагирования, все ближе подступает к нашим границам. А когда им напоминают о заверениях и честном слове, данных бывшим руководителям СССР и России, в ответ звучит известное *se ля ви* – такова жизнь!

В прошлом номере нашего журнала в статье «Военные силы в системе политики безопасности и обороны Германии» Василий Белозеров напоминает о необходимости внимательного анализа политики безопасности и обороны Германии, обнаруживая в ее действиях признаки «возврата к традиционному поведению великой державы». В основу определения предназначения и задач бундесвера положено самое широкое видение обороны: она сегодня уже не может быть сведена лишь к отпору армии агрессора по периметру границ страны или блока НАТО. Ну а заявление руководителей военного ведомства ФРГ, что «зона действий немецкой армии – весь мир», не требует особого комментария.

Одна из особенностей все больше глобализирующегося мира – это безраздельное господство в мировом информационном пространстве западных СМИ, и в первую очередь СМИ США. Суждения о том, что в

современном мире все страны равноправны, а эпоха применения грубой военной силы отошла в прошлое, несмотря на всю свою ослепительную банальность, по-прежнему прикрывают истинные цели эгоистичной и насквозь прагматичной политики американского государства, руководствующегося единственной догмой – сильный всегда прав. И только этим можно объяснить столь широковещательное и амбициозное заявление вчерашнего министра обороны США о том, что армия США способна не только продолжать борьбу с террористами в Ираке и Афганистане, но одновременно противостоять всем угрозам безопасности страны как на континентальной ее части, так и за пределами оной. Но, очевидно, способна и перевернуть мир с ног на голову, если вдруг покажется, что так он будет выглядеть, на их взгляд, более демократичным.

Как-то я записал в свой блокнот мысли двух специалистов – известного классика военной науки К.Клаузевица и писателя-историка П.Межерицкого – автора книги «Читая маршала Жукова»:

«Мне много приходилось заниматься историями войн, и во все времена я видел одно: современники относили войну в неопределенное время, тогда как она уже стояла у порога их стран» и «Цивилизация – не сборище государств-шаек. Тогда-то и шатается мир и готов пасть, когда к власти приходят бандиты с пещерным мировоззрением, а договорные принципы, заложенные в основу цивилизации, обманываются этими террористами от политики».

Кто может сегодня гарантировать, что ни одна из этих возможностей не исполнится в реалии именно тогда, когда ты менее всего ожидаешь этого?

Всего только и понадобилось для начала войны в Ираке, как найти удобный повод – наличие у диктатора оружия массового уничтожения и связей с международной сетью террористов. Ни того, ни другого, как известно, не нашлось, но война, начавшись, остановиться уже не может, и ее организаторам и вдохновителям еще предстоит пожать плоды своей авантюры.

И еще об одном сюжете.

В начале октября Совету по внешней и оборонной политике (СВОП) был представлен доклад Трехсторонней комиссии, посвященный нашей стране.

По мнению авторитетных западных дипломатов и экспертов, Россия сейчас находится в наиболее благополучном состоянии, чем когда-либо в истории, но «парадоксальным образом ее экономические успехи совпали с охлаждением в отношениях с Западом. И одна из причин – сохранившееся предубеждение к нашей стране, в том числе «связанное с не исчерпанным до дна сталинским наследием». «Предубеждения есть, но если их подогревать, то они сыграют разрушительную роль» – такой вывод сделал один из авторов доклада, бывший посол Великобритании в России сэр Родерик Лайн.

В связи с этим не могу обойти вниманием реакцию некоторых западных СМИ на ставшее уже традицией общение президента России с гражданами страны, его ответы на их вопросы этой осенью.

В каждой стране лидеры практикуют свои формы общения с населением, у каждого свой стиль выступления, свои способы донесения до людей того, что они считают нужным и необходимым в тот или иной ситуационный момент.

Президент США регулярно выступает в конгрессе, но всегда уверен, что его в этот момент слушает весь мир. «Сегодня Америка вновь обращается ко всему миру!». Так, например, прозвучали первые слова его второй инаугурационной речи.

Наш президент, помимо ежегодных посланий к парламенту, активно использует расширенные пресс-конференции для российских и зарубежных журналистов и ежегодные же «прямые линии» для граждан. Наиболее важные заявления и комментарии к событиям звучат, как правило, здесь, и они дают хорошую пищу для размышлений как журналистам, так и политикам.

Не сравниваю, констатирую факты – не хуже, не лучше, просто по-другому. Но думаю, что для нашей страны, раскинувшейся на 9 часовых пояса, и населения, не очень избалованного комфортабельными условиями для жизни, весьма важна возможность непосредственного общения с главой государства, и 2 миллиона заданных ему вопросов в последней «прямой линии» все-таки говорит о многом.

Такой своеобразный градусник, на мой взгляд, плохо ли – хорошо ли, но позволяющий измерять температуру общественного организма – настроение населения страны.

Чего же здесь дурного? Почему вдруг одновременно, как по мановению дирижерской палочки, ряд западных СМИ весьма критично отозвался об этой акции?

На это, конечно, можно было и не обращать внимания – как говорится... а караван идет... но, как справедливо отмечает Александр Рар, один из ведущих экспертов по вопросам внешней политики, у простых людей на Западе, не имеющих объективной информации о России, таким образом и формируется неверное представление о нашей стране. Внушается мысль, что был реализован тщательно разработанный сценарий некоего действия, в котором участвуют специально отобранные люди, и все это напоминает советские времена. Правда, о каком советском времени они вспоминают, не совсем понятно – вряд ли кто сможет припомнить что-то подобное в практике общения советских руководителей с населением страны... Впрочем, европейцы всегда были уверены, что они лучше нас самих знают Россию.

А между тем именно в процессе этого беспрецедентного по своим масштабам общения президента с миллионами российских граждан прозвучало то, что от него, как он, очевидно, чувствовал, ждали, – слова о своем постпрезидентском бытии: *«Конституция... не дает мне права баллотироваться третий раз подряд. Но, даже утратив властные полномочия и рычаги президентской власти, я думаю, что, не подгоняя Основной закон под свои личные интересы, мне удастся сохранить самое главное, чем должен дорожить человек, который занимается политикой, – ваше доверие. И, используя это, мы с вами сможем*

влиять на жизнь в нашей стране и на то, чтобы гарантировать ее развитие поступательным образом, с тем чтобы оказывать влияние на то, что происходит в России».

Кем будет Путин после 2008 года?

Гадание на эту тему считаю бессмысленным, им сказано главное: у России будет другой президент, и российскому обществу и миру послан четкий о том сигнал.

Как на это среагирует наши общество и элита – большой вопрос

И то, что президент стремится в оставшееся время как можно больше сделать из задуманного, одновременно проверяя дееспособность и эффективность работы людей своего ближайшего окружения, очевидно.

Так что ближайший год будет не просто динамичным, а насыщенным различными политическими коллизиями, и мы, несомненно, станем свидетелями и участниками немалых остросюжетных событий.

В. Гусев.

Ушел из жизни Аркадий Иванович ВОЛЬСКИЙ – член редакционного совета «Вестника», видный государственный и общественный деятель, человек светлого ума, сильной воли и высоких нравственных качеств.

В начале этого года он писал в связи с пятилетием нашего издания: «У англичан есть пословица: «Самое главное – понять, в чем состоит твой долг. Выполнить его легче легкого». Журнал... как раз и предназначен для того, чтобы помочь понять». Независимый и компетентный взгляд на проблемы политики, экономики и социальной сферы, подчеркивал он, необходим не только власти и бизнесу, но и всем, кому небезразлична судьба Отечества. И далее: «В установлении ... взаимной ответственности заинтересованы сегодня все. Во всяком случае, это моя позиция».

Он считал, что умение спланировать и сообща преодолевать возникающие трудности – главное, что могут противопоставить деятельные и ответственные люди вызовам времени и обстоятельств.

Сам он именно этим и руководствовался на протяжении всей своей жизни – и на высоких партийных постах, и в «горячих точках» страны, и организуя вместе с другими политиками Движение демократических реформ, и создавая в начале 1990-х Российский союз промышленников и предпринимателей, внесший в последующие годы весомый вклад в развитие социально-экономических и общественных процессов в стране.

Это была сильная и авторитетная организация, к слову которой прислушивались и с мнением которой считались.

Аркадий Иванович был глубоко убежден в том, что взаимоотношения бизнеса и власти должны строиться на базе конструктивного сотрудничества и понимания своей взаимной ответственности перед обществом. Политики и деловые круги, говорил он, должны уметь договариваться – без этого нельзя добиться серьезных и устойчивых успехов ни в политике, ни в экономике. И сам умел слушать и вести диалог, располагать к себе аудиторию, завоевывать симпатии людей, стоящих даже на других позициях.

Но помнят его и другие, которым он однажды сказал: «Я знаю, что единственный способ заставить вас внимать моим словам – это говорить то, что от тебя хотят услышать. Но я всегда говорил то, что думаю. Камердинером не был и не буду. И фигу, при необходимости, показываю не в кармане».

Он умел быть разным – и добрым, улыбчивым, и твердым, решительным, но всегда – самим собой. Человеком, знающим, в чем состоит его долг.

Замечательный пример оставил он всем нам на прощание и на долгую о себе память.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАК ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЗАДАЧА

На этот раз приглашенный редакцией в качестве эксперта статс-секретарь, заместитель министра Министерства экономического развития и торговли РФ Андрей Владимирович ШАРОНОВ предпочел статью беседу, которая и состоялась в его рабочем кабинете в начале ноября с.г.

Ю.Поройков. В последнем Послании Федеральному Собранию президент России назвал две важнейшие проблемы и два фактора роста в экономике: диверсификационная политика и инновационный климат. Он же подчеркнул в передаче «прямой линии» с гражданами России, что успехи или неудачи любой страны в современном мире определяются, прежде всего, тем, что происходит в экономике. И одним из главных, основных показателей самочувствия экономики являются темпы экономического роста.

Вот об этом я и предлагаю поговорить более подробно.

А.Шаронов. Давайте начнем с диверсификации. Сама проблема возникла из недовольства структурой экономического роста. Скажем так – с вопроса, за счет чего мы растем с точки зрения структуры валового продукта и компонентов экономического роста? Как известно, с 2000 до 2005 года ускоренными темпами развивалось в основном производство нефти, газа и нефтепродуктов. Там же, в этом росте, «сидели» металлы и удобрения, хотя их доля была небольшой. А традиционное машиностроение и, тем более, высокотехнологичные сферы росли незначительно. Замечу, промышленный рост у нас всегда был ниже, чем общий рост ВВП, и главным двигателем развития был рост конечного потребления и инвестиций.

Мы понимали, что такой рост обусловлен самой конъюнктурой спроса на наши основные товары экспорта. Он чрезвычайно неустойчивый, и в книге Гайдара «Долгое время» рассказывается о печальном опыте страны, которая поставила все свои долгосрочные программы на непредсказуемый источник финансирования. И, к слову сказать, создание Стабилизационного фонда – это страховка от того, чтобы зало-

житься на эти, как их называют на Западе, «принесенные ветром деньги» в своих долгосрочных обязательствах, таких, как заработная плата, пособия, пенсии и долгоиграющие, многолетние проекты.

Исходя из оценки ситуации и возникла идея диверсификации, в том числе и инноваций. На самом деле эта идея не новая даже для нас, о ней говорили в 1980-х годах – тогда она называлась «научно-техническим прогрессом», говорили и в 1990-е, и в 2000-е годы.

Что же мы имеем сегодня? Во-первых, изменение структуры роста. Прежде всего, уменьшилась доля доходов от нефтегазового сектора. Более того, по данным Министерства финансов, дополнительное увеличение цен на нефть в один доллар дает очень небольшое приращение валового внутреннего продукта. Это говорит о том, что снизилась наша чувствительность от колебаний этого фактора, и о том также, что у нас появились другие источники, которые в некотором смысле компенсируют падение факторов роста от нефти и газа, а с другой стороны, являются более устойчивыми и, возможно, даже ациклическими. Для нас важна эта ацикличность, чтобы по мере вхождения в фазу цикла, сопровождающегося снижением цен на нефть и газ, у нас появились другие источники, которые бы росли в это время. И тогда мы балансировали бы наш бюджет.

Теперь о формах этой самой диверсификации. Сколько ни говори «халва», во рту сладко не будет – это, пожалуй, лучшая характеристика 1990-х годов. Нам, по большому счету, тогда не удалось создать сколько-нибудь серьезные государственные инструменты, стимулирующие диверсификацию. Мы пытаемся создать их сейчас, и, кстати, в этой связи инновацию я бы рассматривал как один из способов диверсификации, т.е. экономика может диверсифицироваться за счет несырьевых секторов, в том числе и инновационных.

Кстати, в 2004–2005 годы рост такой отрасли, как телекоммуникации, был выше 30%. Это типичный пример потенциального локомотива роста, который никак не связан с конъюнктурой на нефть и газ, он является высокотехнологичным – услугowym сектором, а не товарным, что тоже признак высокоразвитой экономики, когда сектор услуг и больше, и растет быстрее, чем товарный сектор. Но, к сожалению, доля этого сектора ВВП настолько мала – меньше 5% в ВВП страны, что эти 30% роста погоды не сделали.

Об инструментах. Их можно разделить на общеэкономические и отраслевые. К первым, стимулирующим рост вообще, я бы отнес налоговую политику. Притом, что мы долго дебатировали и жаловались на нашу налоговую систему, она у нас объективно становится достаточно современной и достаточно либеральной с точки зрения общей нагрузки на экономику.

Ю.П. А споры не умолкают и сейчас. Теоретически – нагрузка уменьшилась, практически же...

А.Ш. Мы еще дойдем до этого. Итак, первый фактор – снижение налогов. Был снижен налог на прибыль, расширен перечень расходов, которые можно включать в себестоимость, в том числе, что очень важно, – расходы на НИОКР. Раньше они должны были быть увязаны с положительными результатами, т.е., если вы что-то тратите на НИОКР и вам не повезло, то вы потратили это из своей прибыли, а если повезло и НИОКР состоялся, то только в этом случае вы можете отнести это на себестоимость, но лишь часть и лишь в течение двух лет. Сейчас эта ситуация поменялась.

Социальный налог тоже был снижен. Если же говорить о налоговом администрировании, то оно весьма и весьма неудовлетворительно, с этим я абсолютно согласен. Но надо правильно диагностировать: мы в принципе создали более или менее приличное законодательство в этой сфере, и теперь все усилия надо бросить на правоприменение, т.е. на практику работы налоговых служб, на защищенность налогоплательщика – с одной стороны, и государства – с другой. Чтобы при неправомерных действиях любой из сторон как через судебную защиту, так и административные досудебные процедуры, можно было бы доказывать свою правоту. Здесь по-прежнему остается тяжелой ситуацией с НДС.

Два дня назад я участвовал в заседании Стратегической рабочей группы между Россией и Германией как сопредседатель, и там один из руководителей российского предприятия со стопроцентным немецким капиталом «Риттер Шпорт» (делает известные шоколадки) в красках живописал, как их насилуют (другого слова не подберу) налоговые инспекции. Им не только не выплатили деньги в соответствии с решением Высшего арбитражного суда – они теперь не вылезают из проверок, теряя очередные миллионы. Такой вот своеобразный сигнал-предупреждение инвесторам о не очень хорошей погоде на российском рынке.

Ю.П. Нет ли в самих законах, актах, инструкциях удобных щелей для того, чтобы все, о чем вы рассказывали, происходило? И написаны многие из них с такой иезуитской сложностью, что и не всякий специалист разберется.

А.Ш. Специалист просто обязан разбираться в законах. Но отчасти я с вами согласен. На уровне подзаконных актов допускается такое дискреционное применение, когда я могу прочитать так, а могу и наоборот. У меня всегда есть «вилка», и я единственный судья по этой «вилке».

Ю.П. В этих «вилках», видимо, и находится коррупционная составляющая. Неужели так уж сложно выявить ее на том или ином этапе?

А.Ш. Третий год мы занимаемся административной реформой, третий год вычищаем документы. И, погружаясь в тему, видишь, насколько не защищен потребитель. Даже если вы попадаете в суд, который готов объективно разобраться в ситуации, сделать это, оказывается, непросто – отсутствуют ориентиры для того, чтобы оценить, на-

сколько законно или незаконно поступил чиновник. То ли служебное рвение, то ли корыстный интерес... Если вам нужен паспорт и вы получаете его три месяца, то суд не найдет нарушений в действиях паспортистки, потому что у нас это нигде не зафиксировано.

Ю.П. Та же самая беда была и в советское время. Законы были неплохие, но подзаконные акты их просто зачастую перечеркивали. Почему же мы не запрещаем сочинять чиновникам процедуры, которые порой сводят на нет и дух, и букву закона? Помнится, был разговор о необходимости большего числа законов прямого действия.

А.Ш. Нельзя смешивать два вопроса. Это традиции законодательства, связанные, в том числе, еще и с вопросом компетенции: здесь – компетенция законодательной власти, там – исполнительной, а эта – делегируется на уровень подзаконного акта. И не потому, что я не хочу это в закон помещать, а потому, что по закону данная норма должна регулироваться вот на таком уровне. Пытаться все затолкать в закон – дело невозможное и непрактичное и потому еще, что существуют нормы, которые требуют частого пересмотра, и законодательный орган не в состоянии будет это сделать. Так что иного выхода здесь, как регулярно и методично отслеживать соответствие подзаконных актов законодательству, я лично не вижу.

Ю.П. Кто же это будет делать?

А.Ш. Ну, вообще-то у нас есть и Конституционный суд, рассматривающий на предмет соответствия конституции все остальные правовые акты. И Комиссия по административной реформе тоже сейчас этим занимается, в частности, отменой большого количества актов, приведением в соответствие полномочий ведомств, которые они себе приписывают, действующему законодательству.

Здесь нет универсальных решений. Я пришел только что из Думы, где представлял закон о кадастре объектов недвижимости. Вот позиция коммунистов: зачем вы пишете такие длинные законы, где сам черт ногу сломит? Вы туда закладываете всякие разности, чтобы удобнее было брать деньги. Законы должны быть на одной странице, три статьи, не более, и т.п. Таким был сталинский подход. Он считал, что все хорошее просто. Наверное, законы в три статьи могут работать, но только при условии, если третья статья гласит о расстреле. Есть и такая модель государства, и мы жили в такой модели. Думаю, никто не хочет вернуться в те времена, даже те же коммунисты. Поэтому остается одно – тщательно прорабатывать принимаемые законы и следить за их выполнением.

Почему у нас многое не получается? К сожалению, мы потеряли 80 лет в эволюционном развитии институтов. В свой время на меня произвела большое впечатление книга Хайека «Пагубная самонадеянность», а сейчас я читаю не менее интересную книжку «Экономическая теория институтов», где его довольно аргументированно критику-

ют. Но Хайек высказал, на мой взгляд, блестящую мысль: человек не может выдумать тот или иной институт, это продукт эволюции. Все, что мы выдумываем, как правило, или корректируется, или отвергается практикой, потому что институты складываются из вековых традиций взаимоотношений между людьми. Люди эволюционно подошли к тому, что рынок – это место, где сталкиваются спрос и предложение.

И вот что в связи с этим я хотел бы подчеркнуть: мы должны «прожить» эти пропущенные 80 лет, должны получить опыт – и должного прописывания законов и нормативных актов, и общественного и государственного контроля за их исполнением в новых реалиях. Замечу, кстати, когда пишешь процедурный закон (мне пришлось это делать – недавно вышел закон по закупкам), невозможно прописать сразу все процедуры. Только когда начнешь по нему работать, понимаешь, где какая нестыковка, почему не работает закон...

Ю.П. Вы знаете еще – почему? В этом же номере «Вестника» публикуется статья об административной реформе, точнее, о ее предварительных неутешительных итогах. Речь там о том, что государственных функций мировая практика насчитывает от 5 до 12, у нас же их более 5 тысяч.

А.Ш. Всего 5, из них 2 тысячи – ненужных.

Ю.П. Так вот, по словам автора статьи, отсюда многое вытекает, в том числе и то, о чем мы с вами сейчас говорим, – невероятное множество подзаконных актов. Согласны с этим?

А.Ш. Конечно, согласен. Проблема в том, что и функции-то лишние, в том числе и те, которые не присущи государству, а часть из них вообще должна спускаться ниже, совсем на другие уровни.

Ю.П. Там великое множество чиновников, вынужденных часто придумывать для себя занятия.... То есть то, что названо государственными функциями, является всего лишь видами работ. Чья хитрая голова это придумала и почему эту подмену понятий мы принимаем за норму?

А.Ш. У нас исторически византийское отношение к государству. То есть наша концепция – государство от бога. И ты не можешь со своей позицией лезть и задавать ему всякие дурацкие вопросы: а зачем оно? Оно от бога. И потому трудно требовать от него оказания конкретных услуг за конкретные деньги. Может, что-то будет делать, а может – нет. Вот почему мы и пытаемся перейти к другой модели государства, к сервисной модели, когда государство – один из общественных институтов с очень четко определенной компетенцией, причем не безграничной. Государство – не про все, оно только про то и про это. И оно подотчетно, оно говорит, как оно выполняет эти функции и за какие деньги. И мы можем оценивать то, что называется эффективностью. Могли ли мы когда-нибудь раньше оценивать свое государство с позиции эффективности его работы? Нет, конечно! Даже думать так не могли. Этого не было ни в царские времена, ни в социалистические. У нас просто

другая историческая традиция. И, конечно, она мешает нам жить. И думать правильно тоже мешает.

Но вернемся к вопросу о диверсификации. К настоящему моменту создано и уже работает несколько важных институтов. Прежде всего, это программа поддержки несырьевого экспорта. Уже третий год правительство финансирует программы поддержки машиностроительного, высокотехнологичного экспорта, которые предполагают две формы поддержки экспортерам: субсидирование процентной ставки при сделках либо предоставление правительственной гарантии при экспортной сделке.

Мы пытаемся сделать то, что делает, например, Экспортно-импортный банк США, который сопровождает своих производителей на чужих рынках, облегчая им конкуренцию. Это типичный, удачный в перспективе, на мой взгляд, пример, когда мы стимулируем диверсификацию.

Что касается еще других форм, я бы упомянул Российскую венчурную компанию как инструмент содействия инновациям. Это стопроцентное государственное акционерное общество, уставной капитал которого в течение двух лет должен быть увеличен до 15 млрд. рублей, это – заметная сумма.

Сама эта компания не будет выбирать бизнес-инвестиционные, которые нужно проинвестировать, что принципиально важно, потому что это – коррупционная схема. Она будет выбирать только управляющие компании, и выбирать их на основе их послужного списка, потому что это должны быть успешные компании, и по принципу, что большую часть инвестиций они должны принести с рынка. Дальше венчурная компания будет покупать 49% в венчурной инновационной частной компании, где 51% будет частных инвестиций, и управлять ими как раз будут эти управляющие компании, стоимость которых должна быть от 1,5 до 3 млрд. рублей. И вот они уже будут отбирать компании – биотехнологические, нанотехнологические, живые системы и т.д., в которые будут вкладывать деньги. Таким образом, мы сможем поддержать от 80 до 120 компаний. И после этого государство, если опыт будет удачным, должно уйти с этого рынка. То есть мы создадим правила, инфраструктуру, а дальше уже частники продолжают дело. Мировой опыт убедительно доказывает эффективность подобного подхода.

Большую роль должны сыграть в нашей экономике особые экономические зоны, технопарки, промпарки. Здесь тоже все строится на принципе частно-государственного партнерства – государство делит риски с частными инвесторами. И это тоже мировая практика. Чиновник никогда не будет так относиться к государственным деньгам, как частник – к своим. Такова человеческая природа, ее не обманешь.

Инвестиционный фонд. Детализировать не стану, сейчас об этом много говорится, но в первые семь проектов, скажем, в рамках этого фонда – вкладывается более чем 700 млрд. рублей инвестиций, из них

только 140 – государственных, причем все они предназначены для инфраструктурной части проекта, которая сама по себе обладает определенным мультипликативным эффектом, т.е. естественным образом порождает новые коммерческие проекты.

Думаю, что достаточно о диверсификации и инновациям, теперь – о соотношении макро- и институциональной политики...

Ю.П. От чего зависит успешность проектов? И сколько потребуется времени для их реализации? Что вообще мешает нам двигаться быстрее?

А.Ш. Когда вы задаете такой вопрос, то вы подспудно, очевидно, верите в то, что государство может реализовать несколько проектов, которые перевернут мир. Есть у вас такая вера, да?

Ю.П. Увы, нет у меня такой веры. Я считаю, что мы очень медленно движемся, мы потеряли 15 лет, у нас времени нет. И, кроме того, меня пугает грандиозность проектов. Я недавно прочитал о том, что собираются строить в Подмосковье и Санкт-Петербурге гигантские кольцевые дороги, разные «золотые мили» и «золотые города» с крепостными стенами вокруг и прочие дивности стоимостью во многие миллиарды рублей.

А.Ш. Но это частные деньги...

Ю.П. В том-то и дело, что там кое-где и бюджетные участвуют.

А.Ш. Не знаю, я об этом не слышал. Думаю, это не очень точные сведения. А по существу вопроса скажу так: мне как человеку, в эти процессы вовлеченному, очень хочется получить результат. Я все чаще и чаще задаю себе вопрос: что я здесь делаю? Все продвигается очень медленно, много, чересчур много, неудач... Ради чего все это? Поэтому, конечно, я хочу, чтобы все быстрее получилось, чтобы я хотя бы для себя мог ответить на эти вопросы. Но я не согласен с тем, что нами потеряно 15 лет. Мы за эти годы совершенно другими стали. Совсем недавно мы и вообразить себе не могли вещи, которыми сейчас нормально оперируем на рынке. Но, повторю еще раз: вот эти 80 лет мы должны, по крайней мере, в своих мозгах, прожить, эту эволюцию через себя протащить, если можно так выразиться.

В начале перестройки мне было 24 года, и тогда мыслил я совершенно иными категориями, чем сейчас. И я все-таки более-менее подготовлен в силу своего образования и уже накопленного опыта к переменам, а что говорить о простых людях, которые оказались в совершенно других и во многом чуждых для них условиях жизни? Пришлось приспосабливаться и элементарно выживать, кто как мог. Так было, и это нельзя забывать. Да, с точки зрения материального результата, мы потеряли эти 15 лет, но у нас появилась новая категория людей, которые знают, чего хотят, и умеют добиваться поставленных целей. И этому поколению придется решать новые, еще более трудные задачи, потому что все круче становится спираль развития, на которую нацелилась наша страна вслед за всем цивилизованным миром. Мы должны отдавать себе отчет в том, какие трудности нас поджидают на каждом следую-

щем шаге, и понимать, что сегодня нельзя требовать, чтобы мы завтра стали похожими на, хотя бы, Польшу, а послезавтра – на Германию, а через неделю – на Америку.

Ю.П. Говоря о сроках, я имел в виду мировой опыт вывода из кризисного состояния крупной страны, например, тех же США: им всего пять лет понадобилось, чтобы выйти из депрессии 1929 года.

А.Ш. США – неудачный пример. Там был серьезный кризис, но никуда не делись те предприниматели, фермеры и наемные работники, которые работали в этой потогонной системе. Там сломались институты, а носители сохранились. У нас – три поколения наемных работников, которых государство нещадно эксплуатировало и которые думали, как обмануть государство...

Ю.П. У вас, я имею в виду ваше ведомство, немало оппонентов. Далеко не все согласны не только с тактическими решениями, но и оспаривают в целом концепцию экономического развития, которой вы придерживаетесь. Г.Явлинский считает, например, что из двух разделов экономики – макроэкономики и институциональной экономики – выбрана была Гайдаром и продолжается сейчас макроэкономическая регуляция, вместо того чтобы заниматься институциональной политикой, больше предназначенной, по его мнению, для страны, ориентирующейся на природные ресурсы. В этом он видит ключевую ошибку реформ, ведущую к самому необратимому отставанию. «При таком способе развития, – считает он, – это отстающий, догоняющий, в данном случае уже даже не догоняющий, а просто системно отстающий тип развития» («Эхо Москвы», 18.10.06).

В последнее время появился ряд публикаций о явно заниженных темпах инфляции. По оценкам С.Глазьева, реальная инфляция на 3–4% больше, чем заявляет правительство, а значит, на столько же должны быть снижены и темпы экономического роста. М.Хазин считает, что на самом деле ситуация совсем не та, что показывает дефлятор ВВП. «Если дефлятор ВВП (далее – инфляцию) слишком сильно занижить, то автоматически завышается экономический рост, – пишет он. – Грубо говоря, рост номинального ВВП нужно разделить на две составляющие – инфляцию и экономический рост. Если завышать инфляцию – то будет уменьшаться рост. И – наоборот» (КМ.RU.Бизнес, 12.11.06).

То есть вас упрекают в том, что вы инфляционный рост переносите на экономический...

А.Ш. Что ж, давайте разбираться по порядку – по мере поступления, так сказать... Скажу сразу: я не приемлю противопоставления макроэкономической политики и институциональной политики. Это все равно что противопоставить человека вымытого и грамотного, т.е. или вымытый, или грамотный. Это неправильное противопоставление. Можно заниматься и макроэкономикой, и институциональной экономикой. Более того, я вам предложу еще и другое измерение: говорить

не как о некоей альтернативе, которую правительству надо выбирать – не институциональная и макро, а институциональная и инвестиционная политика. Сегодня это более актуально, правительство сейчас чаще в этих терминах говорит.

Макроэкономика – это как условие общей личной гигиены, она должна быть при любой погоде, кем бы вы ни были – учителем, певцом, рудокопом – вы должны заниматься личной гигиеной, тогда вы сможете делать все остальное. Так и здесь: вы можете заниматься институтами, инвестициями, воспитанием людей, строительством армии только тогда, когда у вас есть приемлемые макроэкономические показатели. В противном случае вы уже ничем не будете заниматься, кроме макроэкономики, как это было в 1998 году, когда мы все бросили и только пытались как-то выжить. Поэтому нельзя, на мой взгляд, упрекать правительство в том, что оно пытается соблюдать границы макроэкономики.

В развитых экономиках вы попадаете в другой мир, в котором вам не нужно такие вот кульбиты совершать, чтобы понизить стоимость денег, придумывать субсидированные процентные ставки, чтобы запустить ипотеку или еще что-то. Вы просто идете в банк, берете там деньги под 5% годовых и нормально делаете инвестиционный пятилетний проект. В 12-процентной экономике с 12-процентной ставкой вам нужны фантастические усилия совершить, чтобы понизить стоимость денег, чтобы хоть как-то склеить этот проект. Проекты свыше 3–4-х лет вы вообще не обсуждаете, потому что они никогда не окупаются при такой стоимости денег. Или же у вас должна быть фантастическая доходность, а если вы не бандит и занимаетесь чем-то легальным, то такой доходности у вас не будет.

Поэтому когда мы говорим, что инфляция очень важна, мы видим экономику с очень доступными деньгами, которые являются естественным условием для экономического развития.

Я считаю, что наше министерство только и делает, что занимается институтами. Если институты плохие, то это наша проблема в том числе. Если говорить о реформах, то реформа естественных монополий, финансового сектора, включая банки и страховые компании, реформа социальной сферы – образования, здравоохранения, – корпоративное управление, банкротство, бухгалтерский учет, прозрачность, законодательство об акционерных обществах и товариществах и т.д. – все это суть институты. И мы сейчас пытаемся это выстраивать, параллельно приучая людей, параллельно корректируя, потому что, как я уже говорил, нельзя сразу все делать, мы этого всего еще не пережили, мы это во многом делаем с чужих слов, с чужого опыта, и приходится многие вещи менять по ходу дела.

Мы стартовали с почти полным отсутствием институтов в начале 1990-х годов, а сейчас у нас они есть. Есть банковская система, да, она родилась вообще из расчетных корпоративных центров, это не банки

были, а просто кассы, вынесенные за ограду предприятия и проводившие одну из функций банка – расчетную. Но они уже начинают кредитовать экономику. Страховая система возникает, развивается ипотека, тоже базовый институт. Вот что писал, например, Де Сото: главное отличие бедных стран от богатых в том, что одни видят в имуществе актив, а другие нет. И анализируя, сколько денег проходит через оба типа стран, показывает, что объемы сопоставимы, просто в одной они задерживаются, а в другой, как сквозь сито вода, уходят. Поэтому институт недвижимости, кадастра – это все создается сейчас. Меняется и система регистрации, хотя претензии к ее работе не прекращаются – здесь много ненужных узлов завязано, это, к сожалению, так.

Ю.П. Вам не кажется странным, что мы сначала все приватизировали, а потом стали создавать институты?

А.Ш. Не кажется. Наверное, если бы мы были умней и были бы не в первый раз в жизни в такой ситуации, то могло бы быть по-другому. Я склоняюсь к той точке зрения, что если бы мы этого не сделали, у нас бы просто категории людей не появилось, которой это все нужно. Я плохо себе представляю бывших руководителей советских министерств или даже компартии на этой площадке и в этой роли – им это даже внутренне не было нужно. Если у меня есть собственность, за которую я боюсь, то я из штанов выпрыгну, чтобы как-то ее защитить. А если это некая умозрительная конструкция, которую я строю для светлого будущего, когда большинство людей осталось наемными рабочими, когда им ничего не принадлежит, – у них даже в мозгах не уместится, какая там к чертовой матери регистрационная палата. Вы мне дайте зарплату, и чтобы колбаса была. Это совершенно другая ментальность.

Поэтому, может быть, можно было научиться плавать, и не наливая в бассейн воду...

Ю.П. Но вот ведь даже Милтон Фридман – гуру молодых реформаторов, как его называют, узнав, что Чубайс с Гайдаром отпустили цены и при этом не компенсировали доходы населения, заметил не без сарказма: «Да... Эти мальчишки, наверно, хорошо в детстве кушали».

А.Ш. Я просто мировоззренчески пытаюсь смотреть на ту опцию, которую вы предлагаете. Наверное, было бы прекрасно, если бы мне, пришедшему на работу, сказали: «Институты все готовы, давай поуправляй. Вот тебе собственность, вот тебе ваучер, вот это ты можешь себе купить, и вот тебе сразу блестящий суд, который тебя от рейдеров и рэкетиров защитит. А вот блестящий банк, который тебе под три процента сразу даст на двадцатилетний проект. Да и сам ты уже, старичок, менеджером стал, знаешь, как это делать». Эта опция, к сожалению, не работает. Я в той ситуации даже не понимал, как вообще предприятия работают, откуда что берется, кроме как из Госплана и Госснаба. А о том, что я не просто должен произвести, а должен понять сначала, кто это у меня купит, а только потом производить, я уже вообще не говорю.

На заре перестройки, году в 1989-м, один американский бизнесмен сказал мне: «Знаешь, чем отличается завод от фирмы? Для завода главное – произвести, а для фирмы главное – продать». И сейчас, когда наши оппоненты кричат, что мы разрушили заводы, они ничего не выпускают, правда в том, что многие заводы должны были быть разрушены, потому что то, что они выпускали, вообще не должно было появляться. И когда нам говорят, что мы не тем занимаемся – институтами какими-то, производством лучше займитесь, я вспоминаю еще один пример. В XIII веке в Германии 75% населения занималось сельским хозяйством, ничего не продавали и не экспортировали. Сейчас 1,4% населения Германии производит столько продуктов, что их некуда девать, излишки в землю закапывают. А правда, повторяю, в том, что структура экономики поменялась, и не заводы сейчас главное. Мы еще этого понять не можем, даже на очень высоком уровне. Совершенно другие экономические ценности появились, мы ими должны заниматься, в них основная добавленная стоимость, а нас постоянно разворачивают в сторону заводов, которые пережили свою молодость еще в XIX веке. Это надо понять, в том числе, кстати, и «инвестиционщикам», в отличие от «институциональщиков».

Есть гипотеза, которая говорит о том, что государство, особенно на таком пике притока валюты, на котором мы сейчас находимся, должно выступить локомотивом и насаждать инвестиционные проекты в ключевых отраслях. (Правда, что такое «ключевые», это тоже вопрос, потому что, как писал Аркадий Гайдар в своей книге «Чук и Гек»: «что такое счастье, каждый понимает по-своему».)

Мы начали вкладываться в инвестиции, но обговариваем при этом множество условий: что это должна быть меньшая часть от частных инвестиций, частник должен первым рисковать своими деньгами, что это должны быть инвестиции не в прибыльные проекты – это без нас, это только частник. Это должны быть инвестиции в характерные для государства активы и функции – дороги, мосты и т.д., – которые либо никогда не окупаются, либо окупаются очень долго, поэтому бизнес их не построит и т.д. Поэтому я здесь тоже не вижу непримиримых противоречий между «инвестиционщиками» и «институциональщиками» внутри государства. Истина, таким образом, и здесь находится посередине.

Теперь о ВВП. Мне кажется, что здесь спор, скорее, понятийный. Мы исходим из оценки роста ВВП в сопоставимых ценах. Смешно было бы, если бы мы закладывали рост стоимости товаров. Поэтому, когда мы говорим, что рост 6,6%, то это очищенный от инфляции рост. Мы действительно в сопоставимых ценах создали больше добавленной стоимости, чем в прошлом году. А если говорить, что мы считаем инфляцию с ошибками, может быть, надо смотреть внимательнее на структуру потребительской корзины. Мы же сравниваем инфляцию по потребительской корзине, как базовую потребительскую инфляцию, но у нас есть

еще куча других инфляций. Мы можем говорить об индексах-дефляторах, там структура этой продуктовой корзины будет совершенно другая, если мы берем инфляцию в строительстве, в промышленности.

Ю.П. Если не считать хлеб вместе с трубами...

А.Ш. Нет, так никто не считает. У нас есть отдельно индекс роста цен в промышленности, и там никакого хлеба нет.

Ю.П. А в промышленной сфере инфляцию очень трудно установить, там другие совершенно показатели. И часто они занижаются, министерству удастся лавировать. Что касается потребления, то мы с вами живем на земле и имеем возможность убеждаться, что цены совсем не те, которые по статистике.

А.Ш. Я не буду комментировать тему искажения статистики, просто хочу сказать, что нам с вами, живущим в Москве, цены кажутся такими, а если за МКАД выехать или в каком-то областном городе – там совсем другие цены. Поэтому мы берем агрегированные показатели, которые немножко отличаются от личных ощущений.

Ю.П. Это большой вопрос, и я лишь хотел сказать, что существует недоверие к властям, к статистике, которую нам преподносят в удобной упаковке. Как побудить людей поверить в то, что что-то делается в этом смысле? Даже я, достаточно подготовленный человек, не могу избавиться от ощущения, что жизнь идет сама по себе, экономика – сама по себе, а правительство, министерства – сами по себе. Во многих подмосковных городах и поселках как заводы легли в начале перестройки, так и лежат там же. В том же поселке Тучково, в котором я часто летом бываю, рядом с умершим едва ли не в день окончания строительства, как говорят, крупнейшим в Европе заводом по производству линолеума – сегодня несколько десятков торговых киосков и магазинов, большой рынок. А промышленность уже пятнадцать лет как заглушена вместе с сотнями рабочих мест. Вот это чрезвычайно угнетающе действует на многих людей. Что нужно сделать, чтобы не было этого давящего психологически фактора?

А.Ш. На мой взгляд, простого ответа на этот вопрос или рецепта нет. Здесь несколько аспектов, и первый из них, очень важный – это завышенные ожидания. Второй – гиперболизация возможностей власти и ее позитивного влияния на экономику. Третий аспект – это то, о чем мы с вами говорили: эволюция институтов и формирование у населения навыков, квалификации и т.д. Четвертый аспект, связанный со вторым, – это доверие к власти.

Наше византийское отношение к власти фантастически сочетает в себе ее обоготворение с полным игнорированием, неуважением и неверием. Мы прилюдно как бы поклоняемся представителям власти, а в душе их презираем, не уважаем и с этим живем. Мы должны как-то подравнять свое отношение, мы должны уменьшить значение власти в своих глазах, но повысить доверие и уважение к ней. То есть нужно по-

нять, что власть – это не про все, что власть – только про это, в этом она компетентна, и надо дать ей возможность это сделать. Я не знаю, будет ли это в нынешнем поколении или только в следующем, но это вещи мировоззренческие, и я слабо верю, что мои родители и даже более молодые люди смогут с этой мыслью смириться.

А что касается изменения институтов, то, как мы уже говорили, на это требуется время. Только с появлением институтов можно вот такие заброшенные заводы, о которых вы говорили, продать более эффективному инвестору, который либо достроит и запустит их, либо снесет и откроет на их месте магазины. Ведь то, что там работают магазины, это как раз неплохо, это отражает то, что именно магазинов у нас не хватало, в отличие от заводов. Почему в Москве все гиперцентры строят на территории бывших заводов? Да потому что не нужно столько таких заводов. Наверное, больно это слышать – еще живы люди, которые на своем горбу вынесли индустриализацию 1930-х годов, включая ГУЛАГ, а им говорят о том, что это уже не нужно. С одной стороны, это кошунство, с другой – реалии. Мир движется в сторону экономики услуг, причем даже услуги уже дифференцируются в высокотехнологичные. То, что раньше производило сто заводов, сейчас производит один завод, и этой продукции хватает даже на экспорт.

Еще к вопросу об институтах – вопрос доверия к власти. Совершенно очевидно, что власть дает очень много поводов не доверять ей, критиковать ее и т.д. Та рента, которую пытаются получить чиновники, говорит о том, что власть по-прежнему доминирует над обществом, строго говоря, незаконно. И пока общество не нашло реальных рычагов, которые снижали бы это доминирование...

Ю.П. Государство часто обманывает, в этом вся проблема.

А.Ш. Да. Но существует еще такое явление – я его назвал первым – как завышенные ожидания. И обещания Явлинского за 500 дней перевернуть экономику, и знаменитая клятва Ельцина лечь на рельсы были всего лишь политическими трюками. Мы же должны понимать, что речь сегодня идет о поколенческих вопросах, которые невозможно транспонировать. Материальную основу всего можно создать относительно быстро, но что делать с мозгами, с сознанием, психологией людей? Они же так быстро не меняются. Поэтому не нашлось человека, который бы честно сказал: «Ребята, мы столько с вами наколбасили, с ног на голову так все поставили, что эти завалы нам с вами надо разбирать очень и очень долго». Мы всю страну опутали жилищно-коммунальными трубами, большая часть мира уже от этого отказалась, а это все на нас висит, ржавеет и лопается сейчас... Мириться с этим сейчас уже нельзя. То есть многие экономические модели, с которыми мы сегодня продолжаем жить, разорительны для нас. Невозможна ситуация, когда весь мир платит за жилье десятки процентов от своего дохода, а мы в СССР платили 2,5% от своего дохода вместе с электричеством, значит, что-то у нас неправильное

было. И мы должны были честно сказать, что на самом деле мир-то по-другому устроен, и вот этот дом дороже, чем колбаса.

Ю.П. Но мы помним, что в советское время мы получали не больше 30% от реальной заработной платы.

А.Ш. Да, таковым было перераспределение.

Ю.П. А сейчас от процентов тех мы далеко не убежали, а жизнь стремительно дорожает, люди как чумы ждут и опасаются повышения тарифов на коммунальные услуги. Если все так пойдет и дальше, это просто станет катастрофой для подавляющего большинства населения.

А.Ш. Большая часть стран бывшего СССР пережила эту катастрофу в 1992–1993 годы. Власти там не занимались убаюкиванием населения, они честно сказали, что это будет стоить столько и столько. Люди платили до 70% от зарплаты за квартиру... Да, начался рынок. Люди, особенно в возрасте, понимали, что они не могут содержать трехкомнатную квартиру в центре города за такие деньги. Но весь мир живет так. И нам придется жить так же, если мы хотим жить в нормальной, а не в нарисованной в чьем-то пылком или конъюнктурном воображении стране.

Справочные материалы

Инвестиции

В 2006 году Консультативным советом по иностранным инвестициям проведен независимый опрос иностранных инвесторов об инвестиционной привлекательности России. В исследовании приняли участие 155 зарубежных компаний различных отраслей экономики, включая финансовую и транспортную. 94% работающих на нашем рынке инвесторов оценивают свой бизнес как успешный и планируют расширять свою деятельность в России в ближайшие годы. 49% опрошенных потенциальных инвесторов планируют осуществить инвестиции в Россию в 2007 году.

По итогам 2005 г. Россия вышла на 6-е место в рейтинге инвестиционной привлекательности А.Т.Кеарнеу, поднявшись с 11-го места и пропустив вперед только Китай, Индию, США, Великобританию и Польшу.

Инвестиционный фонд

Для стимулирования реализации крупных инфраструктурных и инновационных проектов в рамках механизмов частно-государственного партнерства правительством было инициировано создание Инвестиционного фонда. Его основная задача – софинансирование инвестиционных проектов, реализуемых совместно государством и частным бизнесом.

Годовой объем Инвестиционного фонда в 2006 году составит 69,7 млрд. рублей, в 2007 году – 110,6 млрд. рублей, а в 2008 году – 91,4 млрд. рублей.

Проекты Инвестфонда

Правительственной комиссией одобрены 7 инвестиционных проектов. Из них четыре проекта предусматривают строительство платных автомобильных дорог в Московской области и Санкт-Петербурге.

Западный скоростной диаметр – строительство платной скоростной автомагистрали «Западный скоростной диаметр» в Санкт-Петербурге. Инициатор проекта – правительство Санкт-Петербурга.

Строительство Орловского тоннеля под рекой Невой в г. Санкт-Петербурге. Инициатор – правительство Санкт-Петербурга.

Все транспортные проекты реализуются в форме софинансирования в рамках Федерального закона «О концессионных соглашениях».

Строительство скоростной автомобильной магистрали Москва – Санкт-Петербург на участке 15 км – 58 км. Инициатор – Федеральное дорожное агентство.

Строительство нового выхода на Московскую кольцевую автомобильную дорогу федеральной автомобильной дороги М-1 «Беларусь» Москва – Минск. Инициатор – Федеральное дорожное агентство.

Еще три проекта направлены на интенсивное развитие Сибири, Дальнего Востока и Поволжского федерального округа.

Создание комплекса нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов в г. Нижнекамск и производство импортозамещающей продукции нефтехимии. Инициатор – нефтяная компания «Татнефть».

Создание транспортной инфраструктуры для освоения минерально-сырьевых ресурсов юго-востока Читинской области. Инициатор – Горный металлургический комбинат «Норильский никель».

Эти проекты реализуются в форме софинансирования, когда государство из средств Инвестиционного фонда финансирует транспортную и энергетическую инфраструктуру, необходимую для реализации проекта (строительство участков автомобильных и железных дорог, линий электропередач, мостов, сохраняемых в государственной собственности), а бизнес – инвестирует в строительство промышленных объектов.

Доля государства в суммарном финансировании 7 отобранных проектов общим объемом в 667,7 млрд. рублей составит лишь 25% – 164,3 млрд. рублей.

Реализация семи описанных проектов должна принести федеральному бюджету за десять лет 363,7 млрд. рублей налоговых поступлений, обеспечит создание 138,5 тыс. рабочих мест и позволит придать мощный импульс развитию экономики регионов.

Еще ряд перспективных проектов, потенциально достойных получить финансирование из средств Инвестиционного фонда, прошли предварительную экспертизу и находятся в стадии рассмотрения.

Особые экономические зоны

Перспективным механизмом, направленным на поддержку инвестиций в сектор промышленности и инноваций, уже в ближайшем будущем станут особые экономические зоны, резиденты которых получают значимые налоговые и таможенные льготы, а также доступ к развитой инфраструктуре.

В настоящее время создаются шесть ОЭЗ:

Технико-внедренческие зоны – в Зеленограде (микроэлектроника, нанотехнологии), в подмосковной Дубне (информационные и ядерно-физические технологии), в Санкт-Петербурге (высокотехнологичная продукция) и в Томске (новые материалы); *промышленно-производственные* – в Липецкой области (производство бытовой техники) и Татарстане – в Елабуге (производство автомобилей и автокомпонентов, высокотехнологичной продукции, а также нефтехимическое направление).

В 2007 году планируется завершить основные работы по созданию инфраструктуры ОЭЗ: инженерных сетей, включая информационно-телекоммуникационные сети, а также транспортных коммуникаций. Одновременно предусматривается регистрация в ОЭЗ резидентов-инвесторов.

В июне 2006 года был принят федеральный закон, предусматривающий создание нового вида ОЭЗ – *особых экономических зон туристско-рекреационного типа*. В настоящее время Минэкономразвития России производит конкурсную оценку поступивших заявок от регионов. К рассмотрению было принято 18 заявок.

Также завершается работа над проектом федерального закона о создании портовых особых экономических зон на территории морских и речных портов, грузовых терминалов международных аэропортов.

Кроме того, Правительство планирует придать дополнительный импульс развитию технопарков, специализирующихся в областях информационно-коммуникационных технологий, био- и медицинских технологий, приборостроения, машиностроения, электронной техники, новых материалов.

В 2007–2010 годах с привлечением средств федерального бюджета новые технопарки будут созданы в Татарстане, в Московской, Новосибирской, Нижегородской, Калужской и Тюменской областях и в Санкт-Петербурге. В 2007 году на эти цели предполагается выделить 2 млрд. рублей.

Создание Российской венчурной компании

Программа создания Российской венчурной компании ставит перед собой две цели:

1) обеспечить талантливых российских и зарубежных венчурных капиталистов средствами для инвестиций в стартапы (малые инновационные высокотехнологические компании);

2) снизить риски для частных инвесторов.

На средства, выделенные на программу, будет создано от 8 до 12 новых венчурных фондов с активами от \$50 до 100 млн., которые совместно профинансируют и разовьют от 100 до 200 российских стартапов. Государство готово предоставить им до 49% от общей суммы активов под управлением. Суммарно объем государственной поддержки составит 15 млрд. рублей – более \$500 млн.

Механизмы инвестирования средств РВК

Результатом деятельности Российской венчурной компании должно стать создание в течение нескольких лет собственной индустрии венчурного финансирования в России и появление первых «историй успеха» – создания за несколько лет крупных технологических фирм, разработавших новейшие продукты и технологии, востребованные во всем мире, добившихся выдающихся темпов роста и финансовых результатов.

Начало практической деятельности Российской венчурной компании запланировано уже на 2007 г.

Одновременно начинает работу специализированный Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий, прямо поддерживаемый из государственного бюджета и также предполагающий привлечение средств частных инвесторов.

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ О СВОЕЙ ЖИЗНИ И РАБОТЕ В РОССИИ

Цао ШИЯО, корреспондент китайской службы американской радиокompании «Голос Америки»; с начала 1990-х годов живет и работает в России, обучался в аспирантуре Дипломатической академии МИД России

За развитием российско-китайских отношений в последние годы все пристальнее приходится наблюдать всем, кто пытается осмыслить стратегические перспективы России. Не случайно в общественном сознании китайское направление российской политики и экономики приобретает черты не просто самодостаточного, но и определяющего курс движения к выводу страны из системного кризиса, поразившего ее в конце XX века.

Слабое взаимодействие Пекина и Москвы в глобальном пространстве было отражением специфических отношений, сложившихся между странами в последнее десятилетие XX века. Даже с провозглашением российско-китайского стратегического партнерства в 1996 г. экономическое сотрудничество двух стран по-прежнему заметно отставало от политического взаимодействия. Не случайно президент В.В.Путин сетовал в 2001 году, что ему хотелось бы, чтобы из Китая в Россию приезжали не только изучать Достоевского, а из России в Китай не только изучать Конфуция.

При Путине многое меняется. Интенсивность двусторонних контактов сегодня чрезвычайно высока, обе страны взаимодействуют при принятии решений практически по всем проблемам евразийского континента. По многим международным темам наши страны выступают с согласованных позиций, заинтересованы друг в друге. Принципиальный характер имеет взаимоподдержка в решении внутренних проблем: Тайваня – для Китая, Чечни – для России. Стержень экономического взаимодействия – будущие энергетические поставки из России в Китай.

Участие высших государственных чиновников с российской стороны в развитии двусторонних отношений не только свидетельствует об уровне этих отношений, но даже рассматривается аналитиками как знак особого положения лица в иерархии власти и его перспективах оказаться преемником нынешнего президента России. В таком контексте рассматривают, например, председательство первого вице-премье-

ра Д.Медведева в Оргкомитете по проведению Года России в Китае (2006) и Года Китая в России (2007).

Нельзя не учитывать и имеющиеся у стран разновекторные интересы. Причина многих из них – несопоставимость абсолютных величин экономического роста двух стран. Экономическое развитие Китая сопровождается необычайной политической мобилизацией общества, ростом патриотизма и националистических настроений. Вместе с экономическим ростом возрождается великий китайский дух.

Китайцы, особенно в континентальном Китае, все больше ощущают себя великой нацией, нацией XXI века.

Объективное вовлечение Китая в глобальное мировое пространство может создать для России неизвестные пока трудности. Почувствовать это можно уже сейчас.

Позиция, занятая Китаем в связи с недавним обострением российско-грузинских отношений, показала широкий диапазон выбора действий этой страны на международной арене. Когда грузинские вина, минеральные воды и продукты сельского хозяйства были запрещены к ввозу в Россию, грузинский президент совершил свой первый визит в Китай, где Саакашвили хотел получить поддержку. Взамен он обещал не поддерживать тайваньское правительство, которое материковый Китай считает сепаратистским.

Было интересно наблюдать, достаточно ли Грузии проявить солидарность по чувствительному политическому вопросу, чтобы потеснить в ряду союзников Китая стратегического партнера – Россию. Конечно, это не была проверка на прочность российско-китайских отношений, однако многие задавались вопросом, будет ли Китай поддерживать внесенный Россией в СБ ООН проект резолюции по грузинскому вопросу.

Каким бы сложным ни казался выбор, Китай не захочет портить отношения с Россией из-за Грузии. Вероятнее всего, Китай заинтересован сохранить отношения с Грузией, чтобы удерживать ее от заигрываний с Тайванем. Сохранить хорошие отношения с Россией важнее, так как не Грузия поставляет Китаю нефть, газ и современное оружие, в которых Китай сейчас нуждается.

Тем не менее, исходя из собственных интересов, Китай осторожно, шаг за шагом, но с каждым днем все активнее усиливает свое влияние в бывших советских республиках СНГ. Впрочем, так же он действует и в Южной Америке – на бывшем «заднем дворе» американской супердержавы. Понятно, это приводит к неудовольствию как России, так и США.

Какие еще новые факторы будут влиять на российско-китайские отношения?

В Китае часто говорят, что российская внешняя политика, подобно головам орла в гербе России, смотрит одновременно на запад и восток. Похоже, российская политика, действительно, балансирует между отношениями с Западом – США и Востоком – Китаем.

Когда после событий 11 сентября 2001 года Путин строил тесные отношения с США, в зарубежную прессу просочились сведения о том, что китайский президент Цзянь Цзе Минь, всерьез опасаясь сближения России с Западом, дал команду тщательно изучать Путина, его характер и намерения. С обеих сторон специалисты задаются вопросами: насколько искренни сегодняшние российско-китайские отношения, доверяют ли стороны друг другу, насколько прочен фундамент этих отношений? Если поставить вопрос еще жестче: кто кому нужен больше, России – Китай или Китаю – Россия?

Может быть, русским легче общаться с европейцами и американцами, чем с китайцами?

Такая же дилемма стоит перед китайцами, осваивающими мировые рынки. Времена великой русско-китайской дружбы помнят только старшие поколения, молодежь все чаще поглядывает на США и американцев как страну приложения сил и образец для подражания.

Несмотря на территориальную близость, протяженную общую границу между двумя странами, граждане России и Китая слабо взаимодействуют друг с другом. К сожалению, многие россияне продолжают по-старому представлять себе Китай. Информации о Китае в российских СМИ, особенно на телевидении, недостаточно. О больших переменах в сегодняшнем Китае, успехах в решении проблем, присущих и самой России, говорится мало. Вместе с тем часто говорят о демографической угрозе со стороны Китая.

В самом Китае в 1990-е годы стремились оградить общественное мнение от демократических преобразований в России, поэтому преобладала негативная информация о северном соседе. Сегодня картина изменилась: в китайских СМИ чаще появляются материалы о России, ее проблемы активно обсуждаются в Интернете. Но для многих китайцев представление о России по-прежнему основано на негативном опыте прошлых лет.

Будем надеяться, что заканчивающийся 2006 год, объявленный в Китае Годом России, и следующий за ним 2007 год – Год Китая в России – внесут перелом в процессы взаимного сближения наших двух народов.

Дэвид САТТЕР, американский журналист и писатель, исследующий историю и генезис Советского Союза, автор ряда книг, в том числе изданных в Москве, в настоящее время работает над книгой о психологических аспектах русского коммунизма

3 декабря 1944 года в только что освобожденном Париже перед престарелыми русскими эмигрантами выступил Николай Бердяев, религиозный философ и самый известный в то время интеллектунал русской эмиграции. Он – неслыханное дело! – призывал оказать поддержку Советскому Союзу.

По мнению Бердяева, лишь два европейских народа обладали качествами мессианства, позволившими им оказать величайшее влияние на своих соседей, – это Россия и Германия. Но если немецкое мессианство было по характеру языческим, провозглашало превосходство расы, природную силу и дух борьбы и полностью противоречило духовным постулатам иудаизма и христианства, то русское мессианство уходило корнями в еврейскую и православную духовную культуру.

Концепция русского мессианства, по Бердяеву, всегда возвышала Россию как страну, способную решить проблемы человечества и готовую служить ему. Он сделал вывод о том, что изменившееся в России отношение к религии и традициям сделало не только возможным, но и правильным для православных русских поддержать советское правительство.

Изучая в Гуверовском архиве материалы о Бердяеве, я исследую психологические корни коммунистического режима. Политические взгляды Бердяева показались мне чрезвычайно интересными для книги о коммунистическом прошлом России.

Парадоксальность этих взглядов шокирует. В отличие от других философов как в России, так и на Западе, Бердяев рассматривал коммунизм как духовный феномен, а не как экономическую систему. Он понимал его как полный отказ от традиционной морали. Представляя себе аморальную сущность социализма, одержавшего триумфальную победу в России, Бердяев продолжал верить в особую миссию русских в мире. Эта вера, в конце концов, привела его к оправданию и поддержке Советского Союза.

Искания Бердяева затрагивают центральную для русской политической культуры проблему русского мессианства. На его философские противоречия, как на грабли, с удивлением наступают соотечественники XXI века. Понимая весь ужас, случившийся со страной за прошедшие десятилетия, они тем не менее не отвергают коммунизм полностью, потому что верят в особую миссию России.

У Бердяева меня поражает контраст между его анализом природы коммунизма и политическим выводом, последовавшим из этого анализа. По его логике, русский народ наделен великой всемирной миссией и, поскольку советский режим создан этим народом, уже потому этот режим изначально не может быть злом.

Казалось бы, если логика приводит Бердяева к мысли о том, что порожденный народом большевизм есть выражение русской традиции, то, может быть, дурна сама традиция? Нет! Бердяев верит в уникальность русского народа, в его особую миссию освоения русской идеи свободного коммунизма. Просто в соприкосновении с коммунистической идеей русская идея деформировалась, ей был навязан ложный дух насильственного коллективизма. Русские первыми вступили в беспримерный по храбрости социальный эксперимент во имя всего челове-

ства. Пусть с ошибками, но они творили, а это лучше, чем бездействовать, оставаясь самодовольными.

Бердяев не мог не замечать массовых репрессий в СССР, однако, под влиянием своей веры в особый путь России, уже в послевоенные годы он указывал на их вторичность по отношению к спасительной миссии, которую взял на себя русский народ. Именно проведенная в России социалистическая индустриализация позволила нанести поражение нацистской Германии – писал он в послевоенном 1945 году. Поступая таким образом, философ, по существу, оправдывал марксизм, который в своих же теоретических трудах он обвинял в готовности обменять идею на хлеб насущный.

Бердяев полагал возможной свободу слова в СССР. Вопреки фактам, свидетельствующим о создании Сталиным системы, основанной на лжи, Бердяев утверждал, что свобода слова направлена не против, а в защиту СССР. Он сомневался в том, что русские примут демократию западного толка, скорее, они, оставаясь верными русскому универсализму, будут тянуться к реальной свободе. Бердяев отвергал буржуазную демократию Запада. Там широкие массы трудящихся лишены возможности пользоваться свободами, по сути, лишь формально провозглашенными буржуазным государством.

Вера в русскую идею, похоже, стала для Бердяева результатом эмоционального воодушевления, не подвергнутого рациональному анализу. Более того, его идеи не чужды русской политической традиции. В этом постоянно убеждаешься сегодня, когда слышишь отголоски политических и мировоззренческих дискуссий с русскими.

На Западе до сих пор продолжают попытки представить русских жертвами коммунизма. Однако коммунизм выразил в радикальной материалистической форме веру в русскую особую миссию, которой сам Бердяев предпочел бы форму религиозного социализма. А, как известно, мессианская роль любого народа вырастает из отрицания универсальной морали. Именно этот факт и демонстрирует, по-моему, философия Бердяева. Осмысление этого факта остается тяжелой необходимостью для творцов и строителей современной России.

Эндрю ЧЖАН, канадский журналист, главный редактор бюллетеня «*Канва дифенс ривью*»

Для меня как журналиста, пишущего о военном строительстве и вооружениях в разных странах мира, стало совершенно очевидным: чтобы оценить уровень прогресса в военной сфере, достаточно сравнить состояние доступности информации о ней. И сравнения эти почти всегда будут в пользу России.

Особенно заметно отношение властей к открытости военной сферы на примере Китая. Стоит попасть в Китай, и сразу понимаешь, как да-

леко продвинулась и чего достигла Россия. За прошедшие 14 лет после моей первой поездки в Россию в 1992 году я лишь еще тверже убеждался в этом мнении. Поверьте, ежегодно, а иногда и два раза в год бывая в России, я могу правдиво оценить достигнутое вами. Приезд в Москву для меня как возвращение домой. В качестве журналиста я в течение многих лет освещал различные события для военных обозрений «Джейнз», публиковал статьи в российских изданиях. В настоящее время занимаюсь изданием бюллетеня «Канва дифенс ривью», которое выходит в Канаде.

Военные обозреватели и репортеры не забыли, в каких мучительных поисках и условиях непрозрачности объекта исследований приходилось готовить материалы по военной тематике СССР времен «холодной войны». В Советском Союзе все военные вопросы находились за семью печатями, и исследователи не имели доступа к необходимой информации. Кстати, примерно то же сейчас происходит в Китае.

Каковы были реальные ежегодные военные расходы Советского Союза? Разработки какого оружия велись в тот период времени? Каковы были наименования и принадлежность частей, структура вооруженных сил? Ответы на эти вопросы считались строжайшей государственной тайной. Бывший Советский Союз был закрытой для внешнего мира страной, и практически любой аспект жизни страны считался секретом.

Именно таким я воспринимал Советский Союз, когда был школьником. В то время западные публикации и документы, касающиеся советских вооруженных сил, носили спекулятивный и весьма приблизительный характер. Забавно, что публиковавшиеся ежегодные доклады Пентагона о военной мощи Советского Союза были иллюстрированы рисунками американских художников, пытавшихся изобразить образцы советской военной техники. (Быть может, именно тогда во мне зародилось детское любопытство, выросшее в профессию, – узнать об этом.)

Насколько прозрачна современная российская политика в области обороны и разработки вооружений? Излишне приводить дополнительные аргументы в пользу того, что открытость и прозрачность российской военной политики вполне соответствует стандартам Запада и НАТО, никто уже не сможет это отрицать. С 1993 года Россия провозгласила абсолютно новую для себя государственную военную доктрину, в которой открыто утверждаются цели и принципы российской национальной военной политики, задачи развития национальной обороны и принципы применения ядерного оружия в новом веке.

Сегодня Западу уже нечего беспокоиться о том, скроет ли Россия реальные цифры военного бюджета. Объемы российских военных закупок ежегодно предоставляются в детализированном виде, с точной информацией по ценам. Во время интервью с иностранными журналиста-

ми, в том числе и со мной, российские военные руководители никогда не скрывают информацию о ежегодных закупках танков Т-90С, количестве истребителей Су-27С, подлежащих модернизации и т.д. Откровенно говоря, я думаю, что Россия демонстрирует даже большую, чем некоторые страны НАТО, открытость в вопросах военной политики и разработки новых вооружений. По сравнению, например, с Китаем, строительство вооруженных сил России происходит в несравненно более прозрачных для мира условиях.

Российские военные руководители не опасаются публиковать перспективные планы военного строительства, указывая в них реальное количество межконтинентальных баллистических ракет и стратегических ядерных подводных лодок, которые Россия планирует принять на вооружение в ближайшем будущем. На мой взгляд, Россия демонстрирует даже большую открытость в вопросах военного планирования, чем такая страна, как Великобритания.

Сколько дивизий в каждом из трех родов войск в Вооруженных силах России? Каковы их опознавательные знаки? Где они располагаются? Чтобы получить ответы на эти вопросы, Западу более не требуется преодолевать суперсекретные режимы, существовавшие в Советском Союзе. Кроме того, Россия стала страной-организатором большинства ежегодных военных выставок. Выставки вооружений сухопутных сил, флота и военно-воздушных сил проводятся каждые два года поочередно в Москве, Санкт-Петербурге и Омске, а информация о последних достижениях России в области вооружений предоставляется на них всем желающим. Пентагону больше не нужно заниматься компиляциями на тему военной мощи России и использовать талант художников для иллюстрации новых российских систем вооружения. Красочные фото и видеокартинки с образцами оружия распространяются самими русскими.

Я готов утверждать, что выполняемые страной обязательства поддерживать прозрачность информации о своем военном строительстве не имеют непосредственной связи с состоянием ее военной мощи. Открытость отражает развитие социально-политических отношений и уровень ментальности населения страны. Военная мощь бывшего Советского Союза была весьма впечатляюща, однако его военная политика носила закрытый характер. Мне удается регулярно общаться с китайскими военачальниками, и каждый раз на мой вопрос, почему китайские вооруженные силы не прозрачны, они без тени позерства отвечают, что Китай все еще является в военном отношении слабой страной и поэтому вынужден скрывать информацию о своей реальной боеспособности.

Согласно логике китайских военачальников, вопрос открытости можно будет рассматривать только после того, как Китай станет мощной военной державой. Я пытаюсь им возразить, что если следовать хо-

ду их размышлений, все страны, за исключением США, не должны раскрывать свои военные секреты, поскольку в военном отношении они значительно слабее США. Однако никто из вступивших на путь цивилизованного развития стран не помышляет скрывать цели и характер своих военных приготовлений от соседей и партнеров, и самый яркий положительный пример в этом дает Россия.

Я надеюсь, многие, как в Азии, так и в Европе, смогут поучиться у России не только провозглашению, но и следованию принципам открытости в военной политике.

Послесловие к состоявшемуся разговору

Выступления зарубежных корреспондентов в дебютных номерах проекта «500 слов» в прошлом году подтвердили правильность нашего курса на привлечение новых авторов к составлению сложной мозаичной картины современной российской действительности.

И в этом году в нашей рубрике появились новые имена зарубежных корреспондентов. Предоставленная авторам свобода выбора темы и формата статей поспособствовала откровенному, преимущественно личному взгляду на стоящие перед нашей страной проблемы. В подборке небольших, различных по тематике и пестроте эмоциональной окраски зарисовок можно найти иллюстрацию едва ли не любой поднятой редакцией теме номера.

Естественно, особое внимание зарубежных корреспондентов вызывает международное сотрудничество с Россией в сфере энергетической безопасности, противодействия международному терроризму, нераспространения ядерного оружия. В силу известной актуализации этих тем в уходящем году авторы часто обращались к вопросам о месте и роли России в раскладе мировых сил, ее готовности ответственно решать стоящие перед мировым сообществом глобальные задачи мироустройства. Оказывается, если отбросить линзы редакторских корректировок, взгляды наших коллег весьма близки к оценкам российских политологов.

Вот лишь несколько штрихов к авторскому портрету рубрики в этом году.

Объективно отмечая озабоченность США участием демократии в России, канадец Ф.Вир не спешит драматизировать ситуацию, полагая, что для самих США в тревогах о ней сфокусировались все страхи и беспокойства о своем собственном будущем. На первый взгляд, неожиданно, но в унисон, из уст североамериканских журналистов Б.Форреста и Г.Фейфера прозвучали предостережения не очень доверять эмоциям, возникающим после общения с пропагандистами политики вашингтонской администрации: Россия должна быть сама собой и защищать свои интересы. Только так она будет способна придать импульс объективно начинающемуся в мире процессу ухода от монополярности – замечает тот же Ф.Вир. Сильных не очень любят, зато их можно уважать – приходит к заключению наш греческий автор Д.Лиатсос.

С односторонне критическим анализом происходящих у нас в стране процессов не выступал никто. И это еще одно убедительное свидетельство того, что заин-

тересованные собеседники стремятся к сближению оспариваемых позиций. В этом читатель мог убедиться не раз.

Начатый почти два года назад диалог о судьбах нашей страны продолжили новые авторы: эмоциональный и комплиментарный итальянец Э.Барбера, по-европейски корректный, но не скрывающий своих симпатий к России голландец П.Ван дер Слоот, индиец В.Шукла, мудро призывающий нас заново открыть для себя Индию. Даже по-британски сдержанный либеральный критик нашей внутренней политики, блестящий знаток советского и постсоветского периода России П.Куинн-Джадж убежден: величайшим ресурсом России остается ее народ.

Мы высоко оцениваем сотрудничество с зарубежными журналистами и заинтересованы в его продолжении и за рамками нашей рубрики «500 слов».

Несколько полноформатных статей тех, кто выступал на наших страницах в течение двух лет, уже в скором времени появятся в журнале. В сегодняшнем номере, кстати заметить, наши авторы также уже выступают с проблемными материалами.

Другое, несомненно, продуктивное и перспективное направление – очная дискуссия журналистов и членов редколлегии, политологов, встречи, семинары и «круглые столы» в различных форматах. Октябрьская встреча членов редакционного совета с авторами подтвердила перспективность прямого общения.

В журналистских кругах необходимость подобного диалога с российской общественностью не вызывает сомнения. К большому сожалению, высказанное нами в прошлом году замечание о неготовности проправительственных пресс-служб вести с зарубежными журналистами квалифицированный разговор о происходящих в стране процессах лишь подтверждается.

На мой взгляд, система государственных пресс-служб разбалансирована, она несет на себе печать многолетнего забвения и нуждается в серьезном реформировании. Складывается впечатление, что предпринимаемые в спешном порядке шаги по восстановлению информационно-пропагандистских институтов – РИА Новости и телекомпании Раша тудэй – рассчитаны, по-видимому, на перехват явно периферийных зарубежных аудиторий.

Политически же активная аудитория, куда входят и представители элит зарубежных стран, давно и стабильно ориентируется на авторитетное мнение ведущих национальных СМИ, чьи корреспонденты традиционно аккредитуются при МИД России. Но им, в отличие от их коллег из периферийных национальных изданий, не очень интересны различные организуемые (хотя и бесплатные) поездки туристического плана. Корреспонденты, к мнению которых ежедневно прислушиваются сотни тысяч принимающих решения людей во всем мире, даже не имеют (!) в Москве постоянного места общения с российскими политиками, официальными лицами, политологами, друг с другом, не имеют международного пресс-центра.

Достаточно заглянуть, если удастся, внутрь некогда знаменитого Пресс-центра МИД на Зубовском бульваре, чтобы убедиться в том, что элиту журналистского корпуса российская власть не особенно жалует. Не случайно во властных кругах вновь заговорили о возникшем за рубежом вакууме объективной информации о стране, о необходимости со стороны пресс-служб професси-

онального диалога со СМИ, основанного на кропотливой и аргументированной оценке событий. А пока этого нет, по мере приближения важных, электоральных событий в России зарубежные журналисты все внимательнее прислушиваются к сигналам из глубины общества. Им и своим ощущениям они доверяют больше, чем правительственным чиновникам. Каким бы опытным прибывший в Россию корреспондент ни был, ему, несомненно, интересны также мнения российских экспертов, способных, фигурально говоря, объяснить эти сигналы в понятных иностранному наблюдателю выражениях.

Рубрика « 500 слов » предоставляет нашим зарубежным коллегам возможность заочно, а впоследствии и напрямую, обменяться мнениями с компетентными специалистами. И очень хорошо, что вокруг журнала создается своеобразное поле притяжения для думающих людей разных идеологических убеждений и политических взглядов, среди которых найдется место и для наших будущих авторов.

Олег НИКИТИН

Стивен КОЭН

**«ВОПРОС ВОПРОСОВ»:
ПОЧЕМУ НЕ СТАЛО СОВЕТСКОГО СОЮЗА?»¹**

Для многих россиян, может быть, даже для большинства, кончина Советского Союза остается «вопросом века», вызывающим страсти сродни тем, что присущи «религиозным фанатикам», вопросом, на который «никто толком народу не ответил» и который «чем больше пройдет лет, тем труднее будет понять». Но и для нас вопрос об исчезновении этого огромного, ставшего эпохой, государства и о том, почему это произошло, имеет жизненно важное значение.

Это событие, как никакое иное в современной истории, явилось определяющим для мира, в котором мы все живем после 1991 г.

Сгруппировав ряд наиболее часто называемых факторов по признаку сходства, мы получим шесть разных объяснений конца Советского Союза, которые заслуживают нашего внимания:

- кончина Советского Союза была «неизбежна», поскольку была «предопределена» неким неисправимым генетическим или врожденным дефектом;
- система пала жертвой антисоветской народной революции снизу – демократической (в России) и/или национальной (в других советских республиках);
- основание советской системы оказалось подточено неработающей экономикой, что привело к экономическому коллапсу;
- постепенные преобразования (перестройка), которые попытался проводить Горбачев, вышли из-под контроля и, как не раз уже случилось в российской истории, пали жертвой национальной традиции максимализма или экстремизма, разрушившей основания системы;
- исчезновение Советского Союза – это классический пример решающей роли лидеров в истории, в данном случае – сначала Горбачева, затем Ельцина;

¹ Под таким названием в конце 2006 г. в издательстве «АИРО-XXI» выходит книга профессора Нью-Йоркского университета Стивена Коэна. Редакция публикует фрагменты из его новой работы.

– распад Союза был «элитным» деянием, и, значит, объяснение нужно искать в поведении номенклатуры или отдельных ее сегментов в конце 1980-х и начале 1990-х годов.

Начнем с неизбежности.

Тезис о том, что Советский Союз был с самого начала обречен, есть упрощенческая разновидность исторического детерминизма. Кроме того, это чрезвычайно характерный пример предопределения «пост-фактум». Что касается фатального дефекта, якобы предопределившего гибель Советского Союза, то обычно, так или иначе, говорят о трех – все они исходят из аксиомы о нерепформируемости системы. Первый – первородный грех советской власти или изначально присущее ей зло. В качестве второго называют «издержки социализма», под которыми понимается неестественная идеология, уничтожившая систему. Несколько сложнее обстоит дело с третьим свойством системы, часто называемым в качестве фактора ее обреченности: Советский Союз был «империей», а все «многонациональные империи обречены».

Главный вопрос, однако, состоит в том, был ли Советский Союз внутри себя империей и, если так, является ли это достаточным объяснением его исчезновения?

Впрочем, даже сторонники «имперского» тезиса признают, что Советский Союз был «империей особого рода» и отличался по ряду важных признаков от традиционных империй. Так, несмотря на все многолетнее политическое давление, там не существовало экономической эксплуатации союзных республик со стороны российского центра. Напротив, отсталые республики подверглись при советской власти существенной модернизации – во многом за счет экономики России. И закончил свое существование Советский Союз не как традиционные империи, в том числе его предшественница, царская Россия, которые разваливались под тяжестью войн и политической оппозиции со стороны колониальных окраин. В советском случае войны не было, а перед самым концом семь республик даже вели с Москвой переговоры о заключении нового союза.

Не менее распространенный тезис о том, что Советский Союз был разрушен мощным революционным движением снизу, звучит столь же неубедительно. Существуют две версии этих «популистских интерпретаций» и «политических мифов». Первая особого внимания не заслуживает – по мнению большинства исследователей, никакой народной антисоветской революции в самой России не было. Не существует и реальных доказательств того, что советская система пала жертвой «кризиса легитимности» и, прежде всего, «делегитимизации» социалистической идеологии, главную роль в которой сыграли разоблачения периода горбачевской гласности.

Вторая версия тезиса о «революции снизу» помещает эту революцию в основном за пределы России, в другие советские республики. Со-

юз был опрокинут «народами всех республик», «восстанием советских наций». Это объяснение плохо стыкуется с реальными фактами, не самую последнюю роль среди которых играют те 76 % голосов, отданных за Союз на референдуме. Противоречит ему и несамостоятельное, послушное поведение лидеров большинства союзных республик, от Средней Азии и Закавказья до Украины, во время событий августа 1991 г.

Главная ошибка, влекущая за собой прочие заблуждения сторонников тезиса о «национально-освободительной революции снизу», состоит в том, что во всех или почти во всех из тысяч этнических протестов горбачевской эпохи они видят требования отделения и полной независимости. На самом деле, в огромном большинстве случаев протесты были вызваны желанием восстановить ту или иную попорченную справедливость в рамках Союза и до конца 1991 г. были «не борьбой против СССР», а борьбой между этническими группами.

Третья распространенная версия объясняет конец Советского Союза «принципиально неработающей» экономикой: мол, это сделало всю систему «нежизнеспособной» и привело в конечном итоге к «полному и окончательному краху».

В качестве доказательства обычно приводится экономический кризис 1990–1991 гг., который якобы поставил страну на грань катастрофы и даже голода. Свою лепту в формирование данной версии внесли и самооправдания ельцинских «радикальных реформаторов». При всем том, что их «шоковая терапия» обернулась для России 1990-х гг. еще большей катастрофой, они настаивали, что «крах советской экономики» не оставил им выбора. Однако известно, что экономики «со стажем» обычно не терпят внезапный «крах» и не приводят к гибели собственные государства. Этого не случилось, к примеру, ни в более ранние периоды советской истории, хотя среди них были и более трудные в экономическом отношении, ни во время разрушительной «великой депрессии» 1930-х гг. в США.

Кризис 1990–1991 гг. на самом деле не был кризисом советской экономики, которая демонстрировала рост еще в 1985–1989 гг. Это была уже постсоветская, или переходная экономика. Да и сам экономический кризис, несмотря на всю его серьезность, не был действительно «крахом». Конечно, товарный дефицит способствовал распространению мифа о тотальном экономическом крахе, но проблема заключалась, прежде всего, в кризисе распределения. В ожидании неминуемого роста государственных цен и потребители, и поставщики припрятывали товары до лучших времен: первые, из страха перед ростом цен, делали запасы дома, а вторые, надеясь впоследствии получить большую прибыль, придерживали товары на складах. Недалом прилавки так быстро вновь заполнились товарами, причем не только импортными.

Как говорят в один голос многие западные и российские экономисты, «СССР убила ... политика, а не экономика». Начало череде политических факторов, дестабилизировавших экономику, было положено принятием Горбачевым реформ, направленных на демократизацию и децентрализацию власти. Это привело к сокращению партийно-государственного контроля над предприятиями, ресурсами, заработной платой, денежной массой и в конечном итоге собственностью.

Политический радикализм, поразивший страну в 1990–1991 гг., является центральным пунктом четвертой версии распада СССР. Представляя российскую историю как «циклический» процесс, ее сторонники утверждают, что перестройка потерпела крах по тем же самым причинам, что и все предыдущие попытки модернизации страны путем постепенных, эволюционных преобразований. Главным проводником идей деструктивного радикализма при царизме было экстремистское крыло русской интеллигенции. Нигилистическая традиция интеллигенции XIX века вновь возобладала при Горбачеве, когда ряд представителей советской партийной интеллигенции, проникшись идеями свободно-рыночного капитализма и назвав себя «радикальными демократами», принялись подрывать основы эволюционной перестройки нещадной критикой и все более антисоветскими требованиями.

Начиная с 1988 и по 1991 г. более умеренно настроенная часть советской интеллигенции, озабоченная «пресловутыми» прецедентами, предупреждала «сверхрадикалов» об опасности «большевизма наизнанку», который вновь «разрушит все до основания». Они боялись, что традиционно присущие интеллигенции «нетерпение и экстремизм» и новое попадание «в плен максимализма» приведут к «очередным историческим потрясениям», вновь оставив нераскрытыми «эволюционные возможности отечественной цивилизации». Страх того, что традиция возобладает над начавшейся советской перестройкой, был настолько велик, что сторонники реформ – от так называемых «умеренных демократов» до самого руководства во главе с Горбачевым – всерьез заговорили о грозной аналогии: «Нашу перестройку ... постигнет трагическая судьба НЭПа».

Традиция российской интеллигенции действительно сыграла важную роль в событиях последних лет существования Советского Союза. Она проявилась в поведении многих коммунистов среднего возраста, которые так быстро и круто развернулись и против своей прежней идеологии (в том числе вдохновивших перестройку идей антисталинизма), и, в духе «своеобразного эдипова комплекса», против недавно освободившего их советского лидера. Как и в случае с их предшественниками из царской России, подобный интеллигентский радикализм часто выглядел как «личное покаяние» за «стыдный факт» предшествующей привилегированной жизни – на сей раз партийных интеллектуалов-конформистов. Неудивительно, что они с таким энтузиазмом, в со-

ответствии с еще одним характерным аспектом данной традиции, восприняли новую максималистскую «сказку» о возможности одним революционным скачком, всего за «500 дней», достичь полностью приватизированной рыночной экономики.

Другой чертой, унаследованной перестроечной интеллигенцией от предшественников, от революционеров-подпольщиков XIX века до Ленина, стала страсть к политике. (Один интеллигентный наблюдатель пришел в «ужас» от «революционной толпы, состоящей из докторов наук и академиков».) Доверенные им Горбачевым важнейшие средства массовой информации они все больше использовали для поляризации политической атмосферы. Уже к 1990 г. они стояли в первых рядах самых радикальных движений своего времени, променяв Горбачева на более «максималистского» героя («самые умные – за Ельцина»), о чем впоследствии некоторые из них будут глубоко сожалеть. Но тогда, в ноябре 1990 г., и особенно после официального применения вооруженной силы в Латвии и Литве в январе 1991 г., ответственность за которое они возложили на Горбачева, даже «прорабы перестройки», которых он выдвигал и поддерживал с 1985 г., выступили с требованием его отставки.

Однако в конечном счете радикальная интеллигенция не была главной причиной развала Союза. Она много сделала для того, чтобы сфокусировать общественное недовольство на политике Горбачева и поддержать Ельцина, но никакой реальной власти, помимо этих двух руководящих фигур, у нее не было. Несмотря на весь свой вес в обществе и громкие голоса, радикальная интеллигенция пользовалась небольшим авторитетом у простых россиян, по большей части, недолбовавших ее. Кроме того, радикалы представляли далеко не всю интеллигенцию даже Москвы и Ленинграда, не говоря уже о провинции, где их почти не было. Как и на протяжении большей части российской истории, интеллигенция оказалась второстепенным, а отнюдь не главным действующим лицом.

Это вплотную подводит нас к проблеме роли лидеров – Горбачева, Ельцина или обоих – в исторической драме 1985–1991 гг. Рассматриваемый в контексте событий этот «субъективный» фактор был первой и основной причиной конца Советского Союза или того, что некоторые русские называют «навязанным разводом». Однако «решающая роль субъективного фактора» в развале СССР становится очевидной из простого контрфактического примера: стоит убрать двух этих главных протагонистов, особенно Горбачева, и становится почти невозможно представить, чтобы события 1985–1991 гг., приведшие к печальному итогу, развивались именно таким образом. Именно противоположные, но симбиотически связанные воли двух экстраординарных политиков – экстраординарных еще и в том, что появились они в один и тот же исторический момент и в отдельности судьба каждого из них могла сложиться иначе – и привели к концу Советского Союза.

Сложно поверить, что столь эпохальное событие явилось делом рук двух личностей, но это вполне соответствовало российской традиции лидерской политики.

И здесь мы вплотную подходим к последней версии кончины Советского Союза. На рубеже 1980-х и 1990-х гг. небольшой, но занимающий стратегически выгодную позицию сегмент номенклатуры был занят тем, что всю «приватизировал» огромные богатства СССР, «плохо лежавшие» в результате экономических реформ Горбачева. Представители этого сегмента, по общим оценкам, «превращали власть в собственность», а значит, потенциально, в еще большую власть. Следовательно, они были мало или вовсе не заинтересованы в защите государства, чьи активы они растаскивали.

В многочисленных российских и даже в значительно более редких западных исследованиях можно встретить самые разные трактовки «номенклатурной приватизации». Одни видят в ней закономерный итог длительного исторического процесса борьбы советской номенклатуры за превращение в самостоятельный правящий класс, по праву владеющий гигантской госсобственностью, которой они всегда только управляли, но не могли ни извлекать из нее прибыль, ни передавать по наследству. Другие считают лихорадочную приватизацию спонтанной, незапланированной реакцией на утрату номенклатурой ее доминирующих позиций в результате горбачевских политических реформ и на изменение экономической ситуации в Восточной Европе – своего рода «выходным пособием», или, по-английски, «золотым парашютом» для прыжка в новую систему.

Но какими бы ни были корни и суть данного явления, оно имело исключительное значение. Когда в 1985 г. Горбачев пришел к власти, почти вся гигантская советская экономика была государственной, на 90 или более процентов контролируемой из центра московскими министерствами и их общесоюзной номенклатурой. По мере того как под воздействием прорыночных мер Горбачева происходила все большая либерализация прав собственности, верхушка номенклатуры, особенно управленческая элита и все те, кто имел прямой доступ к государственным (и партийным) активам, стала искать пути – легальные, полулегальные или нелегальные – присвоения этой собственности в той или иной форме. К 1991 г. процесс этот распространился вширь, за пределы Москвы, в провинцию и республики, и вглубь – от отдельных конфискаций к приватизации нефтяных и прочих ископаемых ресурсов, крупных промышленных предприятий, банков, экспортно-импортных и торговых сетей, а также недвижимости. И хотя официально приватизация была объявлена позже, при Ельцине, в постсоветские 1990-е гг., уже к концу 1991 года «стихийные» захваты собственности, как их называли, поглотили значительные участки советской экономики стоимостью в миллиарды долларов и грозили вылиться в «подлинную вакханалию перераспределения».

Советские элиты инстинктивно понимали, что собственность есть лучший способ обеспечить власть без авторитета и ресурсов партийного аппарата. Но так как под непосредственным контролем республик находилось менее 10% советской экономики, национальные лидеры начали требовать «суверенитета», то есть полного права распоряжаться теми активами Союза, которые располагались на их территории. К 1990 г. фактически все споры, возникавшие между союзным правительством Горбачева и республиками, касались борьбы за перераспределение собственности и власти, особенно когда речь заходила о новом союзном договоре. Это новое явление было главной движущей силой многих националистических и сепаратистских движений, охвативших страну в 1990–1991 гг. Их часто называют «народными» и видят в них проявление «революции снизу», но на самом деле в большинстве из них бал правила элита, «номенклатурные националисты».

В этом новом обличье республиканские элиты играли очень важную роль в последние годы существования Советского Союза, причем гораздо более важную, чем роль «народа» (везде, за исключением, может быть, Прибалтики и части Кавказа), но ее следует понимать правильно. Их настойчивое стремление обрести власть, опирающуюся на собственность, в конечном итоге определило форму распада Союза, при которой все его 15 республик стали независимыми государствами.

Однако авторы, делающие упор на стихийной приватизации, ошибаются, полагая, что к распаду привели действия элит, а номенклатура была главным «катализатором». Главная роль в 1991 г., как уже говорилось, принадлежала Ельцину. Неубедительным является и связанное с предыдущим утверждение, что систему сгубил институт национальных республик, поскольку их поведение обычно определяется поведением руководящих ими элит. Они не возмущались, когда в 1980-е гг. продемократические реформы Горбачева постепенно подрывали их власть, и молчали, когда в августе 1991 г. московские путчисты грозили вернуть республики под жесткий контроль центра. На путь независимости они ступили лишь после того, как Ельцин в Москве проложил им дорогу.

Иными словами, хотя жаждущая собственности номенклатура и выиграла больше всех от распада Союза, она не была главным причинным фактором происшедшего. Но она, без сомнения, была главным вспомогательным фактором, обеспечившим саму возможность подобного исхода. В этом смысле можно сказать, что «никакая сила не развалила бы Советский Союз, если бы этого не захотела российская элита». Но, с точки зрения причинности, номенклатура была индифферентна. Сконцентрировав внимание на огромных богатствах страны, она всего-навсего, как горестно заметил Горбачев, «промолчала» в тот момент, когда подлинный «катализатор», Ельцин, ликвидировал СССР.

Нетрудно понять, почему советские элиты, занятые растаскиванием собственности, которая для них была «важнее идеологии», и отныне предпочитающие хоть какой-нибудь капитализм любому социализму, выбрали Ельцина, а не Горбачева. Они прониклись антипатией к советскому лидеру еще во время перестройки, когда слово «номенклатура» стало бранным, но к 1991 г. у них появилась более веская причина – принципиально социалистический характер проводимых Горбачевым преобразований. Вопреки всем новым политическим веяниям и охватившей страну жажде обогащения, Горбачев оставался верен выбранной цели – социал-демократический Советский Союз со «смешанной» (государственной и частной) экономикой и «регулируемым» рынком, позволяющими сохранить социальные достижения старой системы.

Ельцин был совсем другое дело. Как популярный политик он возник благодаря выступлениям против привилегий номенклатуры, однако уже летом 1990 г., и особенно год спустя, став президентом РСФСР, он начал вовсе апеллировать к недовольным советским элитам в своей кампании против Горбачева. «Радикальное реформаторство» Ельцина основная масса его электората восприняла как популизм, но для номенклатуры оно послужило одобрением и даже стимулом к беспорядочной и бесконтрольной приватизации. Всякая двусмысленность, если она еще и оставалась, исчезла, когда осенью 1991 г. Ельцин принялся конфисковывать в пользу России находящиеся на ее территории союзные экономические объекты – от природных ресурсов до банков.

Номенклатура всего Советского Союза, как вспоминают наблюдатели, «следила за поведением Ельцина» и «лишь имитировала» его. К моменту беловежского вояжа Ельцина советские элиты, которым очень скоро предстояло стать постсоветскими, знали: вот лидер, который узаконит их приватизированные владения.

Перевод с английского Ирины Давидян

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА

АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МАЛОУТЕШИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Цель административной реформы (АР) в Российской Федерации – в комплексной трансформации системы органов государственного управления с целью обеспечения их большей гибкости и эффективности.

Стремление осуществить эту реформу соответствует идеям и практике совершенствования государственного управления в мире.

Как известно, в период середина 1980-х – конец 1990-х гг. в различных странах был реализован значительный объем широкомасштабных и комплексных программ реформирования системы государственного управления на основе концептуальных оснований теории Нового государственного управления (New Public Management). Ключевыми целями реформ были снижение государственных расходов, повышение качества предоставления услуг и укрепление доверия к власти со стороны частного сектора и общества. Существенно изменялись технологии реализации функций государства в современном мире в целях обеспечения большей эффективности, гибкости, прозрачности, более тесной связи с гражданами – потребителями госуслуг.

Сутью реформирования госслужбы в духе Нового государственного управления (НГУ) в конечном счете стало делегирование ряда функций, ранее осуществлявшихся государством, рыночным структурам и привлечение самостоятельных общественных организаций к выполнению некоторых функций, выполнявшихся ранее государством.

Реализация реформ госуправления в различных странах осуществлялась с учетом особенностей национальных моделей государственной службы¹. В ходе реформ в большинстве стран удалось достичь значимых результатов: был сокращен госаппарат и снижены расходы на его содержание, приняты меры по обеспечению, эффективности функцио-

¹ Например, для европейской практики характерно сосуществование нескольких моделей госслужбы и нескольких моделей модернизации госслужбы, которые страны ЕС используют для оптимизации европейских систем управления. Подробнее см.: Мейнигер М.К. Сравнительный анализ реформ госслужбы в странах ЕС // Реформы госуправления. С. 47.

нирования системы управления. Однако не удалось избежать и ряда издержек. В частности, в Великобритании и США выявилось противоречие между нерыночной по своей природе государственной службой и попыткой ее реорганизации на рыночной основе. В Германии значительное сокращение кадров привело к сокращению объема госуслуг. Кроме того, эксперты зафиксировали утечку квалифицированных работников из госсектора, падение общего престижа госслужбы.

В целом же специалисты, включая экспертов Всемирного банка, которые готовили материалы для комиссии российского правительства по обобщению опыта реформ НГУ, весьма сдержанно оценили результаты реформ в различных странах, отмечая неоднозначность большинства из них и их ограниченный характер по отношению к поставленным целям.

Каковы же результаты реализации административной реформы в России?

Основными вехами в осуществлении реформы стало сокращение избыточных госфункций. Из подвергшихся ревизии 5 тысяч функций 20% были признаны избыточными, еще 30% – нуждающимися в уточнении. Ведомства разделены на правоустанавливающие, правоприменительные и надзорные с образованием трехзвенной структуры правительства (министерства, службы, агентства). Число министерств сокращено с 23 до 14.

Внесенный МЭРТом в Правительство РФ осенью 2004 г. проект ФЦП «Административная реформа» после восьми месяцев обсуждения был отклонен и заменен одобренной осенью 2005 г. Концепцией административной реформы с принятием плана ее реализации в 2006–2008 гг. и объемом финансирования в 500 млн. рублей на 2006 г.

Известно, что реформа идет непросто – в течение двух лет сменилось четыре руководителя этого направления (Б. Алешин, Д. Козак, А. Жуков, С. Нарышкин). С апреля 2006 г. его возглавил новый глава администрации президента – С.Собянин.

Число федеральных структур вновь возросло (теперь их количество составляет 83). Де-факто признаны нецелесообразными меры по сокращению числа руководителей федеральных структур. По распоряжению М. Фрадкова частично было восстановлено число заместителей министров; возросло число вице-премьеров.

По истечении более двух лет после начала активной фазы реформы практически общепризнанной стала констатация неудачи реформы. Так, ректор ГУВШЭ, член правительственной комиссии по реализации АР Я.Кузьминов, один из энтузиастов реформы, отмечает: «Мы получили ситуацию, в которой самое лучшее и логичное, что можно сделать, – вернуться в старое состояние... И, честно говоря, мне кажется, дело зашло в тупик»².

² Кузьминов Я. Тупики и перспективы административной реформы // Независимая газета. 4, 7.04.2006.

Среди причин неудач реформы Я.Кузьминов называет недостаточное финансирование АР и отсутствие единой команды в ее реализации; разногласия в политической элите и недостаток политической воли. Значение этих факторов очевидно. Однако дело не только в них.

На наш взгляд, наряду с отмеченными Я.Кузьминовым обстоятельствами, сыграла роль и концептуальная непроработанность модели реформы применительно к условиям России и, в частности, вопроса о роли и функциях современного государства. По существу, была предпринята попытка реализации, несомненно, обоснованных и рациональных принципов в условиях отсутствия ряда ключевых предпосылок, определяющих востребованность данной модели. Это касается основных параметров системы российского государственного управления.

Во-первых, современный управленческий аппарат в РФ весьма далек от веберовской модели рациональной бюрократии. Слишком широко распространена практика клиентелизма, закрытости и непрозрачности, неудовлетворительно качество исполнительской дисциплины, за пределами высок уровень коррупции.

Во-вторых, несмотря на живучесть мифа об избыточной численности российской бюрократии в исторической и современной России, численность аппарата управления в современной РФ, по отношению к населению, сегодня отстает в сопоставлении со стандартами развитых стран. 1% российских чиновников соответствует показателям развивающихся стран (в Бразилии – 1,5%, в Чили – 1%, в Китае – 1,6%, в Польше – 0,7%). В развитых странах в госаппарате занято гораздо больше: в Германии – 6,1% населения, в США – 6,8%, в Швеции – 11,7%. Поэтому дальнейшее сокращение числа государственных служащих вряд ли обоснованно.

В-третьих, неэффективность управленческого аппарата определена его недостаточным финансированием³. Как отмечают эксперты, повышение зарплат коснулось в основном верхнего эшелона – министров, руководителей департаментов министерств и ведомств. Зарплаты основной массы чиновников выросли максимум на треть, тогда как разница в оплате госслужащих в среднем в 2,5–3 раза ниже, чем в коммерческом секторе.

В-четвертых, чрезвычайно низкая эффективность институтов гражданского общества в стране чревата ограниченностью возможностей самодеятельных организаций взять на себя выполнение значимых функций государства.

³ Кстати, эта ситуация близка той, что существовала и в Российской империи: удовлетворительный уровень оплаты управленческих функций был достигнут только во второй половине XIX в., несмотря на предпринимаемые усилия в этом направлении на протяжении XVI–XIX вв. Подробнее см.: Гаман-Голутвина О. Бюрократия Российской империи: вехи эволюции. М., 1997.

Таким образом, по целому ряду ключевых параметров стартовые условия реализации административной реформы в РФ весьма отличны от тех, что стимулировали осуществление аналогичных, в духе НГУ, в развитых странах. В еще большей степени это касается таких концептуальных оснований административной реформы, как роль государства и его функции в современных условиях.

Начнем с функций. По существу, реформа началась с призывов сократить избыточное число функций государства (назывались нереальные цифры – 500, 600, 800 и даже 5 тысяч функций, якобы выполняемых современным российским государством, тогда как в теории и практике государственного управления их насчитывают от 5–6 до 10–12). Очевидно, что в основе этого тезиса лежит расширительное толкование функций государства, отождествляющее их с видами работ. Между тем в реальности полномочия и функции российского государства в ряде ключевых отраслей существенно ниже, чем в индустриально развитых странах (например, в обеспечении правопорядка и в борьбе с организованной преступностью).

Кроме того, некорректность постановки проблемы дополняется отсутствием разграничения между интересами, полномочиями и функциями государства и интересами, полномочиями и функциями бюрократии. Это разграничение весьма существенно как концептуально, так и практически. В частности, в современной России интересы, функции и полномочия государства ниже, чем в развитых странах, и незначительны даже по сравнению с такими деэпатизированными странами, как Великобритания и США, тогда как интересы, функции и полномочия административно-политической бюрократии гипертрофированы. При этом бюрократия использует рычаги государства для достижения сугубо партикулярных (групповых) задач и целей в противовес общегосударственным.

В этом контексте представляется чрезвычайно важным разграничение между коррупционно стимулированной практикой бюрократического произвола и активной ролью государства как политического и экономического актора. Если первое представляет собой препятствие нормальному функционированию социума, то вне активной роли государства невозможно его эффективное развитие. Реализация предложений по «уходу государства» из управления может привести на практике к росту коррупции, еще большему падению исполнительской дисциплины в практике государственного управления, снижению политической роли высших органов власти и падению удельного веса исполняемых решений.

Отсюда – необходимость коррекции концепции административной реформы: гипертрофированные полномочия и функции административно-политической бюрократии действительно необходимо урезать, но государству не стоит непродуманно и поспешно расставаться со своими прерогативами и функциями.

Еще важнее то, что административная реформа неявно интерпретируется как самоцель, хотя она является, скорее, инструментом – полиаспектным и многокомпонентным, но не самодовлеющим – достижения содержательных целей, среди которых наиболее существенной представляется обеспечение конкурентоспособности государства.

Узловой проблемой в неэффективной концептуализации реформы является упрощенное понимание роли государства в современном мире. Государство, по умолчанию, трактуется в лучшем случае как совокупность учреждений и организаций, в худшем – как репрессивный аппарат, имманентно не поддающийся рациональному реформированию. Между тем представление о государстве как о пресловутом «ночном стороже» соответствует теории и практике государственного развития стран, скорее, исторического прошлого, а не современности.

Упрощенное понимание роли государства сводит его функции к обеспечению внешней и внутренней безопасности и административному управлению. Современные же представления о государстве, как и политико-административная практика, исходят из разнообразия полномочий и функций государства.

Ключевым в нашем контексте является разделение функций государства на традиционные и современные. К числу первых относятся обеспечение внутренней и внешней безопасности; административное и общее политическое управление. К категории вторых – политика государства в таких сферах, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение, фундаментальная наука.

Особенностью эволюции государственных институтов на рубеже XX–XXI вв. стало перераспределение традиционных и новых функций в пользу последних. Не в последнюю очередь это обусловлено тем, что инвестирование в социальную сферу продиктовано отнюдь не альтруистическими мотивами, а осознанием того факта, что социальное инвестирование призвано улучшить качество человеческого потенциала, который, в свою очередь, открывает возможности развития «экономики знаний».

Рост госрасходов в странах Запада в течение второй половины XX в. и особенно в последнее десятилетие был обусловлен увеличением именно социальных расходов. Важной причиной увеличения доли государственных расходов в ВВП стала новая роль государства в сфере социального обеспечения и перераспределения доходов с помощью системы налогов и трансфертов. Общемировые государственные расходы в 2000 г. составили примерно 25% ВВП, или \$7,8 трлн. Более 90% этой суммы приходится на развитые государства, в которых проживает примерно 15% населения мира. Это позволяет сделать вывод: чем более развитой является страна, тем более сильным является государство. Именно государство (на которое приходится 87% всех социаль-

ных расходов) несет в странах ОЭСР основную ответственность за финансирование социальной сферы⁴.

Вышеприведенные данные позволяют сделать вывод о существенном изменении соотношения различных государственных функций. Сегодня только 20% госбюджетов тратится на традиционные цели (общее административное управление, поддержание общественного порядка и национальная оборона). Расходы на современные функции (здравоохранение, образование, другие социальные расходы) превышают 60%. При этом, чем выше уровень развития, тем меньше доля расходов на традиционные функции. В развитых странах на эти цели тратится всего 11% госбюджетов, а в развивающихся – 24%. Вместе с тем на современные функции развитые страны тратят более 70% своих бюджетов, а развивающиеся – только 56⁵.

В переходных государствах традиционные функции поглощают 14%, современные – 65% госрасходов. Это означает, что в современном мире через государственные бюджеты на современные функции тратится 17,8% ВВП, а на традиционные – 5,3%. Соотношение между этими статьями расходов составляет 3,4 : 1. В развитых странах эти показатели составляют 25,0 и 3,9% (соотношение 6,4 : 1), в развивающихся – соответственно – 14,4 и 6,1% (2,4 : 1); в странах с переходной экономикой – 22,1 и 3,8% (5,8 : 1).

Рассмотрение затрагиваемых проблем в более широком контексте показывает, что осуществление новых функций государства соответствует современному пониманию технологий эффективного экономического развития.

Известно, что современный экономический рост отличает приоритетная роль интеллектуализации производства, интенсивность НИОКР определяет уровень экономического развития. Согласно прогнозам экспертов, в XXI в. интеллектуализация труда станет главным фактором глобальной конкуренции. На долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании, образовании кадров и организации производства, в развитых странах приходится 70–85% прироста ВВП. В этой связи неслучаен постоянный рост доли расходов на науку и образование в ВВП развитых стран, которая сегодня составляет 3%, при этом доля государства в этих расходах составляет 35–40%⁶.

В случае России возрастание значения интеллектуализации экономики приобретает особое значение, так как внедрение новых технологий, освоение которых обеспечивает экономический рост, является эффективным инструментом преодоления системного экономического

⁴ *Рогов С.* Функции современного государства; вызовы для России. Ч. I. // Свободная мысль. 2005. № 7. Ч. 1. С. 56–59, 61–82.

⁵ *Там же.* С. 61.

⁶ *Глазьев С.* Экономическая теория технического развития. М.: Наука, 1990.

кризиса. Это означает насущную востребованность инвестиций в человеческий капитал, являющийся основанием экономики знаний. Но в современной России доля традиционных функций государства поглощает 36,7% федерального бюджета, что в 4 раза выше, чем в развитых странах, и в 1,5 раза – в развивающихся, тогда как на социальные функции – только 21,3%⁷.

Выполнение традиционных функций поглощает 6% ВВП, что почти на 25% превышает общемировой показатель, тогда как 3,5% (в 6 раз меньше) страна тратит на социальные функции. Соотношение расходов на традиционные и современные функции составляет 1,7 : 1. И хотя применительно к консолидированному бюджету это соотношение несколько иное (1,2 : 1), общая картина такова, что подобная структура бюджета характерна для государства XIX, а не XX в.⁸

Приоритетным объектом редукции выступает социальная сфера – здравоохранение, образование, фундаментальная наука, социальное обеспечение. Именно в этом контексте можно рассматривать активизировавшиеся у нас в начале 2004 г. реформы, предполагавшие широкомасштабную маркетизацию социальной сферы и фактическое сокращение ее государственного финансирования. По существу, социальные реформы означали уход государства из социальной сферы.

Эта тенденция коррелирует с тенденцией сокращения доли федерального бюджета РФ в ВВП. Расходы федерального бюджета составили 17,9% ВВП в 2003 г., 16,2% в 2004 г., 16,5% в 2005 г. По итогам 2006 г. данный показатель предполагается на уровне 16%; в 2007 г. – на уровне 15,7%⁹. Данные относительно консолидированного бюджета несколько отличаются: его удельный вес составляет порядка 30–32% ВВП¹⁰. При оценке этих цифр следует учитывать, что этот уровень ниже, чем в развитых странах Европы: так, в Великобритании – около 35–37%; в Германии – примерно 32%; Италии – 41%; во Франции – 40–42%; Швеции – 37–40%¹¹.

Между тем благоприятная конъюнктура цен на энергоносители создает предпосылки для использования полученных прибылей для целей структурной модернизации экономики в пользу высокотехнологичных отраслей и перехода к созданию «экономики знаний».

Конечно, выдвижение Национальных проектов корректирует вектор государственной политики. Однако объем финансирования проектов (116 млрд. рублей, впрочем, Минфин РФ ориентируется на объем в 72 млрд. рублей¹²; на 2007 год финансирование предполагает выделе-

⁷ Рогов С. Указ.соч. Ч. II. С. 82.

⁸ Там же. Ч. II. С. 82–83.

⁹ Там же. Ч. II. С. 92–93.

¹⁰ *Россия и страны мира*, 2002: Стат.сб./Госкомстат России. – М., 2002. – С. 78, 334.

¹¹ Рогов С. Указ.соч.

¹² http://www1.minfin.ru/off_inf/1763.htm

ние 230 млрд. рублей) определяет именно коррекцию ситуации, а не ее радикальное изменение.

Означает ли вышеизложенное, что следует отказаться от реализации идей административной реформы в России? Отнюдь нет. Более того, реформа государственного аппарата и принципов его организации в РФ является еще более насущной задачей, чем в развитых странах. И при ее реализации в России необходимо учитывать конкретные параметры реформируемого объекта именно для того, чтобы в максимальной степени реализовать концептуальные идеи, направленные на обеспечение прозрачности, гибкости, отзывчивости, подотчетности гражданам системы государственного управления.

Учет конкретных условий и обстоятельства современного политического развития России предполагают реформирование госслужбы в России в последовательности двух этапов. На первом целесообразно сосредоточить усилия на укреплении базовых оснований традиционной (веберовской) модели госслужбы (рациональность, ориентация на формализованные процедуры в противовес персоналистской ориентации на патрона, прозрачность, четкость, подотчетность обществу, ликвидация коррупции). Эксперты отмечают, что для России и сегодня остается актуальным ряд положений этой классической теории бюрократии.

Задачи второго этапа предполагают соотнесение опыта реформ госуправления в развитых странах с особенностями современного этапа национально-государственного строительства в России, с учетом специфики общественно-политического и финансово-экономического состояния государства.

Алла ЯЗЬКОВА

ПРАКТИКА ФЕДЕРАЛИЗМА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Идеи федерализма получают в наши дни все более широкое хождение, и можно без преувеличения утверждать, что эта проблема становится важнейшей для государственного строительства не только в Российской Федерации, но и в большинстве государств постсоветского пространства.

Региональные конфликты истекших двух десятилетий наглядно показали опасность отхода от основ федеральной организации общества, сопровождаемого ограничением или урезанием возможностей местного самоуправления, будь-то в рамках объединения национально окрашенных субъектов или политико-территориальных единиц.

Затяжные внутренние конфликты на территориях Азербайджана, Грузии, Молдовы демонстрируют бесперспективность силовых методов их разрешения. В то же время упрощенные представления о федеративных и автономных формах государственного устройства регионов, сложившиеся в советские времена, препятствуют регулированию внутригосударственных конфликтов.

Федерация и, тем более, автономия однозначно воспринимаются как конструкции, призванные обеспечить подчинение федеральному центру, хотя смысл федерализма заключается в сбалансированности властных полномочий центра и регионов. Уровень же самостоятельности, как и формы взаимоотношений, могут быть разными даже в рамках одного государства¹.

В свете сказанного представляется целесообразным рассмотрение международного опыта федерализма, как в современном, так и в историческом разрезе.

Эффективное функционирование входящих в систему евро-атлантической цивилизации государств, а в эпоху глобализации – также и их многостороннее общение – во многом обусловлено наличием общей для

¹ Подколзин А.В. О политико-правовом пространстве федерализма. // [www./serv-er.ru/user/oppf/23.012006](http://www.serv-er.ru/user/oppf/23.012006)

многих из них политической самоорганизации общества – федерализма². Само же понятие федерализм теснейшим образом связано с появлением и развитием современных общественных отношений, рыночной экономики, гражданского общества и национального государства.

В основу созданной на его основе формы государственности заложена необходимость формирования геополитического пространства государства как объединения территорий членов (субъектов) федерации. Они, в свою очередь, наделяются учредительной властью, обладают ограниченным суверенитетом, включая наличие собственной конституции.

Особенность федеративного устройства, в отличие от унитарного, с одной стороны, и конфедеративного, с другой, состоит в том, что, наряду со сложившейся практикой горизонтального разделения властей (законодательная, исполнительная и судебная ветви), оно предусматривает также вертикальное разделение властных полномочий между различными уровнями – федеральный центр, субъекты федерации, местные органы власти.

Полномочия и компетенции федеративного центра и субъектов федерации определяются союзной конституцией, которая предусматривает возможность наличия единого (федеративного) гражданства и/или гражданства федеративных единиц. Наконец, в современных условиях во многих странах заявляет о себе проблема соотношения принципов федерации с необходимостью решения национальных проблем, что становится особенно актуальным в связи с усилившимися тенденциями роста национального самосознания, а также колоссально возросшими потоками миграций.

В российской и зарубежной политологической и правовой литературе существует множество определений и трактовок понятия «федерализм»³. Обобщая их, известный американский теоретик федерализма Д.Дж. Элейзер указывал на наличие целого ряда его подвидов⁴.

Это и собственно *федерация*, предполагающая наличие наделенного властными полномочиями центрального правительства, при этом составляющие федерацию субъекты получают право на самоуправление и на соучастие в общем конституционном управлении. Для роспуска федерации необходимо согласие всех или большинства входящих в ее состав субъектов. Важной ступенью к развитию современных форм федерализма стала *конфедерация*, при которой ее участники сохраняют суверенитет и законодательные полномочия и располагают правом свободного выхода. По мнению Д.Дж.Элейзера, наиболее характерный пример конфедерации в современных условиях – Европейский Союз.

² Происхождение термина – от латинских слов «feodus», «foederatio» – соглашение, союз, объединение.

³ Фарукшин М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Изд-во Казанского университета, 1998, с. 14–20.

⁴ Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм. – Полис, 1995, №5.

Менее известно такое понятие, как *федератизм* (*federacy*), предполагающее установление ассиметричного типа взаимоотношений между субъектом и более крупной федеративной державой при наличии широкой автономии субъекта. Иногда этот тип взаимоотношений определяется как *содружество* (*commonwealth*), его примеры – отношения США с Пуэрто-Рико или Гуамом. Наиболее распространенная форма федератизма – *ассоциированная государственность* (*associated statehood*).

Существуют также унии (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии), лиги (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), кондоминиумы (Андорра под совместным протекторатом Франции и Испании).

Что касается собственно федерации, то ученые-правоведы выделяют три ее наиболее известные категории, отражающие различные формы взаимоотношений между центром и субъектами, преимущественно в сфере экономики – договорную, централистскую и кооперативную федерации, позволяющие проследить тенденции исторического развития социально-экономических основ федеративной государственности⁵.

Договорная форма основана на передаче объединяющимися субъектами (государствами) части своих прав новообразованному центру, и федеральное правительство не может приобрести дополнительных прав, прежде всего, в сфере экономики, без предварительного согласия субъектов, поскольку оно сформировано ими.

Централистская форма основывается на том, что социально-экономическая (соответственно, и политическая) жизнь в отдельных частях государства должна регулироваться решениями общегосударственных органов. Обоснованием этого служит тезис о том, что только народ всей страны образует единственно законный источник суверенной власти, и потому решения центрального правительства являются приоритетными и обязательными.

Кооперативная форма получает в Европе все большее распространение, будучи основана на социальном и экономическом сотрудничестве между федеральным центром и субъектами федерации, подверженном в то же время коррективам в соответствии с возникающими новыми условиями. При этой форме широкое распространение получают целевые программы развития, при реализации которых повышается роль субъектов федерации, развиваются конкурентные отношения между ними.

В процессе исторического развития конкретные формы федеративного устройства того или иного государства подвергались изменениям, прежде всего, в вопросах взаимоотношений между федеральным цент-

⁵ Обобщенные характеристики этих форм см. «Федерализм. Энциклопедический словарь». М., 1997, с. 245.

ром и субъектами федерации, преимущественно в сторону их ужесточения. Нельзя, однако, не признать, что заложенные в основу федерализма, как одного из наиболее масштабных явлений европейской цивилизации нового и новейшего времени, и сложившиеся на практике «правила игры» сохраняются по сей день. На современном этапе вырисовываются также и перспективы утверждения *Европейского федерализма* – особой, находящейся в становлении формы экономического и политического союза государств Западной и Центральной Европы.

На рубеже тысячелетий из общего числа политически суверенных государств мира лишь 24 отвечают критериям федерализма, но в них проживает более 2 млрд. человек, или около 40% населения планеты⁶. Федерализм сохранился в большинстве развитых европейских стран, несмотря на то, что в годы Второй мировой войны их территории подвергались неоднократным изменениям. В послевоенные годы преимущества федерализма по сравнению с унитаризмом были оценены целым рядом ранее унитарных и в то же время многонациональных и многоконфессиональных государств. Постепенно они приходили к соответствующим конституционным решениям, исходя из того, что лучшим способом совместного проживания является децентрализация власти, ее передача на более низкие этажи политико-управленческой системы.

Такого рода решения были приняты в конце 1948 г. Индией, в 1969 г. – Бельгией, в 1975 г. – Испанией. Устойчивая тенденция к возрождению федерализма отмечается сегодня и в других странах, ориентирующихся на экономически наиболее развитые – США, ФРГ, Канаду, где, несмотря на все существующие проблемы, очевидны преимущества федеративного устройства. В то же время показателен также и возросший интерес исследователей к изучению причин, породивших распад федераций на территориях бывшего СССР, СФРЮ, ЧССР.

В зарубежной и отечественной литературе последних лет постоянно подчеркивается взаимная зависимость развития федерализма и демократии. Примечательно в этой связи наблюдение автора изданной в США книги И. Дукачека: федерализм – это «территориальное выражение внутреннего кредо демократии»⁷.

А Д.Дж.Элейзер полагает, что, будучи основой последовательного проведения в жизнь принципа разделения властей, как по горизонтали, так и по вертикали, федерализм неприемлем для авторитарных и тоталитарных режимов.

Рассматривая исторические истоки федерализма, можно заметить, что элементы федерализма (конфедерализма) существовали еще в античности (Древняя Греция, Античный Рим) и в период Средневековья, но в их совре-

⁶ Watts R. Federalism in an era of globalization. – International Social Science Journal. March 2001, # 167, p. 9.

⁷ Duchacek I. Comparative Federalism: the Territorial Dimension of Politics. Lanam, 1987.

менном понимании идеи федерализма возникли в западноевропейской общественно-политической мысли в эпоху раннего нового времени. Одним из первых, кто обратился к этой проблеме, был Иоханнес Альтузиус (1562–1638), предложивший «федеральную теорию народного суверенитета», согласно которой государство должно было выступать как союз общностей, возвышающийся над меньшими по размерам общностями или союзами, связанными между собой прямо или косвенно особыми соглашениями.

Разработку идей федерализма продолжил один из лидеров квакерского движения в Северной Америке Уильям Пенн (1644–1718), изложивший в книге «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе» план создания на договорной основе «всеобщего союза (федерации) государств», не только западноевропейских, но также России и Турции под управлением Верховного совета, Парламента или Палаты государств Европы.

К осмыслению идеи европейского федерализма обращались многие, но первым, кто выявил объективную закономерность, которая принудила людей к созданию государства и должна неизбежно способствовать созданию союза народов, несомненно, был Иммануил Кант (1724–1804). Отвергая «деспотический образ правления», Кант впервые установил связь между республиканизмом (системой управления, основанной на конституции, «на акте общей воли, благодаря которой масса становится народом») и необходимостью отделения исполнительной власти (правительства) от законодательной⁸. Им же было сформулировано положение, по сей день сохраняющее принципиальную важность: «Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств»⁸, – утверждал И.Кант.

Таким образом, европейская общественная мысль уже к началу XIX века выдвинула принципиально важные положения, которые могли быть положены в основу практической политики федерализма. Но опыт федерализма в Европе пока еще был недостаточным. Одной из первых европейских федераций был созданный в 1291 году конфедеративный союз трех кантонов – Швиц, Ури, Унтервальден.

Вся дальнейшая история свидетельствовала о тенденции к трансформации швейцарской конфедерации в федерацию, что фактически и произошло уже в XIX веке. Швейцарская Конфедерация (таково официальное название государства) остается одним из самых прочных государственных образований в Европе. Ее основной закон – окончательно утвержденная в 1874 г. конституция – действует по сей день, большую роль играют проводимые ежегодно референдумы, принимающие и утверждающие новые законы.

Федерацией семи соединенных провинций была основанная в 1579 г. и недолго просуществовавшая Нидерландская республика, оставившая имя современному государству – Нидерландам.

Принципиальным шагом в развитии и утверждении федеративных начал стало образование Соединенных Штатов Америки.

Во времена обсуждения американской конституции 1787 г. принадлежавшие к плеяде «отцов-основателей американской нации» А.Гамильтон, Д.Мэдисон и Д.Джей опубликовали под общим названием «Федералист» серию статей, пропагандировавших единство США на федеративной основе, и в резуль-

⁸ *Трактаты о вечном мире*. М. 1963, с. 159.

тате сумели завоевать общественное мнение, получив поддержку Т.Джефферсона. Согласно конституции, в США была установлена федеративная форма государственного устройства, предусматривавшая жесткое разграничение полномочий и компетенций между центром и штатами. К исключительному ведению центра были отнесены: регулирование внутренней и внешней торговли, установление налогов и сборов, чеканка монеты и определение ее стоимости, учреждение федеральных органов власти, набор и содержание армии, осуществление внешних сношений, регламентация авторского права и вопросов натурализации, управление территориальными владениями США⁹.

За штатами сохранялась «остаточная» компетенция: т.е. вопросы, которые не были отнесены основным законом или принятыми поправками к ведению федерации. Но в последней трети XX века роль штатов и местных органов власти на практике стала возрастать, и в этой связи многие исследователи и наблюдатели отмечали наступление эры «нового федеративного порядка» и перераспределения ряда полномочий в пользу штатов. Так, ряд штатов пошел на дополнение перечня основных прав и свобод человека, не перечисленных в федеральной конституции (в сфере защиты окружающей среды, образования, прав на медицинские услуги и совершение актов гражданского состояния, не говоря уже о различиях в налоговом законодательстве).

В современном евро-атлантическом мире федеративная система США представляется наиболее устоявшейся. По оценке специалистов, федерализм окончательно утвердился как одна из фундаментальных основ построения и развития американской государственности и политической организации общества, став частью американского образа жизни¹⁰. И все то главное, что присуще федерализму в его американском измерении, связано с фактом его превращения из чисто правового феномена (формы государственного устройства) в эффективное средство решения многочисленных проблем, в неотъемлемый образ жизни американского общества.

Некоторые американские штаты по численности населения, размерам территории и возлагаемым на их руководителей полномочиям сопоставимы с независимыми государствами современного мира (в качестве примера можно привести Калифорнию с населением 34 млн. человек и правительственным бюджетом почти \$100 млрд.). По показателю объема ВВП 25 ведущим странам мира не уступают 10 штатов США, а с 75 странами сопоставимы все 50 штатов США¹¹, и это не может не сказаться на характере отношений властей различного уровня – от феде-

⁹ Конституция Соединенных Штатов Америки. М.: 1993, с. 16.

¹⁰ Шило В.Е. Федерализм как часть американского образа жизни: общая теория и практика развития. - Доклад на конференции 30-31 января 2002 года в Казанском институте федерализма (www.kazanfed.ru/actions/konfer1/doklad5/).

¹¹ В.Е.Шило приводит эти данные, ссылаясь на: *Peirs N.R.* The Megastates of America. People, Politics and Power in the Ten Great States. N.Y., 1972; *Fry E.H.* The States of the USA Meet the Global Economy and IT Revolution. – In *Federations. What's new in federalism worldwide*. Vol.1, no.2, January 2001.

рального до муниципального. По свидетельству американских специалистов, вопросы федеративного развития и межправительственных отношений сегодня «занимают крайне важное место», хотя пока еще не смогли «трансформироваться в риторику предвыборных президентских кампаний или оказаться в фокусе общественного мнения»¹².

Глобализация способствовала появлению новой составляющей американского федерализма, имеющей стратегический и геополитический характер. Конкуренция таких мощных экономических соперников, как Европейский Союз, Япония, страны АТР, на практике привела к возрождению, хотя и в новых формах, доктрины Монро, созданию под эгидой США зоны свободной торговли первоначально с Канадой, а затем по оси Канада–США–Мексика. В дальнейшем это не исключает нового типа конфедеративных союзов в западном полушарии и уже сегодня привело к значительно более широкому участию субъектов американской федерации в международных связях и контактах. Если в 1970 г. только четыре штата США имели свои агентства за рубежом, то в настоящее время уже 42 штата и Пуэрто-Рико располагают сетью международных агентств и миссий в 30 странах мира¹³.

Американский федерализм, наряду с известной системой «сдержек и противовесов», сегодня приобрел роль достаточно эффективного балансира в перераспределении властных полномочий между центром, штатами и местным самоуправлением. Его способность к «самонастройке» не позволяет противоречиям между различными уровнями власти выливаться в конфликты, предлагая их политико-правовое разрешение на более ранних стадиях, что также характеризует качественно новый, «зрелый» уровень в развитии федеративных отношений в американском обществе.

Исследуя многочисленные разновидности и формы федерализма, сложившиеся к настоящему времени в Европе, специалисты различают:

- федерализм в англоязычных странах, имея в виду также и опыт колониального федерализма Британской империи, последующий опыт Британского содружества наций, а также проблемы унии Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (Ольстера);
- специфику федерализма в германоязычных странах, прежде всего в Германии и Швейцарии;
- федеративные черты, в различной степени проявившиеся в ходе автономизации ранее унитарных государств – Франции, Италии, Испании, Бельгии¹⁴.

¹² The Journal of Federalism, vol. 27, no. 2.

¹³ Шило В.Е. Современный федерализм в контексте международных отношений. – «США-ЭПИ», 1998, № 4.

¹⁴ Подколзин А.В. О политико-правовом пространстве федерализма (www.xserver.ru/user/opppf/ 23.01 2006).

Наибольший интерес представляют процессы утверждения федерализма в **Германии**, где его истоки прослеживаются в далеком прошлом. Созданная в 1871 году Германская империя сочетала в себе различные традиции и принципы при доминировании прусской государственности (доля прусского населения превышала 60%, а прусский король стал императором Германии). К началу XX века в империи сложилась устойчивая тенденция к унитаризму, при которой понизилось влияние бундесрата (федерального совета) и повысилась роль рейхстага как выразителя общих интересов империи¹⁵.

В дальнейшем германский федерализм испытал на себе последствия поражений в двух мировых войнах, господства тоталитаризма, оккупации и расчленения Германии после Второй мировой войны.

В ходе федеративного строительства в Западной Германии была проведена перекройка земель (при сохранении их исторической специфики и названий), что частично объяснялось необходимостью преодоления диспропорций в их экономическом развитии, частично же – проблемой избавления от «антипруссского комплекса». В отличие от этого, в государственном строительстве ГДР преобладали централистские начала, нивелирование регионального разнообразия. В результате накануне объединения (в 1990 г.) в западной части Германии было 11 земель, включая Западный Берлин, а в ГДР – 5 земель, которые в 1952 г. были расчленены на административные единицы и восстановлены в прежнем виде лишь в 1990 г. Тогда же Западный Берлин был объединен с Восточным в качестве новой федеральной земли. Но и сегодня все еще остаются различия в демографическом и экономическом потенциале земель ФРГ, что особенно касается все еще не преодоленного разрыва между западными и восточными землями¹⁶.

Тем не менее специалисты полагают, что сегодня уже можно говорить о государственном устройстве ФРГ как о «работающем федерализме», относя его к категории *кооперативного федерализма*. Это подразумевает существенную роль переговоров с целью согласования интересов и позиций федерального центра и земель, поэтому современный германский федерализм иногда называют «переговорной демократией»¹⁷. В то же время для него характерно четкое разграничение компетенций и полномочий, а также равноправие земель в отношениях с федеральным центром.

¹⁵ Йорг Релинг, Федерализм и демократия. Конституционный порядок в ФРГ. – Практика федерализма. М.: 1999, с. 173.

¹⁶ «Большая четверка» – Северный Рейн-Вестфалия (17,9 млн. жителей), Бавария (11,6 млн.), Баден-Вюртемберг (9,2 млн.) и Нижняя Саксония (7,2 млн.) – составляет более половины населения ФРГ, тогда как четыре малонаселенные – Мекленбург-Верхняя Померания, Гамбург, Саар и Бремен – в совокупности менее 7% жителей ФРГ. – Йорг Релинг, с.175.

¹⁷ Luthardt W. Abschied vom Deutschen Konsensmodell? Zur Reform des Foederalismus – Aus Politik und Zeitgeschichte Band 13, 1999, S.20.

Федерализм в Германии работает успешно, несмотря на все невзгоды, которые пришлось пережить немецкой нации (в понимании «nation state») за последние два века. За это время Федеративная Республика Германия стала классической симметричной федерацией, весь ход развития которой подтверждает мысль о том, насколько большое, если не решающее, значение имеет «почва», на которую «высаживается» федерализм. Прижиться и заработать федеративным институтам позволили давние региональные традиции в сочетании с проявленной на всех уровнях общества последовательностью в восстановлении демократических свобод после падения нацизма.

В XX веке федеративные черты в различной степени проявлялись в ходе автономизации многих европейских государств, в прошлом унитарных. В 1951 г. Вестминстерским статутом было оформлено **Французское сообщество**, федерация Франции, ее заморских территорий и бывших французских колоний, изъявивших желание остаться в Сообществе после получения независимости (в 1962 году на основе подписанных после многолетней войны Эвианских соглашений получил независимость Алжир).

В конце 1960-х годов во Франции предпринимались попытки реформирования административно-территориального устройства, планировалось укрупнение административных единиц – 96 департаментов, повышение уровня их автономии и реального статуса, что сократило бы возможности их управления из центра. Но поскольку позиции сторонников сильного центра во Франции традиционно сильны, эти планы постоянно вызвали противодействие, особенно в среде правых. Против них высказались и левые, усмотревшие в их продвижении антидемократизм в системе управления.

Тем не менее Франция вынуждена была расширить автономные права наиболее проблемных регионов, к числу которых относится Корсика, самая отсталая в экономическом отношении часть Франции и в то же время по уровню жизни превосходящая большинство французских департаментов. Несмотря на достаточно крупные «вливания» (по некоторым данным, в середине 1990-х гг. остров ежегодно получал 11 млрд. франков только правительственных субсидий, не говоря уже о финансовой поддержке со стороны Евросоюза), вооруженное противостояние сепаратистов, объединенных вокруг Национального фронта освобождения Корсики – НФОК, не прекращалось.

Постепенное расширение федеративных тенденций заметно также и в **Испании** – формально унитарном государстве, которое современные эксперты в области конституционного права нередко определяют, как «федерацию де-факто»¹⁸, хотя в Конституции 1978 г. термин «федерация» отсутствует. Характерно, что по причинам противоположного

¹⁸ Цит. по: Подколзин А.В. О политико-правовом пространстве федерализма, с. 5.

свойства против употребления этого термина выступали националистические партии Каталонии и Страны Басков. По мнению их лидеров, федеративное устройство уравнило бы их особый статус «исторических регионов» со статусом провинций, не обладающих особой культурно-исторической идентичностью. Центр же отвергал идею федерализма, как представляющую опасность для целостности государства. В Конституции 1978 г. в этой связи специально записано: «Ни в коем случае нельзя принимать форму федерации для автономных общностей»¹⁹.

После падения режима Франко и восстановления монархии в Испании получила развитие своеобразная модель, которую специалисты определяют как «государство автономий» («автономизация»). В каждой из существующих 17 автономных общностей принимаются местные законы, создаются местные органы управления, деятельность которых контролируется правительством, Конституционным судом, Счетной палатой. Но в целом государство остается унитарным, его основу составляет единый суверенитет, хотя и далеко не бесспорный.

В отличие от Франции и Испании, в **Италии** после Второй мировой войны были проведены административные реформы, которые определяются как «*конституциональная регионализация*». В 1948–1963 гг. в стране были образованы 5 автономных областей, наделенных достаточно широкими полномочиями, впоследствии их число расширилось до 20²⁰. В автономных областях (регионах), которые, в свою очередь, разделяются на провинции и коммуны, действуют выборные органы власти – советы, осуществляющие законодательные, исполнительные, распорядительные и другие функции, а председатели советов представляют области вовне. По мере внедрения практики деления на регионы Италия стала приобретать черты федеративного государства.

Можно, таким образом, утверждать, что в Италии на смену *конституционной регионализации* постепенно идет *федерализация* республики, однако интересы и позиции различных политических партий, а также Севера, Центра и Юга затрудняют завершение назревших реформ. Переходный период расставания с исторически обусловленным централизмом может поэтому, согласно оценкам итальянских специалистов, растянуться на длительное время.

Общим вектором политики государств евро-атлантического мира остается тенденция к расширению демократических начал, децентрализации властных и управленческих структур и предоставлению дополнительных прав регионам, имеющим национальную специфику. Это очевидно на примере перехода в 1989 г. от унитарной формы прав-

¹⁹ Там же.

²⁰ Российские специалисты подвергают сомнению правомерность употребления ранее принятого термина «область», считая его неудачным для обозначения итальянского «Regione». Более точным, по их мнению, является термин «регион». – Любин В.П. Федерализация Италии. – В кн. «Современная Италия». – М.: 2004, с. 52.

ления к федерализму одного из старейших государств Европы – **Королевства Бельгии**, события в истории страны, которое, по оценке ее премьер-министра, стало такой же датой, как само ее образование в 1830 г. в качестве независимого государства.

Суть федеральной реформы свелась к следующему. В стране существуют три равноправные лингвистические общины – фламандская, франкоговорящая (франкофоны) и немецкоговорящая, в соответствии с этим было принято решение о разделении небольшой по своей территории (около 30 тыс. кв.км) страны на четыре региона: Фландрия, Валлония, Брюссель и район немецкоговорящего населения. Центральное правительство передавало этим регионам на протяжении нескольких лет полномочия в самых различных сферах, и после его реорганизации в январе 1989 г. за ним были сохранены полномочия в области внешних сношений, обороны, безопасности, финансов и валютной политики, а также в вопросах поддержания внутренней безопасности. Остальные полномочия, включая самый широкий круг экономических и социальных вопросов, просвещение, культуру и здравоохранение, перешли в ведение регионов и общин, которые для этих целей располагают собственным бюджетом. Официальным языком во Фландрии является фламандский, в Валлонии – французский, соответственно, на этих языках осуществляется и делопроизводство.

Местные наблюдатели замечают, что спустя полтора десятилетия после децентрализации остается еще много проблем, но к унитарной форме не хочет возвращаться ни одна из национальных общин Бельгии.

Проблема самоуправления национально окрашенных территорий актуальна и для тех европейских стран, где эти территории и населяющие их этнические группы составляют абсолютное меньшинство, как, например, шведы, проживающие на Аландских островах, переданных Финляндии по решению Лиги Наций в 1921 году. Аланды имеют самый широкий суверенитет в вопросах организации внутренней жизни, за Хельсинки остается лишь право решения проблем внешней политики. И, несмотря на то, что 93,6% населения говорят по-фински, в Конституции Финляндии обозначены два государственных языка – финский и шведский, но двуязычие действует лишь на «Большой земле», а на острова финскому языку вход запрещен, и их жители имеют, помимо финского, еще и собственное гражданство, что ограничивает имущественные и иные права переселенцев с материка. Но конфликты на этой почве, как правило, не возникают²¹.

В целом же процессы децентрализации и федерализации становятся все более характерными для внутреннего устройства развитых стран евро-атлантического мира. В то же время под воздействием глобализации наметился процесс постепенного ограничения их государственно-

²¹ «Новые известия». 23.08.2000.

го суверенитета и расширения межгосударственных связей на основе конституционного федерализма²². Широкий круг связанных с этим вопросов обсуждался в ходе международной конференции «Федерализм в эпоху глобализации» (Квебек, 5–8 октября 1999 г.), где был также утвержден постоянно действующий Форум федераций²³. Целью конференции было провозглашено совершенствование практики федерализма, а также поиск оптимальных форм взаимодействия национальных федераций в эпоху глобализации, когда объективно понижается значение государственных границ.

Концепции общеевропейского федерализма появились изначально в результате серии катастроф XX века, кризиса национальных государств и прихода к власти диктаторских режимов. При этом просматривалась непосредственная связь между идеями проповедников европейской федерации – Ж.Моннэ, А.Спинелли и их единомышленников – и философским видением И.Канта, который считал, что импульсом к созданию такой федерации могут стать «разрушительные силы войн». По мнению А.Спинелли, это означало, что федерализм – на его новом витке – это «идеология и теория войны и мира», поэтому эпоха мировых войн стала началом мировой (европейской?) федерации (союза): «как только будут созданы федеративные институты, государства потеряют возможность развязывать войны»²⁴.

Основатель Европейского федералистского движения Ж.Моннэ, соратником и другом которого был А.Спинелли, совместно с ним разработал принципы европейской унификации, основанный на постепенном разделении властей по вертикали (между национальным и европейским уровнем), и это предложение было в свое время поддержано Фр. Митерраном и А. де Гаспери. Методом политического продвижения своих идей Ж.Моннэ считал *терпение* (*patience*). Как он впоследствии замечал, он научился этому у виноделов, будучи сыном производителя и продавца коньяка: «Я знаю, что значит долгое время ждать позитивных результатов. У коньяка мы научились ждать. Это – единственная возможность получить хороший продукт»²⁵.

Послевоенная история европейского федерализма показала, насколько прав был Моннэ. Политическая интеграция стран Западной Европы началась еще в 1950-е годы, но только к началу 1980-х годов уровень их сближения позволил предпринять практические действия по созданию качественно нового образования – Европейского Союза. В

²² Watts R. Federalism in an era of globalization. – In: International Social Science Journal. March 2001, # 167, p. 9.

²³ На конференции выступили президент США Б.Клинтон, президент Мексики Э.Цедилло, премьер-министр Канады Ж.Кретьен, а также ряд европейских политиков.

²⁴ Altiero Spinelli and Federalism in Europe and in the World (ed by Lucio Levi). Milano, 1990, p. 9.

²⁵ Monnet J. Memoires. Paris, 1976, p. 44.

декабре 1985 г. Европейский Совет глав государств и правительств одобрил Единый европейский акт, дополнивший договоры о создании Европейских сообществ и положивший начало более тесному сотрудничеству в области внутренней и внешней политики. И только после подписания в феврале 1992 г. Маастрихтского договора Союз европейских федералистов объявил, что создание Европейской федерации становится практической задачей. Но и сегодня на этом пути остается еще немало препятствий и трудностей.

Проблемы европейского и международного федерализма не нашли сколько-нибудь серьезного осмысления в отечественной литературе, за исключением фундаментальных трудов по проблематике экономической интеграции в Европе, а также немногочисленных изданий по общим вопросам федерализма и по истории федерализма в отдельных странах²⁶.

Полезными для понимания всей совокупности проблем представляются недавно появившиеся энциклопедические издания, содержащие статьи по различным аспектам федерализма²⁷. Обращает на себя внимание авторский подход к проблемам взаимоотношения и параллельного развития таких общественных субстанций, как федерализм и демократия, которые исторически были теснейшим образом связаны друг с другом. «Более того, именно процессы либерализации и демократизации государственно-политической системы на протяжении всего нового времени, особенно в XX веке, способствовали как появлению теорий и концепций федерализма, так и становлению федеративных государств. Показательно, что первые демократические государства, такие, как Швейцария и США, формировались как федерации», – пишет А.А.Мелкумов²⁸. Далее он замечает, что внутреннее родство федерализма и демократии проявляется в их договорной природе, сознательном и широком участии субъектов договора в выборе базовых принципов политического устройства, сохранении внутри единого политического сообщества множества центров власти. И каковы бы ни были статьи конституции, устанавливающие форму государственного устройства, на практике федерализм несовместим ни с авторитарными, ни, тем более, с тоталитарными режимами, стремящимися к централизации власти и подавлению оппозиции²⁹.

²⁶ Фарушкин М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. – Изд-во Казанского университета, 1998; Бусыгина И.М. Германский федерализм: история, современное состояние, потенциал реформирования. – Полис, 2000, №.5; Рыкин В.С. Австрийский федерализм. – М.: 1998; Шило В.С. Канадский федерализм и международные отношения. – М.: 1985; и ряд других.

²⁷ Федерализм. Энциклопедический словарь. – М.: 1997; Федерализм. Энциклопедия. – М.: 2000.

²⁸ Федерализм. Энциклопедия, с. 561.

²⁹ Там же, с. 562.

В зарубежной литературе проблематика соотношения федерализма и демократии представлена многочисленными трудами, изданными в 1950-е – 1990-е годы. Наиболее общие выводы по всему этому кругу проблем были сформулированы в книгах и статьях Д.Дж.Элейзера, одного из ведущих зарубежных исследователей эволюции, принципов и форм федерализма³⁰. Подводя итоги целого ряда сравнительных исследований, автор также сформулировал некоторые из положений, важных для понимания сути федерализма, как наиболее перспективной формы организации общества и формирования международных отношений. Представляется поэтому полезным суммировать некоторые из них.

По мнению Элейзера, необходимой и жизненно важной основой для продвижения идеи федерализма является наличие *гражданского общества*, при котором «граждане могут сами добиваться для себя счастья, как они его понимают». У правительства имеется достаточно власти для регулирования тех сфер общественной жизни, в которых может потребоваться принудительное вмешательство, но еще большая часть общественной жизни должна организовываться индивидами, добровольно объединяющимися для сотрудничества в достижении общих целей. Гражданское общество состоит из индивидов и их ассоциаций; федеративное гражданское общество предполагает наличие широкого спектра таких ассоциаций. При этом политически полновластный народ (как правило, о нем говорят как о «политически полновластном *волей Божьей*») заключает договор о формировании *политического сообщества* (*body politic*, *commonwealth*) и посредством этого или дополнительного договора учреждает правительства и передает им столько власти, сколько считает нужным. Ни одно правительство не является в этом случае полностью суверенным, теоретически оно обладает только теми полномочиями, которые делегированы ему суверенным народом. Но и то, и другое принципиально отличается от «олигархической модели», при которой существует единый центр власти, окруженный периферией, оказывающей на него большее или меньшее воздействие. Структурная децентрализация, утвержденная посредством внедрения федералистских принципов и осуществления соответствующих мероприятий, использует силу институтов, учрежденных именно для того, чтобы предотвратить или по крайней мере значительно ослабить это воздействие. При такого рода *федеративном устройстве* правительство является потенциально наиболее сильным субъектом, контролирующим выполнение жизненно важных задач, тогда как, если речь идет о конфедерации, основные составляющие ее единицы несут главную властную нагрузку.

Составные части, на которые делится территория *государства* или *политического сообщества*, не обязательно должны быть полностью равными, они могут весьма сильно различаться между собой, при том, однако, условии, что ни одна из этих частей не будет столь обширной или доминирующей, чтобы это угрожало (или создавало впечатление, что угрожает) единству или полномочиям остальных.

³⁰ Elazar D. Governing Peoples and Territories. Philadelphia, 1983; Elazar D. Exploring Federalism. Tuscaloosa, 1987; Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм. – Полис, 1995, № 5; и ряд других.

Во времена второго рейха Пруссия подавляла все другие государства, входившие в состав германской федерации, до такой степени, что прусские институты выполняли функции общегерманских. В то же время Соединенные Штаты, в состав которых входят и столь громадные штаты, как Калифорния, и столь маленькие, как Род-Айленд, от существующих различий, возможно, даже выигрывают, поскольку, когда начинают действовать факторы, связанные с географическим положением и политической культурой, подобные неравенство и многообразие могут выступать в качестве стабилизирующих элементов.

В отдельных случаях все же оказывается возможным заключение двусторонних соглашений между центральным правительством и отдельными конкретными субъектами. Так, с принятием Конституции 1978 г. в современной Испании были заложены основы федеративной системы и страна была поделена на автономные региональные сообщества. Одновременно предусматривалось, что Страна Басков и Каталония, а также любая другая региональная общность, которая того пожелает (в конечном итоге ими оказались Галисия и Андалусия), могут в индивидуальном порядке вести переговоры с Мадридом относительно устройства своих управленческих механизмов и объема передаваемой региональным правительствам власти. Большинство других регионов страны предпочло удовлетвориться тем базовым разделением власти, которое устанавливалось конституцией и введенными в соответствии с ней законами. Во всех случаях, однако, каждая входящая в состав страны территориальная единица получила собственное региональное правительство, обладающее переданным ему и гарантированным конституцией определенным минимумом реальных властных полномочий.

Все эти элементы структурной композиции и построения институтов, вводимые с целью обеспечить создание сложной системы разделения компетенций и полномочий, будут эффективными лишь в том случае, если они обслуживают население с равноценной или, по крайней мере, близкой *политической культурой*. Необходимость наличия особой федералистской политической культуры признается уже всеми специалистами в области сравнительного федерализма, хотя вопрос о ее составляющих до сих пор не до конца выяснен. Наиболее адекватной федерализму является, по общему признанию, политическая культура Швейцарии, но элементы, подкрепляющие федеративное устройство, обнаруживаются в политических культурах и других «классических» федераций. Прийти к той или иной форме федеративного устройства можно и в том случае, если в рамках потенциального федеративного образования имеется несколько политических культур, уравнивающих друг друга. Но если политическая культура враждебна по отношению к основным постулатам федерализма, возможности существования федеративной системы в какой бы то ни было форме резко сокращаются.

Чтобы быть дееспособными, любые федеративные системы и их механизмы должны создаваться на основе *широкого общественного согласия*. В конфедерациях «старого образца», образованных из ранее независимых государств, набор входящих в систему субъектов чаще всего определялся изначально; случаи, когда в уже готовое объединение входили новые члены, были крайне редкими. Однако другие федеративные образования, и особенно конфедерации «нового типа», создаются на основе скорее серии соглашений, чем единовременного акта объединения. Так, в частности, создавался Европейский Союз, аналогичным образом в средние века и на заре нового времени строилась Швейцария, в XIX в. сменившая свое конфедеративное устройство на федеративное. Двигается ли Европейский Союз в том же направлении дальше или нет, сказать пока трудно, однако если его цель – сохранение конфедеративного (или равноценного конфедеративному) устройства, его сегодняшняя политика, основанная на поступательной серии соглашений, представляется вполне удачной.

Чтобы успешно функционировать, каждая федеративная система должна найти надлежащий баланс между *сотрудничеством* центрального правительства и федерированных единиц и конкуренцией между ними. Это предполагает взаимопризнание законов в административной и судебной практике и введение «двухуровневого федерализма», «федерализма сотрудничества», позволяющего центральному и местному правительствам добиваться достижения общих целей. Если же каждое из этих правительств не будет сохранять за собой право на принятие решений и свободу сказать «нет», данное «сотрудничество» окажется лишь прикрытием насилия со стороны центральной власти. Аккумуляция центральным правительством громадных полномочий в сфере налогообложения в ущерб правам штатов в Австралии, широкое использование президентского правления в Индии – вот лишь некоторые из множества примеров, которые можно было бы привести, иллюстрируя подобное развитие событий.

Проводившиеся в последние годы исследования позволяют лучше понять существо *противостоящих федерализму сил*. Одни из них выступают с *унитаристских* позиций, другие стремятся к *фрагментации*. К первой категории относятся силы, исповедующие *тоталитарный* и *технократический* подходы. Для тоталитаризма неприемлема сама идея легитимности разделения властных полномочий, противодействие, которое встречает федерализм со стороны технократических иерархий, не носит столь всеобъемлющего характера. На протяжении первых двух третей XX столетия утверждению федерализма препятствовали, прежде всего, унитаристские тенденции в обществе.

Наиболее опасен для федерализма *этнический национализм*. Бытует представление, что федерализм может быть эффективным средством решения проблем, связанных с межэтническими конфликтами.

На деле же образованные по этническому принципу федерации имеют наименьшие шансы на сохранение, поскольку они, как правило, не хотят сливаться в более тесные объединения, в них заложено постоянное стремление к расширению суверенитета и в конечном счете к независимости.

Необходимость обуздать этнический национализм является на сегодняшний день не только самой распространенной, но и самой труднореализуемой задачей для федерализма. Восходящий к образцам XIX в., он стремится навязать любому свободному правительству бескомпромиссность, в то время как федерализм – это демократическая «золотая середина», предполагающая переговоры и компромиссы. Многие ожидания, связанные с использованием федеративных принципов и механизмов, часто оказываются иллюзорными.

И все же никогда прежде эти принципы и механизмы не применялись в европейской и международной практике столь широко и успешно, как в настоящее время. Принципы, механизмы и практика федерализма, как и демократии в целом, даже когда они воплощаются не в полном объеме, несомненно, способствуют укреплению всего того позитивного, что наработало человечество на протяжении своей долгой истории.

Михаил КАТЫШЕВ, Валентин ДЕМИН

ПРАВОВАЯ СТРАТЕГИЯ И ПРАВОПОРЯДОК*

Если уж говорить о действительных, а не мнимых правовых ресурсах российской государственности, стоит именно со стратегических позиций еще раз оценить весьма серьезные возможности органов прокуратуры. В последние годы само назначение прокурорского надзора и его роль всячески извращаются. Между тем речь идет о структуре, имеющей вековые устои и традиции в российской государственности, одной из ее стержневых опор в сфере правопорядка.

Единственным назначением прокуратуры является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Функция – служить только правопорядку – не может быть реакционной или репрессивной и соответствует самым прогрессивным взглядам на роль правовых механизмов.

Основной упрек в адрес прокуратуры – в том, что она якобы противостоит правам человека – глубоко неверен по существу. Проверка обращений людей по поводу нарушений их прав действительно всегда была и остается одним из основных направлений работы прокуроров. Масштабы и характер этой реальной деятельности таковы, что именно они определяют на деле ее социальную роль. Да, в работе прокуратуры по защите прав граждан есть серьезные недостатки. Но ни один орган государственной власти никогда не проверял и не удовлетворял столько обращений, сколько это делает прокуратура.

За последние пять лет (2001–2005) в прокуратуру поступило 5,8 млн. жалоб и заявлений, и удовлетворено 1 млн. 400 тысяч! И это не просто статистика.

подавляющая часть обращений – жалобы на действия различных органов власти и должностных лиц. Удовлетворение сотен тысяч таких жалоб, принятие по ним конкретных мер по восстановлению нарушенных прав – это масштабная и эффективная правозащитная дея-

* Окончание. Начало см.: «Вестник аналитики», №3-2006 г.

тельность, которая вытекает из правозащитной функции и является реальным фактором защиты прав человека от нарушений со стороны аппаратов власти.

Подобная деятельность любого государственного учреждения полностью отвечает стратегии правового государства. Если за что и стоит критиковать прокуратуру – то только за то, что свою полезную работу она могла бы проводить еще активней, последовательно опираясь на энтузиастов-правозащитников и их организации.

Таким образом, прокуратура в России была и остается действенным звеном правовой системы со значительным и энергоемким положительным потенциалом. Он в полной мере должен быть оценен и востребован в интересах человека и правопорядка. Во всяком случае, предложения о ликвидации прокуратуры как самостоятельного органа представляются необоснованными и ошибочными по существу.

Серьезные выводы надо делать и из того, что любое искусственное сужение надзорных функций прокуроров на основе оторванных от жизни догматов отрицательно сказалось везде, где это произошло. Достаточно указать на неприглядное положение, в котором оказался арбитражный процесс после фактического устранения из него фигуры прокурора.

Конечно, механизмы прокуратуры и сферы ее деятельности требуют совершенствования. Ей несвойственны, к примеру, обязанности «координировать» действия правоохранительных ведомств, не имея для этого должных организационных, финансово-материальных и кадровых ресурсов.

Есть серьезные проблемы с обеспечением реальной независимости прокуроров, особенно в субъектах Федерации. Еще не единичны факты неоправданного вмешательства, необоснованных решений, угодничества перед различными влияниями. Нам, как бывшим сотрудникам прокуратуры, проработавшим в ней десятки лет, претят факты правовой неряшливости и ангажированной необъективности по некоторым конкретным делам последних лет.

Обстоятельства, связанные с отставкой генерального прокурора Устинова, убеждают, что реальной независимости этой конституционной фигуры как не было, так и нет. И уж совершенно неприлично выглядит ситуация, когда конституционная гарантия независимости – решающая роль парламента в его назначении и отстранении от должности – превращена в профанацию, в простую формальность оформления чужой воли.

Что ж, это очередной хороший урок для тех, кто жонглирует таким понятием, как «независимость», кто отрывает его сущность от реальных условий нашего бытия...

Аспекты, связанные с прокуратурой, в стратегическом отношении являются лишь частью проблемы роли внесудебного разрешения право-

вых конфликтов. Практически оно было и остается одним из традиционных и оправдавших себя способов восстановления справедливости в спорных ситуациях. В условиях России, с несклонностью ее народов к судебному сутяжничеству, внесудебное урегулирование особенно актуально. Такое урегулирование свойственно, например, большинству конфликтов между гражданами, а также между гражданами и властью, если решение, принятое на основе закона, удовлетворяет обе стороны.

Рассмотрение обращений в прокуратуре стало одним из наиболее распространенных способов внесудебных правовых решений. В таких случаях правовой аппарат, состоящий из профессиональных юристов, делает свои выводы о законной стороне конфликта. Поскольку выводы сделаны компетентными и незаинтересованными в исходе дела специалистами, с ними, как правило, соглашаются. Такое разрешение конфликтов и споров, допускаемое и регламентируемое законами, укрепляет правопорядок.

Сама прокуратура – уже по определению – конфликтует только с нарушителями правопорядка и призвана отстаивать и восстанавливать нарушенные права.

Важно, чтобы прокуратура имела возможность эффективно осуществлять свою правозащитную функцию во всех сферах, где ее надзор может способствовать утверждению правопорядка и устранению нарушений законности. Сужать пределы прокуратуры лишь до уголовного преследования в нынешних условиях было бы крупной ошибкой, ибо во всех других сферах правопорядок лишился бы одного из своих основополагающих механизмов.

Представляется, что опыт российской прокуратуры, которая в сложных условиях XX века оставалась «бюро жалоб простого человека» и, во многих отношениях, даже фактически противостояла тоталитаризму, – такой опыт может быть полезен и востребован многими другими развивающимися странами, где идее подлинной государственности еще предстоит нелегкий период созревания.

О судах

Стратегическим просчетом, на наш взгляд, являются попытки свести все проблемы совершенствования правовой сферы к так называемой судебной реформе, которая выдается за главную и чуть ли не единственную задачу необходимых правовых преобразований.

При всей несомненной важности высокого уровня правосудия оно никогда не решало и не было способно решить всего многообразия задач, стоящих перед правовой сферой.

Бесспорно, что независимость судов крайне важна для правопорядка. Однако такая независимость не должна фактически превращаться в полную бесконтрольность. Уровень судопроизводства – даже по при-

знанию руководителей Верховного суда – далек от эталона, а злоупотребления правосудием носят массовый характер. Судебные процедуры при этом позволяют тянуть процессы годами, превращая их в бесконечные тяжбы.

Критерии «реформирования» судов, если не считать общих деклараций о значении их независимости, стали совсем туманными. Они совершенно оторваны от конкретных результатов работы судов, не учитывают резкого падения их авторитета в народе. Избавиться от судьи-взяточника стало исключительно трудно. Нет отчетливого представления о том, как улучшать работу судов и «на самом верху». Д.Медведев, например, заявил, что «реформа судов завершена», а Д.Козак – что «результаты судебной реформы катастрофичны и угрожающи. Так, как и другие, эта система поражена коррупцией, и правды там найти невозможно» («Коммерсант», 28.01.2005).

Как известно, и Президент России В.Путин признал, что «мы позволили коррупции поразить судебную и правоохранительную сферу». Вряд ли такое «завершение» реформы ставилось как цель... Подобные оценки не добавляют, естественно, оптимизма при оценках состояния правосудия после «реформирования».

Представляется, что слишком легковесно в свое время было решено, будто суды не входят в систему правоохранительных органов. Намерения, конечно, были самые благие – оградить их от ведомственных влияний, от попыток встать над судебной системой и командовать ею. При этом было проигнорировано, что судебная система – естественная сторона правопорядка, что она и создана для того, чтобы своей властью и авторитетом гарантировать возможность каждому гражданину для охраны своих прав обратиться к судебной защите.

Ни в коей мере нельзя допускать, чтобы судебные и внесудебные процедуры утверждения правопорядка рассматривались как противостоящие друг другу сущности. И у тех, и у других есть свои достоинства и недостатки, но все они являются полноценными механизмами права и дополняют друг друга.

А сколько громких нареканий вызывали прокурорские протесты на приговоры и решения, которые прокуратура, как орган надзора, считала незаконными и необоснованными. Протесты объявлялись буквально посягательствами на суверенность судебной власти, хотя внесились они не министру, не президенту, а в высшие судебные же инстанции, которые правомочны проверять законность судебных решений.

Судейский корпус – не корпорация юридических небожителей, а необходимое звено в контролируемой обществом системе правозащиты и обеспечения правопорядка. Именно с таких позиций общество вправе оценивать реальную роль судебных органов и реагировать на их ошибки.

Серьезны и обоснованны нарекания широких кругов общественности, связанные с бесконтрольностью и отсутствием должной логики в карательной практике, с ошибками в формировании и функционировании суда присяжных, с многочисленными проявлениями формального подхода при судебном санкционировании следственных действий. Разумные предостережения о серьезных проблемах и трудностях, возникающих при неподготовленной полной передаче таких функций судам, отвергались как проявление консерватизма и антидемократичности.

Вряд ли возможно построить правовое государство путем реконструирования отдельно взятого ведомства, искусственно разорвав его естественные связи с другими механизмами обеспечения правопорядка.

О гражданском обществе

Серьезные стратегические коррективы надлежит сделать и в оценках ситуации в так называемом гражданском обществе, которое, наряду с государственной властью, должно стать не менее важной опорой правопорядка.

Пока, как показывает опыт, общество обладает не только положительным, но и отрицательным потенциалом. В нем постоянно образуются, оживляются и активно проявляют себя различные силы, противостоящие закону. Несовместимая с законопослушанием теневая среда стала одним из необходимых условий существования многих миллионов людей.

Существенное различие интересов, серьезные противоречия между «слоями» и «прослойками» порождают здесь ничуть не менее острые проблемы, чем вечное противостояние «общества» с чиновничьим аппаратом.

Фактически каждая ячейка общества представляет собой среду, где вызревают свои понятия о том, что можно и чего нельзя, о справедливом и неправомерном.

Именно в среде своего повседневного общения люди получают самое реальное знание о пределах личной свободы и критериях равенства, о том, на чем основываются притязания на лидерство и власть. Среда вырабатывает и устанавливает свои правила поведения и формы ответственности за их нарушение. Можно утверждать, что в каждой такой ячейке – в семье, школе, на производстве, даже в толпе, во всех местах, где одни и те же люди постоянно общаются, – там, в рамках своего «порядка», везде существуют свои горизонтالي и вертикали власти, свои нормы поведения, которые могут совпадать с нормами официального права, а могут и противоречить им.

Когда в обществе утрачиваются моральные ориентиры и духовные ценности, а власть не хочет или не может обеспечить должный поряд-

док, каждая «ячейка» находит собственную модель поведения, которая, по ее понятиям, оправдана реальными условиями.

При таком разладе официальных установок и народного правосознания власть перестает быть олицетворением порядка и справедливости, а «интересы» государства воспринимаются как чуждые народу.

Опасности такого разрыва наглядно подтверждаются нынешними негативными тенденциями во всех основных «ячейках» общества и государства, начиная от семьи и кончая «аппаратами» власти и системой силовых структур.

Если право людей на достойную жизнь сводится к необходимости любыми способами вести борьбу за выживание, на первое место всегда будут выходить правила крайней необходимости в их самых крайне субъективных истолкованиях.

То, что среда и условия жизни, в которых нет даже задатков гуманного правопорядка, непосредственно формируют антиобщественное поведение, видно на примере миллионов нынешних беспризорных, которые просто обречены становиться уличной шпаной, постоянно пополняемым и неиссякаемым резервом организованной преступности. Лишенные интересов и перспективы, подростки используют любое сплочение, например, футбольное «фанатство», для совершения массовых хулиганств, насилия и вандализма. Такие подростки становятся удобным материалом для тех, кто разжигает межнациональные страсти.

Массовый характер, как известно, носит уклонение от налогов. Оно совершенно утратило «греховидность» в глазах людей, раз власть не обеспечивает нормальный прожиточный минимум основной части населения и обоснованное взыскание «сверхдоходов» у богатых.

Браконьерство, другие формы незаконного поведения, даже рэкет и воровство в глазах многих людей перестают быть неправомерными там, где нет других возможностей заработать на жизнь.

Недоверие к милиции, к судам, основанное на личном опыте контактов с ними, порождает повсеместное стремление уклоняться от выполнения гражданского и правового долга – оказывать помощь в раскрытии преступлений и осуществлении правосудия.

Российское правосознание давно формируется под влиянием хронически сохраняющегося в стране положения, которое еще в середине XIX века характеризовалось так: «начиная с первого министра и кончая последним мужиком никто теперь не знает, что теперь дозволено и что запрещено».

Подавляющее большинство из сотен тысяч зарегистрированных Министерством юстиции общественных объединений далеки от задач правоохраны и правопорядка, разрозненны и вообще не представляют собой сколько-нибудь цельной системы.

То же, к сожалению, можно сказать и о среде бизнеса.

Те органы, которые, по идее, должны представлять его интересы, пока не смогли стать реальной опорой правопорядка.

С одной стороны, бизнес, конечно, нуждается в сильной государственной власти, эффективной правовой системе и стабильном правопорядке, которые гарантировали бы надежную защиту собственности и рыночной деятельности. Но, с другой, главная беда российского бизнеса в том, что он взращен именно на теневых традициях и основах, на смычке с коррумпированной властью.

Недобросовестность в деловых отношениях, в значительной части буквально криминального характера, приобрела совершенно грандиозные размеры и, выражаясь языком решений Конституционного суда, стала «обыкновением практики».

Серьезную проблему представляет деятельность служб безопасности предпринимательских структур. Это, по существу, целая профессиональная армия, в которой служат сотни тысяч бывших сотрудников органов правоохраны, сохраняющих тесные связи с бывшими коллегами. Конечно, охранные службы нужны и необходимы. Однако их возможности нередко активно используются не для защиты от криминала, а против правопорядка. В этих целях широко применяются средства и методы, свойственные лишь спецслужбам государства, их информация.

Бытующая терпимость к таким явлениям, связанным с безнаказанным незаконным вмешательством в предпринимательскую и частную жизнь, даже с насилием, развязывает руки для грубых нарушений прав граждан и конституционного порядка, для совершения самых опасных преступлений.

Нельзя забывать и о том, что основной целью бизнеса всегда было и остается получение прибыли, а не решение проблем социального плана.

Подробное рассмотрение взаимоотношений бизнеса и власти выходит далеко за пределы нашей темы. Однако обращают на себя внимание попытки так представить картину событий, будто «бизнес сумел, по сути дела, бескровно и в достаточно сжатые сроки осуществить смену формы собственности (?!)», «хотя и с колоссальными издержками заложил основы рынка», «предотвратил экономическую катастрофу» (?!). («Политический журнал», № 38/41, 2004, с. 2–3).

Такие выводы не просто, мягко говоря, далеки от реальности, но и, по существу, оправдывают незаконные методы «образования первоначального капитала».

Общеизвестно, что в те недавние годы ни бизнес, ни власть не собирались оглядываться и молиться на закон, ибо у них были свои святцы...

Конечно, сейчас тому бизнесу, который выжил, уже нужен и закон, и стабильный правопорядок, хотя до легитимных отношений и объятий с властью ему еще далеко.

Особую опасность представляет клановый характер бизнеса. Используя мощь административного ресурса, во многих регионах их руководители захватили самые жирные куски собственности для себя и своих близких, заняли ключевые высоты в бизнесе.

Эта реальность наших дней противоречит всем правовым канонам и власти, и бизнеса, становится непреодолимым препятствием для действительной конкуренции на рынке.

Конечно, некоторые подвижки последнего времени позволяют федеральному центру более ощутимо влиять на губернаторов и их кланы.

Однако пока соотношение сил таково, что это влияние, особенно в развитых промышленных центрах, не стало решающим и далеко не ясно, каким оно будет в ближайшие годы.

Федеральная власть, судя по всему, не чувствует в себе достаточно силы, чтобы бескомпромиссно покончить с новоявленным местничеством. Вполне допустимо, что и сладости «экономического экстаза» ей не вполне чужды.

Сейчас, во всяком случае, центр откровенно демонстрирует сознательную близорукость, опирается на местных «воевод», флиртует с ними и пока еще уклоняется от прямой и масштабной постановки назревшей проблемы.

В разоблачении нарушений прав граждан и других беззаконий более серьезную, положительную роль могли бы играть средства массовой информации. Однако из-за явной ангажированности, дилетантства, склонности к безапелляционным оценкам, неумения и нежелания искать подходы для конструктивных решений упор во многих публикациях делается только на обличение власти и сенсации.

Без всесторонней помощи со стороны государства ощутимо поднять потенциал общественных сил правозащиты, в том числе средств массовой информации, не удастся.

Между тем лишь объединение усилий государства и общественности может стать действительным стержнем правовой политики. По нашему мнению, именно в усилиях по созданию в стране нормального правопорядка особенно плодотворно могут быть реализованы идеи президента России о необходимости активно включить в работу силы, которые ставят общенациональные интересы выше групповых, корпоративных и, тем более, личных.

Среди таких сил, несомненно, должны быть православная церковь и другие конфессии, которые идейно и активно поддерживают общечеловеческие моральные и правовые ценности, создание в обществе обстановки мира, согласия и взаимного уважения.

Поскольку в отношениях людей и государства накопилось много оснований для взаимного недоверия и других наслоений, нужно, говоря словами В.Путина, «начинать с того, что способно объединить всех нас» — с самых опасных «корневых проблем», которые «угрожают все-

му нашему дальнейшему сосуществованию. Уклоняться от них и дальше – много опаснее, чем принять вызов».

Такой общей для всех угрозой, безусловно, является террор нынешней организованной преступности, который во многих отношениях давно принял характер самой настоящей уголовной власти.

Махровая уголовщина, ее «теневая юстиция» превратили в фикцию гарантии личной безопасности населения, держат в страхе всех людей – и простых тружеников, и бизнесменов, и даже чиновников и сотрудников правоохранительных органов.

В том, что такое положение нетерпимо, что властью незамедлительно должны быть приняты самые жесткие меры, чтобы подавить уголовную мафию, что именно такая задача является самой главной для МВД, ФСБ, прокуратуры и судов – в этом отношении мнение всего общества совершенно едино.

Здесь не нужно никаких новых законов.

Народ должен видеть, что все, кто совершает опасные преступления, должны нести строгое наказание – как и положено по Уголовному кодексу.

Пока же фактически люди видят, что хулиганы, грабители, рэкетеры, наркомафия и бандиты часто действуют открыто, нагло и безнаказанно. Раскрываемость таких преступлений и качество следствия по ним – удручающе низки.

Хотя лишение свободы и даже смертная казнь никогда не были абсолютной панацеей, ясно, что в нынешней чрезвычайно опасной, запущенной и гнетущей ситуации уже нельзя обойтись без жесткой и скоординированной по всем линиям адекватной карательной практики по отношению к самым опасным «категориям преступников».

Пока же люди зачастую видят другое – их безнаказанность.

Угрозы безопасности людей, о которых В.Путин говорил пять лет назад, и сейчас остаются не менее опасными. Дело ничуть не сдвинулось с мертвой точки, а обещания навести порядок и декларации типа – «мы принимаем вызов» – остаются риторикой. Издевательством над законом и людьми стала и практика «правосудия», которое в отношении почти всех взяточников (80 процентов!) применяет только «условное» наказание. Умывать в такой ситуации руки, ссылаясь на пресловутую судебную независимость, не только близоруко, но и недопустимо. С такой практикой негативных тенденций не переломить.

Терпимость к подобным явлениям в праве говорит не только об уровне силовых ведомств и их бессильных руководителей. Она свидетельствует, что и высшая власть зачастую видит свою задачу только в провозглашении лозунгов, а организаторскую миссию полностью отдала на откуп исполнителям...

Если это не стиль, а конкретный просчет – его нужно незамедлительно исправлять, хотя бы для того, чтобы убедить общественное мне-

ние в искренности стремления власти навести порядок в стране. Два последних президентских послания в этом отношении ограничились общими словами.

Ахиллесова пята российской государственности всегда была в никудышном уровне исполнения законов. Законы, нормативные акты, обязывают каждое ведомство, каждый орган власти обеспечить правопорядок в своей сфере. Именно они, правительство и исполнительная власть в целом, ответственны за действительное положение с законностью, за предупреждение и пресечение халатности или злоупотреблений своих сотрудников. Однако вина за все провалы традиционно сваливается на правоохранительные органы.

Между тем всякое их вынужденное вмешательство – свидетельство явного неблагополучия в организационных и контрольных механизмах исполнительных структур, где произошло нарушение закона.

Действительной координацией актуальных вопросов правопорядка с задействованием всех ресурсов – социальных, материальных, культурно-воспитательных и принудительных – исполнительная власть системно не занимается, а ведь это ее прямое дело. Именно она призвана быть разработчицей идей, главной энергетической силой и рычагом любых совершенствований в праве.

Администрация президента, замкнувшего на себя силовые структуры, не является их вышестоящим звеном, не в состоянии осуществлять должный контроль за ними или непосредственно вмешиваться в их деятельность. Это отрицательно сказывается на выявлении и устранении беззаконий, создает впечатление полной бесконтрольности и безответственности даже за сомнительные «силовые» меры, которые будоражат всю страну.

До распада СССР в стране была пусть и не во всем совершенная, но вполне действенная система руководства правоохранительными органами, однако она оказалась полностью разрушенной. Между тем именно она системно решала вопросы подготовки, повышения квалификации и выдвижения кадров, позволяла изучать положение с законностью, выявлять и решать проблемы правопорядка, аккумулировать правовой опыт и идеи. Восстановление такой организационной структуры при президенте России, как гаранте законности, или при правительстве, призванном решать проблемы обеспечения правопорядка, – представляется необходимым. Полезным может стать и образование органов парламентского расследования, когда возможности иных аппаратов недостаточны для преодоления местнических, ведомственных или иных незаконных влияний, коррупционного пресса. Обнадешивает, что в Послании Федеральному Собранию эта идея одобрена.

Проводимым в стране правовым реформам никак не удастся придать системный характер. Поэтому они напоминают бесконечный ремонт в обветшалом здании, которое давно бы пора отстроить заново. Ситуация и тенденции в правовой сфере остаются неутешительными.

Право как не было, так и не стало стержнем, цементирующим общество и государство, системой реальных гарантий законных прав и интересов.

Без гуманистической, направленной на общественное благо правовой идеологии, без соответствующих ей принципов, целей, правовой политики и организации правовой системы право никогда не сможет стать одним из высших приоритетов государственного и общественно-го устройства. В несостоявшемся правовом государстве, в обществе, где эти цели не стоят и не достигнуты, оно не будет фактором обновления. В такой ситуации всегда будут заложены и скрыты самые опасные угрозы правопорядку.

Целью правовой стратегии должен стать новый правопорядок. Он должен служить не касте, клану, классу, властвующей партии или личности, а возможности для каждой личности проявить себя в человеческом социуме на основе взаимной ответственности за свое поведение. В этом мы видим главный критерий прав личности – основу правопорядка. Признание всяких прав всегда должно соответствовать общественному благу, его социальным и нравственным устоям.

Стабильность правопорядка – не насильственная консервация одних и тех же якобы застывших стереотипов поведения, а постоянное обновление критериев и правил с учетом требований жизни и тенденций обновления общества. Такой правопорядок предполагает развитие начала демократии. Слабый правопорядок ведет к ослаблению демократии, сильный – к ее укреплению. Принуждение – не главная цель правопорядка, а необходимое условие пресечения личной, общественной и государственной безответственности в поведении. Попустительство такой безответственности, безнаказанность подрывают правопорядок. Выбор адекватных мер воздействия и наказания за антиобщественное поведение – право каждой суверенной государственности. При таких критериях, лежащих в основе правопорядка, ему будут внутренне присущи вытекающие из природы человеческого сообщества правила поведения гуманного и нравственного характера.

Вся история человечества, во все эпохи и при всех цивилизациях, по существу, является историей борьбы людей с властью за верховенство своих прав и свобод. При всей противоречивости хода истории созидательная энергия объективно необходимого людям справедливого правопорядка, гарантирующего развитие, все же неизбежно и закономерно пробивалась сквозь все преграды и наслоения и стала определять главные тенденции общественного уклада.

Идея государственности, которая лежит в основе такого правопорядка, далеко не всегда идентична так называемым «интересам государства», за которыми нередко скрываются интересы тех или иных правящих группировок, противоречащие общественному благу. Утверждение права, правозащита органически вытекают из назначения

государственности и являются единственной содержательной функцией институтов и механизмов власти.

Вряд ли стоит ожидать новых плодотворных правовых открытий от деятельности образованной при президенте России Общественной палаты. Настоящей и крепкой общественной опоры у этой палаты, несмотря на ее название, пока нет и, судя по многим признакам, не будет в ближайшие годы. Обстоятельства формирования палаты во многом носили искусственный характер. Ее состав, в котором почти нет опытных правозащитников и компетентных в праве специалистов, представляющих основные силы общества, также не внушает радужных перспектив.

То, что эта палата – при таких ее качествах – уже называет свою работу «контролем» за деятельностью правоохранительных органов, представляется не просто сомнительным, но и опасным заблуждением. Некомпетентное вмешательство, подменяющее действительный общественный контроль, может породить лишь негативные явления, но никогда не станет серьезным фактором укрепления правопорядка. Мероприятия подобного толка, имитирующие контроль общества за правовой сферой и подменяющие его, не могут стать отправной точкой перехода к качественно новому этапу в правовой стратегии. Если не работают заложенные в самих правовых механизмах гарантии их эффективности, суррогаты таких гарантий не принесут обществу пользы.

Неблагополучная правовая ситуация в стране и трудности на пути ее улучшения исторически так уж сложились, что лишь единственным способом – или только сверху, или только снизу – ее не переломить. Если и государство, и общество и в дальнейшем будут поступать с правом так, как и сейчас, используя его сугубо утилитарно, с применением двойных стандартов, или полагаясь лишь на то, что со временем все само собой утрясется – надежды эти никогда не сбудутся. Без должного правопорядка все пустоты правового поля всегда будут заполняться зернами антиправа с генами и зарядами зла и хаоса. Таковы законы природы. Лишь безнадёжные догматики и фразеры могут упорно цепляться за формулу – «законность выше целесообразности».

В рамках общественной жизни нормы аморфной «законности» с ее совершенно неясным содержанием всегда определялись более высшей по иерархии категорией – пользой для человеческого социума. Именно законы человеческого бытия – подлинные источники действительных, а не мнимых духовных и правовых ценностей. Именно в этих целях постоянно должны укрепляться государственность и правопорядок, хотя, конечно, никогда не удастся добиться абсолютной независимости правовых систем от политической конъюнктуры. В условиях глобализации, образования единого миропорядка от взаимопроникновения и противостояния различных цивилизаций с разными правопорядками – неизбежно будут выкристаллизовываться не стандарты, а

эталоны, единые и наиболее целесообразные правовые ценности. Функции обеспечения должного порядка самим населением без обращения к государственным механизмам будут занимать все большее место в деятельности органов самоуправления.

Ни оторванная от жизненных реалий альтруистика – с одной стороны, ни предельно жесткая, ведущая к подавлению личности карательная практика – с другой, никогда не были и не могут быть магистральными направлениями современного права. Ясно одно: государственные механизмы должны работать четко, а государственная и общественная дисциплина должна быть на уровне требований правового государства. Незачем бояться упреков в «завинчивании гаек». Если агрегаты машины разболтаны, то гайки надо завинтить ровно настолько, насколько требует их нормальное рабочее состояние.

В своих размышлениях мы не касались чисто законодательных проблем. Все же заметим, что стремление максимально урегулировать в правовых нормах буквально все многообразие человеческого поведения тоже имеет значительные отрицательные свойства.

В России 89 субъектов Федерации, и каждый имеет свою систему законов. Если такое решение в свое время было вызвано тем, что 10–15 лет назад законодательная база только создавалась и любое заполнение правовых пустот было благом, ныне чрезмерное количество местных «законодателей» лишь затрудняет образование единого правового поля.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сергей ОЗНОБИЩЕВ

РОССИЯ – БРИТАНИЯ: НОВЫЕ ВРЕМЕНА – НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ?

В начале нового века избранный на пост Президента России В.Путин делал первые робкие шаги в «освоении Запада». Этот краткий период выстраивания отношений российского лидера с руководителями западных держав можно считать «романтическим». Была надежда, что многое в этих отношениях можно начать с «чистого листа». Была почти что уверенность, что можно продолжить и укрепить уже достигнутое во взаимоотношениях России и Запада. Однако личность В.Путина как президента была еще не ясна, и на вопрос «Who is Mister Putin?», заданный западным журналистом на экономическом форуме в Давосе зимой 2000 г., российские представители ответили молчанием, которое тут же попытались перевести в шутку.

В любом случае, западным лидерам не терпелось познакомиться с российским, пока еще не избранным, но уже «назначенным» президентом. Первым, кто решился на это, оказался премьер Великобритании Тони Блэр. В начале марта 2000 г., до выборов Президента РФ, он совершил неформальный визит в Санкт-Петербург для встречи с Путиным. Тони Блэр появился в ложе Мариинского театра, а затем в Петродворце – в обстановке, явно контрастирующей с «картинкой» многих, не очень позитивных материалов того времени, имевших хождение в западных СМИ о России.

Лидер одной из ведущих западных стран спокойно беседовал с «неизвестным Путиным», что было сигналом о том, что России и ее нового руководителя не следует бояться. Более того, Блэр призвал британских бизнесменов активнее инвестировать в российскую экономику и констатировал наличие терроризма в Чечне, признав необходимость вооруженной борьбы с ним. Он с энтузиазмом отозвался о желании нового партнера строить «сильную Россию». Неофициальный визит, а вернее, политически весьма смелый поступок Блэра (и особенно его последующие рекомендации) как первого лидера Запада, встретившегося с «и.о. президента России», в значительной степени определил и особый характер отношений между главами двух стран на протяжении нескольких последующих лет.

Полюсы большой политики

В тот момент времени, когда Путин еще «присматривался» к миру «большой» политики, роль лидера Великобритании трактовалась в России гораздо шире – ведь он мог выступить в качестве перспективного посредника в отношениях между Кремлем и «всем Западом». Выдвигались предположения, что Лондон, как ближайший союзник Вашингтона, сможет способствовать налаживанию отношений и между Россией и США.

Следует сразу сказать, что в некоторой степени прогнозы такого рода оправдались. Но иным расчетам не суждено было сбыться. Так, некоторые отечественные эксперты и политики рассчитывали, что Лондон сможет оказать «отрезвляющее воздействие» на Вашингтон в плане сохранения Договора по ПРО «как краеугольного камня» стратегической стабильности. Напомню, что в свое время подобную роль сыграла Маргарет Тэтчер в отношении попыток президента Рейгана и его окружения пустить под откос этот документ в 1980-е годы. Но в новые времена таким расчетам не суждено было сбыться – чуть больше чем через два года, в июне 2002 г., США в одностороннем порядке из Договора вышли.

На решительный шаг Блэра последовал и не менее решительный ответ. В апреле 2000 г. (не дожидаясь процедуры своей инаугурации) Путин, уже в качестве избранного президента, посетил Лондон с официальным визитом. Показательно, что российский президент специально готовился к визиту, «снимая» поступившие критические замечания Запада.

Это весьма показательно для иллюстрации произошедших перемен в российском политическом сознании – ведь сейчас мы все больше расцениваем подобную критику как попытку «вмешательства в наши внутренние дела» или как свидетельство недостаточной «пропаганды образа России за рубежом». Попытки построения российско-британского партнерства дают нам один из наглядных примеров трансформации отношения российского политико-экспертного сообщества к окружающему миру и к критическим замечаниям в свой адрес.

Но в те не очень далекие времена, реагируя на критику ПАСЕ по чеченскому вопросу, Владимир Путин заявил, что все факты нарушения прав человека и злоупотреблений в ходе операции в Чечне тщательно расследуются, и в случае подтверждения виновные будут наказаны по всей строгости закона. «Мы бескомпромиссны в этом вопросе», – подчеркнул и.о. президента¹.

Одновременно было дано разрешение на посещение столицы Чечни высокопоставленными главами аккредитованных в Москве диплома-

¹ http://www.lenta.ru/vojna/2000/04/13/human_rights

тических миссий ЕС. До того иностранные наблюдатели доступа в чеченскую столицу не имели.

Было и еще одно «домашнее задание», выполненное российской стороной перед поездкой президента РФ в Лондон. Новый характер отношений лидера России с парламентом позволил выполнить то, что не удавалось Ельцину на протяжении многих лет, – «продать» ратификацию Договора СНВ-2 через Госдуму РФ. Так что российский лидер ехал в Великобританию, что называется, не с «пустыми руками». К тому времени в российско-британских отношениях был наработан солидный позитивный капитал, подкрепленный интенсивным торгово-экономическим диалогом, который объективно создавал благоприятную основу для включения «механизма саммитов».

Установление особых отношений было немаловажно и для Тони Блэра. В начале 2000-х годов его авторитет на Западе стал снижаться. В то время в западных столицах преобладала эйфория в отношении преимуществ и высоких темпов «евробъединения». Блэр же не проявлял большой активности в делах Евросоюза и не желал присоединения Великобритании к «евроzone». В этих условиях взятая им роль «знатока» новой власти в России и определенного гаранта возможности установления с ней «цивилизованных отношений» придавала британскому лидеру особый вес.

В начальный период установления неформальных отношений Блэр не просто весьма восторженно отзывался о новом президенте России, но и обращался к нему как бы от имени всего Запада. По окончании первого визита нашего президента в Великобританию Блэр выразил убежденность, что «Владимир Путин – это руководитель, который готов строить новые отношения с Европейским Союзом и с США, который хочет, чтобы Россия была сильной и современной державой и имела прочные отношения с Западом». Он также полагал, что его избрание важно не только для Великобритании, но и для всего Западного мира².

Пытаясь продвинуться по пути установления доверительных партнерских отношений с Великобританией и Западом, российский руководитель всячески подчеркивал свое стремление к этому, заверяя, что «приезд лидера Великобритании в Россию в такой довольно сложной обстановке, в том числе и на Северном Кавказе, способствовал созданию атмосферы доверия со стороны российского общества к западному сообществу». Путин еще раз акцентировал внимание на том, что он действительно внес определенные коррективы в российскую внутреннюю политику под влиянием обмена мнениями с главой британского

² Стенограмма совместной пресс-конференции Президента Российской Федерации В.В.Путина и премьер-министра Великобритании, 17 апреля 2000 года, г. Лондон (http://www.rg.ru/oficial/from_min/mid/507.htm). (Далее – Стенограмма совместной пресс-конференции...)

правительства. «В Москве, – отметил российский президент, – объявлено о создании неправительственной независимой комиссии по соблюдению прав человека в Чеченской Республике. Это именно то, к чему призывал Т.Блэр во время своего посещения России»³.

Акценты на этих моментах важны и поучительны. Минуло всего лишь пять с лишним лет, но такого рода признания российского официального лица даже более низкого ранга сегодня, в обстановке всплеска антизападных настроений, представляются абсолютно невозможными. Но тогда Москва стремилась «партнерствовать» с Западом, она была готова меняться под воздействием критики со стороны.

Сейчас настроение политической элиты в корне меняется. Основой тому служат обманчивые представления, что временная благоприятная конъюнктура на энергоносители уже вернула России статус великой державы, позволяющий ей свысока разговаривать с остальным миром.

Подавляющая часть нашей политической элиты все больше склоняется к полному неприятию даже самых благожелательных советов «оттуда» – от стран, которые прошли многовековой непростой путь демократического развития⁴. В то же время внятно сформулировать, что из себя представляет тот «особый путь» развития, следовать которому призывают многие наши политики и политологи, пока никому из них не удастся. В итоге Россия вновь оказывается перед очередной опаснейшей ловушкой.

Интенсивность «прорывных» двусторонних встреч на первом этапе отношений была очень высока. Так получилось, что ноябрьский 2000 г. саммит в Москве стал пятой за год встречей между двумя лидерами.

То, что в лице Лондона Москва стремилась обрести проводника своих интересов на Западе, было, фактически, признано на самом высоком уровне. В.Путин подчеркнул, что характер складывающегося диалога, «сам дух нашего сотрудничества и открытость в обсуждаемых вопросах вселяет в нас уверенность в том, что отношения между Россией и Великобританией помогут России, с одной стороны, и нашим партнерам на Западе, в глобальном смысле этого слова, с другой стороны, не только установить хороший доверительный диалог, но и будут способствовать разрешению целого ряда крупномасштабных проблем...»⁵.

Эта линия получила свое подтверждение достаточно скоро – в июле 2001 г., в ходе первой российско-американской встречи в верхах в

³ Стенограмма совместной пресс-конференции...

⁴ Россия, как мы помним из истории, такого опыта не успела получить, а в 1917 г. выбрала свой «особый» путь развития, который привел ее к развалу государственности, распаду страны и глубочайшему кризису.

⁵ Стенограмма совместной пресс-конференции...

Любляне, было декларировано установление партнерских отношений между Россией и США. Думается, что такой скорый перелом в отношениях двух стран, двух «вновь избранных» президентов, вряд ли состоялся бы без «дружеского представления» Путина Бушу, сделанного премьером Великобритании.

Важнейшим признанием значимости российского направления для Лондона стал так называемый государственный визит нашего президента в Великобританию в 2003 г. Не рядовое значение этого события состояло в том, что подобные события сопровождаются особыми «королевскими» почестями, которых не удостоивались ни Ельцин, ни даже Горбачев – популярный на Западе автор «перестройки».

Решение о визите такого уровня было принято непросто. В британской прессе развернулась оживленная дискуссия о том, может ли королева принимать человека, пришедшего к власти на гребне чеченской войны, связанного в прошлом с советскими спецслужбами, осуществлявшими подрывную деятельность против Запада и т.п. В итоге сработал «фактор позитивных ожиданий». Можно полагать, что Путину был дан некий «аванс на будущее», имея в виду, что он действительно станет тем лидером, которому удастся серьезно упрочить отношения России и Запада.

Напомним, что одной из важнейших целей императора Николая I, во время подобного государственного визита в Великобританию в 1844 г., было лично засвидетельствовать «своей молодой союзнице» королеве Виктории «чувства искренней и непосредственной дружбы, которые он к ней всегда испытывал»⁶. До такого уровня близости отношений Блэр и Путин не смогли достичь, но «привилегированными» они, несомненно, были.

Госвизит российского президента был своеобразным отчетом об успехах. В своем выступлении на энергетической конференции в Лондоне он заявил о выполнении поставленной в 2000 г. задачи – придать «новую динамику» двустороннему экономическому сотрудничеству⁷.

За три прошедших года объем взаимной торговли увеличился почти на 15%. Еще более «впечатляющим» был рост числа торговых операций, которые только за начало 2003 г. увеличились почти наполовину. В инвестиционном сотрудничестве с Россией Великобритания поднялась на третье место после Германии и Кипра. Определенные достижения были сделаны и в сфере сотрудничества в области высоких технологий. Для российских компаний перспективной формой признания

⁶ *Президент России*. Официальный сайт (<http://president.kremlin.ru/events/articles/2003/06/47553/47567.shtml>).

⁷ *Президент России*. Официальный сайт. Выступление на энергетической конференции. 26 июня 2003 г., Лондон. Ланкастер Хаус (http://president.kremlin.ru/appears/2003/06/26/2122_type63377_47798.shtml).

собственных достижений стало размещение корпоративных ценных бумаг на Лондонской фондовой бирже.

Действительно беспрецедентным примером торгово-экономического взаимодействия «нового уровня» стало решение «Бритиш Петролеум» и «Ройял Датч Шелл» о готовности вложить в топливно-энергетический сектор России около \$17 млрд. Более того, сенсацией на мировом нефтяном рынке стала крупнейшая сделка компании «Би-Пи» с российской Тюменской нефтяной компанией (ТНК), которые решили создать единую компанию. «Би-Пи» в партнерстве с российской нефтяной группой фактически создали мегахолдинг, в который английская сторона обязалась вложить \$6,5 млрд. Эта сумма составила четвертую часть того, что было «потрачено» на Россию с 1992 г., а сама сделка стала самой большой в постсоветской истории.

Эта операция была не просто торгово-экономической, но и политической сенсацией. Она стала свидетельством и подтверждением, как посчитали многие аналитики, доверия к экономическим реформам Путина. Выбору партнеров во многом способствовали политические факторы. В такой оценке тогда сошлись и председатель совета директоров «Альфа-банка» Михаил Фридман, и посол Великобритании в России Родерик Лайн⁸.

Несмотря на явные успехи, на саммите 2003 г. уже дали о себе знать намечавшиеся политические разломы в отношениях между двумя странами. Один из них по-прежнему пролегал через войну в Чечне. Для российской стороны все более раздражающей становилась ситуация с иракским кризисом (начавшимися к тому времени военными действиями США в Ираке, в которых принимала активное участие Великобритания), как проявление ненавистной для отечественного «политкласса» американской «гегемонии» в мире.

Уже во время одной из предшествовавших встреч Блэра и Путина российский лидер достаточно язвительно поинтересовался, куда же пропало пресловутое оружие массового уничтожения (ОМУ) в Ираке. Тем временем в связи с иракскими событиями в Англии разрастался свой политический кризис – в дни саммита 2003 г. допрашивают помощников премьер-министра, которые перед войной в Ираке распространяли сведения о наличии у Хусейна ОМУ. Происходило рекордное падение рейтинга Блэра.

Пока еще, однако, сохранялось ощущение, что разногласия сторон не носят принципиального характера. «Какими бы ни были наши различия по Ираку, – заявлял премьер-министр Великобритании, – мы тесно сотрудничаем на международной арене для того, чтобы решать вопросы, связанные с международным терроризмом, оружием массо-

⁸ Телекомпания «Россия». Вести недели. Выпуск от 16.02.2003 (<http://www.vesti7.ru/news?id=1913>)

вого поражения, обеспечением мира и стабильности в мире». Блэр подчеркнул, что Британия «становится крупнейшим инвестором в экономику России не только в Европе, но и во всем мире»⁹. И это действительно становилось реальностью.

Своеобразным итогом разыгрываемой с начала 2000-х годов «партии» Блэр–Путин стала двусторонняя встреча во время Петербургского саммита «большой восьмерки» в июле 2006 г. Было бы нетактично со стороны президента РФ публично признавать снижение уровня политических симпатий, которое, очевидно, произошло за эти годы. Поэтому он решил «отметить, что самое основное направление нашего сотрудничества – экономическое – развивается динамично». В высокой оценке экономической стороны отношений от российского лидера не отставал и британский премьер. Он заявил, что «сделаны существенные крупные британские инвестиции в Россию, и мы хотим обеспечить, чтобы инвестиционные потоки из Британии в Россию и из России в Британию набирали темпы, росли из года в год»¹⁰.

Однако за фасадом протокольных фраз уже не было былого оптимистичного настроения. В торгово-экономическом взаимодействии, которое превозносили лидеры, наметились серьезные проблемы. В политических же отношениях накопилось заметное число раздражающих обе стороны вопросов.

Почему так, а не иначе?

Охлаждение политических отношений между Россией и Великобританией имеет как собственные мотивы, так и идет в русле «выборочного» ухудшения отношений России с Западом. Выборочным его можно назвать потому, что при общей тенденции к ухудшению Россия стремится сохранять и развивать подчеркнуто дружеские отношения с отдельными западными столицами.

Пример тому – визит Путина во Францию в октябре 2006 г. Здесь прошла не только двусторонняя встреча с французским лидером, но и трехсторонний диалог с участием канцлера Германии Ангелой Меркель. Невольно вспоминаются предыдущие «тройственные диалоги» ельцинских времен, когда политики говорили о выстраивании «оси» Париж–Берлин–Москва. Как бы то ни было, но три страны в последнее время демонстрируют заметное единство мнений относительно целого ряда коренных мировых вопросов.

Достаточно вспомнить ситуацию вокруг военного вторжения в Ирак. Военные действия против Саддама были начаты США при под-

⁹ <http://www.faststart.ru/viewnews.php?action=more&ncid=1&artid=39145>

¹⁰ Телекомпания «Россия». «Вести», 16.07.2006 (http://www.vesti.ru/news_print.html?pid=95909).

держке Великобритании без одобрения мирового сообщества – вразрез с нормами и принципами ООН и с нарушением международного права. Они были начаты под надуманными предлогами, одним из которых было наличие на территории Ирака ОМУ и средств его производства.

Ситуация с безоговорочной поддержкой Лондоном политики и действий Вашингтона в иракском вопросе послужила заметному охлаждению политических отношений между Россией и Великобританией. Хотя продвижение крупнейших сделок по линии «ТНК-Би-Пи» и «Ройял Датч Шелл» продолжалось. Двустороннее торгово-экономическое сотрудничество здесь, в целом, не настолько «привязано» к «внешнеполитическому треку», как это происходит в российско-американских отношениях.

В «иракском сценарии» Москва оказалась в оппозиции к раскручиваемому США и Великобританией сценарию развития событий. Причем эта оппозиция совместно с Францией и Германией выглядела весьма солидно, дав, кроме всего прочего, новый стимул к возрождению «тройственного диалога», в котором Лондону оставалось все меньше места.

Лишь на первом этапе своих тогда «особых» отношений лидеры России и Великобритании еще допускали вероятность «полноправного партнерства», правда, с оговоркой «если...». Это контрастирует с ситуацией, имеющей место в «европейской тройке», когда во время саммита лидеров Франции, Германии и России в октябре 2006 г. была еще раз продемонстрирована уверенность, что в отношениях этих стран столь высокий уровень взаимодействия не просто давно достигнут, но и считается «работающим». В заявлении для прессы по итогам трехстороннего саммита, который прошел «в духе открытости и полного взаимопонимания», однозначно говорилось, что «формат «тройки» не только востребован и зарекомендовал себя «в позитивном ключе на практике», но и рассматривается «в качестве надежного и хорошего механизма согласования подходов и выработки совместных действий в духе стратегического партнерства»¹¹.

Публично британский лидер заверяет, что «...разногласия по Ираку ушли. Это уже часть истории...»¹². Однако на деле «иракский водораздел» надолго изменил атмосферу российско-британских отношений.

Ощущается давление и иных негативных моментов. Некоторые из них, несмотря на кажущуюся, с первого взгляда, «второстепенность», сильно ударяют по нарождающемуся «державному самолюбию» России. Это, например, ситуация с «проблемными иммигрантами» из России, сам факт

¹¹ *Президент России*. Официальный сайт. Заявление для прессы по итогам трехсторонней встречи лидеров России, Германии и Франции. 3 сентября 2006 г., Компьень (<http://president.kremlin.ru/text/appears/2006/09/111641.shtml#>).

¹² *Бабеева С., Григорьева Е.* Путин не дал в обиду Блэра. «Известия», 27.06.2003 г.

пребывания которых в Великобритании периодически будоражит общественное сознание россиян и отечественных политиков. Особенно раздражает то, что власти туманного Альбиона предоставили этим людям – олигарху Борису Березовскому и чеченскому лидеру Ахмеду Закаеву – политическое убежище. Несмотря на неоднократные обращения российской прокуратуры и даже специальные командировки прокурорских работников в Лондон, обращения Москвы к этим сюжетам результата не дали.

Проблема поднята на самый высокий политический уровень – президент РФ не раз обращался к этой проблеме. На саммите «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге летом 2006 г. Путин открыто выразил свое недовольство Блэру тем фактом, что Великобритания предоставила политическое убежище Ахмеду Закаеву, которого в России обвиняют в терроризме.

Английское общество вообще чувствительно к теме прав человека. В прессе часто поднимается тема ЮКОСА и судьбы еще одного известного россиянина – Михаила Ходорковского. В связи с убийством в Москве известной журналистки Анны Политковской еще более обострилось обсуждение проблемы «несвободы» прессы в России.

Вообще отчетливо звучащая в английских СМИ и на политических форумах критика по поводу «недостаточного демократизма» путинской России, «отхода от демократических принципов» построения российской государственной власти является постоянным раздражителем для российского «политического класса» (не путать с журналом под аналогичным названием. – *Авт.*). Объективности ради, следует признать, что многое из критики в адрес российской демократии (пусть даже и «суверенной») имеет под собой почву.

Президент РФ не раз давал пример спокойной и конструктивной реакции по этому поводу. Так, сразу после своего избрания на второй срок, на встрече с журналистами, он заметил, что «полезно», если мы будем «в дружеском порядке обращать внимание друг друга на какие-то недостатки, недочеты, потому что это, на мой взгляд, должно привести не к конфронтации, а к совершенствованию наших демократических систем и процедуры выборов»¹³. Однако эта столь спокойная реакция президента не повлияла на степень раздражения части политико-экспертного сообщества, которое только усилилось.

И вновь в ряду активных участников критических акций выделилась Великобритания. В ходе проведения летнего, 2006 г., саммита «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге не прошло незамеченным то, что британский посол выступил на конференции «Другая Россия», собравшей самых решительных российских оппозиционеров.

¹³ *Президент России*. Официальный сайт. Встреча с журналистами в избирательном штабе по окончании голосования на выборах Президента России. 15 марта 2004 года, Москва, Красная площадь, 5. (<http://president.kremlin.ru/text/appears/2004/03/61835.shtml>)

Пользующийся популярностью политолог Андраник Мигранян, взгляды которого часто созвучны точке зрения кремлевской верхушки, достаточно строго заметил, что, «придя на конференцию «Другая Россия», посол Великобритании в России Энтони Брентон допустил большую дипломатическую оплошность». Далее он резюмировал, что «у дипкорпуса есть, по-видимому, определенные инструкции по созданию негативного информационного фона накануне саммита восьмерки»¹⁴.

К сожалению, и такая реакция стала с некоторых пор типичной для части отечественной политической элиты. Вместо того чтобы реагировать по делу и разбираться по существу с выдвигаемыми аргументами в «дружеском порядке», как рекомендовал президент РФ, многие предпочитают критические замечания в адрес российских порядков списывать за счет «развязанной на Западе кампании» и каких-то неведомых «инструкций». Это вызывает в памяти черты недавнего прошлого, когда любая критика в отношении «самого справедливого», как утверждалось официальной пропагандой, советского строя списывалась за счет зловредных попыток этот строй «очернить».

Посольство Великобритании оказалось «замешанным» и еще в одной, вызвавшей резкую реакцию Москвы, истории. Тот же посол Брентон, выступая на упомянутом форуме, обмолвился, что Великобритания ежегодно выделяет миллионы фунтов стерлингов на работу с российскими неправительственными организациями (НПО), деятельность которых «абсолютно прозрачна», а выделяемые деньги, по мнению посла, «помогут России стать богаче, стать сильнее и свободнее»¹⁵.

Однако абсолютно противоположного мнения придерживались в российских властных структурах, ранее обвинивших некоторых работников английского посольства в шпионаже. В качестве одного из главных пунктов обвинения выдвигалась и причастность к финансированию ряда НПО в России. Среди этих НПО фигурировали и такие достойные организации, как Московская Хельсинкская группа (против которой воевала еще советская власть), «Комитет против пыток», «Центр развития демократии и защиты прав человека» и «Международная уголовная реформа». Английская газета «Гардиан» назвала случившееся возвращением в Россию «шпионской лихорадки»¹⁶.

Наверное, имелась доля правды в этом высказанном на страницах буржуазной, по советским меркам, газеты мнении, если новый российский институт нарождающегося в России гражданского общества – недавно созданная Общественная палата – посчитал необходимым устроить самое серьезное обсуждение темы «шпионских процессов» в Рос-

¹⁴ <http://www.pravda.ru/politics/190406-russia-0>

¹⁵ http://www.russianboston.com/common/arc/story.php?id_cr=101&id=282090

¹⁶ Дмитрий Симакин. Неправительственный шпионаж. // «Независимая газета», 24.01.2006 г.

сии. Такова не очень понятная Западу специфика нынешнего этапа развития нашей демократии, есть и «шпиономания», и ее открытое обсуждение в общественных структурах. А это, как минимум, означает, что контроль гражданского общества над силовыми структурами пока еще недостаточен – иначе не приходилось бы обращаться к Общественной палате «как к последней надежде», как заявил академик Юрий Рыжов¹⁷.

Однако, естественно, «шпионский скандал» не добавил позитива в российско-британские отношения. В этом же ряду негативных для наших отношений событий следует рассматривать и позицию Великобритании по ряду международных вопросов, где она, как правило, блокируясь с США, затрудняет продвижение российской линии в международных делах.

Один из примеров тому – действия британской дипломатии по Ирану. 3 октября 2006 г. Великобритания совместно с США заявили, что они намерены вернуться в СБ ООН, чтобы вновь рассмотреть ввод санкций против Ирана¹⁸. И это при том, что десятью днями раньше министр иностранных дел России Сергей Лавров выразил надежду, что есть «все шансы» для начала переговоров по иранской ядерной проблеме на условиях, приемлемых для «шестерки» международных посредников (куда входят и Россия, и Великобритания)¹⁹. Как известно, Россия при поддержке Китая постоянно противится введению санкций или каким-либо иным резким действиям против Ирана (с которым нас связывают миллиардные контракты на строительство объектов «мирного атома»).

Не нашли поддержки в Великобритании и действия Москвы против Тбилиси в начале октября того же года. В ответ на задержание в Грузии нескольких российских военных (по данным грузинских и западных источников – профессиональных военных разведчиков), российскими властями были введены самые жесткие санкции против этой закавказской республики.

Попытки Москвы настоять в СБ ООН на принятии резкой резолюции в адрес Тбилиси не удались. США и Великобритания, в частности, не захотели пойти на такой шаг. Более того, грузинскому руководству были даны некоторые надежды относительно вступления в НАТО.

Со стороны Запада в последнее время часто выражается недовольство «имперской» политикой Москвы в регионе. Эти тезисы характерны и для общественной дискуссии в Великобритании. В дни «грузинского кризиса» радиокomпания Би-Би-Си заявила, что «Владимир Путин предпринимает все усилия, чтобы не допустить выхода частей бывшей

¹⁷ www.regnum.ru/news/655807.html

¹⁸ *Roula Khalaf*. UK and US revive threat of sanctions on Iran. «Financial Times», October 4, 2006.

¹⁹ <http://www.rian.ru/world/relations/20060920/54104059-print.html>

советской империи на «западную» орбиту, подобно балтийским государствам. Причина этого в том, что он мыслит категориями «холодной войны», предполагавшими монопольные сферы влияния²⁰. Такого рода оценки, весьма характерные для английских СМИ, имеют самостоятельную инерцию, негативно воздействуя на атмосферу двусторонних отношений.

Далеко не полностью задействован и позитивный потенциал совместных торгово-экономических проектов, часть из которых была с такой помпой запущена фактически под патронажем лидеров обеих стран. Сейчас на пути развития в России двух крупных начинаний – проектов с британским участием – возникают трудности, правда, различного порядка. Для «ТНК-Би-Пи» – это проблемы технико-финансового плана – необходимость скорейшего освоения Ковыктинского месторождения, реакция на повышенный временами интерес со стороны ФСБ. Для «Ройял-Датч-Шелл» ситуация на сегодня гораздо серьезнее.

«Шелл», совместно с японскими «Митцуи» и «Митцубиши», владеет компанией «Сахалин Энерджи», которая является оператором проекта «Сахалин-2», работающего на условиях соглашения о разделе продукции (СРП). Эти документы принимались в 1990-е годы, когда Россия находилась в глубоком кризисе и ей как воздух были необходимы западные инвестиции. Для их привлечения и заключались соглашения, которые предполагают как раздел продукции, так и прибылей от ее продажи. Эти договоренности, естественно, выпадают и из нынешней схемы налогообложения.

В сообщении, распространенном в начале октября 2006 г. от имени Счетной палаты, говорится, что проект «Сахалин-2» «продолжает реализовываться на невыгодных условиях для России», которая получит не более 10% получаемой продукции. В России высказывается недовольство и ростом затрат по проекту «Сахалин-2» (до \$50 млрд. – при заявленных вначале \$9,8 млрд.)²¹, что повлечет за собой падение доли РФ в прибылях. Трудно считать совпадением тот факт, что одновременно на проект были обрушены «экологические проверки».

Во время празднования в том же октябре 90-летия Российско-британской торговой палаты в Москве торжественность процедуры нарушил британский посол – наряду с поздравлениями критически отозвался о ходе проекта и охарактеризовал коммерческие отношения наших стран как «американские горки». Более того, он взял на себя смелость оценить позицию российских властей в отношении проекта

²⁰ http://news.bbc.co.uk/hi/russian/uk/newsid_5404000/5404936.stm

²¹ Ребров Д. Сергей Степашин обсчитал «Сахалин-2» (не в пользу России). «Коммерсант», 7.10.2006 г.

«полным отходом от ранее заключенных соглашений», фактором нестабильности и предрек, что конфликт негативно скажется на имидже России и как поставщика энергоресурсов, и как государства, привлекающего инвестиции²².

В противовес этому в российскую экспертную и политическую среду все настойчивее вбрасывается тезис о том, что наша страна теряет сотни миллионов долларов за счет предусмотренной СРП «пониженной» системы налогообложения²³. Как полагают некоторые аналитики рынка, на самом деле подводится база под пересмотр имеющихся проектов, работающих на основе подобных соглашений. Дело может быть доведено до изменения состава акционеров проекта или перехода в «общий налоговый режим». По мнению начальника экспертного управления президента Аркадия Дворковича, на крупных месторождениях, разрабатываемых на условиях СРП, доля РФ должна составлять не менее 51%²⁴.

Меняется наша страна, меняются условия, и Россия сегодня уже не та, что была в середине 1990-х годов, когда заключались соглашения о разделе продукции. Трансформирующиеся условия рынка – ситуация достаточно распространенная в бизнесе. Так, в нефтяной сфере часто заключаются так называемые фьючерсные сделки на основе прогноза цены на будущее. При этом любая из сторон может выиграть или проиграть, но никто не требует пересмотра изначальных соглашений. Как говорится в одном из популярных романтических фильмов про «дореволюционную Россию», «купеческое слово – крепкое!». Думается, что нынешняя российская элита, часто стремящаяся найти опору для возрождения духовности страны в ее богатой истории, могла бы руководствоваться и подобными понятиями. Представляется также, что при желании можно найти компромиссный путь, при котором будет найдена возможность соблюсти российские экономические интересы и одновременно сделать так, чтобы подобные вопросы не надо было бы обсуждать на политическом уровне, ставя под сомнение деловую репутацию страны.

Это тем более обидно, что в торгово-экономических отношениях есть действительно заметные достижения. По итогам 2004 г., взаимный товарооборот составил \$9,27 млрд., увеличившись по сравнению с 2003 г. на 43,7%. Российский экспорт вырос на 59,2% и достиг \$6,58 млрд., а импорт – на 16,1%, достигнув \$2,69 млрд.²⁵ По показателю

²² Евгений Арсужин. Жажда взаимности (Россия выгонит иностранцев из сырьевых проектов, если ее компаниям отрежут путь в недра западных стран) // «Российская газета», 5.10.2006 г.

²³ См., например, интервью директора Департамента государственной политики и регулирования в области природопользования Министерства природных ресурсов Сергея Федорова «Нефтегаздел. Россия теряет сотни миллионов долларов на старых контрактах» // «Российская газета», 21.09.2006 г.

²⁴ Евгений Арсужин. «Жажда взаимности...»

²⁵ Интервью А.Яковенко по российско-британским отношениям (http://www.rian.ru/a_yakovenko/20050609/40494883.html).

накопленных иностранных инвестиций в экономику России Великобритания традиционно занимает высокое место – в 2004 г. оно было вторым после Люксембурга (\$6,988 млрд.)²⁶.

Есть серьезные достижения и в иных областях взаимодействия, например, в антитеррористическом сотрудничестве, ликвидации оружия массового уничтожения, накопленного в годы «холодной войны». Так, в инициированной «большой восьмеркой» и адресованной, в основном, к нуждам России программе «Глобальное партнерство» (ГП) вклад Великобритании очень существенен.

В Ежегодном отчете рабочей группы «большой восьмерки» по этой программе, представленном на саммите в Санкт-Петербурге в июле 2006 г., приводились данные, свидетельствующие, что только на «российском направлении» (помимо финансовых средств, выделенных на группы стран – например СНГ) Великобританией с 2002 г. по настоящее время было истрачено порядка 79,5 млн. ф. ст.²⁷ Наиболее крупными «тратами» были: сооружение временного хранилища отходов ядерного топлива на предприятии «Атомфлот» в г. Мурманск; утилизация атомных подводных лодок (АПЛ) класса «Оскар», утилизация АПЛ класса «Виктор 3»; содействие трудоустройству бывших сотрудников центров по производству ядерного оружия в России по программе «Атомные города».

Список достижений нашего двустороннего сотрудничества можно было бы продолжить. Но наблюдая политические процессы и ощущая политические настроения в России, которые сейчас начинают превалировать, нельзя не чувствовать изменения характера российско-британских отношений. От «личностной» теплоты двустороннего диалога первых месяцев нового века они дошли до «шпионских скандалов» нынешнего времени и попыток выстроить элементы бизнес-отношений по понятиям, принимаемым лишь одной из сторон. Стратегическое партнерство, о котором упоминалось как о цели еще несколько лет назад, отложено на неопределенный срок.

Конечно, «генеральным раздражителем» для российского политического класса является то, что Великобритания по всем вопросам блокируется и поддерживает США. Безоговорочная поддержка Вашингтона практически во всех его начинаниях в международных делах не может «автоматически» не повлечь за собой уменьшения взаимодействия Лондона и Москвы, общего снижения «политического градус».

²⁶ *Инвестиции в Россию*. Официальное издание. Федеральная служба государственной статистики. – М.: 2005, с. 153.

²⁷ Посчитано автором по: *Президент России*. Официальный сайт. Ежегодный доклад Рабочей группы по Глобальному партнерству «Группы восьми», 2006 год. Консолидированный доклад, Приложение А. С. 4–10. (<http://president.kremlin.ru/events/chron/2006/07/107953.shtml>).

В то же время справедливости ради следует заметить, что «доля негатива», который приходится в российском общественном мнении на английскую политику, составляет на порядок меньше, чем на «гегемонистский» курс Вашингтона. В то же время в «линейке» отношений Москвы с другими мировыми столицами Лондону сегодня не принадлежит приоритетное место. Несомненно, многое здесь зависит от «идеологического дрейфа» настроений в России в целом.

Очевидно, что на ближайшее время убрать ключевые темы политических разногласий не удастся. Отход России от весьма однозначно понимаемых в Великобритании демократических процедур, если он будет продолжен, расширит уже образовавшийся водораздел в двусторонних отношениях. С другой стороны, сохранение упомянутых выше негативных для нас моментов в действиях Лондона не будет способствовать и изменениям настроений с российской стороны. Некоторые положительные изменения могут все же произойти за счет претворения в жизнь заметных бизнес-инициатив и проектов. Но и этот путь стал в последнее время сталкиваться с заметными трудностями.

Вскоре британский премьер оставляет свой пост. Инерция английской политики в отношении России, скорее всего, сохранится. В 2008 г. произойдет смена и на посту президента РФ. Откроются новые возможности для того, чтобы вновь постараться приблизить двусторонние отношения к партнерскому уровню. Но без серьезной работы с тем, что вызывает взаимное раздражение и озабоченность сторон, никакие позитивные изменения долгосрочными быть не смогут.

Изабель ФАКОН (Франция)

КАЧЕСТВЕННО НОВАЯ РОССИЙСКАЯ АРМИЯ – КАКАЯ ОНА?

В отношении реформ российской военной организации, начатых в начале нового тысячелетия, возникло впечатление, что после десятилетнего топтания на месте стало наконец-то ощущаться движение вперед. Действительно, к этому времени сложились определенные условия, которых не было во времена Ельцина, – заметное улучшение финансовой сферы и политическая воля руководства.

Армия, разумеется, пользуется позитивными тенденциями, наблюдающимися в российской экономике (по данным ОЭСР, средний рост валового внутреннего продукта с 1999 по 2004 год составил 6,8%, регулярный профицит федерального бюджета, значительный валютный запас). В сентябре 2004 года российский министр обороны Сергей Иванов сообщил, что оборонный бюджет, впервые после 1991 года, соответствует нуждам армии.

Безусловно, последствия глубокого кризиса Вооруженных сил РФ в девяностые годы будут сказываться еще довольно длительное время. Тем не менее ситуация в армии явно меняется к лучшему: улучшилось качество подготовки военных, повысилась мотивация персонала. В результате постепенного повышения зарплаты в течение последних четырех лет и выплаты государством задолженности перед военнослужащими замедлился массовый уход офицеров из армии. Кроме того, Кремль заставил военный аппарат принять изменения, которые считал необходимыми – в отличие от президента Ельцина, предпочитавшего не «торопить» военную организацию, полностью дезориентированную своим внутренним кризисом и ослаблением международных позиций страны.

Именно в этом контексте, в принципе наиболее благоприятном для приложения действительных усилий по реструктуризации, российские власти говорят о намерении создать «качественно новую» армию. Они отказались от термина «военная реформа», отдав предпочтение понятию «модернизация»¹. Тем самым, на словарном уровне, Кремль

¹ «Победа остается за нами». Министр обороны С.Иванов в интервью «Российской газете», 4.05.2005 г.

как бы говорит о том, что переходный период, призванный упорядочить советское наследие, завершен. К тому же заморожено сокращение личного состава², осуществлена структурная рационализация³.

В этом процессе модернизации Кремль уделяет особое внимание двум направлениям: человеческий фактор и переоснащение Вооруженных сил. Здесь правительство сталкивается с трудностями, но, судя по всему, готово мобилизовать всю свою энергию для достижения наилучших результатов.

Приоритет модернизации № 1: новый человеческий облик Вооруженных сил РФ

Интерес в создании «качественно новой» армии касается, прежде всего, военнослужащих. С 2000 года начались существенные изменения системы призыва. Заседания Совета безопасности по этой теме, которые имели место в те времена, когда Сергей Иванов выступал в роли его секретаря (с ноября 1999 по март 2001 года), заставили Кремль констатировать неэффективность традиционной системы призыва на военную службу – вывод, к которому до этого уже пришли многие страны. Как бы то ни было, осенью 2000 года, в ноябре, президент Путин дал Совету безопасности указание продумать вопрос о возможности набора в Вооруженные силы по контракту и разработать соответствующие планы.

Федеральная программа организации частично профессиональной армии была принята в 2003 году. В настоящее время, согласно заявлениям главы государства, задача состоит в переводе на профессиональную основу всех частей постоянной боеготовности, а затем (начиная с 2009 года) – сержантов и экипажей надводных кораблей⁴. На сегодняшний день вооруженные силы, действующие в Чечне, почти полностью сформированы из военнослужащих на контрактной основе. Как заявил министр обороны, в ближайшем будущем то же произойдет в Ингушетии и в Дагестане⁵. Начиная с 1 января 2007 года базирующиеся в этих местах войска МВД также перейдут к этому способу набора призыва.

² Министр обороны заявил в интервью, что «сокращать еще дальше – поставить под угрозу национальную безопасность нашей территории». («Победа остается за нами» // «Российская газета», 4.05.2005 г.). «Цель – обеспечить действующий состав в 1,1 миллиона человек на 1 января 2011 года, с одним генералом на 1000 человек». («Лишние военачальники» // «Независимое военное обозрение». 7.07.2006 г.)

³ Согласно заявлениям российских официальных лиц, вплоть до 2010 года никаких структурных изменений уже не произойдет. Таким образом, организационная структура Вооруженных сил останется следующей: три вида армии; три независимых рода войск: ракетные войска стратегического назначения, космические войска и воздушно-десантные войска.

⁴ *Послание* Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, Кремль, 10.05.2006 г.

⁵ *Интерфакс* – Агентство военных новостей, 28.03.2006 г.

Действительно, чеченский опыт сильно повлиял на решимость Владимира Путина ускорить создание частично профессиональной армии. По его словам, в период второй военной операции в Чечне в 1999 году Генеральный штаб нуждался в 65000 военнослужащих, но обнаружилось, *«что в боеготовых подразделениях – 55 тысяч, и те разбросаны по всей стране»*. Тот факт, что в почти полуторамиллионной армии *«воевать некому, никто не был способен воевать»*⁶, и стал с момента прихода Путина к власти ведущим стимулом к продвижению программы по переводу армии на профессиональную основу.

Но возросшая заинтересованность Кремля в частичной реорганизации системы призыва во многом обусловлена и рядом других факторов. Прежде всего, это демографический кризис. Численность населения в России уменьшается в среднем на 700000 человек ежегодно⁷, что постоянно сокращает людскую базу призывной системы с «пиком», приходящимся на 2010 год. В результате – возможная недоукомплектованность личного состава все больших частей российской армии.

Все более очевидной становилась необходимость радикального изменения ситуации на уровне «человеческого фактора» – повышения морального духа военных, а следовательно, улучшения их социального статуса и зарплаты. В этой связи политические власти считают, что лучше выделять меньше средств для подготовки большого числа немотивированных призывников. Российские власти принимают здесь в расчет ухудшение состояния новобранцев, призываемых на воинскую службу. Лишь 10% молодых людей призывного возраста, зарегистрированных в военкоматах, действительно идут на военную службу, тогда как остальные, прибегая к более или менее законным способам, стараются получить освобождение или отсрочку от службы. В результате качество призывников, представляющих наиболее обездоленные слои российского общества, неудовлетворительно не только с медицинской точки зрения. У 25% из них нет среднего образования, у 20% имеются проблемы в семье⁸. Помимо того, все больше призывников имеют судимость, приходят в армию с проблемами наркотической или алкогольной зависимости – в общем, достаточно факторов, оказывающих непосредственное влияние на усиление такого негативного явления, как «дедовщина».

На данный момент итоги усилий по организации частично профессиональной армии можно назвать умеренными. Помимо войск в Чечне, были снабжены современным оборудованием и проходят особую

⁶ «Никогда этого не забуду. И наша с вами задача в том, чтобы это никогда больше не повторилось» (Послание В.В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, Кремль, 10.05.2006 г.)

⁷ Там же.

⁸ Интерфакс – Агентство военных новостей, 21.10.2003 г.

программу обучения подразделения постоянной боеготовности 76-й воздушно-десантной псковской дивизии, «пилотной» в программе профессионализации. Полностью профессиональной стала и российская миротворческая бригада. По словам Сергея Иванова, войска постоянной боеготовности насчитывают на сегодняшний день немногим более 60000 профессиональных солдат⁹. В начале 2006 года начальник Главного штаба группы войск «Север-восток» заявил, что группа выполнила установленные федеральной программой задачи по созданию профессиональной армии: военные по контракту составляют около 60% действующего состава войск¹⁰.

Можно отметить, что путь, избранный для создания профессиональной армии, нацелен на постепенные шаги, и цель – неполная профессионализация армии. Действительно, объявление о замораживании сокращения численности вооруженных сил означает сохранение в армии существенного числа призывников. Проект перевода системы комплектования должностей сержантов и старшин на принцип контракта, потенциально ослабляя «дедовщину» и тем самым уменьшая непопулярность военной службы по призыву, может позволить создать условия, необходимые для поддержания смешанной системы (призывники и профессионалы) со стороны общества.

Министр Иванов, по-видимому, выбирает этот путь, который не всех удовлетворяет по следующим причинам:

– *политические и институциональные*: реформа Министерства обороны только что началась, что диктует осторожность в ее проведении для того, чтобы предотвратить серьезное противодействие со стороны «старой гвардии» в высшем командовании;

– *социальные*: желание российского правительства остановить рост безработицы, в частности, в неблагополучных регионах, и не «переполнять» рынок труда людьми, у которых и так в любом случае возникли бы трудности на этом пути. Кажется, что в этой перспективе армия сохранит функцию социализации. Также кажется, что власти при Путине придерживаются представления о том, что военная служба (срок которой в 2008 году сократится до одного года) представляет собой важнейший фактор национальной интеграции;

– *финансовые*: даже если бюджетные средства на оборону увеличиваются, они не безмерны. Приоритетными в политике государства являются и другие сферы, серьезно пострадавшие во время кризиса 1990-х годов (из-за очень слабых бюджетных дотаций). Осуществляемые сегодня программы социальной направленности (поддержка семей, пенсионеров, существенное повышение расходов на здравоохранение, образование и жилье) должны выполняться и после выборов

⁹ Интерфакс – Агентство военных новостей, 28.03.2006 г.

¹⁰ Интерфакс – Агентство военных новостей, 1.02.2006 г.

2007 и 2008 годов, поскольку они полностью отвечают глубинным потребностям российского общества. Понятно, что рост оборонного бюджета имеет свои пределы.

В любом случае решение задач по созданию профессиональной армии – дело нелегкое, в частности, по причине недостаточности предлагаемого размера зарплаты (в среднем от 5 до 6 тысяч рублей, то есть чуть больше 200\$, за службу в зоне конфликтов на территории СНГ – около 15000 рублей, что составляет примерно 550\$). Таким образом, количество контрактов, подписанных к концу 2004 года в Московском военном округе, соответствовало действительной потребности лишь на 17%, в Северокавказском военном округе – на 45%, а в Волго-Уральском военном округе – на 25%¹¹. Кроме того, качество кандидатов, поступающих на военную службу по контракту, часто оставляет желать лучшего. К тому же далеко не в полной мере решаются конкретные социальные проблемы, связанные, например, с жильем. Владимир Путин утверждает, что эти трудности должны быть преодолены к 2012 году¹², однако сейчас около 130000 военнотружущих по-прежнему сталкиваются с этими проблемами, что крайне снижает привлекательность военной карьеры.

Приоритет модернизации № 2 : обновление материально-технического обеспечения вооруженных сил

С момента прихода к власти президент Путин настаивает на своем намерении повысить размеры гособоронзаказа, резко сократившегося в 1990-х годах. В 2006 году в Послании Федеральному Собранию он напомнил, что между 1996 и 2000 годами на вооружение было принято всего 40 образцов военной техники. Ощутимое улучшение бюджетной ситуации с 2000 года уже позволяет России инвестировать в отрасли, которые являются «уравнителями мощи» с западными державами (ядерная и космическая).

По словам президента, с этого года начались массовые, серийные закупки техники для нужд Министерства обороны (на протяжении последних 10–15 лет, в период тяжелых финансовых затруднений, предпочтение отдавалось концепции новых прототипов и НИОКР и временному отказу от серийного производства военного снаряжения). Но и по самым оптимистичным сценариям доля современной техники и оборудования в армейском снаряжении должна к 2010 году составить 35%,

¹¹ Международный институт стратегических исследований, Military Balance 2005–2006, с. 151.

¹² Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, Кремль, 10.05.2006.

к 2015 году – 40–45%. Полное перевооружение армии ожидается только к 2020–2025 годам.

На самом деле, это направление проекта модернизации российских вооруженных сил также сложно осуществить. Перспективы быстрого перевооружения осложняются, прежде всего, затратами, связанными с процессом организации частично профессиональной армии, а также грузом социальных проблем внутри вооруженных сил, которым президент России обещал уделять неослабное внимание¹³.

Поддержка на должном уровне и модернизация стратегических сил относятся к статье расходов, не подлежащих сокращению, что ограничивает капиталовложения в программы развития и серийного приобретения новых систем обычного вооружения. К тому же увеличение финансирования на гособоронзаказ, начавшееся в 2000 году, еще долгое время будет недостаточным для преодоления последствий хронического недофинансирования оборонного промышленного комплекса в 1990-х годах.

Сегодня ВПК не способен производить новые виды вооружения в большом количестве. Здесь немало проблемных точек: износ значительной части производственного оборудования, практически не модернизовавшегося, дефицит инвестиций, старение рабочих и недостаточность квалифицированной рабочей силы, необходимой для выполнения новых заказов на вооружения (как государственных, так и экспортных), деструктуризация системы обучения персонала, более низкие зарплаты в сравнении с большинством других отраслей национальной промышленности.

Согласно экспертам влиятельного Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), если в ближайшее время ситуация не изменится к лучшему, это может привести к тому, что даже при значительном повышении уровня финансирования Россия будет вынуждена закупать оружие за границей, а экспортный потенциал будет уменьшаться¹⁴.

Такое положение омрачает перспективы быстрого технологического исправления ситуации в Российских вооруженных силах. Все документы по российской оборонной политике говорят о растущем улучшении качественных характеристик систем вооружения, используемых американскими и западными вооруженными силами. Те же документы настаивают на необходимости адаптации системы национальной обороны к этой тенденции. По мнению Сергея Иванова, Россия вернет себе былую военную мощь «не за счет солдатской массы ... а за счет вооружений современных». Под современными вооружениями, уточняет он, надо понимать «высокотехнологичные образцы вооружений,

¹³ Не сделано ли это для компенсации решения (не пользующегося популярностью у военных) об упразднении некоторых льгот, которыми до сих пор пользовались кадровые военные?

¹⁴ Военное строительство и модернизация Вооруженных сил России // Доклад Совета по внешней и оборонной политике. – М. – С. 7.

связанные с информационными технологиями и с новыми системами управления. Только высокоточные системы оружия, не бомбежка по площадям, не танковая армада, а системы высокой точности, средства радиоэлектронной борьбы»¹⁵.

На самом деле, развивающаяся интерармизация и отстаиваемые Кремлем проекты создания региональных командований требуют усиления возможностей вооруженных сил по этим направлениям¹⁶.

Но данные технологии не являются (до этого далеко!) сильным местом российской оборонной индустрии. В других промышленно развитых странах начиная с конца 1970-х годов многие достижения военной промышленности получили начало в инновациях, изначально разрабатываемых в гражданских целях: коммуникационные и поисковые системы, новые материалы, оптика и пр. Американские предприятия оборонного сектора уже очень давно сотрудничают с гражданскими поставщиками. СССР не смог пойти по тому же пути, поскольку гражданские отрасли промышленности традиционно оставались слабыми, что являлось прямым следствием концентрации ресурсов в военной промышленности и НИОКР, а также отсутствия передачи специалистов из военной отрасли в гражданскую. Этот пробел так и не был заполнен привлечением иностранных технологий в силу ограничений на экспортные поставки в Советский Союз (данные технологии были разработаны преимущественно в Соединенных Штатах и азиатских странах).

Складывается впечатление, что недостает и стремления к преодолению этого «технологического зазора». С одной стороны, из-за ограниченности средств российские промышленники вряд ли будут ратовать за инвестирование в системы, которые традиционно не являются сильными пунктами национальной промышленности. К тому же отечественные разработки пользуются спросом за границей, несмотря на технологический разрыв между российской продукцией и продукцией более высоко развитых промышленных стран¹⁷, соотношение качество/цена многими странами оценивается как удовлетворительное. Так что экспортные поставки (\$6 млрд. в 2005 году) по-прежнему остаются движущей силой производства вооружений в России. И, наконец, в более широком плане российское правительство пока не выработало отчетливого представления и стратегии, необходимых для развития гражданского высокотехнологичного сектора промышленности¹⁸.

¹⁵ «Победа остается за нами», *op. cit.*

¹⁶ Реорганизовать можно... Руководить сложно // «Независимое военное обозрение». 14.07.2006 г.

¹⁷ В целом, российская техника, обычно созданная на основе моделей, разработанных в 1970-е и 1980-е годы, значительно отличается в технологическом плане от подобной продукции в крупных промышленных странах.

¹⁸ Военное строительство и модернизация Вооруженных сил России // Доклад Совета по внешней и оборонной политике. – М. – С. 8.

Существенное условие модернизации: укрепление «вертикали власти»?

Осознавая объективные блокирующие факторы (недостаточность бюджетных средств) осуществления своей концепции модернизации оборонной системы, власти пытаются уменьшить субъективные препятствия, связанные с сопротивлением новациям как в военной организации, так и в оборонной промышленности. Принимаемые в последние годы меры явно предназначены для того, чтобы усилить контроль над ними со стороны Кремля, а также понудить их отвечать его ожиданиям.

Для армии эта очевидность проявилась в марте 2001 года, с момента назначения Сергея Иванова главой Министерства обороны. Выбор человека, сделавшего свою карьеру не в армии¹⁹, означал намерение Верховного главнокомандующего Вооруженных сил Владимира Путина придать военной организации, традиционно имеющей своего рода монополию по вопросам, непосредственно к ней относящимся²⁰, большую динамичность и гибкость – в частности, в вопросе создания профессиональной армии. Да и в принципе эта квазимонополия отнюдь не способствовала проведению структурной реформы Вооруженных сил.

Следующим шагом, весной 2004 года, стало понижение институционального статуса Генерального штаба, обычно считавшегося оплотом оппозиции любым серьезным реформам военной организации. А затем, с конца 2004 года, были проведены административные реформы внутри военного аппарата, укрепившие в руководстве военного ведомства положение команды, близкой к президенту Путину, и подтвердившие намерение гражданских руководителей строже контролировать процессы, происходящие в военном ведомстве. Это способствовало процессу постепенной концентрации ответственности, связанной с вопросами обороны (персонал, материальное обеспечение, строительство, финансы), в рамках Министерства обороны, а значит, в руках одного из ближайших политических соратников президента – Сергея Иванова, заместителя председателя правительства, отвечающего за координацию всех аспектов оборонной политики с 14 ноября 2005 года. Все эти процессы касаются также проблем, связанных и с оснащением Вооруженных сил.

9 ноября 2005 года, во время встречи Владимира Путина с командованием Вооруженных сил, Юрий Балувевский, сменивший генерала Квашнина в должности начальника Генерального штаба и имеющий репутацию «покорного служащего» по отношению к политическим властям, заявил, что связи между нуждами Вооруженных сил и деятельностью промышленного оборонного комплекса слишком слабы.

¹⁹ Сергей Иванов – бывший генерал КГБ.

²⁰ Структура вооруженных сил, назначение бюджетных ресурсов, обучение кадров, содержание обучающих программ, реформа...

Одновременно он выразил сомнение в том, что при нынешнем положении дел армия, воздушные силы и морской флот смогут получить новое обещанное оружие к 2011 году (теоретически, к этому году должна завершиться реформа структуры расходов Министерства обороны). Президент Путин на том же заседании поддержал мнение начальника Главного штаба²¹.

В любом случае можно отметить решимость правительства рационализировать и взять в свои руки процессы преобразования оборонной отрасли, причем это относится не только к политическим, институциональным и кадровым аспектам, но и к вопросам вооружений. Официальные представители Министерства обороны заявили, что финансирование программы вооружения на 2007–2015 годы, стоимость и качество оружия и техники, поставляемых Вооруженным силам, будут подлежать строжайшему контролю.

Действительно, в глазах Кремля проблема медленного переоснащения Вооруженных сил заключается не только в отсутствии средств, но и в неэффективном использовании бюджетных ресурсов. Например, проводившаяся в 90-х годах «политика прототипов», когда выделяемых оборонному бюджету средств не хватало для финансирования важных государственных заказов, создала благоприятную почву для многочисленных злоупотреблений, хищений денежных средств и «раздутых» сумм, которые гораздо легче было замаскировать под программы НИОКР, чем в сфере производства вооружений.

В любом случае для государства, отныне стремящегося и имеющего возможность вкладывать средства в переоснащение Вооруженных сил, принципиально важно изменить отношения с давно им заброшенной оборонной промышленностью, где многочисленные предприятия теперь занимаются экспортом, а часть их капитала находится в частных руках.

Правительство намерено удостовериться в том, что оборонные предприятия вновь инвестируют в осуществление государственных оборонных заказов. Как отмечает СВОП, промышленный оборонный комплекс «фактически прекратил выполнять свою основную функцию – обеспечивать Вооруженные силы современным оружием, выживая, главным образом, за счет вооружения других армий»²².

Усилия, приложенные правительством в этом направлении, соответствуют двум тенденциям в экономической политике, заметным на протяжении последних лет: во-первых, движение к тому, чтобы у государства вновь появились рычаги контроля над стратегическими секторами

²¹ Основные тенденции развития оборонного комплекса России к 2006 году // Информационно-аналитический бюллетень. Центр политической информации. – М. – №2. 2006. С. 4.

²² Военное строительство и модернизация Вооруженных сил России, *op. cit.* С. 7.

экономики – это касается оборонного комплекса в той же степени, что и, например, энергетики. Во-вторых, это усиление стремления властей определять направленность текущей реструктуризации сектора вооружений, в котором теперь серьезно представлены частные интересы.

Процесс создания задуманных Кремлем крупных холдингов пока привел к весьма ограниченным результатам (было создано лишь около десятка групп), и сама это концепция явилась поводом для многочисленных критических замечаний. По всей видимости, обеспечить лучший контроль со стороны Кремля над доходами от экспорта и заставить предприятия больше работать для нужд Вооруженных сил призван Рособоронэкспорт. Его усиливающееся давление на предприятия выражается, в первую очередь, в практике выдачи лицензий на производство или экспорт.

Недавно появилась информация о том, что Рособоронэкспорт может принять непосредственное участие в создании промышленных холдингов, формируемых сегодня правительством в различных отраслях вооружений. Стремление взять под контроль промышленный оборонный сектор теоретически должно позволить, с одной стороны, достичь лучшего соответствия между потребностями в военной технике Министерства обороны и возможностями оборонной промышленности, с другой – усилить надзор за использованием государственных финансовых средств на гособоронзаказ и сферой НИОКР.

Этот правительственный проект был утвержден в марте 2006 года, когда на основании президентского указа была создана Военно-промышленная комиссия при правительстве, председателем которой был назначен Сергей Иванов²³. Комиссия должна будет взаимодействовать со всеми агентствами и министерствами, имеющими отношение к вооружению. Среди них Агентство по атомной энергии (Росатом), Космическое агентство (Роскосмос), Агентство по промышленности (Роспром).

Заключение

Правительство стремится максимально оптимизировать свой контроль за развитием ситуации в армии и военной промышленности, тем более, что оно хорошо знает пределы своих возможностей в обозримом будущем в области преобразования оборонной системы. Уровень финансирования остается достаточно ограниченным, особенно с учетом последствий кризиса 1990-х годов в сфере производства военной техники, следы которого пока еще не полностью исчезли. Эксперты СВОП подсчитали, что в 2004 году уровень финансирования российской обо-

²³ Для него новая комиссия должна будет способствовать «эффективному контролю над военно-промышленным комплексом и конкретными проектами его развития» и позволит осуществлять надзор за его внедрением (Jane's Defense Industry, 22 mars 2006).

роны был в 30 раз ниже военного финансирования в Соединенных Штатах, при сравнении по обменному курсу²⁴ (в 25 раз, согласно сказанному Путиным в Обращении к Федеральному Собранию в 2006 году).

Подлинно качественная реформа, учитывая нынешнее состояние российской военной и военно-промышленной системы, несомненно, позволила бы развернуть самое серьезное сотрудничество с зарубежной промышленностью и армиями.

Для военных такая перспектива не очевидна: даже несмотря на рост военного сотрудничества, оно остается ограниченным, а интерес российских офицеров к иностранным моделям модернизации вооруженных сил – весьма относительным. Складывается впечатление, что в промышленности процесс преобразований идет быстрее – и именно потому, что правительство в этом заинтересовано: это свидетельство не только военной, но и экономической мощи страны.

Администрация Путина декларирует намерение поддерживать приобретение современных технологий за границей (например, посредством предоставления кредитов отечественным предприятиям)²⁵. По-видимому, с помощью закупок технологий или соглашений о лицензионном производстве предполагается получить новые знания – российский научный и промышленный комплекс всегда имел заслуженную репутацию в области внедрения и воспроизведения технологических новшеств, приобретенных в результате такого сотрудничества. Кроме того, Владимир Путин уверяет в одобрительном отношении к созданию российскими и зарубежными партнерами «совместных предприятий» по производству вооружения, с тем чтобы, с одной стороны, продавать новую продукцию на мировом рынке, а с другой – сохранить доверие между заинтересованными странами.

Специалисты подчеркивают, что в области авиации и некоторых видов вооружений значительно укрепляются тенденции, ведущие к интенсификации сотрудничества с иностранными партнерами. По их мнению, российские власти отдают себе отчет в том, что Россия уже не в состоянии поддерживать полную автономность военно-промышленного комплекса, а его сохранение и увеличение компетентности зависит от развития международного сотрудничества²⁶.

²⁴ Военное строительство и модернизация Вооруженных сил России, *op. cit.* С. 6. 800 млрд. руб. оборонного бюджета на 2006 год эквивалентны, по словам Сергея Иванова, 30 млрд. долл.

²⁵ Например, в его Обращении к Федеральному Собранию в 2006 году.

²⁶ См.: *Константин Макиенко*, *The Industrial Dimension of Russia's Defence Policy*, на семинаре, организованном FRS в Париже, в июне 2005 г.

ТЕМА НОМЕРА:

ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Что особенно волнует нас сегодня? Экономические интересы? Социальная политика? Изменения на международной арене? Разумеется, и то, и другое, и третье... Но за всем этим неожиданно и властно проступает ценностный аспект бытия. Об этом размышляют социолог К.П.Матутите, философ И.Н.Монина, психолог Т.М.Свинина. И заключает разговор, как обычно, профессор П.С.Гуревич.

Кристина МАТУТИТЕ

КАКОЙ ЭТОС НУЖЕН РОССИИ?

В мире существуют различные системы ценностей, называемые этосом, – протестантский, конфуцианский, социальный, общинный, гедонистический и другие. Но какой из них наиболее близок менталитету и исторической судьбе России?

На протяжении четырех столетий в европейской культуре господствовала так называемая протестантская этика. Ее основные черты – труд, бережливость, аскетизм, опора на себя. В какие бы одежды ни рядилась мораль, в ней почти всегда присутствовала мысль, что стремление достичь индивидуального спасения с помощью упорного труда, бережливости и конкурентной борьбы составляет суть успеха.

Не было бы протестантской этики, не было бы на Западе и капитализма. Это доказал в свое время немецкий социолог Макс Вебер, и все попытки «улучшить», «подправить» его пока успеха не принесли.

Но вот в середине XX века, после Второй мировой войны, этот этический комплекс стал распадаться. Научно-технический прогресс сделал возможным такой рост производительности труда, что постепенно возникла мощная установка на потребительство. На Западе начала набирать силу гедонистическая мораль. Для чего живем? На этот вопрос Иван Александрович Хлестаков ответил бы: «чтобы срывать цветы удовольствия».

Запад сделал удовольствие титром и главным устремлением жизни.

Протестантский этос исповедовал индивидуализм. Он внушал каждому человеку уверенность в том, что успеха можно достичь только в одиночку, на путях конкуренции и личного риска.

Развитие капитализма в Европе и в США, естественно, сочеталось с приверженностью этой системе ценностей. Но в какой мере этот нормативный кодекс годится для России? Культ индивидуализма чужд российской истории. В основе менталитета русского народа – общинность, соборность, уверенность в том, что успеха можно достичь артельно, сообща, всем миром.

В годы перестройки либералы стали активно насаждать протестантский этос в России. Рассуждения об общечеловеческих ценностях имели в своем основании убежденность, что культ индивидуального успеха, конкуренции, предприимчивости прозрачен и приемлем для каждого человека.

Опыт последних лет показал, что призыв к индивидуализму и торгашеству плохо сочетается с православной культурой. Это, несомненно, повлияло на судьбы реформ.

Быстро возникшие олигархи воспринимаются сегодня в России не как герои капиталистического накопления, а как хриstopродавцы, сумевшие быстро сколотить богатство.

Но и сами российские предприниматели повели себя совсем не так, как предписывала протестантская этика. Она предполагала подвижничество, личную скромность и аскетизм. Если бы первые буржуа, заработав дивиденды, вечером стали бы прокучивать их в трактире, капитализма никогда бы не было. Накопить капитал, пустить его в производство можно было только ценой индивидуальной воздержанности и лишений. Надо ли объяснять, что наши первые «богачи» прежде всего стремились обозначить свой потребительский стандарт, а вовсе не деловую хватку и аскетизм. По всей стране выросли каменные дворцы, на улицах появились модные автомобили, предметом зависти стали яхты и яйца Фаберже.

Может ли Россия принять капиталистические ценности? Несомненно.

Патриарх Алексей II утверждает, что бизнес не обязательно связан с грехом¹. Достаточно вспомнить о святом Серафиме Вырицком, который занимался предпринимательством. В историю России вошли имена меценатов – Бахрушиных, Рябушинских, Морозовых и других, которые, обладая большими состояниями, прославились делами милосердия. Да и сегодня многие люди, наделенные богатством, помогают нуждающимся.

Теперь уже очевидно, что насаждать капитализм в нашей стране следовало с учетом национальной истории. Ведь в Китае никто не пытался опорочить или устранить конфуцианскую этическую систему. Ее активно использовали для новых целей. Стремление же к роскоши, стремление осчастливить молоденьких «канареечек» нередко заканчиваются в этой стране расстрелом.

¹ Грех – смертельное заболевание // «Аргументы и факты», 2006, № 27.

Однако протестантский этос оказался подорванным не только в России, но и на Западе. Закончилась эра индивидуального успеха. Идеология лотерейного счастья, которая вырастала из возможности «намыть золото» или открыть нефтяное месторождение, уже не получала подкрепления в жизни. Карьеру можно было сделать только внутри корпорации. Создание крупных организаций сделало протестантские ценности незначимыми.

В противовес протестантской этике возникла новая этика, которую американский социолог У. Уайт назвал социальной. Он считал, что резонно было бы именовать ее организационной или бюрократической этикой, но склонялся все-таки к понятию «социальной этики»².

Под *социальной этикой* подразумевается корпус идей, который ограничивает ценности индивидуализма. Отсюда вера в группу как источник творчества, вера в возможности науки. Человек существует как элемент общества. Сам по себе он изолирован и бессмыслен. Лишь поскольку он сотрудничает с другими, он начинает чего-то стоить, ибо, возвышая себя в группе, он помогает произвести целое, превосходящее сумму его частей. Теперь строгий и эгоистичный индивидуализм, который проповедовали от имени протестантской этики, перестали терпеть.

Сравним некоторые положения протестантской и социальной этики.

Протестантский этос утверждал выживание наиболее приспособленных. Находясь на нижней ступени лестницы, вы можете найти в себе силы взобраться наверх. Вы можете это сделать, если имеете волю и силу поддержать себя. На вершине всегда предостаточно места. Успех приходит к тому, кто старается заставить успех покориться себе. Касий говорил Бруту: «Не звезды, дорогой Брут, виноваты в том, что мы мелкие сошки, а наша природа». Вот почему миллионер, который был когда-то студентом, уверен, что все его одноклассники не стали миллионерами просто потому, что не захотели. Между тем реальные возможности занять верхние этажи власти и богатства резко сократились.

Протестантская этика проповедовала бережливость. «Как только станете зарабатывать деньги, заведите привычку сберегать часть своего жалованья или прибылей. Откладывайте доллар из каждых десяти заработанных. Настанет время в вашей жизни, когда, владея кое-какими деньгами, вы сможете контролировать обстоятельства; иначе обстоятельства будут контролировать вас...»

Обратите внимание на употребление активной лексики: взобраться, сила, заставить, контролировать. Протестантская этика все еще с таким же упорством, как и раньше, рекомендовала человеку борьбу с его средой – такую практическую, сосредоточенную в «здесь и теперь» борьбу, которая приносит материальные вознаграждения. И духовные вознаграждения тоже.

² Уайт У. Организационный человек // Личность, культура, общество. М., 2002, с. 284.

Практическая часть протестантской этики была, конечно, неполной без сопутствующего уверения в том, что такой успех хорош как в практическом, так и моральном плане.

В условиях этой свободной системы управления, при которой индивид волен сам выбирать, как ему зарабатывать на жизнь или стремиться к обогащению, обычным результатом является конкуренция. Но тогда очевидно, что конкуренция на самом деле означает свободу трудиться. Так, каждый может сам выбрать для себя род занятий или профессию, а если она ему не нравится, может ее поменять. Он волен работать не покладая рук или не делать этого. Он может выдвигать свои условия при заключении сделок и сам устанавливать свою цену на собственный труд и производимую продукцию. Он свободен приобретать собственность, сколько пожелает, и расстаться с ней. С помощью умноженных усилий или большего мастерства, если он может зарабатывать больше, он свободен жить лучше, равно как и его сосед волен последовать его примеру и придумать, как, в свою очередь, его превзойти. Если у кого-то есть талант делать деньги и распоряжаться ими, он свободен осуществить свой талант, равно как и другой свободен пользоваться этими средствами... Если индивид наслаждается деньгами, заработанными за счет собственной энергии и успешных действий, его соседям надлежит трудиться еще упорнее, чтобы они сами и их дети тоже могли наслаждаться тем же.

Время показало, что такая этика чересчур оптимистична. Если каждый мог верить, что преследование личного интереса автоматически улучшает положение всех, то применение упорного труда должно было установить со временем рай на земле.

Один из идеологов этой морали писал: «Америка – поистине такое поле, на котором есть где развернуться человеческому роду... Здесь одно мерило: заслуги. Рождение ничего не значит. Выживают наиболее приспособленные. Заслуги – высшая и единственная добродетель, необходимая для достижения успеха»³.

Без этой этики капитализм был бы невозможен. Между тем индустриальная революция, которую породила на свет эта в высшей степени практичная этика, начала постепенно ее подтачивать. Наследники этой этики, жившие в XIX веке, создавали все более коллективное общество, но упорно отрицали следствия.

Сегодня начало того столетия выглядит золотым веком индивидуализма, хотя к 80-м годам XIX века корпорация уже показала конечное бюрократическое направление, в которое она собиралась последовать. По мере того как учреждения росли в размерах, возникали неувязки. Ведь одно из важнейших допущений протестантской этики состояло в том, что успех определяется не везением или средой, а только естественными качествами самого человека. Если люди богатели, значит,

³ Henry Clews. Fifty Years in Wall Street. N.Y., 1908, p. 40.

они этого заслуживали. Однако большая организация стала постоянной насмешкой над мечтой об индивидуальном успехе.

Для каждого, кто работал в большой организации, было совершенно очевидно, что те, кто лучше выживал, вовсе не обязательно были самые приспособленные. В большинстве своем это были те, кто имел лучшие шансы благодаря рождению или личным связям.

Протестантская этика все больше и больше расходилась с той реальностью, которая создавалась самой Организацией.

Итак, в современном мире произошла грандиозная этическая революция. То, что было ориентиром для людей на протяжении четырех столетий, постепенно утрачивает свою силу.

Но, может быть, именно социальная этика годится для России? Ведь она учитывает дух совместности, вполне сочетается со строгой вертикалью власти. Однако корпоративность и соборность – не одно и то же.

Выросшая в недрах корпоративности бюрократия не превратилась в слой менеджеров, уверенно ведущий Россию к процветанию. Чиновники сегодня – тяжелая гиря на ногах страны, которая устремилась к экономическому успеху. Можно, разумеется, сегодня став клерком, добиться собственного благополучия. Но у бюрократии совсем иные интересы, нежели у страны в целом. Забота о «продавливании» нужных законов, о желанном «откате», о замечательных привилегиях плохо сочетается с интересами всего народа.

Вот почему можно с уверенностью утверждать: первоочередная задача власти – разработка новой этической системы, которая могла бы сплотить страну, вызвать национальный подъем, создать уверенность, что все происходящее делается не только по уму, но и по сердцу, по нравственному побуждению. Власти же ищут решение вопроса, апеллируя к этическим системам, которые уже утратили свою историческую предназначенность.

Ирина МОНИНА

ЦЕННОСТИ КАК «ОБОРОТНИ»

Мы порой настолько привыкаем к повседневности, что часто не замечаем, как вековые святыни в одночасье становятся перевернутыми. Они сохраняют статус социального ориентира, но радикально меняют собственное содержание. Святость воспринимается как греховность, бедность как порок, властолюбие как сладость, предательство как норма, бесчестие как повседневность.

Такое неожиданное преображение абсолютов было давно замечено. Вспомним у Пушкина: «Они не ведают святыни, они не знают благодетели...»

Ф.Ницше, наблюдая подобную травестию ценностей, попытался придать ей философскую непреложность. Он полагал, что именно такая «перевернутость» помогает культуре очищаться от предрассудков, обветшавших моральных догм. Поэтому он и назвал свою работу «По ту сторону добра и зла». В этом сочинении он предлагал предумышленно отказываться от нравственных предустановлений.

В советские времена Алексей Аджубей, главный редактор газеты «Известия», предлагал восстановить дуэль, полагая, что это позволит восстановить в правах поправленную честь. Но, увы, другие времена – сторонников не нашлось...

Потребность в выражении духовных абсолютов неистребима. Ценности не угасают, а возрождаются в новой реальности. Но это вовсе не означает, будто наши предпочтения жестко сопряжены с тем, что принято в данной культуре. Многие люди обращаются к арсеналу общечеловеческих идеалов, но радикально отвергают ценности, бытующие, скажем, сегодня. В истории человечества были эпохи, когда люди следовали заповедям аскетизма. Например, в Древней Греции стоики учили отказываться от призрачных радостей жизни. Так поступали средневековые монахи и индийские отшельники.

В современной же культуре, напротив, аскетизм не популярен. И уж тем более никем не рассматривается как ценность. Многие люди хотят иметь множество товаров, различных жизненных благ, потреблять все, что может предложить постиндустриальная цивилизация. Господство таких ценностных ориентаций вызывает тревогу у социальных мыслителей. Как отмечал американский социолог Д. Белл, нынешняя цивилизация вызвала потребительский энтузиазм, спровоцировала различные потребности, которые невозможно удовлетворить, поскольку земные энергетические ресурсы не беспредельны. Между тем люди стремятся потреблять все больше и больше.

Эпиграфом к книге «Культурные противоречия капитализма» Белл мог бы взять слова Н.А. Некрасова: «Идет громадная, к соблазнам жадная толпа...»

Маленькая трагедия Пушкина «Скупой рыцарь» завершается горьким возгласом: «Ужасный век, ужасные сердца!» И в самом деле, есть от чего содрогнуться. Сын поднимает руку на отца. Угодничество заглядывает в чужие очи, вычитывая в них безжалостную волю. Люди готовы служить богатству, как «алжирский раб, как пес цепной». Страшное, не ведающее милосердия корыстолюбие. Сердце, обросшее мхом. Распад человеческого достоинства.

Какой век оказался ужасным? Тот, средневековый с турнирами? Или последующий, вписавший в историю жуткие страницы первоначального капиталистического накопления? А истребление целых народов – негров, индейцев, арабов, – сопутствующее эпохе колониализма? А может быть, «ужасные сердца» – это про прошлый век? Ведь в

это столетие взметнулось грибовидное облако. Это в тот век люди довели исстрадавшуюся природу до кровоточащих ран. Это нам в глаза смотрела обнаженная женщина из документального фильма кинорежиссера Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Святая прошлого столетия, она прикрывала груди руками перед мигом казни...

Отечественный писатель Андрей Платонов рисует образ инженера Вермо, который постоянно воображает «радостную участь человечества». Но он же размышляет, сколько гвоздей, свечек, меди и минералов можно химически получить от тела умершей женщины. «Зачем строят крематории? – с грустью удивился инженер. – Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметзолота, различных стройматериалов и оборудования...»

Но, может быть, «ужасный век» – это как раз про нас? Небоскребы, обрушенные самолетами. Дети, бегущие к крану с водой, но настигнутые пулями террористов. Взорванные дома. Необъявленная и жестокая война на истребление. Разбился авиалайнер в Греции, прогремел взрыв в Дагестане, упал вагончик в Австрии, затоплен и практически стерт с лица земли город Нью-Орлеан.

«Житель многомиллионного мегаполиса, выйдя из дому, – пишет журналистка Людмила Письман, – на каждом шагу подвергается масированной стрессовой атаке. Город перегружен техногенными объектами, всегда готовыми взорваться, загореться, обрушиться. Мы постоянно напряжены и ожидаем «удара в спину» – экстремальной ситуации, коварно притаившейся за углом, вируса паники, мгновенно захватывающего толпу. Даже незапланированную остановку поезда между станциями уже можно назвать сильнейшим стрессом. А вдруг впереди случилось что-нибудь страшное?»¹

Образ жизни – это особенности повседневного существования людей. Он складывается из домашнего быта, традиций и привычек, жизненных и практических установок, специфики человеческого общения. Поместите людей, воспитанных в разных обществах и следующих разным традициям, на один необитаемый остров. То, что они увидят, будет далеко не одинаковым. Различными будут и способы их поведения в этих новых условиях.

Между людьми и их окружением расположен неосязаемый и невидимый, но вполне реальный экран. Этот экран – «образ жизни».

В елизаветинские времена понятие «джентльмен» определяло весь образ жизни, а не только факт рождения. Соответствующая генеалогия могла быть предварительным условием, но быть джентльменом означало: получить лучшее образование, иметь лучшие манеры, носить лучшую одежду, чем массы; участвовать в определенных (и никаких других) развлечениях; жить в большом, хорошо обставленном доме;

¹ Письман Л. Прививка от агрессии // «Литературная газета», 2005, № 39–40, с. 6.

держаться на расстоянии от подчиненных – короче, никогда не терять вида классового «превосходства».

Класс купцов обладал собственным предпочитаемым стилем жизни, а крестьянство – своим. Эти жизненные стили, как и стиль жизни джентльмена, слагались из многих различных составляющих, начиная от места проживания, занятий и одежды и кончая жаргоном, характерными жестами и религией.

Сегодня мы еще создаем свой стиль жизни из мозаики составляющих. Но многое уже изменилось. Стиль жизни больше не просто демонстрация классовой принадлежности. Сами классы разбились на более мелкие группы. Экономические факторы стали значить меньше. Таким образом, сегодня важнее не классовая принадлежность, а связи с субкультурой, определяющей стиль жизни человека.

Разумеется, не каждый стиль жизни может оказаться подходящим. Мы живем на восточном базаре конкурирующих моделей. В этой психологической фантазмагии мы ищем способ упорядочить наше существование, ищем стиль, соответствующий нашему собственному темпераменту и нашим обстоятельствам. Мы ищем героев и мини-героев для подражания. Человек, выбирающий себе стиль, подобен даме, которая листает страницы модного журнала, чтобы найти подходящий фасон платья.

Это вовсе не означает, что его политические действия несущественны или что его мнения несправедливы или глупы. Он может быть (или не быть) справедлив в своих взглядах на общество. Но тот особый способ, который он выбирает, чтобы выражать их, неизбежно представляет собой часть его поисков собственного стиля.

Особенность нашего времени состоит в том, что множество ценностных ориентаций стало постепенно стягиваться к единой точке. Ради богатства сегодня можно пренебречь честью, дружбой, верой, святостью, достоинством. Вот почему ценностный аспект бытия нуждается сегодня в глубоком философском постижении.

Татьяна СВИНИНА

ДОЛЖНЫ ЛИ РАСЦВЕТАТЬ ВСЕ ЦВЕТЫ?

Люди имеют разные ценности. Один человек мечтает о богатстве, другой – о власти, третий – о духовном развитии. В принципе для общества чрезвычайно важно, чтобы арсенал ценностей был достаточно богатым, обширным. Однако само многообразие жизненных и практических установок еще не является благом.

Американский социолог Э.Торфлер в своих работах отмечает, что никогда в истории Запада не складывалось такое пестрое разнотравье

различных верований, духовных пристрастий, моральных представлений, как в наши дни. Чего только нет сегодня на мировоззренческом рынке. Окультизм представлен в широком ассортименте, научному взгляду противопоставлен гностический, неслыханное разнообразие являет собой нетрадиционная религиозность, художественные изыски поражают своей непохожестью.

Что же напрягает в этой центробежности? Убежденность в том, что должны расцветать все цветы... Между тем многие жизненные и практические установки людей подрывают государственность, нравственные устои. Они опасны именно своей суверенностью, которую обеспечила им либеральная идеология. Неоконсерваторы справедливо пишут об издержках демократии. Многие тенденции духовной жизни перешли свой предел.

Огромное значение для страны имеют те святыни, которые выступают в качестве фактора государственной безопасности: патриотизм, гражданственность, национальная идея и т.д. Сегодня этим ценностным ориентациям угрожает распад государственности, утрата патриотических и гражданственных чувств, терроризм.

Пока несколько человек с автоматами или взрывчаткой могут навязать свою волю государству, желающие реализовать такую возможность обнаружатся всегда. Терроризм многолик и динамичен: он постоянно меняет форму, содержание, идеологию, географию. Это не тот противник, которого можно обозначить на военных картах и штабных мониторах. Средства фиксации террористов явно не эффективны.

Мировое сообщество оказалось не готовым к этой войне. Оно готовилось к ядерной, биологической или психологической войне. Но реальность оказалась иной...

Недавно газета Washington Times опубликовала индекс вероятности терактов в разных странах мира. США стоят в нем на четвертом месте после Колумбии, Израиля и Пакистана. Россия занимает шестнадцатое место, а самой безопасной из 186 стран названа Северная Корея. У многих возникает вопрос: не стоит ли ради безопасности пожертвовать свободой?

Террористы – кто они? Фанаты, некрофилы, шизоиды? Вряд ли можно ограничиться моральной экспрессией: они – нелюди, сумасшедшие, безумцы... Но ведь террористы демонстрируют конкретно выраженную волю, трезвый расчет и планомерность. Нам явно не хватает и психологических знаний. Трудно судить о ядре иной культуры. Возникают сложности, связанные и с цивилизационной идентификацией.

Но есть и другие опасности. Можно говорить об интенсивности демографических диспропорций: прирост населения богатых стран за счет собственных ресурсов практически прекратился, а темпы прироста населения в беднейших и перенаселенных странах Азии, Африки, Латинской Америки не только не снижаются, а даже растут.

Авторы американской книги «Терроризм 2000 г.: будущее лицо террориста» считают, что «завтрашние террористы будут вдохновляться не политической идеологией, а яростной этнической и религиозной ненавистью».

Русский философ В.С.Соловьев отмечал, что семья, отечество и человечество связаны друг с другом очевидной ценностной нитью. По его мнению, от века даны твердыни и устои жизни: семья, живым, личным отношением связывающая наше настоящее с прошедшим и будущим; и отечество, расширяющее и наполняющее нашу душу содержанием души народной с ее славными преданиями и упованиями.

Со времени христианства нам открыто наше безусловное достоинство, абсолютное значение внутреннего существа человека, его души. «Это безусловное достоинство налагает на нас и безусловную обязанность осуществлять правду во всей нашей жизни, не только личной, но и собирательной; при этом мы *несомненно* знаем, что осуществить такую задачу невозможно для каждого человека, в отдельности взятого или изолированного, что для ее совершения необходимо *восполнение* частной жизни общею жизнью человечества. Один из способов такого восполнения, одна из форм общей жизни – форма главная и господствующая в настоящий исторический момент – есть *отечество*, определенным образом организованное в *государстве*».

В нашей культуре действительно распалась связь поколений. Любой человек соединяет в себе прошлое, настоящее и будущее. Своих родителей, себя самого и своих детей. Христианская религия почерпнула это триединство (то есть целостность трех слагаемых) из этой сути человека. И сделало это священным, чтобы помочь нам понять естественный закон жизни. Без прошлого нет настоящего, потому что нет Сына. Без настоящего невозможно будущее, потому что некому будет передать Завет. В религиозной литературе Заветом называют соглашение Бога с человеком. Завет – это доброе согласие...

А если его нет, этого Завета? Если родители не сумели показать детям эту живую связь поколений, близость детей и родителей? Если дети не смогли осознать свое глубинное, святое родство с родителями?

Тогда Завет замещается в душе человека сиюсекундным распоряжением, приказом. Тогда будущему поколению передают не Завет, как надо жить, а правила, как надо выживать. И тогда исчезает преемственность жизни. Остаются люди, которым не надо рисковать жизнью, чтобы отстоять Завет для будущих поколений, а нужно просто воспользоваться моментом, чтобы что-то продать, а что-то купить...

Перечитывая работу русского философа В.С.Соловьева «Оправдание добра», я испытывала недоумение, почему в этой большой работе автор пытается доказать нам простые истины. Речь идет о том, что человека формирует семья, Отечество и человечество в целом. И эта безусловная истина много раз проговаривается, доказывается. Очень

долго и обстоятельно философ пишет о необходимости почитания родителей, как будто кому-то неясно, что память о родителях священна. Но если еще в позапрошлом веке это казалось важным пояснять, то в наше время это стало актуальной потребностью.

Без нравственной эстафеты, без передачи опыта поколений, воспитание кажется не только непродуктивным, но и бессмысленным. Связь между поколениями – идея нравственная, это стратегия выживания. Она оказывается актуальной для всего западного мира. Сегодня массовая культура в своей иерархии ценностей ставит радости секса выше счастья материнства. Женские журналы, «мыльные оперы», дамские романы, телевизионные передачи в прайм-тайм – везде прославляется карьера, секс и независимость (и одиночество) женщин. Заботиться о ребенке – удел бабушек. Брак и моногамия так же восхитительны, как сэндвич с пюре. Как часто по телевидению показывают передачи о материнстве?

Реклама уверяет покупателей, что во вселенной не найти абсолютных ценностей, вера в сверхъестественное – предрассудок. Жизнь начинается здесь и здесь же заканчивается. Ее цель – наслаждение, доступное в единственном нам мире. Каждое общество вырабатывает собственный этический код для себя самого. Поскольку счастье – венец жизни и поскольку мы существа разумные, мы имеем право судить самостоятельно, когда жизненные тяготы перевешивают радости жизни и когда наступает срок прервать свой жизненный путь – то ли собственными руками, то ли при помощи семьи и врачей.

Первая заповедь «новой религии» звучит так: «Все образы жизни равноправны». Любовь и ее неперемный спутник, сексуальные отношения, – это личное дело каждого. Государство не вправе вмешиваться в эту область.

Данный принцип – все образы равноправны – подлежит фиксации в законе, а тех, кто отказывается подчиняться новым законам, должно наказывать. Если не уважаешь образ жизни соседа – значит, ты лицемер.

Старинная христианская мораль осуждала секс вне брака. Сегодня многие считают, что христианская мораль жестока и потому служит преградой на пути к счастью.

История показывает, что нет и никогда не было абсолютно равных народов, культур и цивилизаций. Одни достигали величия регулярно, другие к нему никогда не приближались. Разнятся образы жизни, религии, идеи; равенства не найти нигде. В современной культуре обнаруживается опасная тенденция. Ее можно обозначить лозунгом – «Приемлемо все!»: традиционное и новейшее, архаическое и современное, разумное и неразумное, научное и житейское, возвышенное и низкое. Они сосуществуют, дополняют, взаимно пересекаются друг с другом.

Получается, будто недопустимо выделение какого-то одного подхода в качестве образца. Бытие человека понимается не как движение к результату, а как бесконечное движение, ценное само по себе. Создание новых миров и воспроизведение старых, забытых образов, детский рисунок и фантазия шизофреника – все проявления нашего существования оказываются одинаково значимыми.

Нет ценностей более или менее значимых, они одинаковы. Это, оказывается, свойство мира. Принципиально меняется и трактовка сущности человека. Человек не столько трудится, сколько участвует в игре. Игровая деятельность пронизывает все формы культуры. Она считается тем многограннее и эффективнее, чем больше раскрепощена психика. Психика, освобожденная от традиционных запретов, получает возможность реализовать себя самым невероятным образом. Возникает новый тип сознания, где, подобно вспышкам молнии, интуитивные озарения переплетаются с догадками разума. Наука включает в себя элементы религиозного мировоззрения, религия пользуется данными науки. Произведения высокого искусства мирно сосуществуют с массовой культурой.

Конструирование действительности оказывается в этой системе ценностей основополагающим свойством человека. Мир превращается в арсенал моделей, противоположность искусственного и естественного исчезает. Создание искусственного климата, возможности моделирования собственного тела и даже полное воспроизведение себя путем клонирования, изменение психологического образа приводит к тому, что сама личность растворяется в потоке сменяющихся образов.

Наши отцы дали нам не только жизнь, но и обеспечили наше существование. Сами они получили все это через отечество. Отечество – это страна, где родился человек и к гражданам которой он себя относит. Именно поэтому уважительное отношение к отцу естественно переходит в почитание отечества. Вы родились в конкретной стране, у которой есть своя история, свои традиции. Естественно, они дороги вам, поскольку они составляют часть вашей жизни. Когда рождается семья, она не поглощает ее отдельных членов, а дает возможность каждому ощутить себя личностью. Отечество тоже не принижает своих граждан, наоборот, возвышает их.

Почитание отцов, подчеркивает Владимир Сергеевич Соловьев, переходит в прославление отечества. Нравственная жизнь семьи невозможна вне отечества, а жизнь отечества – вне человечества. Дурной сын и дурной отец, пишет Соловьев, который не почитает своих предков и не заботится о воспитании своих потомков, не может быть хорошим патриотом. Плохой патриот не может быть служителем общего блага.

Патриотом называют человека, который подчиняет свою жизнь интересам отечества. Патриотизм – эмоциональное отношение к Родине,

которое выражается в готовности служить ей и защищать ее. Гражданственность можно рассматривать как высшую форму патриотизма. В Древней Греции женщины и несовершеннолетние юноши могли проявлять лишь патриотизм. Что же касается гражданственности, то она рассматривалась как достояние только полноправных граждан.

Патриотизм – это преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу и готовность к любым жертвам и подвигам во имя Родины. Однако не следует думать, будто любовь к Родине рождается просто так, на основании только того, что Родина есть. Не случайно В.С. Соловьев подчеркивал, что бывает патриотизм неразумный, когда любовь к отечеству выражает неприязнь к другим народам. Вместо желаемой пользы такой патриотизм может принести вред и привести народы к гибели. Бывает патриотизм пустой. Он выражает, как отмечает ученый, неоправданные претензии. Патриотизм может быть и лживым, который служит прикрытием для корыстных целей.

Патриотизм дает положительный эффект в поддержании государственной стабильности. Сейчас в нашей стране началось возрождение патриотических чувств. Несомненно, любовь к Родине, к ее традициям и истории поможет России занять достойное место внутри человечества.

Павел ГУРЕВИЧ

МЕНЯЮТСЯ ЦЕННОСТИ – МЕНЯЕТСЯ ЭПОХА

В течение года мы старались внимательно следить за кардиограммой событий в России и во всем мире. Определяя злободневные темы номера, мы констатировали закрытость российских властных структур, их неспособность к «социальной вентиляции», крах современных управленческих стратегий, сложности процесса глобализации, преобразование ценностных ориентаций в современную эпоху. Прослеживая новые тенденции в политике, экономике и культуре, мы убедились в том, что любая современная проблема обретает относительную ясность только тогда, когда она осмысливается через животворящие святыни, через ломку вековых ценностей.

Завершая год, мы снова обращаемся к этой теме.

Выбор человечества

Ценностные ориентации меняются медленно, но большей частью незаметно. Проходит время, и люди поражаются тому, что они живут уже в ином мире, в другом этическом и психологическом пространстве.

Эпохи, понятно, не выстраиваются хронологически, в точном совпадении с календарем. Однако у нас есть все основания именовать XVII в. — Новым временем, XVIII в. — эпохой Просвещения. Минувшее столетие вошло в анналы истории как «век-волкодав». Но он все же обозначился в августе 1914 года, не по официальному исчислению, а когда разразилась Первая мировая война.

Каковы же, на наш взгляд, важнейшие события уже взявшего старт нового тысячелетия?

Новый век можно, по-видимому, считать «действующим» с 11 сентября 2001 года, когда свершилось дерзкое нападение террористов на Нью-Йорк. В этот день самолеты, захваченные террористами, врезались в близнецы-небоскребы Даун-тауна, принадлежащие Всемирному торговому центру. Они превратили эти 110-этажные машины — символ западной цивилизации — в груды развалин, в которых погибли более трех тысяч человек.

11 сентября 2001 года — несомненно, эпохальное событие в истории политики, основанной на факторе силы. Девятнадцать располагавших скудными ресурсами фанатиков заставили содрогнуться в панике самую могущественную и технологически высокоразвитую державу мира. «Спровоцированные этим актом процессы, — пишет З.Бжезинский, — привели к милитаризации внешней политики, ускорили переориентацию России на Запад, создали постепенно углубляющиеся трещины в отношениях между Америкой и Европой, обострили недуги американской экономики и вызвали изменение традиционных американских представлений о гражданских правах»¹.

Оружие, с помощью которого удалось всего этого добиться, заключалось в нескольких ножах для разрезания картонных коробок и готовности пожертвовать своей жизнью. Никогда еще столь немогущее меньшинство не причиняло столько боли такому могущественному большинству.

Другое эпохальное событие — испытание атомной бомбы в Северной Корее. Оно поставило под сомнение возможность контролировать события в разных регионах мира и показало, что различные международные договоренности не имеют реальной ценности, поскольку в любой момент могут быть нарушены.

Начиная с последнего десятилетия прошлого века центральной проблемой безопасности, вызывающей наибольшую обеспокоенность в мире, стал конфликтный потенциал Евразии. Юго-Восточная оконечность Евразии представляет собой арену этнических и межгосударственных войн, средоточие экстремистских режимов, рвущихся заполучить оружие массового уничтожения, место возникновения самых фанатичных мировоззрений и воинственных движений. Здесь сосредото-

¹ Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. — М., 2006, с. 65.

чены более половины жителей планеты (включая оба самых населенных государства и приблизительно три четверти мирового населения, страдающего от бедности). Именно этот регион является главным генератором демографического взрыва на планете и важнейшим источником миграционных процессов, уже порождающих трудности.

Весной 2005 года редактор отдела культуры датской газеты *Jyllands-Posten* Флемминг Роуз опубликовал карикатуры на пророка Мухаммеда. Эти материалы вызвали огромный скандал, захвативший весь исламский мир.

В Нигерии протесты местных мусульман, спровоцированные карикатурным скандалом, обернулись христианскими погромами. Озверевшая толпа, вооруженная железными прутьями, мачете и дубинками, спалила одиннадцать церквей. Забиты насмерть более полутора десятков человек, и это несмотря на то, что христианская община осудила датские карикатуры.

Кровью обернулась карикатурная история и в Ливии. Несколько сот ливийцев пытались взять штурмом итальянское посольство в Бенгази. Полиция применила силу — погибли одиннадцать человек. За гнев против Италии, по-видимому, ответствен итальянский министр по делам реформ Роберто Кальдероли, член праворадикальной Северной Лиги. Этот сеньор появился на публике в футболке с карикатурами на пророка Мухаммеда — в знак солидарности, по его словам, с теми, кто стал жертвой «слепого религиозного насилия». В Ливии — некогда итальянской колонии — этот жест расценили как вызов. Итальянскому премьеру Берлускони не оставалось ничего иного, как возложить вину за кровавые события в Бенгази «на бессмысленные действия нашего министра», в результате чего Роберто Кальдероли пришлось подать в отставку. Ливийского министра внутренних дел за неадекватное применение насилия также сняли с должности.

Из-за карикатур будут, видимо, убивать и дальше. Пламенных призывов на этот счет хватает, к тому же один пакистанский мулла посулил миллион долларов тому, кто сумеет убить кого-нибудь из датских карикатуристов.

Столкновение ценностей разных цивилизаций вызвало множество разноречивых мнений. Верующие мусульмане сочли себя оскорбленными, их реакция, полагают некоторые, была чрезмерной. Однако карикатуры на пророка для мусульманина равносильны разрушению храма. Вместе с тем возникло мнение, что исламисты посягают на такую ценность западной культуры, как свобода слова. Другие люди безоговорочно стали на сторону исламистов: нельзя оскорблять чужую веру.

Эти события показали, что в настоящее время стремительно преобладают ценностные ориентации не только отдельных стран, цивилизаций, но и всего человечества. Несомненно, мы стоим на пороге грандиозной ценностной революции.

Свобода или деспотия?

Понятие свободы включает в себе подчас самое неожиданное содержание. Не случайно немецкий философ прошлого столетия Эрнст Кассирер в работе «Техника современных политических мифов» оценивал данное слово как одно из наиболее туманных и двусмысленных не только в философии, но и в политике. Свидетельством смысловой «подвижности» и «некорректности» понятия служит тот факт, что оно возникает, как правило, в разных сопоставлениях. В философии «свобода» обычно противопоставляется «необходимости», в этике — «ответственности», в политике — «порядку». Да и сама содержательная интерпретация слова содержит в себе различные оттенки. Свобода может отождествляться с полным своеволием, но она может оцениваться и как сознательное решение, тончайшая мотивировка человеческих поступков.

Артур Шопенгауэр считал, что для новейшей философии свобода — главная проблема. Свои размышления на данную тему он начинает с определения понятия. Оно представляется ему отрицательным. Другими словами, когда мы говорим о свободе, то фиксируем при этом те препятствия, которые надо устранить ради свободы. Выясняется, что говорить о свободе можно только как о преодолении трудностей. Исчезла помеха, родилась свобода. Она всегда возникает как отрицание чего-то...

Неожиданный подход, не правда ли? Свобода казалась таким безупречным понятием, кристально ясным. И вдруг обнаруживается, что определить свободу из самой себя крайне сложно, попросту невозможно. Чтобы приблизиться к ней, нужно указать на совсем иные, посторонние факторы. Они существенны, конкретны. Собственное же положительное содержание свободы, согласно Шопенгауэру, равно нулю.

Свобода представляется многим чем-то самоочевидным. Каждый человек, задумавшийся над своим предназначением, не сомневается в том, что при любых обстоятельствах способен возвыситься над самим собой и обстоятельствами. Все зависит от его духовных усилий, напряжения воли. Если он захочет, свобода окажется его союзницей. Но так ли это?

Можно ли говорить о свободном выборе со стороны индивида, если, допустим, сторонники психоанализа доказывают, что поведение человека «запрограммировано» впечатлениями детства, вытесненными влечениями, подавленными вожделениями? Любой поступок, самый сокровенный и самый стихийный, если верить неотрейдидам, можно предсказать, объяснить заранее, доказать его неотвратимость. Что же тогда остается от человеческой свободы?

Многие мудрецы разных эпох размышляли о человеческой свободе. В прошлом и, особенно, в нашем столетии сделано множество пора-

зительных теоретических открытий, которые заставили по-новому задуматься над проблемой. Социальные мыслители засвидетельствовали: прежде чем пользоваться свободой, надо лучше осознать, что это такое. Иначе могут возникнуть длительные и глубоко разрушительные последствия.

Свобода — одна из неоспоримых человеческих ценностей. Однако самые радикальные умы сегодня, выступающие в защиту этой святыни, нередко обнаруживают робость, половинчатость и смятение. Нет, полагают они, свобода не абсолютна. Предоставьте индивиду или целой стране распоряжаться собственной судьбой — и наступит век хаоса. Сегодня западные политологи говорят о необходимости наведения порядка, ужесточения контроля, устранения излишеств свободы.

История подтверждает не только истину свободы. Она полна примеров добровольного подчинения чужой воле. Великие инквизиторы и диктаторы основали свои системы власти как раз на иной предпосылке — люди тяготеют свободой. Вот что писал Бенито Муссолини, избранник Италии 20-х гг.: «Люди устали от свободы... Для взволнованной и суровой молодежи, вступающей в жизнь в утренних сумерках новой истории, есть другие слова, имеющие гораздо большую привлекательность. Эти слова: порядок, иерархия, дисциплина».

Тираны и диктаторы реализуют свою мощь именно потому, что им помогают толпы рабов. Люди нуждаются в вождах, которые принимают за них решения, а сами легко сбрасывают с себя груз ответственности и свободы. История человечества — летопись насилия, потому что люди всегда подчиняли себе других, которым такое рабство казалось избавлением. Разве Талаат-паша сам убил миллионы армян? Разве Гитлер один истребил миллионы евреев? Неужели миллионы своих политических противников Сталин уничтожил сам?

Если люди сами отвергают свободу, значит, тирания неустраима?

Эрих Фромм склоняется к такому выводу. Однако реальная судьба деспотических режимов побуждает к иному ходу мысли. Можно ли отобрать у человека свободу? Несомненно. Но можно ли создать такое общество, в котором однажды найденные способы тотального надзора над человеком способны обеспечить стабильность общества, его нерушимость? После того как нацизм был разгромлен, на эту тему размышляли многие европейские мыслители, например, К. Ясперс. Он ответил на сформулированные вопросы однозначно: человечество не знает и, к счастью, никогда не узнает состояния окончательного и вечно го деспотизма.

Тоталитарный строй (нацизм, сталинизм) показал, что деспотия вообще как модель социального устройства обречена, она бесперспективна, разумеется, попытки создать тираническое общество могут еще быть. Но исторически более стабильным и продуктивным оказывается такое общество, в котором есть свобода. Ничего, кроме концла-

геря, нельзя построить на человеческих жертвах, на беззащитной эксплуатации человеческого материала.

Деспотия действительно обнаружила свою ущербность. Но это не значит, что исторический урок воспринят повсюду и всеми адекватно. На российских книжных рынках появилась книга немецкого классика политической мысли Карла Шмита.

Комментируя выход этой книги, известный отечественный политолог А.Дугин отметил в «Литературной газете», что еще со времен Ш.Монтескье термин «диктатура» воспринимался не как оценочный. Это слово выражало идею чисто технических средств, которые нужны для наведения порядка в обществе. С его помощью открываются политико-юридические аспекты отдельных периодов римской истории, в частности, эпохи правления Суллы или Цезаря, а также похожих режимов в других обществах².

Но так ли это на самом деле? История представлялась Ш.Монтескье как многообразие обычаев, нравов, привычек, идей, законов, различных социально-политических институтов. Французский социолог стремился показать, как можно превратить бесконечное разнообразие в осмысленный порядок.

Монтескье различает три формы правления: республиканский, монархический и деспотический. Природа каждого правления определяется числом суверенной верховной власти. Режимы, при которых имеется только один обладатель верховной власти, это монархия и деспотизм. Но при монархическом режиме единственный обладатель власти правит по единым, твердо установленным законам, тогда как при деспотизме — без законов и правил.

А.Дугин предлагает восстановить диктатуру как политическое понятие в своих правах. Он пишет: «Диктатура возникает тогда, когда она затребована исторической ситуацией. И в этом случае в ней нет ничего вопиюще аморального. Постараемся и мы оторвать термин «диктатура» от моральной оценки»³. Автор считает, что впереди нас ждет диктатура. Но отчаиваться не стоит. Во-первых, нам не привыкать, а во-вторых, есть основания считать, что на сей раз она будет отвечать интересам не узких групп олигархов и даже не классов, но всего народа, интересам нации, интересам России.

Однако точно ли, что термин «диктатура», который приравнивается к деспотии, носит внеоценочный характер, начиная с Монтескье? Вот что пишет по этому поводу французский социолог Раймон Арон: «В деспотизме Монтескье показывает, так сказать, абсолютное политическое зло. Видимо, деспотизм неизбежен, когда государства становятся слишком крупными, но деспотизм — это режим, при котором без

² «Литературная газета», 2006, № 36.

³ Там же.

правил и законов правит один человек, а следовательно, над всеми царит страх. Хочется сказать, что как только воцаряется деспотизм, каждый человек начинает бояться всех остальных»⁴.

Однако тоска по диктатуре, по «сильной руке», по порядку становится весьма заметной в современном арсенале ценностных ориентаций. Многие публицисты и политологи выражают неприязнь к демократии, разочарование в либеральных ценностях, в идее свободы. Снова в ходу известная цитата из Н.А.Бердяева: «Либерализм, демократия, парламентаризм, конституционализм, юридический формализм, гуманистическая мораль, рационалистическая и эмпирическая философия — все это порождение индивидуалистического духа, гуманистического самоутверждения, и все они отживают, теряют прежнее значение. Все это отходящий день новой истории».

Как долго мы грезили о свободе... Казалось, когда «оковы тяжкие падут» и рухнут темницы, все стороны нашего бытия обретут состояние гармонии и блаженства. Потом мы пили ее, возделенную, большими глотками. Но с каждым новым глотком охватывала оторопь. Распад Союза. Ничем не ограниченные политические противостояния. Свобода предпринимательства с ее мафиозными кошмарами. Агрессивные неформалы. Необузданные национальные чувства...

Что это? Свобода или ведущая к анархии вседозволенность под личиной свободы?

Опыт тоталитаризма заставляет нас с подозрением относиться к любому идейному построению, внутри которого определяются некие пределы для личности. Мы хотели раскрепостить человека, пусть он реализует собственную самобытность. Казалось бы, что может быть лучше... Но вдруг обнаружилось, что моя собственная свобода имеет некие пределы. Осудив практику тоталитаризма, мы не сумели избавиться от «болезни своеволия».

Никакое политическое устройство не может быть идеальным, если оно воспринимается как окончательное. Жизненность демократии в том, что она может быть сопоставлена с другими типами власти, причем сравнение окажется иногда не в пользу демократии. Французский социолог Алексис де Токвиль считал, что аристократический режим базируется на кодексе чести, который утрачивается при народовластии.

Демократия имеет только одно преимущество. Она способна по своему своему духу соотносить себя с другими режимами, вбирать в себя чужое достояние, впитывать нечто от других политических космо-сов. Но именно этого свойства наш политический режим не имеет.

Демократия эффективна только в том случае, когда достигнут определенный уровень цивилизованности. Если его нет, демократия перерождается в охлократию, в диктатуру люмпенизированных масс,

⁴ Раймон Арон. Этапы развития социологической мысли. — М., 1993, с. 43.

агрессивного большинства. Но в таком виде она несколько не лучше других типов политического устройства, а гораздо хуже, ибо несет в себе тиранию, криминальность, беспредел, откровенный сговор.

Общество сегодня вообще утратило любые рычаги, позволяющие контролировать власть, влиять на ее поведение. Человеку, обнаружившему произвол, не к кому обратиться. Коллективная сплотка, диктат «охлоса» лишают его возможности оказать воздействие на события. Блюстители порядка, ревизоры разного рода озабочены вовсе не тем, чтобы торжествовал закон. Крупицы власти используются совсем для других целей.

Нахожусь под сильным впечатлением статьи, которую недавно опубликовал еженедельник «Аргументы и факты». Речь идет о том, как избежать беды, если к вам без всякого повода «привязался» милиционер. Даются разного рода рекомендации, которые оставляют только одно ощущение: от такого несчастья нет спасения. Блюститель порядка — хуже всякого террориста.

Своевольный индивид наших дней отказывается признавать право, если оно не выражает его вожеланий. Под видом культа человека он отвергает все, что не совмещено с его собственным жизненным пониманием. В социальной организации ему грезится только насилие над ним. В чужой нации он клеймит странные обычаи и опасную кровь. В общечеловеческой морали он усматривает абстрактную мудрость, совершенно непригодную для повседневности.

Сегодня в общественном сознании легко обнаружить феномен «бегства от свободы». Но это чревато опасностью тоталитаризма, деспотии и диктатуры.

Принцип охлократии — никакой суверенности личности. Никакого цивилизационного согласия. Торжествует спайка и сила. Жизнь охлократии всегда находится на грани хаоса. Нужны регулятивные механизмы. Путем указов невозможно катапультировать общество в новое общество. Поэтому рождается опасность авторитарной власти. Вот почему актуальной оказывается мысль Карла Манхейма: «Демократия разрушает самое себя...»

Партикуляризм или универсализм?

Недавно по телевидению выступал генерал ФСБ. Один из журналистов задал ему вопрос: «Как вы относитесь к преследованиям грузин по национальному признаку?» Генерал приложил руку к груди и ответил: «Поверьте, честное слово, лично я не антисемит».

Враждебные этносы в современном сознании смешались в одну значимую фигуру врага. Теперь все равно, что еврей, что грузин, что араб. Главное — обозначить мишень.

В течение многих десятилетий европейские страны не задумывались над последствиями свободной миграции. Идея мультикультурализма обладала завораживающей силой. Разумеется, взаимодействие между разными этносами в рамках поликультурных, полинациональных государственных образований тревожило умы социологов и политиков. Противостояние Ирландии и Англии в рамках Великобритании, курдские конфликты в Турции и Ираке, противоречия между басками и испанцами, цепь конфликтов на Балканском полуострове — это примеры межкультурных конфликтов.

Мир изменился. Миграция преобразила социально-культурную структуру Западной Европы. В некоторых европейских странах, таких, как Австрия, Германия и Бельгия, доля граждан иностранного происхождения ненамного отстает от Америки, за ними следуют Франция и Швеция. В результате во многих европейских государствах возникли очаги политической и социальной напряженности, а антииммигрантские движения стали набирать силу. И все же ни Западная Европа сегодня, ни Япония завтра не могут позволить себе остановить иммиграцию. Экономика этих стран все больше нуждается в импорте молодой рабочей силы, отчасти оттого, что процветание сделало тяжелый труд менее привлекательным для местных уроженцев, но, особенно, в силу феномена, который только недавно привлек внимание общества, — из-за прогрессирующего и ускоряющегося глобально-го старения населения.

Центральная проблема, которая волнует сегодня общественность, — проблема самоидентификации в условиях взаимодействия культур. Что выражает сегодня понятие «американец»? Это европеец (англичанин, испанец, француз, голландец)? Или это некий усредненный тип, сложившийся в результате смешения европейских этнокультурных цивилизаций с автохтонными американцами, афроамериканцами и азиатоевропейцами?

Вопрос взаимодействия рас, этносов, культур становится одним из наиболее болезненных в современной структуре ценностных ориентаций.

Решение проблемы взаимодействия культур в рамках поликультурного общества раскрывается в виде трех концепций: ассимиляционные («Доктрина явственной судьбы» и «Плавильный котел»; плюралистические (модели «Salad Bowl», «Культурный плюрализм», «Радужная коалиция» и пр.), радикальные (этноцентризм, афроцентризм, полицентризм).

Однако с середины XX века американская мозаика, мощно идущая на смену «плавильному тиглю» как сути американского опыта, стала выходить за свойственные ей ранее европейские рамки. Новая американская мозаика — мультикультурная этническая смесь, представители которой одновременно сохраняют свою обособленность.

В начале нового столетия с особой остротой выявилось, что многие «инаковые» культуры одушевлены представлениями о своей культурной идентичности, о самодостаточности и даже превосходстве над другими культурами. Так рождается мультикультурный радикализм. Он вызывает всплески национализма, «расизма наоборот» («Upside Down»). Такие современные идеологи, как М. Кинг, У. Дюбуа, отказываются от концепции «покорного вживания» в чужую культуру.

Но сегодня это расслоение базисных традиций происходит и в ведущих культурах. Иммигранты вовсе не торопятся усвоить арсенал господствующих ценностей и жизненных установок. Они не только пытаются сохранить свои обычаи и взгляды, но и агрессивно противопоставляют их господствующим представлениям. В воздухе накапливается взрывоопасная ситуация, которая «подпитывается» конфликтами на лестничной клетке, в супермаркете, в общественных местах и в городской повседневности.

«Неужели наша эпоха равенства наций и государств – истинный конец истории или всего лишь временное перемирие, показной мир, минутная договоренность, время перехода от западного господства к тому дню, когда Западу придется платить дань новому господину?»⁵.

Неоконсерваторы в ведущих западных странах стремятся противостоять этой тенденции. Бьюкенен с горечью отмечает, что сегодня у американцев не осталось общих ценностей, общей истории и общих героев. То, что для половины Америки является героическим прошлым, для другой половины – лишь постыдное воспоминание. Джон Стюарт Милль предостерегал, что «установления свободы почти невозможны в стране с разными национальностями. Среди людей, лишенных чувства близости, особенно если они говорят и читают на разных языках, невозможно наличие согласованного общественного мнения, необходимого для деятельности правительства...».

На политическом горизонте резко обозначился национализм. Немецкие политики с тревогой отмечают рост социальной влиятельности партий, близких к фашизму. Справедливые меры по отношению к зарвавшемуся грузинскому президенту неожиданно для страны всколыхнули националистические чувства.

В известном смысле мы проснулись уже в другой стране. Еще плодоносит фашизоидное лоно...

Глобализация или конфликт цивилизаций

В мире происходят экономические, культурные и технологические изменения, содействующие формированию глобальных взаимосвязей как поверх национальных границ, так и сквозь эти границы.

⁵ Бьюкенен Патрик Дж. Смерть Запада. – М.: 2004, с. 169.

Глобализация грозит массовыми беспорядками, утратой национального контроля над основными экономическими ценностями и социальной эксплуатацией.

Французы часто и открыто заявляют, что глобализация означает гомогенизацию. Любые проявления глобализации рассматриваются через призму их совпадения с угрозой распространения американской культуры.

Официальная позиция Китая тоже отражает явственную культурологическую враждебность в отношении поддерживаемой США глобализации, противопоставляя ей собственную концепцию «азианизма».

В наше время окончательно определились крупные массивы человечества — цивилизации. Среди них, например, атлантическая (в которую входят Западная Европа и Северная Америка), иберо-латино-американская, исламская, азиатско-тихоокеанская, африканская...Насколько правомерно говорить также и об евразийской цивилизации как культурной и исторической общности народов, населяющих огромные пространства от Карпат до Камчатки и от Памира до Арктики?

Исторический опыт свидетельствует: при распаде цивилизационного ядра возникают чрезвычайно мощные геополитические цепные реакции, которые в корне меняют облик данной части человечества.

В конце прошлого века философы и психологи сделали поразительное открытие: оказывается, развитию человечества мешают мировые религии. Величайшая догадка просветителя Иоганна Гердера о единой судьбе всех народов натолкнулась на рифы.

В начале 1970-х годов группа членов Римского клуба сделала специальный доклад о том, как внутренне сопряжены друг другу различные религии. Заговорили о грандиозных кросскультурных контактах, о поисках межрелигиозного вселенского диалога. Но завершилось все это совершенно иным предположением: именно религии ведут к размежеванию человеческого рода, а возможно, и к смертельному противостоянию.

В начале седьмого века нашей эры средиземноморский мир был христианским. Но уже через пятьдесят лет после хиджры — путешествия в Мекку, совершенного пророком, полчища исламистов обрушились на южное побережье Средиземного моря. Сегодня повсюду легко заметить признаки возрождения ислама. На Филиппинах действуют исламские сепаратисты. В Индонезии мусульманские войска сражаются с сепаратистами-христианами. От Палестины до Пакистана толпы людей на улицах рукоплескали разрушению Пентагона и уничтожению Всемирного торгового центра. Талибский Афганистан на протяжении многих лет служил убежищем для Усамы бен Ладена и его террористической сети, а также поставлял «воинов Пророка» в бывшие советские республики Центральной Азии и в Чечню.

В марте 2001 года глава движения «Талибан» мулла Мухаммад Омар приказал уничтожить все религиозные изображения и статуи на территории Афганистана, в том числе и знаменитую, седьмого века статую Будды в Бамьяне. Он заявил: «Эти идолы – боги неверных».

Организация «Хезболлах» вытесняет Израиль из Ливана и подстрекает палестинцев Западного берега и сектора Газа на продолжение интифады – священной войны с евреями, в которой значительную роль играет и движение «Хамас». В Турции и Алжире выборы 1990-х гг. привели к власти исламские режимы, которые удалось сместить методами, далекими от демократических. В Египте мусульманские экстремисты возобновили преследования и казни христиан-коптов. В десяти северных провинциях Нигерии ныне действует «закон Корана».

В Европе христианские конгрегации вымирают, церкви пустеют, зато мечети заполняются все активнее. В одной только Франции сегодня проживает 5 миллионов мусульман. А на территории Европейского Союза в целом – от 12 до 15 миллионов. В Германии насчитывается 15 тысяч мечетей. Можно смело утверждать, что ислам вытеснил иудейство с позиции второй по распространенности религии в Европе. Мы наблюдаем самый настоящий «исламский прилив». В 2000 г. впервые в истории человечества мусульмане превзошли численностью католиков.

Теперь футурологи выстраивают свои прогнозы уже не по лекалам глобализации. Они отмечают, к примеру, возможность такой перспективы человечества: радикальные исламисты создают транснациональное теократическое сообщество. Весь неисламский мир объявляется «врагом халифата». Против него начинается террористическая война. Процесс глобализации не только приостанавливается, но и начинает размываться. Мусульманские страны вносят смуту в страны Европы.

Итак, понятие абсолютной национальной безопасности сегодня не более чем миф. В век глобализации полная безопасность и тотальная оборона недостижимы. Хотим мы этого или нет, но нам придется пройти серьезную школу, «просвещающую» нас относительно «иных ценностей». Политики должны позаботиться о том, чтобы народы смогли жить в условиях нового цивилизационного противостояния.

Еще недавно национальные интересы диктовали политикам четкие ориентиры. Сегодня все чаще политологи ставят вопросы, которые как будто не возникали прежде: «Зачем? Во имя чего? Ради какого смысла?»

Вот и Бжезинский, вечный проповедник американского диктата, задается вопросом «Гегемония во имя чего?»

Будет ли страна стремиться построить новую мировую систему, основанную на совместных интересах, или станет использовать свою суверенную глобальную мощь главным образом для упрочения собственной безопасности?

Каким образом Америке следует противостоять потенциально смертоносным угрозам, которые все чаще исходят не от сильных соперников, а от слабых недругов?

В состоянии ли Америка конструктивно регулировать свои долгосрочные отношения с исламским миром, насчитывающим 1 млрд. 200 млн. человек, многие из которых все больше видят в Америке заклятого врага? Становятся ли демографические и миграционные процессы новыми источниками угроз для глобальной стабильности? Совместима ли американская культура с ответственностью имперского характера? Как реагировать на новое углубление неравенства между людьми, которое может резко ускориться в результате происходящей научно-технической революции и стать еще отчетливее под воздействием глобализации?

Но это уже другая тема для серьезного разговора.

И вот о чем еще хотелось бы сказать в заключение.

Каждая культура содержит в себе набор святынь. Их соподчинение составляет внутренне устойчивое ядро культуры. Однако ценности, которые кажутся незыблемыми, со временем преобразуются. Только изменение ценностных ориентаций порождает социальную динамику. «Подвижные» социальные, культурные условия воздействуют на строй ценностей. Индивид черпает собственные практические и жизненные установки из арсенала человечества. Выбор ценностей для него свободен. Однако господствующие предпочтения составляют в нем стойкий костяк культуры как комплекса ценностей. В то же время на солидном историческом пространстве заметны разительные повороты в ценностном арсенале.

Итак, в современном мире произошла грандиозная этическая революция. То, что было ориентиром для людей на протяжении четырех столетий, постепенно утрачивает свою силу.

Во времена, когда десять заповедей теряют, по-видимому, свою безусловную значимость, человек более чем когда-либо должен учиться прислушиваться к десяти тысячам заповедей, возникающих в десяти тысячах уникальных ситуаций, из которых состоит его жизнь. И в том, что касается этих заповедей, он может опираться и полагаться только на совесть. Живая, ясная и точная совесть — единственное, что дает человеку возможность сопротивляться эффектам экзистенциального вакуума — конформизму и тоталитаризму.

В этом году в Бишкеке издан сборник статей по проблемам геополитики, национальной и региональной безопасности и противодействия терроризму под редакцией Е.А.Вертлиба и Л.М.Бондарца¹.

«В книге сочетаются стратегический уровень глобальной проблематики безопасности, плюрализм экспертных оценок и географическая ширина охвата стран, – пишут соредакторы в предисловии. – В статьях сборника раскрываются такие категории, как истоки терроризма, государственный терроризм, неоглобализм, новый мировой порядок, десоверенизация, антитеррор и права человека, расклад мировых силовых линий, ОДКБ, ШОС и НАТО, феномен «цветочных революций», системы безопасности в свете реалий однополюсной доминанты и др.»

Публикуемый ниже материал – статья, открывающая это, несомненно, авторитетное и серьезное исследование большой группы ученых из разных стран мира.

Евгений ВЕРТЛИБ (Германия)

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПРОБЛЕМАТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И СТАБИЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

«Террористическая составляющая» геополитики и безопасности

Понятия геополитика, безопасность, терроризм взаимосвязаны. «Экспансионистский характер» геополитики уподобляет ее интенцию террористическим проискам. Видимо, по причине реализации природы геополитического территориального самодвижения, президенты Ирана, Боливии, Белоруссии квалифицируют американскую конкурентную активность как «терроризм». Слишком расширительное толкование сферы жизненных интересов государства позволяет рассматривать внешнюю политику этой страны как прикрытие цели установления мирового господства.

¹ Геополитика – безопасность – терроризм // Сб. ст. Научное издание. Рекомендовано к печати ученым советом Международного института стратегических исследований при Президенте Кыргызской Республики. Б. 2006.

Размышление об антологии террора может свести воедино террористический акт и «конфликт цивилизаций». «Совершен некий террористический акт, – рассуждает профессор МГУ Александр Панарин, – но вместо того, чтобы искать террориста, его совершившего, – в духе принципов презумпции невиновности, в духе принципа индивидуальной ответственности, а не кровной мести и так далее, – вместо всего этого нам говорят, что нужно бомбить почему-то Афганистан. Якобы террористы там, наверное, живут. Потом говорят, что надо наказать «неправильно» ведущие себя страны: Ирак, Сирию, Иран и т.д. Потом речь заходит о «мусульманском экстремизме» – тут уже для возможности дальнейшей экспансии конфликта буквально нет предела. Наконец, говорят о конфликте цивилизаций – цивилизованному Западу противостоит уже и не мусульманский мир, а вообще Восток».

Как бы в подтверждение этого уподобления можно считать высказывание прелата отца Паскуале Боргомео: «Ситуация зашла в тупик, ведется война без правил, без границ, без четкой стратегии. Это разгул инстинктов, страхов и ненависти, я бы сказал, потемнение рассудка, поскольку целью войны является разрушение, уничтожение, унижение и террор, усиливающие ужас и ненависть. Другие цели не просматриваются».

Всемирная опасность в том, что разрушение мирового уклада вызывает неуправляемые деструкционные процессы, нигилизирует верно-подданическое сознание и криминализирует толпу. Отлаженная цивилизация погружается в хаос войны всех против всех. Миру предложена безальтернативная дилемма: «борьба до победного конца» или капитуляция перед террором. Люди разобщены паникой и плюрализмом. Традиционные ценности низвергнуты. Церковь поругана (из ее стен снарядами извлекают засевших террористов), к голосу церковных иерархов не прислушиваются. Государства отдают сами или насильно теряют суверенитет. Нарастающее Царство Тьмы грозит концом Света Божьего. Поэтому следует избежать **терроризма антитеррора** – не уподобляться террористическим мстителям, сметающим суверенитеты и установленный миропорядок.

Международный терроризм – это трансграничное насилие в отношении населения и инфраструктур, преследующее политические, в т.ч. геополитические, цели. Это бесспорное зло. Но для философии равенства и геостратегическое сотворение империи «нового мирового порядка» не лучше всемирной «великой дуги» мусульманской – хрен редьки не слаще.

Понятие терроризм, геополитика, безопасность в силу их бытийственной взаимосвязанности следует рассматривать в совокупности. Как в Эрмитаже – статуэтку, на которой слепцы ощупывают слона. Все держатся за разные части целого и каждый убежден в том, что только он познал Истину, а другие – заблуждаются.

Прозрачная смежность понятийных границ цельного видения проблем делает излишним спор, что «главнее» в этой триаде? Все зависит от квалификации объекта (экстремизм антитеррора – тот же терроризм?), фокуса наведения, проекции изображаемого, глубины и системности видения сути, отраженных в экспертной оценке этого условного (или фактического) триединства.

Сквозь парадигму противостояния дуализма «атлантизм против евразийства» взглянем на целостную картину российской безопасности и стабильности Центральной Азии.

Россию не следовало выводить из строя, «отбрасывать в Средневековье» тотальной холодной войной, ибо воцарившийся затем однополярный мир не смог не допустить победы разнузданного нигилизма и усугубляет свой стратегический просчет тем, что, продолжая войну за господство на Евразийском континенте, способствует консолидации антиамериканских сил (делает мир совсем неуправляемым) и мусульманизации мира.

Тяжелое летальное заболевание – это ошибка для микропаразита.

1. Геополитические предпосылки противостояния «Океана» и «Суши»

Российский историк Василий Татищев и французский философ Шарль Монтескье обозначили зависимость «образа правления» государства от его пространственно-географических характеристик. Швед Рудольф Челлен и немец Фридрих Ратцель рассматривали государство как «биогеографический организм», стремящийся к постоянному росту и территориальному расширению.

Захват «жизненного пространства» (Lebensraum) вытекает из «борьбы за существование». Антагонизм морских и континентальных типов «организмов-государств» позволил Ратцелю положить эту оппозицию в основание центральной геополитической мифологемы противостояния разнотихийных «Суши» (Heartland, Земля, теллутократия, Евразийская Россия) и «Океана» (талассократия, США, Англия). Британский геополитик Хэлфорд Маккиндер определил Центральную Азию, Восточную Европу, частично – Россию Сердцевинной «Мирового острова» (World Island) и пророчески указал путь к мировому господству: «тот, кто владеет хартлендом, господствует над миром».

«Океан» геостратегически нацелен на поглощение «островной» Евразии.

Властелин мира Тамерлан (Тимур) создал сверхдержаву с прочным и практически неуязвимым со стороны «Океана» континентальным ядром из Средней Азии, Ирана плюс Дешт-и Кипчака – степей Казахстана. Хартленд, считал Маккиндер, завоевать нельзя: морские корабли не могут вторгнуться в эту зону, а попытки окраинных государств

всегда заканчивались неудачей (например, шведского короля Карла XII, Наполеона).

С распадом Золотой Орды Россия стала осваивать эту гигантскую естественную крепость «Тартарию» и державно собирать *Rex Mongolica* под свою власть. Состоялся симбиоз Руси с кочевниками Дикого поля. Овладение наследием Великой Степи способствовало становлению государства Российского. Без примеси «татарщины» не было бы России – геополитической преемницы Чингисидов, Тимуридов, высшей – Белой Орды Джучидов (потому и русский царь на Востоке именовался Белым царем).

По мнению генерала Леонида Ивашова, в 60–80-е годы XIX века России удалось на сибирско-азиатском направлении переиграть Англию. Британское оперативное искусство, опирающееся на принципы максимальной осведомленности, гибкость и разнообразие приемов геополитической деятельности, оказалось бессильным перед русской стратегической мыслью генерала Андрея Снесарева, кстати, на полвека опередившего в «постижении истории» Арнольда Тойнби и Льва Гумилева в теории «пассионарности».

Присоединение Казахстана и Средней Азии к Российской империи положило конец «300-летнему хаосу в Центральной Азии». «Россия дана нам Богом и историей», – сказал Аскар Акаев. Оседлость досталась ценой смирения самобытной вольницы – соприродной жизни кочевой. Нарушилась гармония степей, гор и оазисов. Зато длительное военно-политическое доминирование России в регионе значительно снижало остроту проблем межнациональных и религиозных конфликтов на «Большом Кавказе» и способствовало поддержанию мира на Ближнем Востоке, Балканах и в районе Средиземноморского бассейна.

Центральная Азия раскинулась на великом Евразийском материке от Каспия до Большого Хингана и от сибирской тайги до Гималайских гор. С точки зрения геополитики, базирующейся на дуализме теллурократии (Земли) и талассократии (Воды) как противоположных онтологических и геополитических концептов, эта «Суша», не имеющая стоков в океаны, примыкает к «Великой Степи», протянувшейся от Дуная до Алтая. Многомерность и «рыхлость» границ внутренних пространств региона делает уязвимой безопасность Евразийского центра. Легко провоцировать межэтнические стычки. Границы в ЦАР, по мнению Алексея Малащенко, – «линии», разделяющие различные этносы, ресурсы, в т.ч. водные и энергетические, конфессии (точнее говорить о территориях, население которых по-разному относится к религиозной традиции), а также, естественно, национальные государства. Они могут восприниматься субъективно: как фактор взаимного размежевания стран или как свидетельство их взаимодиффузии.

«Границы никогда не лимитировались, – писал дореволюционный историк А.И. Левшин в 1832 году, – и были довольно относительным

явлением. Зачастую границами служили природно-ландшафтные барьеры – реки, горные хребты, пустыни. Там, где границы пролегали по линии земледельческого фронта – линии соприкосновения оазисов с кочевой степью, они образовывали как бы буферную территорию со стабильно высокой конфликтностью, постоянными набегами и войнами. Такое положение на протяжении тысячелетий занимали Хорезм, пограничные ферганские города, районы вдоль Пянджа, присырдарьинские города. Например, за право обладания последними постоянно происходили войны между узбеками и казахами».

Некая этногеографическая общность жителей Серединной Земли позволяет рассматривать Центрально-азиатский массив как макрорегион от Персидского залива до западных окраин Китая и от Индийского океана до отрогов Южного Урала. Евразийская Россия (синтез европейского леса и азиатской степи) и Кавказско-Каспийский регион (береговые земли, Rimland) образуют «Большой Кавказ», который был и остается местом столкновения интересов приокеанических государств и Российско-Евразийского материка.

II. «Холодная война» как «промежуточная стадия» господства «Океана»

Хотя сам сэр Маккиндер позднее отказался от прежнего жесткого дихотомического противопоставления сухопутных и морских держав, однако его формула геополитической войны за торжество «Океана» над «Сушей» оказалась востребованной.

Американский генерал Эрвин Рокки в своем предисловии к переизданному U.S. National Defense University в 1996 году труду Х. Маккиндера признает, что «вся холодная война против Советов (1947–1991) была лишь промежуточной стадией «в более великой борьбе сил «Океана» за владычество над Мировым островом». Семиглавое и десятирогое чудовище-зверь выходит из моря (13-я глава Апокалипсиса). «И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира». Из пророчества Исаи следует, что русский народ пройдет весь Апокалипсис в противоборстве с «антихристом» и выйдет из этой страшной схватки непобежденным.

«Океан» и «Суша» схлестнулись в «холодной войне». Из поединка с США Россия вышла физически надломленной, лишившейся национальной аутентичности, психологически зомбированной на преобразование себя во «вторсырье» Запада, потерявшей Восточную Европу и отчасти СНГ. Уже «вашингтонский обком» всю рулил внешней политикой и принятием государственных решений России. Ельцинская ломка России под лозунгами «радикальная экономическая реформа», «поэтапная конституционная реформа», «период стабилизации» сово-

купностью разрушительных последствий обрекла нацию на вымирание, а обкромсанную страну – на распад. Шоковая терапия по-гайдаровски, приватизация по-чубайсовски, денежно-кредитная политика по-павловски почти угробили Россию. Профессор из Принстона Ситвен Коэн квалифицировал правление Бориса Ельцина как «трагический транзит России к средневековью».

Для выправления курса страны, дрейфующей в небытие, коммунисту Геннадию Зюганову не дали легитимно посредством выборов стать президентом (сработало пугало: «Голосуй или проиграешь»). Владимиру Путину, оказавшемуся «более решительным» по сравнению с Сергеем Степашиным, правящая «семья» доверила власть. На популистских лозунгах он становится лидером опущенной нации. Симпатии нового президента находятся между олигархами и народом, между демократами и националистами, между «закулисой» и питерским чекизмом. Приход Владимира Путина во власть помешал «адептам либерального мракобесия» доразобраться с Россией. Он не заявлял, как Уинстон Черчилль: «Я не хочу председательствовать при распаде Британской империи», а взял и провел ряд неотложных мер по восстановлению государственности. Чтобы страна не превратилась во враждующие «удельные княжества», Владимир Путин дезавуировал провокационный ельцинский клич «Берите суверенитета, сколько можете проглотить».

Созданная «вертикаль» соподчинения вернула власть центру, остановила дезинтеграцию Российского государства, утратившего благодаря реванш-либералам и всяческим «прорабам перестройки» 5,5 миллиона квадратных километров (территория, равная десяти Франциям) земли, потерявшего наиболее обжитые и развитые пространства, лишившегося 25 миллионов россиян.

«Возродив за годы правления Путина значительную часть своей былой внешней и внутренней субъектности, – пишет политолог Виталий Третьяков, – Россия отныне является по совокупности характеристик мировой державой второго ранга, имеющей перспективы возвращения себе и статуса глобальной сверхдержавности в ряду пятерки, к остальным членам которой относятся США, Китай, ЕС и Индия». За усилия по восстановлению Отечества из руин президента Путина объявили «фашистом» и открыто грозят государственным переворотом: «Последние полтора года мы готовимся взять власть в России силой», – заявил в январе в интервью агентству France Presse беглый олигарх Борис Березовский.

Америка пытается осадить Россию поглубже в демократическую колею, а та в ответ сперва робко, затем все решительнее гнет свою линию. Такое своеволие, «откат» злит США. Их терпение ждать от Путина продолжения Ельцинского прозападного курса лопается. США прозрачно намекают экспертной оценкой в журнале *Foreign Affairs*, что

уже почти в состоянии «одним ударом» уничтожить весь деградировавший ядерный арсенал России, а заодно и крепнущий китайский. Ведь по причине труднопоправимого урона, предательского безволия властимущих и финансовой немощи разворованная и приХватизированная Россия не может надежно защитить себя. Число стратегических бомбардировщиков в России сократилось на 39%, межконтинентальных баллистических ракет – на 58%, атомных подлодок с баллистическими ракетами – на 80%. Российская система раннего предупреждения также находится в плачевном состоянии. Нарастить ядерный потенциал вводом в строй достаточного количества «Тополей» (С-300ПМУ) и продлением ресурса «Сатаны» (РЗ6МУ, или СС-18) мешает губительное соглашение о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Президенту Путину приходится за «чудо-оружие» выдавать морально и технологически устаревшие ракеты образца 1979 года рождения – «сотки»: УР-100НУ, или РС-18 и стращать ведущимися работами по созданию образцов, «не имеющих аналогов в мире и которым невозможно противостоять».

Проведенное виртуальное нападение на Россию с помощью компьютерного моделирования показало, что атака самых укрепленных целей с помощью высокоточного оружия имеет очень высокие шансы на успех. Дырявость противоракетного щита и слабость ракетного арсенала могут лишить Россию даже утешительного шанса на ракетно-ядерный ответный удар возмездия. Если раньше, когда сохранялся паритет военных потенциалов США и России, решиться на ядерную войну означало самоубийство для обеих стран, то ныне, когда нет взаимной уязвимости, а есть лишь очевидный дисбаланс сил и ядерно-высокоточное преимущество США, – нетрудно холодный мир трансформировать в войну.

Новая мартовская 2006 года «Стратегия национальной безопасности» США подтверждает доктрину Джорджа Буша о превентивной войне не только против террористов, но также и враждебных по отношению к США государств, обладающих ядерным, биологическим и химическим оружием. Пентагон недавно предал огласке документы, в которых содержатся обвинения в адрес России, которая якобы регулярно снабжала Саддама Хусейна американскими военными секретами, касающимися планов США по ведению боевых действий в Ираке. Согласно принятой доктрине государство за подобные действия может быть подвергнуто наказанию превентивным сокрушительным ударом. «Сотки», небольшое количество мобильных комплексов «Тополь-М» и ракет «Булава» морского базирования – недостаточный арсенал для противодействия крупномасштабной агрессии. Ядерное оружие рассматривается в России как гарантия суверенитета. Хотя президент Путин «пообещал обеспечить ядерное сдерживание», сохраняется угроза безопасности России, ее национальному суверенитету.

Однако как всеисилие «Океана» оказалось на деле больше кажущимся, так и поражение России в «холодной войне» не было абсолютным. США без тесного взаимодействия с Россией не смогли поддерживать порядок в мире, который и осуществлялся лишь благодаря разделению между конкурентами зон ответственности, уравниванию потенциала друг друга, балансу стратегических сил и страху взаимоничтожения. В одиночку Америке не удастся нейтрализовать ни старые угрозы, ни качественно реагировать на новые вызовы. Потому Запад недопобедил в Афганистане, стабильно завяз в Ираке, неизвестно, чем закончит свои «цветочно»-революционные эксперименты на постсоветском пространстве. Наверняка не состоится всепланетное «торжество свободы и демократии».

Вообще вряд ли можно извне насадить справедливый и устойчивый мир. Снова между США и Россией конфронтационное давление по всем азимутам, отсутствие взаимности и стимулов к тому, чтобы договориться. Обе страны напрямую и через посредников досаждают друг другу: Россия – используя своих ассоциированных «изгоев» (Сирия, Белоруссия, Иран, ХАМАС), США – с помощью ведомых НАТОвских неофитов (Польша, Румыния, Болгария), младодемократов (Грузия, Украина, Молдова) и костенеющего в антирусскости Евросоюза. Тот же комплекс непогрешимости и насильственного осчастливливания других народов, милитаризация международных отношений вместо политико-дипломатического урегулирования проблем – продолжают «холодную войну». В ней участвуют коалиции государств и группы смежных интересов. Она носит характер подрывных психологических действий, крупномасштабных провокаций, экономических санкций, политико-военного прессинга.

Вроде все борются за свободу и демократию, а планета все больше погружается в неуправляемый хаос.

Наплыв «Океана» на «материк» сказывается повсеместно на всем, в т.ч. и на Центрально-азиатском регионе (ЦАР), куда продвигается НАТО. Россия, пройдя «зоологический период» дикого капитализма, воскрешается с момента Приштинского прорыва 12 июня 1999 г. Тогда 200 бойцов ВДВ совершили беспрецедентный марш-бросок из Боснии в Приштину. Американский генерал Уэсли Кларк отдал распоряжение выбить русских десантников. У россиян же был свой приказ: позиций не сдавать, а в случае нападения вести огонь на поражение. Бригадный генерал Эндрю Джексон отказался выполнять инструкции Кларка и вступил в переговоры с коллегой Виктором Заварзиным. Лобовое столкновение не переросло в мировую войну. Десантники были представлены к ордену Мужества. С тех пор, кажется, и зауважали Россию – то есть снова стали побаиваться и подумывать, как бы ее укротить и приспособить к своей упряжке.

Со слов Бжезинского, сразу же после инцидента в Слатине и под его впечатлением в Москву из США приехали люди, близкие к тогдашнему главе фирмы «Халлибертон» Ричарду Чейни, чтобы предложить партнерство, включая военное, между Америкой и Россией в случае прихода к власти в Вашингтоне Республиканской партии, а в Кремле – ФСБ и армии.

Россия упрочивает конструктивные отношения с миром, постепенно избавляясь от инфантильной внешнеполитической догматики и услужливой оглядки на Вашингтон. Потому эксперты американского мозгового центра – Совета по внешней политике (CFR), почувствовав неладное – «отступление от избранного демократического пути», – предлагают немедленно применить к «ренегатше» предупредительные меры воздействия: отказаться от притворства видеть в России стратегического партнера и не выходить из рамок делового «ограниченного взаимодействия по отдельным вопросам» с ней. То есть возвращается стратегия сдерживания времен «холодной войны», с изоляцией России и противодействием распространению ее влияния.

Ни демократу Джону Эдвардсу (возможный кандидат в президенты), ни республиканцу Джеку Кемпу не нравится поздний Владимир Путин – «авторитарный во внутренней политике и неоимпериалист во внешней». Той же монетой платит за «комплименты» Путин: «Восьмерка» превратилась в сборище жирных котов», «Собака лает, караван идет», «Руки у России все крепче и крепче. Их не выкрутить даже таким крепким партнерам, как Евросоюз».

Россия хотела бы вернуть себе мировую значимость – следовательно, «холодная война» не проиграна. Со второй половины прошлого года Россия заметно активизировалась на международной арене. Ее первые шаги – это мощная реакция на «цветные революции», а также переход от оборонительной к наступательной позиции в Центральной Азии. Затем, используя энергоносители, она ввела ограничения в отношении тех стран-членов СНГ, где произошли «цветные революции».

Усиление России «не в ту сторону» воспринято американцами как главная угроза собственной национальной безопасности. Потому что «между собственной безопасностью и мировым господством в Вашингтоне (и это является главной ошибкой) поставлен знак равенства».

III. «Война – это продолжение политики иными средствами» – продвижением свободы и демократии

От центрального пространства «Мирового острова» остается «вольнотерпящейся» лишь Российская Федерация.

«Сегодня, – пишет политолог Наталия Нарочницкая, – превращение Восточной Европы в Центральную, а западных территорий исторического государства Российского в Восточную Европу – лишь звено в геополитической цепи. Оно призвано сжимать Россию по некоему кругу –

от Балтии к Югу, затем, отсекая ее от Черного и Каспийского бассейнов, поворачивая на Восток и теряясь в глубинах Центральной Азии, где идет борьба за ориентацию новообразованных государств – Казахстана, Киргизии, Таджикистана. Ее структурные отрезки, как и недостающие элементы, уже зримы, что указывает на очевидную связь всех разнородных инструментов конструирования этой дуги – от атлантического лобби в Прибалтике, антирусских фронтов Белоруссии и Украины до вторжения военной машины НАТО на Балканы, создания исламских квазиобразований в Европе – Босния и Косово, связанных в дугу с Чечней и движением «Талибан», простирающим амбиции до Памира».

Цели и задачи американской стратегии послевоенного холодного мира изложены в «Руководстве Пентагона по оборонному планированию» («The New York Times» от 8 марта 1992 года):

«1) Не допустить возникновения конкурирующей силы в Европе, Азии или на территории бывшего Советского Союза.

2) Поставить под свой полный контроль ключевые геополитические пространства, консолидация которых могла бы привести к возникновению геополитического конкурента.

3) Сохранить любыми средствами структуру однополярного мира под американской гегемонией. Не допустить возникновения новой системы баланса сил.

4) Отвергнуть любые возможности коллективного интернационализма и существование или становление международных организаций или институтов, которые не были бы под американским контролем. Подчинить ООН и превратить ее в орудие американской внешней политики».

От слов – к делу. Россия для Америки «не друг и не враг, а так». Степень их невзаима можно определить как *Luke Warm* (ни то, ни се) – ссориться по-крупному пока не стоит, но и брататься – ни к чему. Идут «плановые работы». Со стороны США намечено размещение ядерного оружия на территории новичков НАТО, вдоль границ России. Система НПРО пополнится противоракетной базой в Европе. И Россия действует симметрично вызовам: себя в 2006 году оснастит зенитно-ракетным комплексом С-400, а Белоруссию укрепит С-300, которые превосходят Patriot (ММ-104).

Как известно, каждую геополитическую эпоху характеризует определенный баланс сил на международной арене и сложившаяся конфигурация границ и зон влияния. Послевоенное устройство Европы и мира, гарантированное Ялтинской конференцией 1945 года, с официальным концом «холодной войны» в 1989 году было нарушено не в пользу России – изменены установленные границы («нелегальны» образование СНГ и распад Югославской федерации) и допущен институтами всеобщей безопасности дисбаланс сил (единоличная гегемония США), чреватый последствиями.

Знаменитая «Фултоновская речь» (5 марта 1946) Уинстона Черчилля явилась началом «холодной войны». «Доктрина Трумэна» (1947) провозгласила «бескомпромиссную борьбу со всем, что находится за железным занавесом». В 1950 году американец Пол Нитце заявил, что Советы «одержимы новой фанатичной верой, которая противоположна нашей, и стремятся распространить свою абсолютную власть по всему миру». В 1957 году, когда соотношение сил качнулось в пользу России, «доктрина Эйзенхауэра» призвала неукоснительно следовать стратегии «отбрасывания коммунизма». С целью «разрыхления» социализма изнутри делается акцент на «наведение мостов». «Доктрина Никсона» (1969) предусматривала усиление борьбы с советской идеологией. При президенте Картере в 1970 годы социализм, как нравственный догмат, был дискредитирован. Рональд Рейган призвал в своей доктрине к «крестовому походу» против «империи зла». Набросив на Россию «петлю анаконды» (стратегия Анаконды), принялись отеснять ее от береговых территорий. Применение к ней так называемого «линкиджа» должно было замкнуть между собой все береговые силы Евразии и оштетинить их против России.

В результате систематических и целенаправленных деструктивных импульсов извне и сдачи изнутри традиционных констант политики, в 1991 г. в Москве воцарилась власть демократического окраса и либерал-реваншистского толка. По коварному замыслу, дерзости исполнения, горевым параметрам и губительным последствиям то был, мне кажется, **первый «цветочный» переворот на постсоветском пространстве**. Потом уже отпочковались призраки «самостийности».

Почему переворот, а не революция? Потому что революциями в науке признаются радикальные трансформации с переходом общества в более высокое качественное состояние. Россия же не только лишилась достойного качества жизни, но и государствообразующих свойств и факторов.

«Первая сдача» вернула Россию на 350 лет назад», – констатирует Антон Суриков. В результате Россия досталась олигархам, по своим «понятиям» правящим марионеточными министрами страны. Запущенный в действие механизм сепаратизации регионов призван был разорвать страну на квазигосударства. Например, конституцией Тувы закреплялось право выхода этой республики из состава Российской Федерации.

Некоторые субъекты определяли себя как суверенные государства, ассоциированные с РФ. Планы смердяковствующих реформаторов совпадали с геополитическими амбициями «Заокеанья». Когда-то исторически неудавшееся – теперь успешно реализовывалось. В 1919 году при подготовке Версальского мира не прошла затея узаконить практику расчленения стран и признания «мировым сообществом» удобных Западу сепаратистов. Лига Наций отвергла тогда идею поглоще-

ния государственного суверенитета. Ныне же групповая агрессия против суверенных государств смогла осуществиться: сперва разделились с Югославией, затем двинули на Ирак. Почил в бозе Вестфальский миропорядок 1648 года, основанный на незыблемости суверенитета как неотъемлемого свойства и признака государства.

Когда «новому мировому порядку» помешали международные этико-юридические сдерживающие препоны, он упреждающим ударом по Ираку без санкции Совета Безопасности ООН сломал сию «совестливую химеру» – «устаревшую» ялтинско-потсдамскую систему международной безопасности. Франция, Германия, Индия, Китай, Россия были против антииракской агрессии. Ведь мотивировка – дескать, у Саддама Хусейна имеется запрещенное оружие, была, как оказалось, надуманной. Предлог, что президент Хусейн якобы связан с «Аль-Каидой» – нелеп, ибо Усама бен Ладен был злейшим личным врагом Саддама. Скрытная же подоплека (заполучить нефть) – труднодоказуема, хотя и логична.

Кстати, бомбометание аккуратно обходило нефтескважины. Дуйат Эйзенхауэр в 1957 году впервые выразил тревогу, чтобы Ближний Восток не достался русским. Лакомые куски желанны Штатам. Ирак – вторые в мире запасы нефти в 112,5 млрд. баррелей. Да даже Афганистан, и без «террористической» составляющей, чем не соблазн – 3,6 млрд. баррелей нефти и 36,5 трлн. кубометров газа. Кроме того, если разведанная нефть России может иссякнуть уже лет через 20, то углеводородов Ирака хватит на 128 лет, согласно анализу British Petroleum.

Джордж Буш в своем «Послании к Конгрессу» подтвердил угрожающий фактор нефтяной уязвимости Соединенных Штатов: «Чтобы США были конкурентоспособными, требуется энергия. И здесь мы сталкиваемся с серьезными проблемами: Америка зависима от нефти, которая часто импортируется из нестабильных регионов мира». Отсюда идея: стабилизировать не мир, а нефтепотоки в США. Ну а озабоченность нефтью погоняет внешнеполитическое планирование. Стало быть, нефть могла быть одним из основных поводов к войне с Ираком.

Имеются и конспиралогические версии подоплеки агрессии. По одной из них причиной войны могла стать возможная отработка «многоходовой комбинации» по привязке Москвы к Вашингтону, с последующим подключением к ним Индии и Израиля – с целью совместного противостояния общим угрозам и извлечения прибылей: сковать темпы роста китайского потенциала и скоординировать действия в исламском мире, направленные якобы лишь побочно против терроризма, а напрямую – на искусственное повышение мировой цены на нефть, выгодное как нефтемagnitude Дикю Чейни, так и «Газпрому».

Как бы там ни было, по сути, была объявлена война всему арабскому миру, исламу, объединенной Европе (как геополитическому конкуренту

и центру силы), косвенно – Китаю и российским стратегическим интересам. Чтобы справиться с такой глобальной задачей, общество вынуждается становиться тоталитарным – ведь только подчинение всех интересов граждан государству позволяет рассчитывать на успех. Так состоялось эгоцентричное торжество однополюсного диктата. Пробуксовка в Ираке не мешала наследникам Томаса Вудро Вильсона, ведомым «Законом о продвижении демократии» (Advance Democracy Bill), «цветочными» революциями преобразовать постсоветское пространство.

Акт о «Свободе для России и формирующихся евразийских демократий и открытых рынков» вступил в силу 25 октября 1992 года. Он не понравился ни России, ни Китаю, поскольку задевал чувствительные механизмы межэтнических отношений. Отсюда – «откат» России от демократии по-американски и сближение с Китаем на неприемлемости сепаратизма. Рикошетом досталось и Европе: она раскололась на «новую» (в основном из бывших подсоветских стран, симпатизирующих США) и на «старую» (традиционно ценностную). Раздор в Европе, кризис структур, отсутствие всеобъемлющей концепции дальнейшей интеграции и все меньшее доверие лидерам, отчужденным мировым правительством от своих народов, не позволили Европе выработать консенсус и оставили ее без Основного закона, перенеся дату ратификации Конституции с ноября 2006 на середину 2007 г.

Гуманитарная «цветочная» интервенция под «Управлением по демократическим движениям и переходному периоду к демократии» (Democracy Movements and Transitions) изрядно подпортила наработанный имидж Америки, как справедливой и демократичной страны, и вызвала тройственную реакцию у президентов стран ЦАР: сдаться переворотчикам и покинуть свою страну, как Аскар Акаев; защищаться от смуты и инородной напасти – как Ислам Каримов; превентивными мерами воспрепятствовать развертыванию путчизма, не дожидаясь дестабилизации страны и утраты контроля над ходом событий, – как поступил Ильхам Алиев.

К сожалению, экспорт демократии не только не поубавил мировых проблем, но и сделал их обостреннее, разнообразнее и масштабнее. Как после «победы» в Ираке гуртом повалил люд в ряды мстителей; как с концом войны в Афганистане усилился наркотрафик; как с умыканием Слободана Милошевича Гаагским трибуналом осуществился наоборотный геноцид сербов. Прорисовывается «многоходовка»: Милошевич мог быть лишь предлогом разделаться с Сербией как с «военным преступником» – чтобы уже «по революционной справедливости» оторвать от страны Косово, а заодно и Черногорию, выведя из состава федерации. А ведь Косово и Метохия (таково полное название автономии) – духовная колыбель сербского народа, поселившегося там в V – VI веках и сразу же принявших христианство. Там же в IX веке благодаря просветителям Кириллу и Мефодию они получили письменность.

Странные обстоятельства гибели Слободана Милошевича в тюрьме превращают Гаагский трибунал из международного института правосудия и справедливости в «европейский Абу-Грейб» – заявил МИД Белоруссии. Антисербский политический перекося способствует доформированию великой «мусульманской дуги», перекраивающей Евразию.

Демократические ценности оказались в заложниках у внеэтического нигилизма. «Государства западного мира изменили своим демократическим принципам и движутся к тоталитаризму, а демократия становится всего лишь мифом и прикрытием безнравственности», – заключил Папа Римский Иоанн Павел II. Нарастающая неуправляемость миром очень встревожила Ватикан. Ведь понятия прогресс, справедливость, честь, суверенитет, свобода, независимость, гуманизм дискредитировались, извратились и стали разменной монетой демагогии. «Всевышний одарил нас духом прогресса, – поведал сенатор Альберт Дж. Беверидж в 1900 году, – чтобы мы могли одолеть силы реакции во всем мире. Он сотворил нас сведущими в вопросах управления, чтобы мы могли управлять дикими и пришедшими в упадок народами. Не обладай мы такой силой, весь мир вновь впал бы в варварство и темноту. Из всей нашей человеческой расы Господь выделил американский народ как нацию, избранную в конечном итоге руководить духовным возрождением мира. Такова Божественная миссия Америки».

Сенатору вторит Збигнев Бжезинский: «Америка должна задавать тон в построении такого мира, который бы в меньшей степени уповал на химеру государственного суверенитета и в большей – ориентировался на неуклонно возрастающую и политически регулируемую взаимозависимость».

Никто не заметил, что «химера суверенитета» – историческая сменщица рейхканцелярской заклеянной «химеры совести». Однако душок высокопарной риторики нелюб не только русской во истину Богоизбранности, но и любому другому здравомыслящему созданию. «Божественная миссия» в контексте геополитической неприглядности утилизационных задач отталкивает, как «кухня демонической антикультуры», и служит подтверждением тезиса Эммануэля Тодда о жизненной потребности американской экономики в «сборе имперской дани» со всего мира. Идея миссионерства трансформировалась в императив о необходимости силового навязывания другим народам собственной модели государственного и общественного устройства. «Доктрина превосходства» (Preemption Doctrine), называемая также «доктриной Вулфовица», питает концепцию превентивных ударов.

«Лидерство Америки – единственный способ ее выживания», – уверена эксперт Наталия Нарочницкая. – «Вот и на Ближнем Востоке в стальных объятиях оказался мировой углеводородный эллипс. Геополитический рисунок победного шествия вселенской демократии не случайно расцвел розами, каштанами и тюльпанами ботанических ре-

волюций по периметру стратегических, прежде всего, морских границ России. Ясно, что будущее России напрямую зависит от того, позволит ли она отсечь себя от Балтийского и Черного морей и оттеснить на северо-восток Евразии, где глубина промерзания 2–3 метра и отопительный сезон почти 8 месяцев».

«Перестройка», в смысле загнать Россию туда, где «Макар телят не пас», была спланирована более сотни лет тому назад. На месте Российской империи хотели видеть «конфедерацию славян от Балтики до Черного моря». В 1890 году в Рождественском выпуске английского еженедельника *Truth* («Правда») появилась иллюстрация *The Kaiser's Dream* («Сон Кайзера») в виде географической карты, на которой белым пятном значилась «Русская пустыня» – усеченная «Империя», прижатая к зоне вечной мерзлоты.

Однако чем больше вынашивается планов отвалить Россию от геополитического «Моря» и Юга, тем решительнее она действует супротив антирусских сил. Таков государственный инстинкт русского человека.

Стратег позапрошлого века Алексей Едрихин, считавший Англию губительницей геополитических перспектив России, разъяснил причину направленности русского судьбоносного вектора на Юг. Упираясь тылом во льды Северного океана, правым флангом в полузакрытое Балтийское море и во владения Германии и Австрии, а левым в малопригодные для плавания части Тихого океана, Великая Северная Держава имеет не три, как это обыкновенно считалось, а всего лишь один фронт, обращенный к югу и простирающийся от устья Дуная до Камчатки. Так как против середины фронта были пустыни Монголии и Восточного Туркестана, то российское движение к югу пошло не по всей линии фронта, а флангами и преимущественно ближайшим к центру государственного могущества правым флангом, наступая которым через Черное море и Кавказ к Средиземному морю и через Среднюю Азию к Персидскому заливу, россияне, в случае успеха, сразу же выходили бы на величайший из мировых торговых трактов – так называемый Суэцкий путь.

Однако все блестящие победы России над турками, хивинцами, туркменами и другими противниками на театрах военных действий не предотвратили, в конце концов, поражения российского правого фланга: левая колонна была остановлена в Мерве (Туркмения), средняя в Карсе (Армения) и Батуми, а самая сильная правая, уже достигнув проливов, принуждена была повернуть назад и отойти к северным берегам Черного моря. И «контр-Ялта» не дала России сойтись со Средиземноморьем – воспрепятствовала победительнице во Второй мировой войне стать меридиональной системой от моря до моря, о чем мечтал В.С. Семенов-Тянь-Шанский; завернули ее к Черному морю, которое должно было быть политически и в военных параметрах отделено от Южной Европы, так, чтобы Запад контролировал все Средиземноморье, включая Черноморские проливы.

Не потому ли столь безапелляционно, настойчиво и безотлагательно изгоняют Российский флот из Черного моря, меняют статус Азово-Керченской акватории и угрожают перекрытием Керченского пролива с целью воспрепятствования прохождению русских кораблей?!

Угроза прямого столкновения между США и Россией «пока очень гипотетическая», однако, прав Владислав Сурков, «всякое может быть, и, естественно, наша армия и военно-морской флот – основа нашего национального суверенитета, в особенности, конечно, ядерные силы. И этому вопросу будет уделяться самое большое внимание и сейчас, и в будущем». Хотя с Россией считаются минимально в глобальных вопросах, однако уходить ей из большой политики нельзя, поскольку тогда «мировые решения будут приниматься ей в ущерб».

Энергетический рычаг влияния России не мешает НАТО смело продвигаться уже и по Азии. «Наличие натовских и американских военных баз в странах региона и быстро развивающиеся военно-технические отношения с указанными государствами делают возможным вариантом развития военно-политической обстановки реализацию третьего этапа расширения НАТО с участием не только европейских, но и центрально-азиатских государств – участников СНГ», – констатирует генерал Борис Мыльников, руководитель АНЦ СНГ.

И все же безропотные «совки», доведенные в горбачево-ельцинскую эпоху до степени крайнего унижения и фазы предуничтожения, воспряли духом при Путине. «Доктрина Иванова», точь-в-точь как американская, – базируется на одновременном ведении одной большой войны и двух локальных. Россия провела именно такие комплексные военные учения: имитировалась одна большая война с участием Северного флота и стратегической авиации, а также две локальные – «миротворческая операция» многонационального контингента на Дальнем Востоке и антитеррористическая операция на Каспии. Состоявшийся при этом одноразовый учебный запуск ракеты «Сатана» – брешь в монополярных претензиях Вашингтона. В мировой паутине хитросплетений Россия хочет выглядеть не жертвенной «мухой», а, скорее, таким же, как противник, «пауком».

У Запада заимствуется «паучья» аргументация и наступательная риторика. Метод строительства внешнеполитического каркаса незамысловат. Путин «подбирает обломки неудачной внешней политики Буша, чья конфронтация с Ираком обернулась бедой, чей подход к Ирану почти зашел в тупик, чей демократический проект на Ближнем Востоке усилил позиции исламистов». Россия учится играть на ошибках оппонентов их же «картами». Незашоренный национальный прагматизм русской «всемирной отзывчивости» помогает строить суверенную демократию – некий либерально-консервативный сплав – строй, при котором Россия, с одной стороны, не отказывается от либерального наследия и принципов демократии, а с другой – делает демократию

более управляемой и придает ей национально-государственную окраску. Ультралибералы не вписываются в суверенную демократию, поскольку они ориентированы на внешнее управление Россией.

Полагаю, что озвученной Владиславом Сурковым политике Владимира Путина хорошо знакома либерально-консервативная концепция Бориса Чичерина, сформулировавшего политический, весьма подходящий для нынешней России принцип: «либеральные меры и сильная власть». При Путине окрылилась фраза императора Александра III о том, что у России есть лишь два союзника – армия и флот. Суверенитет – это Россия-крепость, не в смысле самоизоляции от мира (хотя Китай так и сделал в 1970-е годы), а как неприступная твердыня для агрессоров, духовных подрывников и экономически повернутая благами ко всем россиянам.

«Игра со стороны Запада, – пишет Алексей Чадаев в своей интересной книге «Путин. Его идеология», – идет на то, чтобы ядерный суверенитет России был актуален только для нее самой. А все прочие государства, ныне существующие в российской системе, перешли бы в другие системы: западные – в европейскую, южные (Кавказ и Средняя Азия) – в американскую или какую-то другую.

Иначе говоря, базовый тезис Запада сегодня звучит так: интересы России должны быть ограничены ее собственными границами». Свежий пример тому. В связи с намечающейся сделкой по закупке Таиландом истребителей «Су-30» командующий Вооруженными силами США на Тихом океане адмирал Пол Хестер заявил, что Россия должна делиться своими технологиями с Китаем, как с бывшим товарищем по коммунизму, а Таиланд, мол, является частью демократического сообщества, которое технологически находится в американской лиге. Такие доводы сработали бы при двухполярном мире, разделенном на «мое» и «твое». В плюрализме же – «Москва слушает да ест» – строит себе свою многовекторную прагматическую политику.

Еще лет десять назад нелепо было даже ставить вопрос о «суверенной демократии», ведь закулиса управляла Россией: экономической политикой и финансами – МВФ (присылали факсом на английском языке готовые инструкции для выполнения), а приватизацией и отраслевой политикой – Всемирный банк. Эксперт Михаил Рогожников утверждает, что политический режим был устойчив в той степени, в которой он устраивал группу ведущих стран, прежде всего США. Мало у кого вызывало протест то, что там выставляются оценки степени демократизации. Общим был курс на интеграцию в некое «мировое сообщество» на условиях этого сообщества.

За последние пять лет эта картина изменилась до неузнаваемости. Вместе с тем случившееся выравнивание курса целиком в рамках российской политической традиции – упрямого возвращения к своему нутряному консерватизму. «До 1991 г. Россия, – считает Ричард Пайпс,

– отказывалась от автократии лишь два раза за всю свою историю – в начале XVII столетия и в 1917 году, – и в обоих случаях разрушение автократии привело не к возникновению либерального режима, а к анархии и затем реставрации абсолютизма.

Судя по всему, сегодня происходит аналогичный процесс – возврат к консервативно-либеральному курсу исторической парадигмы. Как показал X Всемирный Русский Народный Собор, русская цивилизация вполне может стать альтернативой американскому миропорядку и тотальности западной идеологии. Россия заявила, что «существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека». Это «вера, нравственность, святыни, отечество». Опасны те «права», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми мировыми религиями. «Права и свободы неразрывно связаны с обязанностью и ответственностью человека». Сквозь призму русской идеи будут рассматриваться нарушения прав человека в Европе и США с российской точки зрения, как это уже несколько лет делает Китай.

Россия возвращает поруганным правам и свободе нравственное содержание и тем самым становится арбитром в межцивилизационной конфронтации Запада и Востока.

Магистральные и своевременные «мартовские тезисы» Владислава Суркова контрастируют с убогим в целом уровнем номенклатурно-духовного фона страны, где преобладают идеологическая размагниченность, неразборчивая всеядность, продажность, карьерно-служебная приверженность к бесхребетной компромиссности, жалкая «дипломатия» уверток и постфактумного реагирования. А без глубокого системно-аналитического подхода к проблемам трудно понять характер вызова, предвидеть и просчитать возникшую угрозу и выработать точечную терапию управления конфликтом.

Рассматривая видовую специфику террора, например, следует не упускать из виду основную концептуальную первопричину этой «чумы XX века»: осознания того, что корни современного терроризма лежат в разрушении биполярной системы и стремлении унифицировать однополярный мир, подчинив его интересам мировой элиты, и нарастании разрыва в уровне жизни между полюсами мирового «Севера» и «Юга».

Неумение или нежелание распознать природу угрозы или вызова безопасности может вовлечь Россию в чужое противоборство за чуждые интересы. К примеру, зачем в угоду мифологизаторам террора придавать вселенское обобщение этому явлению?

Если признать терроризм онтологическим, вечным злом и поставить себя в позицию участника перманентного поединка с ним, как легендарный борец Зигфрид в схватке со змеем, – то такое искажающее преувеличение и опасная неточность характеристики явления снизит эффект применения стратегии антитеррора, а может даже привести к обратному результату: к возвышению образа террориста, сочувствию к нему и к ра-

дикализации умеренных мусульман, что во вред национальной безопасности страны, ее исторической толерантности и российской геополитике. Ведь традиционная российская политика межэтнического и межконфессионального сотрудничества, довольно успешно проводимая где-то с XV века, способствовала стабилизации российского общества, упрочению русского миропорядка и самодвижению нации к Империи.

«Можно считать, – писал Аскар Акаев, – что ислам и православие в условиях Центральной Азии сосуществуют в рамках гармонического симбиоза, в котором проявляются черты, присущие мегацивилизации. Ее можно было бы назвать евразийской». Отрадно, что фактор войны в Чечне не отвратил мусульман Кавказа авансом наградить Россию в лице президента Путина (единственного христианина, удостоенного такой чести) высшим орденом «Шейх Уль-Ислам».

Сергей Лавров заверяет, что Россия не позволит поспорить себя с исламским миром и не будет играть роль «фронтового государства» в «холодной войне» между цивилизациями. Россия в силу своего многонационального и многоконфессионального характера общества не может принимать чью-либо сторону в развязываемом (в т.ч. вследствие экстремистских проявлений, провокаций и нарушений международного гуманитарного права) междивизационном конфликте глобального масштаба, но и не намерена занимать позицию отстраненного наблюдателя. В чужое чуждое лучше не лезть.

В свое время тонкие знатоки механизмов тайной политики генштабисты А. Снесарев и А. Вандам в своих аналитических выкладках доказали опасность вступления России в Антанту, ибо после того ее интригой на Балканах непременно ввяжут в мировую войну. Так и случилось. Опасно для России втягиваться в глобальный конфликт на любой стороне. Если Россия пойдет по пути полного «вписывания в мировое сообщество», то ослабит себя внутренне и останется не более чем поставщиком сырья, рабочей силы и «пешкой» в чужой игре.

Этот вариант, по мнению патриота из глубинки Евгения Смирнова, неизбежно приведет Россию к расчленению: «США и Китай будут вооруженной силой бороться за Дальний Восток и Сибирь. Исламский мир по южной дуге попытается оторвать от нас Крым, Северный Кавказ и Поволжье, отрезая нас от Черного моря и выхода к Уральскому хребту. Объединенная Европа (или отдельные европейские державы) постараются отторгнуть в свою пользу юго-западные и западно-русские земли, Калининградскую область и взять под контроль весь Северо-Западный регион, отрезая нас от Балтийского моря. Таким образом, русскому медведю будет предложено залезть в свою историческую берлогу и уснуть там мертвецким сном. В короткое время Россия останется в границах Великого Московского княжества времен Василия III без выхода к Балтике, Черному морю и Тихому океану. Фактически наша страна просто перестанет существовать как геополитическая величина».

Духу русского национального возрождения не следует увлекаться «приоритетом общечеловеческих ценностей», не рваться к Февральской революции (антирусский дворцовый переворот), не заверять «мировую закулису» в том, что Россия непременно выполнит обязательства по снабжению «золотого миллиарда» нефтегазовым сырьем (и это в ущерб собственной промышленности), не лезть в подписанты создания Гаагского трибунала.

Проведение Москвой здоровой национальной политики позволяет с выгодой для себя гибко реагировать на иракскую проблематику. Именно весьма дозированная поддержка Москвой антихусейновой коалиции вполне логична и приносит несомненные дивиденды: 1) тем самым легализуется «аналогичный вариант» силового умиротворения бунтующей Чечни; 2) обеспечивается поддержание принятого дипломатического комильфо с Западом; 3) осуществляется незатратное обеспечение безопасности южных рубежей России; 4) зашкаливают стабильно высокие цены на нефть; 5) идет повышение ценности России как стратегического партнера. И, наконец, манипулируя поддержкой Запада в регионе, можно ослабить давление на Россию и заполучить «индულгенцию» на определенную стратегическую принципиальную независимость.

Используется как бы объединенная модель вынужденного «Брестского мира» (уступка части ради сохранения целого) и восточной стратегии искусства войны.

Политическая направленность и имидж России меняются: страна позволяет себе смелее взаимодействовать с «изгоями», защищать от нападков «нереформируемую» Беларусь, взаимовыгодно сотрудничать с исламистами хомейнистского толка, вести ядерные дела с Ираном (собираются там строить еще 20 таких, как Бушерская, атомных станций), принимать в Москве ХАМАС, продавать оружие всем без исключения покупателям, проводить совместные военные учения с Китаем.

Российскому деловому содружеству с «осью зла» не дают развернуться: торпедированы сделка с Сирией по тактическим ракетам «Искандер-Э», поставка в Палестинскую автономию 50 БТР, заключение контракта с Ираном по ЗРК «С-300». Вынужденные препятствия закаляют Россию. Она на марше учится соизмерять цели, которых добивается, с ее интересами и ее силами; средства с целями; а энергию – с ними обеими – овладевает системным видением угроз и приемами упреждающих действий по нейтрализации их.

О том, что Русь со всех сторон подстерегают опасности, прокукарекал еще пушкинский «золотой петушок»: «Ждут, бывало, с юга, глядь, – ан с востока лезет рать». Растущий суверенитет РФ сознает новые вызовы. Хотя место России в мировом порядке пока не совсем понятно, она уже привлекательна своей политической стабильностью, феноменальной конъюнктурой сырьевых рынков и динамичностью национальной финансовой системы.

Четыре геополитических игрока расположились по периметру России. Это США, Китай, Европа, исламский мир. Для отражения потенциальных угроз Россия усиливает все направления противодействия им и готова к превентивному применению военной силы. По словам Сергея Иванова, это может произойти в трех случаях: 1) «Когда непосредственно зреет военная угроза Российской Федерации, она зрима, она внятна, она неотвратима». 2) Когда Россию пытаются ограничить в доступе к жизненно важным регионам мира, в т.ч. с экономической и финансовой точки зрения для РФ. 3) «В случае, если сложится нестабильность или возникнет прямая угроза нашим соотечественникам, а тем более гражданам России, и когда все другие меры, в т.ч. дипломатические, экономические, санкционные, будут исчерпаны».

Пока чисто гипотетически рассматривается вариант применения военной силы и против стран СНГ – на данный момент в этих государствах «таких признаков не наблюдается». Заявление России о возможности нанесения превентивных ударов взволновало Запад. Однако такую тактику явочным порядком ведь уже практикуют США. Россия пересмотрела оценку роли Североатлантического альянса. Министр обороны заявил, что «если НАТО сохранится в качестве военного альянса с существующей сегодня наступательной военной доктриной, это потребует коренной перестройки российского военного планирования и принципов строительства российских вооруженных сил, включая применение российской ядерной стратегии». Также было зафиксировано, что «в военном планировании НАТО по-прежнему присутствуют компоненты антироссийской направленности».

Именно в укреплении потенциала своих Вооруженных сил, вплоть до выхода из Договора о ракетах средней и малой дальности (если понадобится), Россия видит гарантию сохранения системы международной безопасности и упрочения своего политико-государственного суверенитета. И все же в «доктрине Иванова», видимо, больше желательного, чем обязательного – как седьмая стратегма японского искусства войны: «Необходимо заставить противника сделать ложное умозаключение и убедить его в том, что оно соответствует действительности. В частности, создать впечатление, что ты обладаешь чем-то, хотя на самом деле не обладаешь, и тем самым показаться противнику сильным и несокрушимым, добившись для себя безопасности».

(Окончание следует.)

Михаил ВОЙТЕНКО

МИРОВОЕ СУДОХОДСТВО, ЕГО РОЛЬ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ. РОССИЯ В МИРОВОМ СУДОХОДСТВЕ

Мировой морской флот и его значение для экономики и человечества

В мире нет ничего, сравнимого с морским флотом по значимости и роли в обеспечении жизнедеятельности человечества в целом, и экономики, в частности. По различным данным, мировой коммерческий флот перевозит от 85 до 95% всех грузов – энергоносителей, сырья, продовольствия, готовой продукции.

Практически все в мировой экономике взаимозаменяемо или ограничено регионально, и лишь флот стоит особняком – без него существование современного цивилизованного общества в принципе невозможно.

Некоторые цифры

В 90-х годах прошлого века мировое судоходство развивалось быстрыми темпами, но мировой экономический спад 2000-2002 годов вызвал и значительный спад судоходства. С тех пор судоходство не только восстановило утраченные позиции, но и побilo все рекорды.

Стоимость отрасли, под которой подразумевается общий доход с перевозок грузов и пассажиров морским и речным транспортом, на протяжении ряда лет росла очень быстрыми темпами. В 2004 году стоимость достигла \$483,9 млрд.

Прогнозируется дальнейший стабильный рост судоходства, с достижением величины стоимости \$576,4 млрд. к 2009 году.

В физических величинах мировой коммерческий флот перевез в 2004 году 6,5 млрд. тонн грузов. Рост объемов перевозимых грузов уступал росту стоимости в период 2000–2004 годов, составив 6,1% и 9,3% соответственно. На период 2004–2009 годов прогнозируется значительный рост объемов и стоимости – 14,1% и 19,1% соответственно.

Собственно, рынок судоходства можно в самых общих чертах разделить на две составляющие: рынок глобальных перевозок и рынок местных и региональных перевозок.

Основная доля перевозок приходится на глобальные, к которым относятся перевозки энергоносителей (нефть и нефтепродукты, газ), насыпных – руд, угля, зерновых, контейнеров, автомобилей, рефрижераторных грузов. Местные и региональные перевозки включают в себя все основные типы (по видам грузов) перевозок.

Доля насыпных и генеральных грузов составляет почти 64% общего объема – 4,09 млрд. тонн, наливных – 36,1% (2,31 млрд. тонн).

Регионально перевозки грузов распределяются следующим образом – 37,6% приходится на Азиатско-Тихоокеанский регион, на долю Европы и США – 32,2% и 20,9% соответственно.

Пять крупнейших судовладельцев мира – AP Moeller Group, Nippon Yusen Kaishiki Kaisha (N Y K Line), Mitsui OSK Lines Ltd, Kawasaki Kisen Kaisha и Hanjin Shipping Company Ltd – делят между собой 10% общей стоимости отрасли.

Некоторые особенности флота как составной части мировой экономики

Флот стоит особняком от всех прочих секторов мировой экономики.

Современное судно вбирает в себя все последние достижения практически всех отраслей экономики и науки, за исключением разве что генной инженерии. Невероятная сложность технологий судостроения выражается в таком, например, интересном факте – определенные типы судов могут строить только в Европе или США, и даже Япония сделать этого не в состоянии.

Судовладельческий бизнес был, есть и будет одним из самых рискованных в мире. На него влияет буквально все – состояние мировой и региональной экономик, штормы, землетрясения и цунами, поломки и отказы материальной части, ошибки людей, политические потрясения, войны и учения, бандитизм и терроризм, курсы мировых валют, новейшие технологические разработки, цены на нефть, позиция профсоюзов, виды на урожай в штате Канзас и на кофейных плантациях Бразилии и т.п. и т.д.

Яркий тому пример – в одном из главных портов Австралии, обеспечивающем перевалку угля, сломалась транспортная лента. Австралия – одна из основных мировых экспортеров угля, и поломка всего-навсего транспортера привела к тому, что фрахт (стоимость найма судна на рейс или некоторый период) на балкеры (суда для перевозки насыпных грузов, один из главных типов судов мирового флота) резко подскочил во всем мире, вызвав настоящий ажиотаж.

Говоря обобщенно, мировые морские перевозки определяют мировую экономику, ускоряют или замедляют ее, а то и вообще дают начало новым, глобальным процессам. Так, некоторые исследователи полагают, что процессу глобализации положила начало контейнеризация – революционный процесс, начавшийся в 1950-х. Это было действительно революцией. В 1959 году производительность труда на морском транспорте была 0,627 тонны на человеко-час, а к 1976 году – уже 4,234 тонны. Время стоянки судна в порту сократилось с 3-х недель до 18 часов.

Усредненный сухогруз 1950-х годов перевозил 10 тысяч тонн грузов со скоростью 16 узлов. Современный мега-контейнеровоз на 6600 контейнеров TEU везет 77 тысяч тонн со скоростью 25 узлов.

Контейнеризация стала для грузовых перевозок тем, чем стала реактивная авиация для пассажирских перевозок и Интернет – для связи. Она изменила мировую торговлю, и азиатского экономического чуда последних 20 лет не было бы без контейнеризации – говорит Джозеф Бонни, редактор журнала *Джорнэл оф Коммерс*.

Переходя к современным процессам в морском транспорте, необходимо отметить, что некоторые эти процессы опережают и превосходят аналогичные процессы в мировой экономике, политике, устройстве мирового сообщества.

Современные процессы и тенденции в мировом морском судоходстве

Мировой морской транспорт – это организм, который так же трудно представить, охватить, предсказать и рассчитать, как природный процесс. Один пример – современный контейнеровоз берет на борт 8000–10000 стандартных 20-футовых (TEU) контейнеров. Что такое контейнер визуально, объемно? Небольшой домик, часто как таковой и используемый на дачах и стройплощадках. Теперь представьте себе, что такое поселок из восьми тысяч контейнеров. Это уже небольшой город. И вот небольшой город помещают на одно судно, в один физический объем, и этот объем передвигается из одной части мира в другую со скоростью 45–50 км в час. Все эти тысячи контейнеров размещены по ячейкам и стойкам, контейнеровоз на линии совершает заходы в несколько, до десятка и более, портов, и надо точно знать, куда какой контейнер поставить, чтобы немедленно по прибытии в порт его назначения быстро выгрузить. Счет при стоянке в портах идет на минуты. Малейшая ошибка – простой, малейший простой – деньги. При некоторых неблагоприятных условиях стоимость захода современного контейнеровоза в один порт может достигать до \$500 тысяч.

На сотнях линий Мирового океана работают тысячи судов, в каждую данную минуту миллионы контейнеров следуют по назначению, разгружаются и выгружаются, горят, тонут, срываются штормом в мо-

ре – и все они учтены. Даже сам по себе контейнер – это далеко не тот ящик, который переоборудуют под домик на даче. Современный контейнер напичкан аппаратурой. Датчики внутри и снаружи контейнера хранят всю информацию как о нем, так и о грузе, фиксируют все его перемещения, все пункты остановки и в конечном счете через спутник предоставляют всю доступную информацию о контейнере (включая попытки взлома, температуру внутри контейнера, т.д. и т.п.) пользователю этой информации, будь он службой безопасности или грузополучателем, в режиме реального времени.

Один контейнеровоз везет грузы стоимостью в сотни миллионов долларов. После пожара на контейнеровозе Hyundai Fortune в марте этого года (подсчеты до сих пор ведутся) страховые выплаты в сумме могут превысить \$300 млн., а там сгорело всего 500 контейнеров из 3300.

Понятно, что система современного судоходства настоятельно требует от ее участников большой ответственности и крайне осторожного подхода к решению возникающих проблем и общему процессу руководства.

Энергоносители

Перевозки энергоносителей вряд ли приобрели большее значение, чем они и до того имели, но появились некоторые интересные и важные особенности и тенденции. Прежде всего – безопасность перевозок с точки зрения защиты окружающей среды.

В последние годы приняты очень жесткие решения по переходу исключительно на танкеры с двойным корпусом, и мало того, что эти решения выполняются всеми без исключения государствами, они выполняются со значительным опережением графика, заданного главной морской организацией мира – Международной Организацией Судоходства, IMO – International Maritime Organization. Около 70% мирового танкерного флота – двухкорпусники. К 2010 году их количество составит уже 96%, что на пять лет опережает график IMO по выводу из эксплуатации однокорпусников. Большая часть двухкорпусников сосредоточена в Европе и США, тогда как однокорпусники в основном приходятся на Азию. В настоящее время мировой танкерный флот насчитывает 3500 танкеров, принадлежащих 600 компаниям.

Немало перемен в секторе перевозок сжиженного природного газа LNG, с увеличением объема которого особо остро обозначилась и проблема безопасности. Сегодня эти перевозки в подавляющей своей массе контролируются энергетическими компаниями. То есть весь цикл, от добычи до доставки конечному потребителю, находится в одних руках, что и обеспечивает надлежащий уровень безопасности. Однако не исключено и появление в этом секторе всяких «независимых» перевозчиков, то есть судовладельцев уровня субстандартного (в смысле – за

пределами всяких стандартов) судоходства, на долю которого приходится огромная часть региональных перевозок. Пока LNG – это не их уровень. Во всяком случае, многих из них.

В строительстве сейчас находится 143 новых танкера LNG, из них 102 имеют водоизмещение более 100000 тонн, и 36 – более 200000 тонн, причем тенденции очевидны – рост заказов LNG вообще, и рост грузоподъемности заказываемых судов. Теоретически же (к счастью, пока только теоретически!) полностью загруженный сотысячник LNG эквивалентен в случае взрыва, по энергии, в нем заключенной, атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму.

Венесуэла на полных парах меняет главного потребителя своей нефти США на Китай. Значительно большая, нежели раньше, часть нефти, добываемой в Западной Африке, также переменяла направление – с американского и европейского на азиатское. Эти перемены мгновенно сказались на рынке перевозок нефти – объемы не изменились, зато изменились маршруты. Они стали значительно длиннее, что отразилось и долго еще будет отражаться на фрахте и стоимости перевозок.

Недавно с очень интересной угрозой выступил неукротимый Иран, пообещав прикрыть судоходство в Ормузском проливе. Это 40% от всей мировой нефтедобычи. Именно такое количество нефти проходит проливом в танкерах самых больших размеров – VLCC и ULCC. Иран занимает географически ключевые позиции, дающие ему возможность контроля пролива. И хотя наблюдатели полагают, что перекрытие пролива станет самоубийством, в первую очередь для самого Ирана, основную надежду приходится возлагать на ВМС США и коалиции.

Кардинально увеличились объемы энергоносителей, экспортируемых Россией морским путем. Львиную долю здесь составляют перевозки в ледовых условиях – либо Арктикой, либо замерзающими Балтийским и Охотским морями. Что немедленно дало повод Европе озаботиться проблемой своей экологической безопасности¹.

Все вышеприведенные особенности современных перевозок энергоносителей объединяет одно общее. На первом месте, волей-неволей, стоит безопасность. А ее нельзя ни вывести на требуемые минимальные уровни, ни уж тем более сделать максимально возможной, без совместных усилий, совместного плана, единого руководства, стандартов.

Есть еще одна очень интересная тема, крайне скудно освещаемая как центральными, так и морскими СМИ. Это метан. В виде льда его на дне морей и океанов, а также в угольных бассейнах, находится

¹ Подробности – в моей статье «Перевозки российской нефти и безопасность Европы», написанной по заказу крупнейшего судовладельца России, Совкомфлот, специально по случаю конференции по безопасности ледовых перевозок, состоявшейся в Скандинавии в 2005 году. Желаящие могут ознакомиться с ней по адресу: <http://www.odin.tc/pics/3.asp>

столько, что по энергоемкости он превышает мировые запасы нефти и угля, вместе взятые. Ведутся активные работы по выработке технологий всей цепочки, от добычи его со дна до транспортировки и дальнейшей утилизации в том или ином качестве – топлива для ТЭЦ, автомобилей и так далее. Запасов метана только на территории США столько, что хватит им на 100–150 лет. А если они есть, значит, их все равно используют. Рано или поздно.

Насыпные и генеральные грузы

Это уголь, руды, зерновые, цемент, прокат, удобрения, сахар, соя – базовые грузы как для промышленности, так и для продовольственного сектора. Основная масса насыпных, или навалочных, грузов перевозится балкерами – специально сконструированными судами различной грузоподъемности. Самые большие берут на борт по 100–200 тысяч тонн.

Как и все судоходство, балкерный сектор переживает невиданный подъем: быстро растет тоннаж, увеличивается количество заказов на строительство новых судов, все меньше списывается старых. Спрос на суда превышает предложение. Прежде всего, конечно, благодаря экономическому рывку Китая и Индии. На мировой балкерный рынок влияет и масса других факторов. Высокий уровень ставок на перевозки грузов в Тихоокеанском бассейне, например, длительное время сохранялся и сохраняется за счет последствий разрушительных ураганов Мексиканского залива. В порты США непрерывным потоком идут цемент и различные виды проката, строительных конструкций.

За балкерным сектором очень интересно наблюдать именно потому, что, казалось бы, стоящие в стороне или, на первый взгляд, несущественные факторы, чисто регионального значения, меняют ситуацию на всем рынке, по всему миру.

Контейнерные перевозки

Львиная доля производимых в мире товаров широкого спроса, а также полуфабрикатов, перевозится контейнерами. В стремительно глобализирующемся мире трудно найти человека, семью, офис, общественное учреждение, которые, чаще всего о том и не подозревая, пользуются вещами, перевозимыми морем, в контейнерах.

Основные контейнерные потоки проходят между портами Европы, Азии и США, по следующим направлениям:

- Азия и Дальний Восток – Тихоокеанское побережье США/Канады;
- Азия – Европа (без портов Средиземного моря);
- Азия – Средиземноморье;
- Азия – восточное (Атлантическое) побережье Северной Америки;
- Азия – субконтинент (Индия, Пакистан, Бангладеш);

- Европа – Средиземноморье;
- Восточная Азия – Северо-Восточная Азия;
- Восточная Азия – Юго-Восточная Азия;
- Европа – Северная Америка (Атлантическое побережье);
- Дальний Восток – Средний Восток.

На эти направления приходится более 70 % всех контейнерных грузов.

Но бурный рост контейнерного сектора породил и проблемы. Узким местом, неожиданно для всех, оказалась не перевозка, не суда и линейные компании, а берег.

Порты задыхаются от гигантского, невиданного и непредсказуемого количества хлынувших в них контейнеров. Равно как и подъездные пути и вся береговая транспортная инфраструктура в целом. Что блестяще продемонстрировал разразившийся в 2004 году кризис портов Западного побережья США, чуть ли не вовсе остановленных потоком контейнеров. Америка ввела меры, ранее ею неиспользуемые, такие, как работа в вечернее и ночное время и по выходным, массовый найм дополнительной рабочей силы и ряд других, часто остроумных и очень эффективных.

Большая головная боль – проблема порожних контейнеров. В прошлом году из каждых 100 контейнеров, доставленных с грузом в Северную Америку, 60 возвращались в Азию пустыми – данные Drewry Shipping Consultants. На европейских линиях количество порожних контейнеров составило 41%. Чем грузить контейнеры, возвращающиеся в Азию? На обратный путь из Калифорнии в Гонконг контейнеру требуется 14 дней, и потери здесь исчисляются многомиллионными цифрами.

Весьма серьезно встал вопрос безопасности – контейнеры идеально подходят для осуществления террористического акта любых мыслимых масштабов. Все исследования сводятся к следующим выводам:

- полная проверка всех контейнеров, поступающих в страну, не только невероятно трудная и дорогостоящая мера, все равно не дающая гарантий, но и мера с неизвестными пока последствиями для нормального функционирования портов и транспортных цепочек;

- действительная безопасность, достаточно высокая, может быть достигнута только при условии, когда контейнеры проверяются и на той стороне цепочки, в стране, откуда контейнер отгружается, а также в транзитных портах;

- технологии, которые позволят обеспечить контроль содержимого и безопасность непосредственно контейнера, путем снабжения его датчиками и сенсорами, существуют, но пока еще не отработаны, слишком дорогие и не стандартизированы.

Большинство проблем линейных перевозок решается только сообществом судовладельцев, портовиков, стран, международных организаций. В одиночку их никак не решить.

Новые виды перевозки морем

Это так называемые «морские автотрассы». Суть проста. Грузевая фура с товарами следует из порта в порт, из страны в страну, не по автотрассам, а морем. Для чего разработаны новые типы паромов *ro-ro* – судов, позволяющих грузить колесную технику накатом, с помощью рампы. Эти паромы нового поколения, уже вовсю бороздящие воды Европы, больше похожи на декорации из фантастических фильмов. Суда-катамараны на подводных крыльях берут на борт от ста и более груженых фур и со скоростью 40–70 км в час курсируют между портами.

Кстати заметить, разработки лидеров строительства паромов нового поколения, европейцев и австралийцев, применяются для разработки и строительства военных кораблей нового поколения. В частности, в соответствии с новой программой модернизации ВМС США, это мелко-сидящие корабли LCS для ведения боевых действий в прибрежной зоне. Не наоборот, не военные технологии для мирных целей. Еще один интересный факт – азиатские корабли и близко не могут подойти к строительству столь высокотехнологичных судов, и для своих морских автотрасс Япония заказывает паромы в Австралии.

Сама же идея появилась в Европе. В сентябре 2001 года Еврокомиссия предложила проект «Motorways of the Sea» – морские автотрассы, если переводить дословно и по смыслу собственно проекта. На реализацию выделялись средства из бюджета ЕС, а морские дороги должны стать частью единого целого, Трансевропейской транспортной сети (TEN-T), к 2010 году.

В 2005 году паромы перевезли 1,4 млрд. пассажиров и 28,5 млн. грузовых автомобилей по всему миру.

Морские автотрассы быстро развиваются в Европе, в Северной Америке, Японии и Ближнем Востоке. За ними огромное будущее в региональных перевозках, с перспективами, которые пока трудно оценить. Исчезнет необходимость в огромном количестве побочных операций, значительно снизится нагрузка на наземные виды транспорта и порты, резко сократится необходимость в некоторых видах транспортных судов и дорогостоящих перевозках традиционным способом.

Круизное судоходство

Здесь перемены настолько существенны, что их можно назвать эпохальными. Невиданный ранее всплеск интереса к круизам вызвал к жизни и предложение. Стремительно начали расти количество круизных лайнеров и их размеры. По сравнению с последним гигантом, самым большим на сегодня лайнером в мире, *Freedom of the Seas*, всем известный «Титаник» глядится очень скромно – он в два с лишним ра-

за меньше. Интересно, что хотя специалисты и начинают выражать тревогу по поводу роста размеров лайнеров, туристы говорят обратное.

Международный Совет Круизных Линий ICCL опубликовал статистику преступлений, совершенных в ходе круизов на лайнерах. Она включает в себя данные о 15 круизных компаниях и содержит 206 заявлений и жалоб от пассажиров и членов экипажа в период с 2003 по 2005 г. В это время в круизах побывало более 31 млн. человек. Из 206 заявлений 178 сообщают о сексуальных домогательствах, 4 – о грабежах, и 24 – о пропаже людей. Профессор-криминолог Джеймс Фокс (США), изучив эти данные, заявил, что хотя в мире и нет мест, совершенно безопасных, круизные лайнеры являются одними из самых безопасных.

Очень интересна идея, которая вроде бы уже начала реализовываться, – строительство плавучих островов гигантских размеров. Во всяком случае, проекты есть, они уже готовы и технически реализуемы. Речь идет о постройке плавучего объекта огромных размеров, способного осуществлять перемещения самостоятельно. На этом объекте будут построены, помимо инфраструктуры и всех мыслимых развлечений, а также мест для работы, настоящие жилые дома, квартиры в которых будут либо продаваться, либо сдаваться в аренду. То есть это уже настоящий плавучий город, предназначенный не для круизов, а для жизни и работы.

Кадры

Кадры плавсостава стали еще одной острой проблемой мирового судоходства, причем с неожиданными аспектами. Никто не ожидал, что автоматизация и компьютеризация, повальное внедрение которых на флот началось еще в 1970-х, приведут к тому, что проблема кадров, человека у руля, станет настолько актуальной. Однако выяснилось, что чем больше автоматизации, тем больше нужда в грамотных, квалифицированных и опытных работниках. Статистика показала, что, например, потенциально одни из самых опасных в случае аварий судов – танкеры для перевозки сжиженных газов – требуют не просто грамотных квалифицированных кадров, но и имеющих значительный опыт работы именно на этих судах, то есть речь идет уже о специализации.

Нажимать на кнопки компьютеров современного судна можно научиться достаточно быстро, и почти столь же быстро «специалист», прошедший краткосрочные курсы «нажатия кнопок», устроит аварию или утопит судно. Настоящую безопасность может обеспечить только специалист, получивший базовое морское образование, причем в школе с хорошими, вековыми традициями. Ответственно могу сказать, что в этом вопросе Россия стоит на уровне ведущих мировых морских держав.

Проблема кадров – весьма деликатная в некоторых своих аспектах. История судоходства показывает, что наиболее ответственные, грамотные моряки – это европейцы и американцы. Азиаты хороши как рядовые, да и то – при соответствующем надзоре. Можно, конечно, эту тему обойти и умолчать, но она от этого не перестанет быть проблемой. А мы наблюдаем стремительную, если можно так выразиться, азиатизацию плавсостава. Отсюда и тревога, которую повсюду уже бьют в Европе. Дания приняла целую программу, на государственном уровне, по реорганизации системы морского образования и всемерного привлечения на флот молодежи.

В настоящее время на рынке плавсостава – 466 тысяч человек комсостава и 721 тысяча рядовых, при потребности в 476 тысяч человек комсостава и 586 тысяч рядовых.

В этом году Международной организацией труда (МОТ) был принят Билль о правах моряков, первый и пока единственный документ такого рода на мировом рынке труда.

Есть единый общепринятый мировой стандарт, и на его основе будут заключаться договора и решаться споры. Рано или поздно, но и прочие секторы экономики столкнутся с проблемой разрешения трудовых споров в условиях глобализации рабочей силы, и к их услугам будет уже отработанный на практике образец единого трудового законодательства, исключающего неразбериху и неразрешимые споры.

Мировое судоходство – политика

Главным международным органом, осуществляющим контроль мирового судоходства, является Международная морская организация ИМО под эгидой ООН. Именно ИМО разрабатывает большинство конвенций, требований, наставлений и руководств, которые, по принятии их и ратификации всеми членами ИМО (а туда входят практически все страны, имеющие флот или выход к морю), становятся обязательными в мировых масштабах. ИМО принимает участие в разработке других важнейших документов, имеющих прямое или косвенное отношение к судоходству, – таких, например, как Билль о правах моряков.

В целом можно сказать, что ИМО стоит на уровне требований современности, но, как и во многих других сферах жизни мирового сообщества, ей не хватает властных полномочий, когда речь идет о слишком острых проблемах, требующих принятия немедленных мер. Иногда экстренных.

Самый яркий пример – обеспечение безопасности транспортировки энергоносителей из России Балтикой и Баренцевым морем. Настоятельно требуется как можно более быстрое создание Единой Транспортной Системы всеми прибрежными странами, которая обеспечит индивидуальную проводку каждого танкера и, тем самым, максимальную возможную безопасность. Но в настоящее время всего лишь создана

и действует рабочая группа по исследованию проблемы и выработке рекомендаций. Ей даны три года и бюджет. Далее будет создано что-то еще, и вряд ли раньше, чем через пять лет, появятся первые варианты ЕТС. Напомню, статистика неумолимо свидетельствует о том, что при существующих объемах перевозок (а они постоянно растут) авария с катастрофическими последствиями неизбежна в ближайшие 5–10 лет. То есть ситуация такова, что Балтика обречена на аварию крупнотоннажного танкера с катастрофическими последствиями. Когда она разразится, Балтика, как экосистема, как живой организм, прекратит свое существование. Будет мертвый водоем, покрытый пленкой нефти. Ситуация абсурдная.

Крайне интересна, с учетом всего вышеизложенного, политика Евросоюза в ИМО. Она вызывает массу нареканий, протестов и открытого неповиновения. ЕС представлена в ИМО на правах наблюдателя, однако она стремится – прямо и того не скрывая – заменить собой все страны Евросоюза, входящие в ИМО на правах членов. А это почти все страны, даже Чехия, и та имеет свой морской флот. Уже накопилось достаточно много документов ЕС, прямо или косвенно противоречащих различным конвенциям и требованиям ИМО, имеющим силу международного закона. И политики там куда больше, чем не просто дела – а понимания, о чем это и к чему.

Руководство ИМО и некоторые страны Евросоюза, такие, как Кипр, Мальта, Англия, с трудом отбивают попытки ЕС стать главной и направляющей силой в организации. Если смотреть на эту войну за власть поверхностно, то нельзя не осудить политику Брюсселя. Но если взглянуть поглубже, посмотреть на ряд законов, принятых благодаря ЕС, то становится ясно, что другого-то пути и нет. Для того чтобы решать лавину проблем не только эффективно, но и быстро, необходимы какие-то весомые силы, способные обеспечить эффективность и быстроту. Более того – на примере нефтеперевозок Европы видно, что быстрота имеет не меньшее значение, чем эффективность.

Проблемы современности и их характер все более исключают возможность длительного поиска решения, ограничивают время для согласования интересов всех сторон, требуют централизованного и эффективного руководства, способного обеспечить проведение принятых мер в жизнь.

Россия в мировом судоходстве

Россия стоит на обочине главных морских артерий мира. Для мирового судоходства Россия – это вывоз энергоносителей; региональные перевозки, в основном связанные с экспортом сырья и импортом товаров; и некоторая доля в глобальных перевозках. Чтобы оценить масштабы перевозок и грузопотоков, достаточно одной цифры – в 2005 го-

ду один порт Шанхай перевалил столько же грузов, сколько все порты России, вместе взятые, на всех бассейнах – 400 млн. тонн с небольшим, включая энергоносители. Российские порты обеспечивают исключительно российские нужды, практически не участвуя в мировых транзитных грузопотоках. Несколько крупнейших российских судовладельцев имеют свои ниши в мировом судоходстве и стремятся к большему. Сильная сторона российского судоходства – это люди: моряки, специалисты транспортного бизнеса, технические работники, это система морского образования.

Главный потенциал России для включения в основные мировые грузопотоки – транзитные коридоры. При самых оптимистических расчетах, модернизации Транссиба и зеленой улице для транзита, наш коридор сможет оттянуть на себя 10–15% от общего объема контейнерооборота Восток-Запад. Больше не получится.

Но в настоящих условиях даже эти 10–15 %, если их сразу запустить, наглухо закроют Транссиб. Он просто встанет на всем своем протяжении, полностью забитый платформами с контейнерами. В транзитном коридоре заинтересованы государство в целом и отдельные перевозчики и логистические компании. Но в нем совершенно не заинтересованы те, кому предстоит им пользоваться – иностранные грузовладельцы. Есть налаженные и проверенные пути, работающие с точностью часового механизма, зачем им головная боль с дебрями сибирской тайги и дремучестью нашей бюрократии?

Мало того, и в эти скромные проценты не очень верится. Дело в том, что для реализации такого масштабного и глобального, очень технически сложного проекта требуется долгосрочный план, принятый государством к безусловному исполнению, последовательно всеми правительствами, партиями и президентами. И вряд ли, говоря о транзите, он может быть реализован раньше, чем через 10 лет как минимум.

Поэтому более-менее реалистичная реализация потенциала транзитных коридоров России возможна, на мой взгляд, если разразится кризис по той или иной причине, который существенно ограничит традиционные перевозки deep-sea. В этом случае на Россию будет оказываться мощнейшее давление извне, которое сможет проломить бастионы нашей бюрократии и наших законов.

Еще один мощный потенциал России для включения в основные мировые грузопотоки – Северный морской путь (СМП). И снова – есть люди, флот, наработки, опыт, традиции. Но есть и всесокрушающая российская действительность, житие одним днем и одной взяткой. Что возьмет верх, пока говорить рано.

Итак, географически у нас есть транзитные коридоры – вернее, возможность их создания. Есть СМП. Есть прекрасные специалисты, опыт, система образования. Если все это увязать в реальную программу развития флота и включения России в мировые грузопотоки и если

эту программу реализовывать, то транспортный потенциал России, действительно, в состоянии заменить собой доходы от продажи энергоносителей. Но программа должна быть очень реалистичной и очень постепенной. Я бы осмелился даже предположить концептуально иной подход к становлению транзита, например. Это должен быть план по выдавливанию ведомств и бюрократии, строительству вдоль всего пути следования транзита каких-то железобетонных, без единой юридической щели, заборов, способных обеспечить бесперебойный поток контейнеров.

Заключение

Будучи более глобализированной отраслью, чем любая другая, судоходство на себе демонстрирует, что несут глобализация и научно-технический прогресс человечеству.

Главное требование для обеспечения нормальной работы и безопасности – это создание действенного и эффективного механизма контроля отрасли и возникающих проблем, методика преодоления узких, ограниченных страной или регионом интересов. Простой факт наличия множества национальных законодательств не просто тормозит судоходство, но делает его опасным.

Вот почему, на мой взгляд, политикам следует время от времени присматриваться к мировому судоходству и оценивать свои решения и планы с его позиций и масштабами. Очень поучительно.

Борис БАЗАРОВ, Михаил ЕФИМКИН, Владимир ЛАМИН

РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ «ЖЕЛТОЙ МИГРАЦИИ»¹

Обезземеливание крестьянского населения Европейской России вынудило столичных деятелей искать срочный выход из весьма опасной социальной ситуации. Крестьянское переселение в Сибирь явилось своеобразным клапаном для сброса критического уровня социальной напряженности.

В рекордном 1908 г. в Сибири осело более 600 тыс. переселенцев и ходоков из России, в следующем – свыше 567 тыс., затем в 1910–1914 гг. среднегодовая норма составляла примерно 180 тыс. человек. Однако подавляющая масса переселенцев обустроивалась в Западной и Восточной Сибири, до российского Дальнего Востока добиралось и закреплялось в Приамурье небольшое количество переселенцев. Например, в 1902 г. – 5804 чел., в 1905 г. – 243 чел. Наивысший показатель был зарегистрирован в 1910 г. – 20793 чел., в 1911–1912 гг. – в среднем по 4,5 тыс. чел. в год. И в предвоенном 1913 г. – 10,8 тыс. чел.

Эти доставшиеся Дальнему Востоку аптекарские дозы от массового крестьянского переселения из России, конечно, выглядели удручающе в сравнении с китайским населением на противоположном берегу Амура. И тревога за надежную принадлежность дальневосточных пространств России отнюдь не ослабевала, несмотря на то, что лишь небольшая часть в несколько десятков тысяч человек от колоссальной китайской демографической массы достигала российских владений.

За период 1891–1910 гг. численность населения Приамурья утроилась и составила 286 тыс. жителей. Подавляющую массу переселенцев из разных регионов страны по-прежнему составляли многодетные крестьянские семьи, выход рабочих рук, для возможного использования их за пределами сельскохозяйственного сектора производства оставался крайне низким. И более того, повседневные заботы крестьянского хозяйства не позволяли надолго уходить на заработки. Более или менее свободный зимой, крестьянин мог надеяться в основном на извозные работы, поскольку другие возможные занятия в строительстве, на приисках в зимний период или прекращались, или заметно сокраща-

¹ Окончание. Начало см.: «Вестник аналитики», №3-2006 г.

лись. Сезонное предложение крестьянской рабочей силы до посевной, после нее до сенокоса, а затем до осенних полевых работ одинаково мало устраивало и частных, и казенных работодателей.

В отличие от виртуального и дискретного рынка крестьянской рабочей силы, китайцы и корейцы появлялись ранней весной и работали до наступления зимы или свертывания производства. Некоторые «прагматики» нашли оригинальный способ экономии заработанных денег. Заработок они отправляли домой с соотечественниками, а сами совершали правонарушение, со сроком наказания, рассчитанным на то, чтобы перезимовать и прокормиться в тюрьме за казенный счет, не тратиться на маршрут домой и обратно и быть весной в числе первых при найме на работу. Этот китайский трюк эксплуатировали и русские сезонники, да и принципиальная идея его была русского происхождения. Еще в 1870-х годах, во время расцвета золотодобычи в енисейской тайге, пропившиеся до последней нитки сезонники «устраивались» на зиму в каталажку в Енисейске и Мариинске – первых городах на выходе с приисков. Китайская новация в этом трюке состояла в том, что они использовали его с целью экономии, сбережения заработка, а «пропитые» русские, спустив весь заработок в кабаках и притонах, – как единственный способ выжить, просуществовать до тепла, до начала следующего золотопромывочного сезона, чтобы повторить весь цикл сначала.

Зимование китайцев и русской голытьбы в тюрьме и дармовое прокормление за казенный счет получило такое распространение, что военный губернатор Амурской области генерал-майор Г.М.Валуев полагал правильным и разумным наказывать мелких преступников не тюремным заключением, а принудительными работами. Одновременно генерал-прагматик в целях ускорения хозяйственного освоения Приамурья находил крайне необходимым увеличить масштабы трудового использования каторжан. По оценке генерала, выгоды от широкой эксплуатации каторжного труда, главным образом в дорожном строительстве, совершенно очевидно превосходили эффективность труда вольных рабочих, «строптивных, склонных к стачкам, забастовкам, прогулам». По его же мнению, труд каторжан по эффективности должен был быть не ниже дисциплинированного китайского, и, главное, что особенно подчеркивал генерал, каторжане – это все же русская рабочая сила, а не «желтая», чужая, непредсказуемая и, совершенно очевидно, опасная тяжелыми негативными последствиями для российских позиций на Дальнем Востоке.

Суммируя свои экономические соображения, военный губернатор докладывал: «...ради сокращения срока арестанты охотно идут на государственные работы, особенно, если они заинтересованы еще сверхурочными работами и разрешением им частных «выписок» предметов первой необходимости (сахар, чай, табак)». И в итоге резюмировал выгоды: «...не переполняют тюрем, проводят время в тяжелом труде, где

отказываются работать вольные рабочие, прекрасно ведут себя (не считая побегов), скапливают себе небольшую сумму денег для начала честной жизни... Арестантский труд надежнее вольного: они исправно выполняют уроки, не бастуют, не прогуливают и не бросают работ». И заключал: «необходимо развить эксплуатацию арестантского труда, и особенно на дорожном строительстве».

Тюремно-экономические изыскания Г.М.Валуева являлись своеобразным обобщением уже действовавшей практики использования труда заключенных, а также солдат на строительстве Амурской железной дороги. Относительно новым в предложениях Г.М. Валуева являлся лишь призыв к широкомасштабному использованию принудительного труда. Практика эксплуатации труда арестантов с каждым годом расширялась, однако желаемых генералом Валуевым и его многочисленными единомышленниками масштабов не получила, вероятно, лишь оттого, что не хватило времени для их достижения. Показательно, что российское общество не произнесло ни звука протеста, ропота против трудового использования заключенных, «бездеятельно сидевших за решеткой на иждивении государственной казны, за счет вольных трудящихся». Поэтому не удивительно, а, скорее, логично и закономерно, что после установления власти диктатуры сознательной передовой части пролетариата благое намерение царского генерала получило масштабное воплощение и вымостило широкую дорогу в ад принудительного труда многим тысячам «несознательных, асоциальных элементов».

По мере заполнения вакансий на приисках, лесозаготовках, в дорожном строительстве китайцы и корейцы все гуще оседали в городах. На 1 января 1909 года во Владивостоке, по официальному учету, числилось 33280 жителей желтой расы. Около 11–12 тыс. китайцев с небольшой примесью корейцев в составе «желтой рабочей силы» более или менее постоянно, с зимне-летними колебаниями их численности, присутствовали в Благовещенске. Этот город являлся своеобразным перевальным, промежуточным пунктом транзита китайских рабочих на прииски, лесозаготовки и другие объекты за пределами города, на севере области.

По расчетам аппарата военного губернатора Амурской области, только 5,5 тыс. официально зарегистрированных в Благовещенске китайских подданных ежегодно в виде заработка и чистой прибыли от торговой, предпринимательской и иной деятельности уносили в Поднебесную империю не менее 2 млн. русских рублей. Меры по ограничению использования «желтой рабочей силы» на городских предприятиях, в первую очередь находящихся в собственности российских подданных, как и на приисках, заметного результата не приносили. В 1910 г. директивно утвержденные, правительственные квоты на использование в городе «желтого труда»: не более 10 чел. для мелких предприятий и не свыше 25 чел. для крупных, с предварительным решением от властей, если рабочих требовалось больше, соблюдались

лишь на бумаге. Предприниматели поступали очень просто: показывали в документах не фактическую численность рабочих-иммигрантов, а соответствующую установленной норме.

Досоветская дальневосточная администрация, болезненно реагирующая на приток рабочей силы из Китая и тщетно пытавшаяся противостоять «желтому засилью», подчас поддавалась капитулянтским настроениям, впадала в панику. В 1914 г. военный губернатор Амурской области рапортовал: «Область нуждается в колонизации и различных типах рабочих, а именно: кустаря, ремесленника, мастерового, способного осесть, привезти из России свою специальность и развить ее на Амуре, а китайский труд это не позволяет и препятствует колонизации края. Чем интенсивней идет колонизация, тем все большая волна желтых стремится влиться в область и занимает новые рабочие места, стремясь занять прочное положение».

Не успокаивала и широко распространенная констатация, что «во всех частях земного шара, когда белый рабочий встречается с желтым, белый не выдерживает конкуренции желтого». Скорее, наоборот, этот постулат как бы обезоруживал противников китайской иммиграции, обрекал все меры противостояния притоку «желтой рабочей силы» на неудачу, подталкивал к капитуляции перед, казалось, неотвратимо надвигающейся угрозой. Правда, размеры, масштабы, энергию этой угрозы российским дальневосточным владениям генерал-губернаторы определяли весьма приблизительно и своеобразно, больше с суеверным страхом, чем точным расчетом. В частности, все губернаторские отчеты и специальные записки о «желтом засилье», неудержимой экспансии «желтой рабочей силы», нарастающем «оседании желтых» в Приамурье и Приморье, реальной и перспективной «желтой опасности» для российских владений оперировали только замерами параметров этих процессов на выходе, т.е. на российской территории. Источник, генератор движения рабочей силы из сопредельного Китая не исследовался, он лишь обозначался как непостижимо огромный, и эта весьма примитивная оценка порождала гипертрофию страха.

Как и в настоящее время, в прошлом XX в., с самого его начала и вплоть до Первой мировой войны, высшие функционеры российской центральной власти на Дальнем Востоке пророчествовали кошмарную перспективу «желтого засилья» Приморья и Приамурья. Если судить по их отчетам на Высочайшее имя, в которых больше эмоциональной паники, чем отражающей реалии статистики, то выходило, что если не сегодня, так завтра российская корона должна была потерять свои дальневосточные владения. Во избежании этой ужасной перспективы высшие чины администрации не сидели сложа руки. Главным и безотлагательно необходимым средством предотвращения грозной опасности они считали масштабное и интенсивное заселение дальневосточных территорий русским православным народом.

Центральная власть положительно откликнулась на их инициативы, но приток крестьянских переселенцев из европейских губерний, несмотря на поощрение и стимулирование льготами, так и не достиг желаемой величины. Объективно говоря, инициативы по заселению дальневосточных территорий русскими с целью достижения демографического баланса с сопредельным Китаем иначе, чем фантастически, назвать невозможно. Для приближения к такому балансу потребовалось бы к 10-миллионному населению на пространствах от Урала до Тихого океана переселить остальные 140 млн. обитателей Российской империи.

Очевидно, что и сегодняшние аналогичные проекты столь же нерезальны. Численность населения Китая в начале XX в., примерно в 3–3,5 раза превосходившая аналогичный показатель Российской империи, в настоящее время стала 10-кратной. Демографический дисбаланс между российским Дальним Востоком с населением близким к 6 млн. человек и сопредельными с ним северо-восточными провинциями Китая, численность населения которых 108 млн. чел., еще более выразителен. Совершенно ясно, что склонить чашу демографических весов на российскую сторону, как ни старайся, объективно невозможно.

Другим радикальным средством исключения возможности потери дальневосточных территорий досоветские администраторы считали всемерное пресечение или максимально возможное ограничение использования «желтого труда во всех сферах хозяйственной жизни». Для охранения дальневосточной окраины от «желтой опасности» устанавливались квоты на так называемые въездные билеты, повышалась их стоимость, вводились новые пошленные сборы, к неукоснительному исполнению диктовались пропорции найма русских рабочих и «желтых»: китайцев и корейцев. Одновременно, ввиду глубокого дефицита местных трудовых ресурсов, настоятельно рекомендовалось вербовать и завозить рабочих из центральных губерний. Отдельные золотопромышленники брали «под козырек» эту директиву, но для большинства она была не «по карману».

Хозяева золотых приисков и пароходчики, доставлявшие в районы золотодобычи китайских и корейских рабочих, продовольственные, фуражные и другие грузы, пытались с цифрами в руках доказать администрации, что дешевый, низкооплачиваемый труд китайцев и корейцев – это счастливый подарок судьбы в деле русского освоения дальневосточной хозяйственной пустыни. В отличие от официальной статистики, указывавшей на закрепление китайцев и корейцев на русской территории, приводились цифры, свидетельствовавшие о сезонном характере миграции и фактически единичных случаях оседания их на более или менее постоянное жительство.

В противовес утверждениям о том, что только из Приамурья китайцы ежегодно «уносят» в Китай в виде заработка не менее двух милли-

онов рублей и тем самым подрывают финансовое благополучие России, предпринимательская общественность констатировала, что эти миллионы совершенно ничтожная плата за золотой вклад дальневосточной окраины в государственную казну. Без использования дешевой «желтой» рабочей силы золотые недра края остались бы лежать втуне для экономического и военного могущества российской короны, в том числе на дальневосточных рубежах ее необъятных владений.

Наряду с этой, говоря современной терминологией, макроэкономической аргументацией, отмечалось, что китайские рабочие, потребляя продовольствие, сообщают дополнительные импульсы развития сельскохозяйственному производителю, приобретая за свой счет шанцевый инструмент, оживляют металлообработку и в целом двигают русскую торговлю и хозяйственную жизнь края по пути прогресса.

Все доводы предпринимательской общественности в пользу выгод от эксплуатации дешевой иностранной рабочей силы отменялись, как говорится, с порога. Запреты и ограничения на использование «желтого труда» ужесточались, но практика найма китайцев и корейцев для работы на золотых приисках, в лесозаготовке и городской инфраструктуре складывалась по собственным правилам. Рабочая сила в Приамурье и Приморье все более «желтела», и особенно заметно в летний сезон. С началом сооружения Амурской линии Сибирской железной дороги административное давление на предпринимателей, правдами и неправдами обходивших преграды для найма китайцев и корейцев, несколько смягчилось. Курировавшее строительство Амурской линии Министерство внутренних дел вынуждено было, ввиду глубокого дефицита трудовых ресурсов, использовать на стройке китайских и корейских рабочих.

С началом Первой мировой войны деятельность российских органов обеспечения общественной безопасности, естественно, активизировалась, и не в последнюю очередь в сфере более плотного надзора за находящимися в стране иностранцами. Китайцы одними из первых оказались в поле подозрения структур Министерства внутренних дел. 28 июля 1914 г. департамент полиции циркуляром, адресованным всем региональным властям и правоохранительным структурам, в том числе жандармским управлениям, отделениям и непосредственно их офицерам, ведающим розыском, обращает внимание на «наблюдавшийся в последние годы массовый наплыв на Россию китайцев».

В то время, когда дальневосточные администраторы боролись «с засильем желтой рабочей силы» на управляемых ими территориях, «мелкие китайские торговцы в разнос» распространялись по всей империи, до Польши включительно. Циркуляр констатировал, что китайцы, рассеиваясь по всей империи, представляют элемент, из которого могут вербоваться военные разведчики в пользу иностранных держав. В качестве примеров такого рода начальник департамента поли-

ции МВД генерал-майор Джунковский, подписавший циркуляр, информировал, что «в текущем году в пределах Варшавского военного округа задержано несколько китайцев-торговцев, уличенных в занятиях военным шпионством в пользу Германии». Кроме того, по сообщению Главного управления Генерального Штаба, «японцы пользуются китайцами для организации в России шпионажа на самых широких началах». По данным этого же источника, в Петрограде и Москве действуют группы китайских торговцев, «представляющие собой правильно организованные, сплоченные и отлично дисциплинированные организации».

В качестве профилактики циркуляр требовал «установить повсеместно в России ... тщательное наблюдение за китайцами на предмет выяснения истинных их занятий и целей пребывания в империи». Если же окажется повод «заподозрить их к военному шпионажу, то таковых немедленно задерживать», а полученные от них сведения «безотлагательно передавать в надлежащие окружные штабы и в департамент полиции».

Указание подозревать всех исполнялось, очевидно, очень ретиво, а «немедленно задерживали», вероятно, по принципу был бы китаец, а повод всегда найдется и, похоже, сильно перестарались, особенно в Иркутской губернии. Через месяц после циркуляра генерал-майор Джунковский телеграфирует иркутскому генерал-губернатору: «Китайский посланник неоднократно обращался с жалобой относительно способов выдворения из России бродячих китайцев-торговцев ... надолго задерживавшихся в местах заключения, подвергаясь излишним стеснениям и лишениям». И далее рекомендует генерал-губернатору «для поддержания добрососедских отношений с дружественной нам страной... во избежание излишних нареканий со стороны китайского правительства принять все меры, чтобы китайцы, не подозреваемые в шпионстве, немедленно освобождались ... и направлялись на родину с проходным свидетельством».

С началом войны возросла китайская активность и на дальневосточных рубежах Российской империи. Казачьи посты наблюдения за китайскими поселениями на правом берегу Амура регулярно, два раза в месяц, рапортовали, что на той стороне все спокойно, население настроено миролюбиво, передвижения войск не наблюдается.

В действительности спокойствие было обманчивым, а казаки недостаточно ревностно несли службу. Кроме регулярных войск, на китайской стороне существовали полупартизанские, полубандитские вооруженные формирования хунхузов. Они и прежде время от времени совершали набеги на приграничные российские территории: грабили население, оказывавших сопротивление людей убивали, угоняли скот. Обычно российские власти сострадали жертвам разбоя, направляли отряды для преследования хунхузов, которые, как правило, успевали

укрыться под спасительной защитой госграницы. По каждому такому случаю российские власти заявляли китайскому правительству категорический протест с требованием очистить приграничные районы от разбойников.

С началом войны России с Германией рейды хунхузов участились настолько, что русскому послу в Пекине приходилось регулярно приносить китайской дипломатической службе очередной категорический протест. Китайская сторона принимала протесты к сведению, но фактически лишь иногда имитировала розыск участников бандитских налетов. По заключению русского посланника, Пекин был не в состоянии ликвидировать банды хунхузов и не проявлял заинтересованности в радикальных мерах против них, поскольку набег давали важную информацию о степени защищенности русских рубежей и наиболее уязвимых участках границы. Чтобы отбить у китайцев охоту к разведке боем и продемонстрировать китайской стороне неприступность российских рубежей, посол предлагал своему МИД «признать необходимым ... принять нами энергичные меры борьбы с разбойниками, не стесняясь преследований их переходом нашими отрядами границы. Прошу дать указания».

Указания последовали незамедлительно, через сутки, 11 августа 1914 г. Приамурский генерал-губернатор и посланник в Пекине получили инструкции, имитировавшие решительность. В телеграмме приамурскому генерал-губернатору МИД сообщал: «мы должны быть готовы настоять на наших требованиях, хотя бы для этого нам пришлось принять самостоятельные меры на китайской стороне».

Призыв к готовности являлся ординарным продуктом профессионального дипломатического косноязычия. В действительности не раз и не два русские отряды, преследуя хунхузов, могли прикончить их во время переправы через Амур, даже без «самостоятельных мер на китайской стороне», но во всех случаях за них вступалась российская дипломатия, опасавшаяся, что Китай возмутится уничтожением, хотя и бандитов, но в первую очередь своих подданных. Убийство своих российских подданных отечественная дипломатия китайским бандитам прощала. Далее МИД указывал, что теперь все силы следует сосредоточить с врагами на Западе, а с восточными соседями – с Китаем и, еще в большей мере, с Японией, необходимо избегать острых конфликтов. Заклучались указания наставлением, что «при всех внутренних мероприятиях, касающихся желтого населения вверенного Вашему превосходительству (генерал-губернатору) края, надо иметь в виду настоящую политическую обстановку».

Директива МИД была принята к исполнению. Повышение готовности к отражению и пресечению набегов хунхузов ограничилось усилением казачьих постов наблюдения за китайской стороной. И, как прежде, дважды в месяц станичные атаманы и писари составляли рапорты о

том, что население настроено миролюбиво, передвижений войск не наблюдается ... и, как прежде, банды хунхузов зондировали русскую границу на предмет выявления ее слабо защищенных участков.

Больше трех десятков лет, не менее 15 в XIX в. и ровно 15 в XX в., – администраторы восточных территорий Сибири в меру своих полномочий и по одобрению центральной власти старались предотвратить так называемое засилье китайской рабочей силы «во вверенных им русским владениях». Страхи и опасения по поводу нарастающей экономической экспансии и неизбежного последующего отторжения дальневосточных российских территорий в пользу Китая, будто по волшебству, исчезли в 1915 году. Министерство торговли и промышленности, вопреки всем прежним страхам перед «засильем желтой рабочей силы» в Приморье и Приамурье, разрешило вербовать китайцев для работы в центральных губерниях империи. Задание на поставку рабочих из Китая определялось квотой в 100 тыс. чел.

Местные функционеры центральной власти, прежде всеми средствами, в том числе и с участием Государственной Думы, боровшиеся с «засильем желтой рабочей силы» и стремившиеся «держать и не пущать» ее хотя бы далее Приамурья и Приморья, оказались в роли вынужденных организаторов поставок китайских рабочих на заводы и рудники Урала, в сельскохозяйственное производство Поволжья, на шахты Донбасса и в леса Прикамья.

В итоге широкой военной мобилизации сельского и городского мужского населения и значительных фронтовых потерь убитыми, ранеными, пленными в России, как всегда принявшей на себя главный удар, уже в начале 1915 г. обнаружился весьма ощутимый дефицит трудовых ресурсов. «Бронирование» от призыва в армию высококвалифицированных рабочих и специалистов не разрешало проблему дефицита малоквалифицированной массовой рабочей силы и соответственно устойчивой работы производства. Лихорадочный поиск дополнительных резервов и источников рабочей силы производился по всем возможным направлениям. Но потенциал трудовых ресурсов и в городе, и в деревне в результате тотальной военной мобилизации находился в крайней степени истощения. Такой, что из призванных в армию формировали воинские части, предназначавшиеся для работы на оборонных предприятиях.

Центром осуществления замысла обеспечения китайской рабочей силой стала фирма Д.Дризина, владельца двух крупных мельниц в Харбине, складов и хлебной торговли в Мукдене, Гирине, Чаньчуне, Аньдуне, Благовещенске и на станции Маньчжурия. Дело спасения родины, вопреки традиционной российской бюрократической волоките, продвигалось очень быстро. 9 августа того же года русский генконсул в Харбине сообщал послу в Пекине, что первые 4000 китайских рабочих отправлены в адрес правления Кизеловских горных заводов и

тысяча китайцев находится в пути на Верхне-Исетские заводы. Он так же информировал посла, что МИД по указанию Совета Министров разрешил визировать паспорта китайцев незамедлительно, не запрашивая столицу. И добавлял: «В день визируется 300–400 паспортов, и это не обременяет вверенное мне Генконсульство».

Деятельность фирмы Д.Дризина по вербовке китайских рабочих и отправке их по адресам заказчиков генконсул оценивал в самом выгодном свете. По его данным, Д.Дризин вложил в дело 17 тыс. руб., на которые прекрасно оборудовал бараки в пунктах сбора, в том числе отхожими местами и электрическим освещением. Медицинский осмотр кандидатов на вербовку производится двумя врачами с выдачей заключения об отличном здоровье отобранных для работы в России. На всех крупных станциях по пути следования железнодорожных эшелонов с китайскими рабочими действуют представители фирмы Дризина, которые обеспечивают продовольственное снабжение и решение всех других вопросов, возникающих при транспортировке значительных масс людей. Иначе говоря, фирма работает образцово, и спасительная для России китайская рабочая сила, организованная истинными патриотами, на всех парах спешит на выручку оказавшегося в беде отечества. Доставка рабсилы, сожалел генконсул, шла бы еще быстрее, если бы не таможня, долго и крайне придирчиво досматривающая теплушки и запрещающая китайцам провозить через границу запасы традиционного для них продовольствия и других обычных для их образа жизни предметов и продуктов. Некоторые сложности возникали и ввиду протестов германского посла, требовавшего от пекинского правительства запретить вербовку китайцев в Россию и угрожавшего последствиями за нарушение Китаем позиций нейтралитета.

Русское посольство в Китае тоже не сидело сложа руки и задачу снятия с центрального китайского правительства стресса от германских угроз разрешало вполне успешно. При этом основная ставка делалась на провинциальных китайских правителей, фактически лишь номинально подчинявшихся Пекину. Весьма активно с региональными китайскими военно-политическими лидерами работал и Д.Дризин. Выгоды от контракта на поставку в Россию армии китайских рабочих обязывали преодолевать всеми способами и средствами любые преграды и препятствия на пути его реализации. Спасавшие Россию патриоты в Китае действовали энергично и, казалось, очень продуктивно. Комплектование и движение эшелонов с китайскими рабочими производилось чуть ли не по конвейерной технологии.

К концу августа 1915 г. на уральские заводы фирма Дризина отправила более 10 эшелонов, примерно по 300–350 чел. в каждом. На поставку 2000 тыс. рабочих имелись заключенные договоры. Заявки от работодателей, с которыми велись переговоры об условиях оплаты китайских рабочих и порядке расчетов с фирмой, предполагали поставку

еще около 7000 тыс. человек. Ближайшая потребность в китайских рабочих за пределами уральской промышленности определялась приблизительно в 50 тыс. чел. И в таких же размерах оценивалась перспектива поставок китайской рабсилы.

Немецкая пропаганда распространяла в Китае слухи, что русская армия перебита и поэтому все завербованные китайцы вместо работы и многообещающего заработка в действительности будут отправлены на фронт, в окопы, где их ждет судьба миллионов русских солдат, уничтоженных непобедимым германским оружием. Неуловимые враги России действовали всюду, начиная с лагерей сбора отъезжающих в Харбине, Мукдене и других городах. Листовки, циркулировавшие среди кандидатов на российские заработки, предупреждали: «вас нанимают для военных действий, но из нанятых никто не вернется». На вагонах эшелонов и на станциях по пути следования, в том числе на территории России, расклеивались прокламации «с солью на еще не зажившие раны»: «Наши братья забыли про 1900 год в Хабаровске и Благовещенске, где русские топили наших рабочих... Вы приедете на место назначения, тогда будет поздно».

Эксплуатировалось и общее стремление заработать хорошие деньги: «жадные взяточники, предатели за деньги продают миллионы наших братьев, отправляют в глубину огня. Из 300 рублей 250 идет в их карман, поскольку отправка в Россию стоит всего 50 рублей». Авторы прокламаций оперировали и физико-географической аргументацией, утверждая, что вокруг Смоленска, куда отправляются все рабочие, леса нет, а сплошная степь, и поэтому им придется рыть окопы или же сражаться за русских на передовых позициях. Рабочим рекомендовалось бежать из эшелонов, поскольку вариант быть пойманным и сидеть в русской тюрьме лучше, чем фронт, где «от смерти никто не уйдет».

Однако германский пропагандистский шантаж оказался малодейственным. Желающих за российский счет отправиться на заработки не убавлялось. Задание на вербовку 100 тыс. китайских рабочих выполнялось вполне успешно.

Фирма Д. Дризина излучала оптимизм. В ее рекламе постоянно подчеркивалось, что медицинская комиссия, возглавляемая известными в Китае русскими врачами Кауфманом и Чернявским, гарантирует заказчикам самых отменных китайских здоровяков. Однако в партиях завербованных, реально прибывавших к месту назначения, оказывалось очень много хронически больных и весьма сомнительно соответствующих возрастному цензу от 18 до 45 лет. Главных причин этого «брака» могло быть две. Недобросовестность фирмы Дризина, очевидно понимавшей, что «золотая жила» неожиданно открывшегося бизнеса может в любой момент оборваться и, естественно, старавшейся выжать из ситуации по максимуму. В результате медицинское освидетельствование делалось «на скорую руку». Или китайцы использовали прием,

«продуктивно» применявшийся ими при переходе границы. Суть этого трюка была простой. Первая группа китайцев проходила пограничный паспортный контроль вполне легально, законно. Но один из них затем сразу же возвращался с паспортами всей артели обратно в Китай, где продавал их новой артели, которая повторяла этот трюк со следующей группой, а следующая с последующей и т.д.

Чины русской пограничной стражи догадывались, что их обманывают, но постоянно друг другу жаловались: «этих китайцев сам черт не разберет, все они на одно лицо». Торговля медицинскими свидетельствами являлась вариацией трюка с паспортами. Так или иначе, но в итоге значительная часть прибывавших к месту работы «китайских здоровяков» оказывалась больными или немощными по возрасту. Очень скоро обнаружили и другие дефекты поспешной практики разрешения проблемы дефицита рабочей силы за счет завербованных китайцев.

Численность контингентов завербованных, прибывавших в пункты назначения, сильно отличалась от количества погрузившихся в железнодорожные эшелоны в Китае. Бегство начиналось сразу после пересечения китайской границы, когда ответственность за транспортировку контингентов рабочих переходила к русской стороне. Одни из беглецов различными путями возвращались на родину, с небольшими «подъемными» деньгами, чтобы повторить вербовку, другие держали курс на золотые прииски в знакомом Приамурье, третьи рассеивались в населенных пунктах вдоль Транссиба. Бегство было не самой большой бедой, поскольку в конечном счете вербовщики при участии китайской администрации компенсировали «недостачу» в следующих партиях.

Хуже складывалась ситуация в сфере практического использования китайской рабочей силы. Подавляющая масса завербованных не имела представления о работе на заводе, в рудниках или шахтах. Их обучение приходилось начинать с нуля, нормы выработки и качество их исполнения даже на простейших видах работ были чрезвычайно низкими, но оплату они требовали в размерах, гарантированных вербовщиками. На этой почве возникали весьма острые ситуации с русской администрацией. Практически случайное собрание людей очень быстро консолидировалось, сплотилось, обозначило неформальных лидеров и, что явилось полной неожиданностью для русской администрации, весьма упорно, можно сказать, ультимативно добивалось реализации договорных условий. Отношения внутри контингента китайских рабочих являлись сферой абсолютно закрытой, недоступной для русской администрации. Попытки полицейского вмешательства во внутреннюю жизнь китайского контингента категорически и единодушно отвергались.

Китайские кули, о которых в России сложился стереотип как об абсолютно безропотных, трудолюбивых работниках, в действительности

оказались не просто строптивыми, а хорошо организованными и внутренне высокодисциплинированными, способными сплоченно отстаивать коллективные интересы и не давать в обиду любого из соотечественников. По наблюдениям специалистов горного ведомства, заводской администрации и полиции, в партиях китайских рабочих на уральских предприятиях повсеместно происходила смена формальных артельных старост на неформальных лидеров, более жестких и бескомпромиссных в сфере отношений с русской администрацией.

Новая или теневая артельная иерархия обычно требовала немедленного перевода всех рабочих со сдельной оплаты труда на поденную, в том числе и для тех, кто по какой-либо причине, неважно, по болезни или по лености аристократического положения в артельной иерархии, не выходили на работу. Параллельно с требованием оплаты фактически не за норму выработки, а за пребывание в России, столь же настойчиво инициировалось перезаключение договоров с артельщиками-подрядчиками на индивидуальные трудовые договоры с каждым рабочим. Китайские подрядчики, подписывавшие договоры с фирмой Дризина в Китае, на деле оказывались людьми, совершенно несведущими не только в горнозаводском производстве, но и в элементарной организации работ на лесозаготовке и в строительстве.

Комиссии, инспектировавшие эффективность использования китайских рабочих на уральских железоделательных заводах, практически единодушно склонялись к позиции инженерно-технического персонала предприятий, местной администрации и правоохранительных структур, считавших, что пользы от грандиозной затеи министерства торговли и промышленности, как говорится, кот наплакал. Почти год спустя после первых пробных поставок уральское горное управление, инспектируя практику использования китайских рабочих, по-прежнему констатировало, что половина китайцев на работу не выходит без объяснения причин, предпочитая существовать за счет работающих. Значительная часть, в том числе и руководители артелей, подрядчики, не имеют представления о характере горнозаводского производства. Повременная оплата труда не позволяет дифференцировать контингенты рабочих на «усердных» и лентяев, бездельников, последние терроризируют тех, которые проявляют намерение хотя бы что-то заработать, принуждая их к стереотипу поведения остальных нежелающих трудиться производительно.

Тучи над благом делом китайского спасения России медленно, но неотвратимо сгущались. В России прежнее «сочувственное» отношение к идее разрешения проблемы дефицита рабочей силы за счет китайских рабочих менялось на диаметрально противоположное. Региональные функционеры центральной власти на Урале и в Сибири, структуры общественной безопасности и полицейские органы, промышленники и ведущие специалисты уральского горного управления по

инстанциям своих ведомств доносили об очень сомнительной пользе импорта рабочих из Китая.

Во второй половине 1916 г. практика импорта дешевой китайской рабочей силы пошла по траектории заката. Квалифицированных рабочих для горно-заводского производства, машиностроения, промышленного строительства в партиях завербованных китайцев так и не появилось. Ввоз и содержание землекопов и лесорубов обходились дороже, чем польза от их работы. Русские промышленники, поддававшиеся искушению доходами от эксплуатации дешевой китайской рабочей силы, практических выгод не получили. Отношения между администрацией предприятий и китайским контингентом находились в постоянной напряженности. Почвой для конфликтов служили условия организации работ, оплаты труда, а также бытовые, крайне тяжелые даже для не притязательных к комфорту китайских рабочих. Надежды завербованных китайцев на высокий заработок не оправдались. Завербованные стихийно двинулись по направлению к дому, администрация предприятий, убедившаяся на собственном опыте в ничтожной эффективности труда «неважных работников», не препятствовала их исходу. Организованной депортации ставших ненужными китайских рабочих так и не было налажено.

Высшие чины сибирской администрации, хотя и подчинились столичной директиве о содействии поставкам рабочих из Китая, но не изменили своей принципиальной негативной оценки последствий практики использования иностранной рабочей силы и тем более распространения ее на всю территорию империи. Нет, они не саботировали решение центральной власти. Но не скрывали своей убежденности в том, что приглашение трудовой армии из Китая далеко не лучшее средство восполнения временного дефицита рабочей силы, образовавшегося в итоге бестолковой военной мобилизации.

Примечательно, что уральские горнозаводские предприятия первыми на собственном опыте убедились в низкой эффективности использования «дешевой» китайской рабочей силы. В целом идея ввоза китайских рабочих в Россию не имела даже эскизной проработки технико-экономического, социально-политического обоснования и внешнеполитических последствий в условиях войны с Германией. Министерство торговли и промышленности и затем с его подачи – Совет министров ухватились за нее, как утопающие за соломинку, и быстро пошли ко дну в круговороте неожиданно открывшихся проблем. Наконец, МИД России, под эгидой которого, в силу его ведомственной функции, начался данный проект, 11 октября 1916 г. через своего посла в Пекине телеграфировал всем консулам: «По приказанию министра благоволи-те прекратить визу паспортов китайцев всех без исключения».

Последовавшие за Первой мировой войной революционные процессы, гражданская война и радикальные общественно-политические и

социально-экономические преобразования рассеяли китайские составляющие трудового фронта до дисперсного состояния. Но, по-видимому, значительная их часть стремилась к возвращению на родину, поскольку переписью населения 1926 г. из 100 тыс. китайцев, постоянно проживающих на территории России, 70 тыс. чел. зарегистрированы в дальневосточном регионе, на пороге к отечеству. Если перепись 1926 г. считать адекватно отражающей реальную демографическую ситуацию, то видно, что она зафиксировала достаточно обычную, традиционно сложившуюся величину присутствия китайцев в дальневосточном регионе России, составлявшую около 70 тыс. чел.

Региональные дальневосточные руководители советского образца были свободны от панического страха перед демографическим массивом Китая. Более того, они, образно говоря, были вакцинированы лозунгом борьбы за освобождение угнетенных трудящихся Востока. К тому же в годы революционных потрясений и гражданской войны прилив рабочей силы из Китая резко понизился из-за отсутствия работы в России и высокого риска заплатить жизнью за маловероятный заработок. Белоэмиграция в Маньчжурию воздействовала на значительную часть китайцев, постоянно осевших в Приамурье и Приморье, и увлекла за собой китайцев-коммерсантов, предпринимателей и других так называемых хозяев. Короткий эксперимент с НЭПом несколько ожилил иммиграцию, но последовавшая за ним тотальная национализация вновь ее подавила.

Ситуация, возникшая на советском Дальнем Востоке к середине 1920-х годов, была весьма своеобразной, необычной в сравнении с недавней дореволюционной. Проблема неудержимой экспансии «желтой рабочей силы» и вероятных деструктивных последствий исчезла как бы сама собой. Но одновременно открылась другая, не менее сложная. В процессе восстановительных работ в народном хозяйстве и затем, по мере перехода в фазу развития, все острее обнаруживался дефицит рабочей силы. Если прежде в целом не менее трети, а в некоторых отраслях дальневосточной экономики больше 70% объемов малоквалифицированного труда выполнялись китайцами и корейцами, то теперь заполнение этих вакансий являлось весьма трудным делом. Для разрешения этой проблемы пришлось прибегать к самым разнообразным способам и средствам, в том числе и рекомендованным в свое время губернатором Г.М.Валуевым, т.е. труду солдат и арестантов.

За пределами внимания партийно-советского государства не осталась и крайне болезненная для прежней администрации проблема колоссального демографического превосходства Китая над малолюдными российскими дальневосточными пространствами. По инициативе партийно-советских органов Хабаровска была сформирована группа специалистов с заданием осветить реальную экономическую и демографическую ситуацию в сопредельных странах (Китае и Японии), вы-

явить тенденции, факторы и вероятные сценарии ее развития в ближайшие годы и на перспективу. Первоочередное внимание исследователей фокусировалось, конечно же, на Китае, олицетворявшем так называемую «желтую опасность», нарастающая энергия и непреодолимая сила которой приводила в мистический трепет досоветских дальневосточных администраторов. Обнаруженные исследованием реалии, процессы и тенденции, выявлявшиеся в основном на базе зарубежных публикаций и материалов и иных опосредованных источников, оказались, с одной стороны, действительно весьма серьезными, но с другой – не столь грозными и неизбежными для российского Дальнего Востока, как это представлялось отечественным фаталистами.

Параметры реальной миграционной динамики Китая находились на уровне российского крестьянского переселения в Сибирь в период 1906–1909 годов, с тенденцией роста. Главный вектор миграционных потоков, возникших в конце 1890-х годов, ориентировался с юга на север и терял свою динамику в зоне экономического воздействия строившейся в 1897–1903 гг. Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). По официальным данным, численность населения Северной Маньчжурии в период сооружения КВЖД определялась в 1,5 млн. человек, достигнув, по мнению большинства наблюдателей и экспертов данного процесса, в 1926 г. 13 млн. человек.

Анализ приведенной статистики, конечно, очень приблизительно показывал, что главный рубеж, к которому стремились мигранты с юга на север, находился на собственной территории Китая. Это была зона построенной на русские средства Китайской Восточной железной дороги и Юго-Восточной железнодорожной линии. Подавляющую массу мигрантов составляли крестьяне, следовавшие на север для сельскохозяйственных занятий в русле аграрной колонизации Маньчжурии. Значительная часть мигрантов из других социальных слоев поглощалась городами, возникшими и быстро развивающимися в поясе экономического воздействия КВЖД и ЮВЖД.

Таким образом, миграционные «протуберанцы», исходившие из южных провинций Китая, рассеивались на китайских пространствах. Более того, китайские власти, несмотря на весьма ограниченные возможности, предпринимали всемерные усилия, направленные на прочное, постоянное закрепление переселенцев, в первую очередь крестьян, на собственной территории. Политика содействия миграции с юга на север и закрепления мигрантов в Маньчжурии определялась широким спектром факторов: тяжелым экономическим положением, перенаселенностью южных провинций и свободным земельным фондом на севере, благоприятными для колонизации севера условиями, возникшими в связи с постройкой КВЖД, необходимостью ликвидации хунхузничества и приведения территории всей страны под непрерываемую власть центрального правительства.

Эти и другие факторы политики форсированной колонизации Северной Маньчжурии открыто и активно, вполне официально декларировались китайскими властными структурами, и они отнюдь не были спекулятивными, лицемерными. Они действительно являлись исключительно актуальными, поскольку тем или иным уровнем их реализации определялось движение Китая по пути к национально-государственной консолидации.

Аналитика количественных параметров миграционного потока, социального состава переселенцев и географии их размещения на территории прибытия показывала, что пусковым импульсом миграционного процесса явилась построенная по военно-стратегическим планам (по наиболее «легкой» трассе до Владивостока) КВЖД, но для Китая она стала не только экономическим благом, а еще и индикатором и масштабным актом реального русского экспансионизма. Содействие китайских властей стихийной миграции на север с последующей трансформацией ее в переселенческое движение с элементами государственной поддержки определялось стремлением нейтрализовать возможность расширения сферы российского присутствия в Китае, своеобразной осью, которой представлялась экстерриториальная полоса КВЖД.

Китайские власти опасались «белого политико-экономического засилья» не меньше, чем российские — «желтого» демографического. Взаимный страх, думается, сильно преувеличивался, поскольку ни одна из сторон не имела сколько-нибудь существенного перевеса над другой, но руководил действиями обеих сторон, бесспорно, страх друг перед другом. Китайская сторона, конечно же, сильно преувеличивала значение КВЖД в качестве инструмента транспортной интервенции и возможной экспансии. Однако именно эта завышенная политическая оценка железной дороги, спешно построенной для предотвращения потери Владивостока в случае войны, являлась руководящим началом политики Китая в Северной Маньчжурии и конкретно вокруг КВЖД.

Воплощалась эта политика методично всеми возможными способами и средствами. В частности, в отношениях китайских властей с русской, а затем советской администрацией КВЖД искусственно и весьма изощренно формировалась атмосфера конфликтности и враждебности. Осевшая в зоне КВЖД воинствующая белая эмиграция усердно подливала масла в огонь ущемленного транспортной интервенцией национально-государственного достоинства. Политика вытеснения российской, советской администрации КВЖД проводилась совершенно откровенно. Стимулирование миграции в Северную Маньчжурию, содействие заселению ее диктовались не только внутренними экономическими и демографическими процессами, но и, пожалуй, в такой же степени политическими.

Миграционный ресурс планомерно направлялся на север с целью создания своеобразного демографического щита против России. Китай

создавал этот щит, как это принято на Востоке, упорно и молча, без панических воплей о своей незащищенности и громогласных оправданий необходимости его создания.

Досоветские российские политические деятели и дальневосточные региональные администраторы, наоборот, больше производили шума, чем дела. И, соизмеряя медлительность и ничтожность сделанного с необходимым и должным для прочного противостояния надвигавшемуся, по их соображениям, «желтому засилью», терзались пораженческими настроениями в еще не состоявшемся сражении. Объективно говоря, массовость китайской миграции в Северную Маньчжурию в период 1903–1919 гг. колебалась от 400 до 200 тыс. чел. в год и не достигала наивысшей отметки крестьянского переселения из России в Сибирь.

Приток мигрантов из южных провинций Китая в северные значительно возрос в середине 1920-х годов. Но к этому времени на пути его дальнейшего движения в дальневосточные владения России был воздвигнут непреодолимый политический барьер. В советский период истории проблемы безопасности дальневосточных рубежей разрешались намного быстрее, чем прежде, радикально и с учетом возможностей и требований времени достаточно надежно, разнообразными способами и средствами, в том числе глухой к экономическим и демографическим процессам стеной государственной границы.

Не сразу, но очень скоро линия границы была превращена в труднопреодолимый рубеж со сложной процедурой оформления легального ее пересечения и бдительным пресечением контрабандного перехода. Вместо практиковавшихся прежней администрацией малоэффективных ограничений и запретов использования «желтой рабочей силы» советская власть решительным, категорическим образом намертво перекрыла ей пути доступа на свою территорию. И оказалось, что от этого небо не упало на землю, Амур не потек вспять, и движение экономики дальневосточного региона по восходящей траектории не остановилось. Около четырех-пяти десятков тысяч китайцев, фланировавших в досоветский период между родиной и сезонной работой в России, не «делали погоды» в хозяйственной сфере дальневосточного региона. Их отсутствие прошло незамеченным. В условиях деструктивных последствий мировой и гражданской войны, интервенции рынок труда и без китайцев находился под избыточным предложением рабочей силы. Цена на отечественную рабочую силу в обстановке еще не миновавшей безработицы упала ниже, чем на китайскую в досоветское время.

Сегодняшняя ситуация на российском Дальнем Востоке имеет немало общего с аналогичной вековой давности. Отличие, пожалуй, лишь в одном: численность населения Дальнего Востока убывает – до 140–150 тыс. человек в год из 27 млн. проживающих в Зауралье, и эта убыль распространяется далеко на запад и охватывает практически всю Сибирь.

И это в атмосфере общероссийского демографического кризиса, минимизирующего возможности увеличения населения в труднедостаточных районах с худшими природно-климатическими условиями и уровнем жизни.

Именно данные факторы позволяют усомниться в реальном воплощении в жизнь намеченных планов переселения сюда наших соотечественников, оставшихся за пределами России. Зато с пустующим в демографическом отношении российским Дальним Востоком соседствуют перенаселенные Япония и Южная Корея, плотно населенные Северная Корея и Маньчжурия, наращивающие демографическое давление на южные границы Азиатской России. Сегодня Зауралье населяют около 2-х млн. мигрантов из разных стран. Опыт показывает, что колонизовать эти территории они не спешат. Действительно, это ведь не Гавайи и не Калифорния.

Профессор-историк Гонконгского университета Джон Моу утверждает, что если бы Китай хотел, он бы давно завладел Сибирью, рядом с которой он существует больше двух тысяч лет и куда русские пришли только в XVII в. А так как полно своей незаселенной земли, 90% китайцев живет на половине территории страны. И военной опасности, утверждает профессор, китайская армия не представляет. Все войны с иностранцами Китай проигрывал. Сейчас Китай избрал другой путь покорения мира – он намерен стать главной сверхдержавой, завалив мир дешевым ширпотребом и электроникой. Может быть, но даже для производства ширпотреба необходимы сырье и энергия, которые в изобилии имеются на демографически «свободных» (4,5 чел. на 1 кв. км.) пространствах, делая их уже сегодня и, тем более в перспективе, не менее привлекательными, чем Гавайи и Калифорния.

И вновь в обществе воцаряется растерянность перед вызовом нового времени, хотя вызов этот имеет более чем вековой возраст. Важно понять, что транснациональные миграционные процессы – явление объективное. Масштабное использование дешевой рабочей силы в действительности является одним из определяющих факторов быстрого раскручивания маховика хозяйственного развития территорий пионерного освоения, особенно находящихся в условиях транспортной изоляции от промышленных центров и демографических концентраций. Только делать это надо цивилизованно, с учетом интересов территорий Сибири и Дальнего Востока.

Расим АГАЕВ (Азербайджан)

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ НЕЗАВИСИМОЙ РЕСПУБЛИКИ

2006 год для некоторых государств постсоветского пространства является этапным – исполняется 15 лет независимого существования.

Азербайджанская Республика придает этой дате особое значение, поскольку решение о независимости было принято парламентом 18 октября 1991 года после достаточно длительного общественного противостояния.

Несмотря на то, что данное историческое событие произошло, в общем-то, недавно, при жизни нынешнего поколения, сам факт обретения независимости АР, равно как и социально-экономические и политические итоги самостоятельного развития, получает взаимоисключающие оценки. Оппозиционные партии, а подавляющее большинство из них преимущественно националистического толка, утверждают, что АР явилась продуктом всенародного движения, направленного против советской (российской) империи. Официальные идеологи повторяют известную мысль покойного президента Гейдара Алиева, согласно которой независимость свалилась к ногам азербайджанцев, также как и остальным братским республикам, вследствие развала Советского Союза.

Как бы там ни было, а независимость республики является свершившимся фактом, и это такая же реальность, как и далекая от праздничности общая атмосфера общественных настроений.

«...Самая большая проблема заключается в том, что **наш народ уже не верит себе**. Военно-политическое поражение, неспособность вернуть Карабах, фактическая диктатура одной семьи вместо развернутой демократизации, роскошь меньшинства и беспросветная нищета большинства – вот главные причины национального пессимизма» – такого рода суждения не редкость в оппозиционной или независимой печати.

В противоположность им официальные власти преисполнены оптимизма, тем более, что социально-экономические достижения АР получают признание западных политиков. Совсем недавно американский

сенатор Ричард Лугар в своем письме президенту АР И.Алиеву в восторженных тонах поздравил его «со многими значительными успехами – сокращением в 2005 году бедности с 40 до 29 процентов, строительством 300 новых школ, открытием в течение последних двух с половиной лет 435 тысяч новых рабочих мест».

Надо полагать, спичрайтеры уважаемого сенатора заимствовали данную статистику из речи азербайджанского президента, произнесенной им в Словении. Однако спустя две недели И.Алиев, открывая памятник своему отцу, Гейдару Алиеву, в одном из пригородов Баку, сообщил местным жителям другую цифру, а именно – 450 тыс. новых рабочих мест. Это можно было бы считать досадной ошибкой президентских помощников, если бы еще через две недели, но уже в Берлине, И.Алиев не довел число новых рабочих мест в управляемой им стране до 500 тыс. И все это при том, что, согласно числу зарегистрированных безработных, рабочих мест в стране требуется, по крайней мере, в три раза меньше.

Какой бы изощренной ни была эквилибристика со статистическими данными, к которой прибегают в Азербайджане, впрочем, не только в нем одном, для наглядной и убедительной иллюстрации успешной реализации декларируемых социально-экономических программ, она не может до конца замаскировать неблагополучную ситуацию в социальной сфере. По данным независимых экспертов, безработица в Азербайджане просто чудовищна и достигает почти 1 млн. человек. Если учесть, что из 8 млн. населения страны около 2 млн. находятся в выезде в России, Украине и других странах СНГ, то приходится признать, что в работе нуждается практически каждый второй работоспособный житель. Согласно расчетам независимых экспертов, минимальный размер оплаты труда составляет около \$50, доходы почти половины населения не дотягивают до стоимости потребительской корзины. Пенсия учителей, ученых, инженеров, не говоря уже о рабочих профессиях, простых людях, колеблется от \$10 до 25 (исключение составляют работники силовых структур, офицерство армии и узкая прослойка госслужащих). Растущая инфляция (в 2006 г. она, по данным Национального банка, возросла более чем на 7%) делает жизнь широких социальных слоев безысходной.

Американские эксперты зафиксировали ряд показателей, свидетельствующих о попятном движении в демографических процессах. Резко подскочила детская смертность – с каждой тысячи новорожденных умирает 82 ребенка. Средняя продолжительность жизни упала с 72 до 63 лет, прирост населения с 1,8 до 0,59 (Географический справочник ЦРУ, Вашингтон, 2005, с.29). О качестве жизни при таком положении вещей говорить не приходится. Маленький Азербайджан вышел на второе место в СНГ по количеству «экспорта» проституток.

Однако дело не просто в противоречивости статистики или манипулировании ею. Известное наблюдение немецкого социалиста Ф.Ласса-

ля о существовании двух видов конституционного права – формального и фактического – применимо к Азербайджану в максимально широком плане. Два измерения – формальный и фактический – имеют едва ли не все сферы жизнедеятельности республики: его государственно-правовые институты, все сегменты экономического организма, общественные структуры, призванные формировать свободное гражданское общество. Этот факт наилучшим образом подтверждает существование двойной бухгалтерии не только практически во всем частном секторе, но и во многих государственных структурах, таких как таможня, министерства налогов и экономического развития.

Формальное и фактическое «лицо» имеют и демократические свободы, которыми конституционно наделены граждане АР. Это явление приняло такие масштабы и устойчивость, что можно говорить о новом социальном феномене – обществе с двойным дном, вызванном к жизни особенностями переходного периода в странах, вставших на путь форсированного перевода социалистических систем управления на капиталистические. Культивирование формального и фактического права порождает реальную и теневую экономику, подменяет реальные свободы формальной демократией. Государство из системы обеспечения безопасности граждан превращается в простой инструмент власти, занятой исключительно удовлетворением собственных интересов.

Фактор нефтедоллара

На всю эту систему общественных взаимоотношений в Азербайджане накладывает свой особый отпечаток нефтедолларовый фактор. С его появлением, продолжающимся ростом валютных возможностей власти, в корне изменились расстановка и соотношение общественных сил. Напомним, контракт века, позволивший приступить к строительству стратегического нефтепровода Баку–Джейхан (позже к нему присоединился и Тбилиси), был подписан в 1994 году. В 1998 году оппозиция сумела дать последний бой фактически единоличной власти Гейдара Алиева – на президентских выборах, после чего ее силы стали иссякать.

Отправляясь в Ки-Уест на подписание мирного соглашения по Карабаху, Г.Алиев счел нужным встретиться с лидерами оппозиции, независимыми экспертами, авторитетными представителями общественности для выработки некоей общей точки зрения. Годом позже он уже мог публично заявить: «Азербайджанская оппозиция – самая тупая оппозиция в мире!» А еще через некоторое время, лидеры националистических партий с пренебрежением отзывавшиеся о политических возможностях президентского сына Ильхама Алиева, вынуждены были молча согласиться с его правом наследования президентской власти.

Ни один из азербайджанских руководителей последнего, бурного 15-летия не имел таких реальных преимуществ, которые достались в наследство И.Алиеву от его опытного отца-правителя. В его распоряжении хорошо отлаженная, надежная государственная машина, способная подавить любое социальное возмущение. Свое положение он может укрепить практически неограниченными финансовыми ресурсами. Наконец, и это главное, он имеет безусловную поддержку в международном плане. Опираясь на эти мощные рычаги, можно действительно продвигаться по пути социального прогресса, один за другим решая назревшие национальные проблемы. Однако есть признаки того, что в Баку при проведении экономических реформ, как и всего курса преобразовательных программ, переустройства общества, рассчитывают исключительно на нефтедоллары, ожидаемое количество и весилие которых явно завышено.

Как показывает международный опыт, при благоприятных обстоятельствах нефтедоллар действительно может стать могучим двигателем социального прогресса. Но известно и другое: там, где не имеется прочных демократических традиций и опыта создания современных государственных систем, он превращается в базовую подпорку авторитарных образований. В этом можно легко убедиться, взглядев-шись в причудливые государственные конструкции, возводимые в ряде регионов постсоветского пространства, над обузданием диктаторских устремлений которых международному сообществу еще придется поломать голову.

Как показала политическая практика не только Азербайджана, но и других стран постсоветского пространства, Запад, и прежде всего США, при необходимости готов согласиться с имитацией демократических реформ вместо реальной демократии.

«Я буду стараться углубить двусторонние отношения с Вами, президентом Азербайджана, и с азербайджанским народом», – говорилось в послании Дж.Буша новому главе государства И.Алиеву. Эта позиция нашла дополнительное подтверждение и в ходе официального визита азербайджанского президента в США в 2006 г., итоги которого были расценены как безусловная поддержка сложившейся власти АР.

Процесс возрастания доминантной роли правящей верхушки АР и ее лидера в управлении страной с упором на ведущие международные силы, трансформация верховного клана в правящий класс, удивительно напоминает постепенное сосредоточение власти в руках Саддама Хусейна в Ираке несколькими десятилетиями раньше. После национализации нефтяной промышленности он в 1975 году покончил с политическим оппонированием, создав несколько лояльных партий из курдов, национальных демократов и даже коммунистов. Концентрация в руках правящих элит нефтедолларовых потоков в обоих случаях привела к ограничению реального участия демократических сил в управлении го-

сударством, сужению их роли в обществе. Есть конкретные признаки того, что в Баку, как и когда-то в Багдаде, все более склонны рассматривать возросшие валютные возможности в качестве главного и наиболее эффективного средства решения сложных социально-политических, да и военных проблем. С помощью нефтедолларов удается манипулировать общественным мнением, делать лояльными вчерашних непримиримых, постоянно дробить силы политических оппонентов.

Фактическую поддержку Запада, в первую очередь США, наследования власти в стране – члене Совета Европы, объявившей о своей приверженности европейским демократическим ценностям и интеграции с Западом, многие в Азербайджане, и не без оснований, расценили как следствие учета Вашингтоном энергетического фактора в своей глобалистской стратегии. Это «открытие», однако, не убавило разочарования в среде оппозиционных политиков. В то же время в правящем лагере поддержка США была расценена как карт-бланш на укрепление той системы управления, которая в последнее время именуется управляемой демократией и которая на поверку оказывается разновидностью старых авторитарных систем. Представляется, что правящая партия, по крайней мере, ее реакционное крыло, восприняла широкую международную поддержку формального оформления династического правления в Азербайджане как карт-бланш на всемерное укрепление, прежде всего, авторитарных устоев власти и жесткого ограничения оппозиции, развертывания демократических институтов.

Вряд ли является простым совпадением то, что новая волна репрессалий против независимых журналистов и СМИ поднялась сразу после возвращения азербайджанского президента из Вашингтона. Не является случайностью и то, что все разговоры и поползновения в самом начале правления И.Алиева, связанные с установлением диалога национальных сил, постепенно стали «микшироваться», и ныне никто уже не говорит о готовности властей к такого рода контактам, необходимости налаживания мостов доверия.

Между тем еще недавно даже некоторые западные политики говорили о серьезности намерений официальных властей в этом плане, их убежденности в том, что «для экономического и социального развития страны очень важно национальное примирение» (бывший посол США в Азербайджане Рино Харниш).

К моменту пуска нефтепровода – летом 2006 года – оппозиция фактически перестала представлять собой самостоятельную альтернативную силу, способную увлечь за собой серьезные электоральные массы и оказывать какое-либо идейно-политическое влияние на текущие общественные процессы.

Полный упадок оппозиционных сил, брожение в рядах их политических формирований, бесчисленные расколы, последним из которых является открытое противостояние в «Мусавате», до того отличавшей-

ся монолитностью рядов и идейной последовательностью, усиливает в правящих кругах настроения бесконтрольности, провоцирующей открытую безответственность чиновничества.

Формальная демократия

Парадокс общественного развития в Азербайджане заключается в том, что нынешняя власть, в каких бы пороках ее ни обвиняли, сумела реализовать все те политические проекты, которые составляли реформаторскую суть оппозиционных программ, еще недавно казавшихся несбыточными. Правительственная программа приватизации последовательно реализуется, частный сектор составляет почти 70–80% экономики. Азербайджан стратегически ориентирован на Запад, как того хотели реформаторы первой волны, доля иностранных, большей частью американских субсидий давно перевалила за 20 млрд. долларов, и это является своеобразным рекордом в СНГ. Баку участвует в европейских интеграционных программах, увязывает военное строительство с требованиями и рекомендациями НАТО, включая поддержку всех военных акций, инициированных США в качестве антитеррористических. В соответствии с рекомендациями СЕ давно отменена цензура, можно выпускать любую газету, есть независимые теле- и радиоканалы, созданы парламент и муниципалитеты, выборы в которые, как и выборы президента, проводятся на альтернативной основе. Госдеп США, как и ОБСЕ, каждый раз зафиксировав множество нарушений, признает эти выборы определенным шагом вперед в деле строительства демократического общества.

Так что же, все это – реальность или фикция?

«Это, прежде всего, формальность, – утверждает Зардушт Али-заде, в прошлом один из основателей Народного фронта Азербайджана, ныне руководитель Исследовательского Центра по критическим ситуациям Кавказа. – Совету Европы важно только одно: чтобы руководители Азербайджана формально согласились с принципами демократического строительства, формально создали структуры и институты, формирующие свободное, демократическое общество. Они прекрасно знают, что до осознанной демократии в Азербайджане, как и в других регионах постсоветского пространства, еще далеко, и исходят из того, что на данном этапе главное – подготовить чертежи нового демократического дома и начать постепенно возводить некоторые его несущие конструкции».

По этой логике, архитектор нового Азербайджана, третий президент АР Гейдар Алиев, как опытный политик, прошедший школу советского государственного управления, в отличие от своих первых двух предшественников (Муталибова и Эльчибея), легко согласился с демократическими требованиями Запада, поскольку исходил из того, что какой бы дом ни построили, порядки и правила в нем осуществля-

ет тот, кто является в нем хозяином. Когда-то, на заре своей политической карьеры, он, соглашаясь с требованиями Москвы о партийной демократии, самостоятельности Советов, ввел единоличное управление республикой. И внешне все его тогдашние новации смотрелись как меры по укреплению существующей власти. Точно таким же образом в нынешнем Азербайджане при наличии многих атрибутов формальной демократии вся жизнедеятельность страны, начиная от состава парламента и кончая реализацией сколь-нибудь стоящего бизнес-проекта, зависит от воли одного человека – президента АР.

В сложившейся ситуации трудно отличить контуры гражданского или открытого общества, правового государства, прозрачного управления, являвшихся целью и смыслом проводимых реформ, в корне изменивших сам образ жизни народа.

По мнению исследователей, богатые энергетическими ресурсами страны постсоветского пространства, тяжело пробирающиеся по переходному тоннелю от социалистического авторитаризма к демократическим далям, во многом повторяют путь, пройденный некоторыми странами Ближнего Востока, приобщавшимися в конце прошлого века к западной рыночной экономике благодаря открытию обширных запасов нефти.

Мохсен Массарат, профессор Оснабрюкского университета Германии, пишет, что доминирование законов неравномерного распределения власти были порождены «специфическими отношениями между полностью капиталистическими демократическими экономиками Запада и некапиталистическим недемократическим Ближним Востоком»¹. Этот вывод вполне можно распространить и на политическую практику нынешних государств постсоветского пространства.

Известный постулат современных демократий, согласно которому собственность является гарантией свободы каждого гражданина и одновременно подтверждением демократичности государственной системы, так и не привился в Азербайджане. Легкость, с которой были лишены своей собственности бывший министр экономического развития Ф.Алиев и его брат Р.Алиев, владелец единственного частного нефтяного концерна «Азпетрол», наглядно показали всем цену и смысл собственности. Она ничего не гарантирует и является лишь придатком власти. Указанные лица, как и все остальные так называемые олигархи, предприниматели, рядовые бизнесмены, стали обладателями предприятий, строительных объектов, владельцами акций зарубежных компаний, множества vill и прочей недвижимости, многомиллионных счетов в зарубежных банках благодаря своим властным возможностям или близости к правящей семье. Потеря связей с властью автоматически лишает их собственности. Со времен Алиева-отца в АР осуществляется

¹ Массарат М. Цена на нефть и демократия. Россия в глобальной политике, № 1, 2006.

негласный контроль над доходами частных лиц. Каждый, чьи годовые прибыли превышают \$20–25 тысяч, берется на заметку фискальных органов. Вышеприведенный пример с бывшим министром и его братом – лишь на шумевшая история. Перечень лиц, которых азербайджанские власти лишили собственности с помощью простого юридического крючкотворства, достаточно длинен. И он продолжает расти.

С некоторых пор беспокойством охвачены и иностранные компании, вложившие свои средства в приватизационные программы. Американское правосудие вот уже несколько лет никак не может разобраться в запутанной истории, в которую оказался вовлеченным азербайджанский правящий истеблишмент, участвовавший в сомнительной сделке с известным международным мошенником В.Кожени. Последний присвоил около \$300 млн. доверчивых американцев, намереваясь, как он утверждает, вложить их в приватизацию азербайджанской нефти, что ему твердо было обещано руководством АР. Однако впоследствии высокопоставленные чиновники отказались от достигнутой договоренности.

Судя по всему, в скором времени АР предстоит фигурировать в качестве ответчика в международном суде, куда намерен обратиться известный турецкий предприниматель Г.Арабул, несколько лет назад приобретший бакинскую электросеть. Ныне азербайджанские власти расторгли с ним договор, отказываясь выплачивать соответствующую компенсацию, оговоренную при заключении контракта.

По мнению независимых экономистов, настоящий скандал еще впереди. В Азербайджане все – от мала до велика – ждут большой нефти стратегического нефтепровода. Официальный Баку не скрывает своих оптимистических ожиданий, связанных с потоком нефтедолларов. Однако судьба трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан зависит от подключения к нему Казахстана, без чего вряд ли удастся его заполнить. Но это еще не все. Обещания «нефтедолларового» дождя может оказаться миражом, поскольку, как выясняется, Азербайджану прежде придется выплатить порядка \$3 млрд. долга за строительство нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан. Остальная часть прибыли оседет в карманах правящей команды и госчиновников, прогнозирует бакинская пресса.

Надо заметить, с такой ситуацией сталкивались в недавнем прошлом многие страны. «Движимая не государственными, а своекорыстными, сиюминутными интересами, элита нефтедобывающих стран подписывала с нефтяными концернами неравноправные контракты на неограниченную эксплуатацию своих нефтяных запасов. Подлинно демократическая элита вряд ли пошла бы на это», – свидетельствует цитированный выше М.Массарат. Развивая мысль о продажности национальных элит постсоветских государств, в одночасье трансформировавшихся из социалистических в демократические, нельзя не прийти

к выводу, что любой вариант смены административно-командной системы на рыночную экономику порождает в качестве побочного негатива взрыв организованной преступности и коррупции.

Тупики независимости

Эксперты ЦРУ пришли к однозначному выводу, что в Азербайджане «коррупция процветает повсеместно, а постоянное обещание благосостояния, которое могут гарантировать запасы азербайджанской нефти, остаются невыполненными». Это категорическое утверждение взято нами из «Географического справочника ЦРУ» за 2005 год (стр. 27).

Когда международные организации напоминали азербайджанским властям на коррумпированность чиновников, Гейдар Алиев поначалу называл это преувеличением, потом заметил, что коррупция является общемировым явлением, которым поражены и западные демократические государства, а к концу своего правления засвидетельствовал, что с этим явлением он боролся в Азербайджане, еще будучи партийным руководителем и, к сожалению, без должного успеха.

Ныне каждая должность на госслужбе имеет свою цену, так же, как экзамен или диплом в вузе, визит на торговый или строящийся объект налогового инспектора, полицейского, прокурора, пожарника, врача санэпидстанции, представителя местной исполнительной или муниципальной власти. Плата за такой визит, даже если визитер не угрожает санкциями, давно стала национальным обычаем, именуемым «ширинлик», т.е. подслащиванием. Без взятки невозможно получить обыкновенную справку у управдома, документ в нотариальной конторе, приобрести права на вождение автомобиля. Дорожная полиция вымогает деньги у водителей, прокуроры, полиция и суды – у каждого, кто имеет несчастье оказаться в их поле зрения. Вымогательством занимаются офицеры азербайджанской армии, сотрудники службы безопасности, в нем уличены даже офицеры воинского контингента азербайджанской армии в Ираке.

Любой ввозимый товар, а страна живет в основном за счет импорта – от яблок из Ирана до автомобилей из европейских стран, – азербайджанской таможней облагается своеобразной данью (не считая государственной пошлины), причем расценки установлены на каждый килограмм, на каждую единицу ввозимого товара. Тем же самым занимается министерство налогов (коррумпированность министерства экономического развития после ареста Ф.Алиева считается доказанной). Бизнесмены и предприниматели, так или иначе связанные с этими структурами, жалуются, что размеры незаконных отчислений за последние годы выросли в несколько раз. И это является главной причиной роста цен, подорожания жизни, банкротства неокрепших товаропроизводителей, ухудшения общих условий бизнеса.

В Уголовном кодексе, разумеется, имеются соответствующие статьи, карающие за мздоимство, еще при Алиеве-отце была создана даже антикоррупционная комиссия. Ее возглавляет руководитель президентской администрации Р.Мехтиев, считающийся одним из злостных коррупционеров в стране. Несмотря на всеобщую критику, комиссия ни разу не сообщила о каких-либо серьезных акциях по выправлению ситуации. Таким образом, взяточничество и коррупция, оставаясь, с точки зрения закона, уголовно наказуемыми деяниями, уже не отторгаются утвердившимися в обществе моральными и этическими принципами, приняв форму обычных бытовых взаимоотношений. Пожалуй, даже можно сказать резче – умение создать коррупционную систему трактуется ныне как проявление деловых качеств. Лучший пример – бывший глава республиканской таможни Кемалледдин Гейдаров, на удалении которого, как и ряда других явных коррупционеров, настаивали США после президентских выборов 2003 года. Руководитель таможни был смещен со своей должности, но вскоре возглавил новое министерство – по чрезвычайным ситуациям, где в кратчайшие сроки воссоздал ту же коррупционную систему мздоимства и вымогательства, что, с точки зрения некоторых СМИ, в том числе независимых, свидетельствует об исключительных менеджментских способностях министра.

Как общественный порок коррупция в Азербайджане страшна не масштабами и даже не тотальностью. Коррупция перестала восприниматься как антиобщественное, аморальное явление. Большинство граждан она воспринимается как общепринятый способ обогащения, как нечто само собой разумеющееся, о чем не принято говорить, но что, пожалуй, стало органической частью образа жизни, и потому, как общественная болезнь, вряд ли излечима.

С появлением нефтедоллара возросли не только масштабы коррупции. Резко раздвинулись ее географические рамки в соответствии с широкими международными связями азербайджанского нефтяного бизнеса.

На последних парламентских и муниципальных выборах (2005–2006 гг.) многие обратили внимание на наплыв в Милли Меджлис (азербайджанский парламент) и муниципалитеты значительного числа предпринимателей, близких к правящим кругам. Дело вовсе не в том, что демократичность и справедливость практически всех плебисцитов, проведенных в АР за годы независимости, всеми авторитетными международными организациями были поставлены под сомнение. Участие в выборах давно стало дорогим предприятием. Но цена победы многократно увеличилась, поскольку определена стоимость депутатского кресла. Такова логика коррумпирующегося общества: если покупаются и продаются государственные чиновники, то рано или поздно предметом купли-продажи становится все, и парламентское кресло не мо-

жет сохранить свою непорочность, подобно женщине, попавшей в руки насильников.

Прямым следствием коррумпированности правоохранительных органов является превращение АР в один из главных центров наркобизнеса в регионе. В цитированном выше справочнике ЦРУ утверждается, что Азербайджан превратился в один из пунктов транзита опиатов из Юго-Западной Азии (Географический справочник ЦРУ, стр. 28).

В ряде официальных документов США в последние годы отмечается, что южные, приграничные с Ираном регионы Азербайджана являются открытой зоной для контрабанды наркотиков. По данным Центра «Банк-информация», на территории АР действуют около 40 наркоперевалочных пунктов. Ежегодно из ИРИ в АР доставляется порядка 30–35 тонн наркотиков. Большая часть их переправляется в Россию и далее в Западную Европу.

Руководство страны не перестает убеждать общественность – свою и международную – в том, что «Азербайджан ждет большое будущее, и Азербайджан сегодня одна из самых динамично развивающихся стран. По темпам развития экономики Азербайджан находится на первом месте в мире».

Согласно официальной статистике, темпы роста АР действительно впечатляющие – 38% в год. Сюда входит, очевидно, и строительный бум, которым охвачен в последние годы Баку и другие центры. Однако хорошо известно, что массовая застройка азербайджанской столицы небоскребами, искажившая архитектурный облик города и лишившая его зеленого ландшафта, связана с простым отмыванием огромной наличности, скопившейся в теневом секторе. Многие строительные объекты, например, прокладка десятка мостов в Баку, многочисленных торговых и спортивных сооружений, финансируются не из бюджета, а в соответствии с указанием «сверху» за счет средств азербайджанских олигархов. Например, выяснилось, что генпрокурор АР З.Гаралов является обладателем 160 бетономешалок. Всю эту личную «армаду» он двинул на строительство мостов, тем самым внеся свой вклад в развитие столичной транспортной коммуникации и, соответственно, в небывалое повышение общих темпов экономического роста страны. Таким образом, приходится делать неутешительный вывод о том, что власти известно о незаконных и достаточно крупных финансовых накоплениях министров и других высоких должностных лиц. Последние же хорошо знают, что отказ финансировать такого рода проекты может лишить их государственного положения. И не только одного.

Независимые эксперты оптимистические показатели официальной статистики объясняют, прежде всего, резким увеличением цен на нефть, совпавшим с небывалым ростом цен на мировом нефтяном рынке. Достаточно сказать, что даже по официальным данным доля нефтяного сектора в формировании ВВП составила 41,3%. Но порочность

данных о ВВП даже не в дисбалансе его составляющих. Значительная доля национального продукта является достоянием правящего истеблишмента. Состоящая из членов Семьи и близких к ней людей, эта олигархическая группа жестко контролирует все основные и стратегически важные секторы экономики: продажу нефти и нефтепродуктов, налоговую систему, таможенную, транспорт и т.д. Именно этим обстоятельством можно объяснить доминирование монопольного права во всех сферах производства, импортно-экспортных операций, всей торговли. Этот вывод подтверждают и данные международных наблюдателей. По оценкам Heritage Foundation, согласно индексу экономической свободы Азербайджан находится в конце списка из 157 стран. И по данным Всемирного банка, деловая среда и возможности открытия и ведения бизнеса все еще остаются крайне ограниченными.

Новое качество власти

Празднование в Баку исторического во всех отношениях события – 15-летия независимости Азербайджанской Республики – проходило под аккомпанемент грандиозного скандала. Внимание республики в течение всего предыдущего года оказалось прикованным к следствию по делу некоего подполковника Гаджи Мамедова, можно сказать, ветерана МВД. Подполковник угрозыска вместе со своими сообщниками, такими же полицейскими, как и он, а также группой киллеров из Чечни был арестован Министерством национальной безопасности и обвинен в более чем 20 убийствах, ограблениях, похищении людей с целью выкупа.

Сами по себе перечисленные преступления вряд ли бы взбудоражили обывателя, если б среди сообщников бывшего опера не оказалось высшее руководство МВД АР. Суд над «оборотнями», начавшийся несколько месяцев назад, грозит продлиться до конца 2006 года. Вот только несколько эпизодов, шокировавших общественность. В арсенале полицейского бандформирования обнаружился пистолет, из которого был убит почти 10 лет назад член Милли Меджлиса, заместитель Гейдара Алиева по правящей партии «Ени Азербайджан» («Новый Азербайджан»), знаменитый академик Зия Буниатов (знаменитый тем, что являлся Героем Советского Союза и автором лучших книг по истории Азербайджана, а также одним из переводчиков Корана). Пикантность вещдоку придавало то, что убийцы академика, признавшись, что это гнусное преступление они совершили исключительно по религиозным мотивам, были давно осуждены. В прессу просочилась информация о том, что следствию пришлось исключить из дела около двух десятков других убийств, поскольку наказанные по ним совершенно другие обвиняемые отбывают свои сроки в тюрьмах. Главный обвиняемый вдруг на суде взял на себя и убийство известного журна-

листа Э.Гусейнова, в то время как спецслужбы больше года уверяют публику, что вышли наконец на след киллеров, и называют даже имена конкретных лиц.

Вопрос о том, каким образом полицейским удавалось безнаказанно в течение десяти лет заниматься разбоем, отпал после того, как всплыло письмо Генеральной прокуратуры о преступной деятельности банды в Министерство национальной безопасности, которое азербайджанские чекисты успешно заволокли. Словом, о деятельности преступной группировки знали все руководители правоохранительных органов. Министр внутренних дел генерал Р.Усубов, работавший с Гейдаром Алиевым еще в бытность последнего руководителем Нахичеванской автономии, видимо, почувствовав, что его хотят сделать козлом отпущения, рассказал по телевидению о том, как однажды по просьбе президента ему пришлось инсценировать побег чеченского рецидивиста, некоего Абузарова, находившегося в розыске в РФ, многозначительно заметив в заключение: «В государственных делах всякое бывает...». Это было опасное признание. И не только для самого министра.

Депутаты из правительственного большинства сочли, что министр оскорбляет память покойного президента и компрометирует имидж здравствующего – Ильхама Алиева, и призвали его к ответу. Однако чья-то невидимая рука остановила парламентскую разборку. В результате вновь вспомнили о длинной серии политических убийств, которыми сопровождалось утверждение независимости Азербайджана, покушения на видных представителей политической эмиграции. Выстраивается новая версия появления бандитской группы в МВД и причин ее безнаказанности. Согласно ей, в середине 1990-х годов, в самый разгар жесткого противостояния с оппозиционными силами, с одобрения высшего начальства в недрах спецслужб была создана специальное подразделение для, скажем так, нейтрализации наиболее опасных политических противников. Имея высочайшее благословение, ликвидаторы заодно занялись рэкетом, благо это вполне вписывается в практику ведомства, где вымогательство, шантаж, взятки давно стали привычной практикой.

Длинная серия политических убийств породила атмосферу страха, который и поныне незримо присутствует в поведении едва ли не всех социальных групп.

Этот сюжет как нельзя лучше иллюстрирует давно замеченное наблюдение, согласно которому в переходный период в постсоветских странах произошло окончательное срастание преступных организаций с государственными.

В условиях формальной демократии, когда оказались отброшенными советские механизмы борьбы, а новые не были созданы, этот процесс приобрел совершенно новое качество. Суть его в том, что преступная сила, интегрируясь с государственной системой, трансформирует

ее в преступную власть. Последняя, ввиду низкого уровня государственно-административной и социальной организованности, фактически теряет контроль над общественными процессами, все более превращаясь во власть для себя. В силу своекорыстия, присущего архаичным этнополитическим системам, она не желает и не в состоянии обеспечить фундаментальные потребности граждан, такие, как социальное благосостояние, безопасность, равноправие.

Такое положение вещей не может не ставить под сомнение состоятельность самого государственного устройства, что все отчетливее звучит в выступлениях местных интеллектуалов. В этом свете вывод о «неготовности элит южнокавказских новообразований к современному государственному строительству» (А.Рондели, президент Грузинского фонда стратегических и международных исследований) остается хотя и горьким, но единственно честным ответом, объясняющим тупики независимого развития. Тем более, что ни общественные силы, претендующие на власть и право называться политическими, и что особенно печально, ни национальная интеллигенция так и не предложили обществу иную, приемлемую политическую и социальную альтернативу.

Каждый уходящий год наращивает размеры кровавых пошлин с авиационной деятельностью человека. Каждый новый год ставит перед миром все более сложные задачи совершенствования и ускорения авиационного прогресса. А реальность беспощадно корректирует идеи, планы, производство.

Серия ужасающих катастроф в России только в 2006 году унесла сотни человеческих жизней, в очередной раз возбудив общественное сознание уже не только в авиационном сообществе, но и среди миллионов потенциальных пассажиров. На первый план выходят вопросы наивысшего порядка: как не преступить грань разумно возможного, как обезопасить очарованного скоростью человека и мир, страдающий от скоростей, переполненный опаснейшей техникой?

Как по-настоящему озаботить людей проблемой безопасности? Безопасности, которая складывается из скорости, технологического совершенства, профессионализма, навыков и, наконец, самого главного на любых этапах полета – чувства ответственности?

Именно это чувство и принято определять коротко и емко: «человеческий фактор».

Многие фантасты, ученые, философы с упорством, достойным лучшего применения, предлагают самые невероятные проекты, что вообще-то не заслуживает осуждения.

Осуждения заслуживает другое: полное игнорирование негативного опыта прошлого.

Мир еще не забыл трагического финала двух выдающихся проектов XX века – сверхзвуковых пассажирских лайнеров: англо-французского «Конкорда» и советского «Ту-144». А из разных точек земли уже вновь приходят жизнерадостные сообщения о форсировании работ по созданию новых сверхзвуковых пассажирских самолетов. Пока, правда, еще только маломестных. Например, американский университет Дайтона получил от НАСА и министерства обороны \$580 тысяч на разработку трансформируемого крыла для пассажирских сверхзвуковых самолетов нового поколения.

Ведутся подобные работы и в России, и в Японии, и во Франции.

Редакция решила опубликовать главу из готовящейся к изданию книги Геннадия Бочарова, в которой представлена совершенно иная точка зрения на данную проблему.

Она расширяет рамки авиационной дискуссии до масштабов мироустройства.

Геннадий Бочаров

ЛЕТАЮЩИЕ В ТЕМНОТЕ

Откажется ли человечество от сверхзвуковых пассажирских самолетов?

В Международный день журналистики, с которым совпадает мой день рождения, я получил высокопарное приветствие из Вашингтона от президента Всемирного фонда авиационной безопасности Стюарда Мэтьюза и президента Партнерства «Безопасность полетов» Валерия Шелковникова. Я отнес всю его торжественность к тем 12 минутам самостоятельного вождения самолета над Ла-Маншем, когда я впервые уже не писал, а реально отвечал за безопасность своих пассажиров и свою собственную.

Прежде чем привести выдержки из этого текста, замечу, что и сам текст, и весь его высокий стиль способны вогнать в столь яркую краску, что ее вполне

можно разглядеть даже в самой темной комнате. Возможно, как раз поэтому я и обозначил свои программные размышления об авиации в «Российской газете» заголовком «Летающие в темноте».

Но вначале – строки из приветствия.

«Время во Вселенной начало свой отсчет после «Большого взрыва». Время тесного взаимодействия между российскими и американскими авиаторами наступило после твоего визита в составе правительственной делегации в Вашингтон в 1989 году. Ты вошел в состав инициативной группы по учреждению первой независимой общественной организации – Фонд авиационной безопасности. Мы безмерно благодарны тебе, человеку, проявившему незаурядное видение и высокий профессионализм, за глубокое понимание проблем безопасности полетов и стремление через свои публикации довести до сознания как власть имущих, так и простых граждан непреходящие ценности цивилизованного общества и, прежде всего, ответственность за жизни людей, вступивших на борт современных воздушных судов».

Такое вот дружески-официальное рукопожатие через океан.

А теперь «Летающие в темноте».

Риск вызвать гнев

Вслед за бесславным и трагическим финалом самой амбициозной советской авиационной программы, олицетворением которой был, несомненно, первый в мире сверхзвуковой пассажирский авиалайнер Ту-144, сложили свои легендарные крылья и его великие западные аналоги: самолеты-молнии «Конкорд». Последний рейс через океан совершил борт авиакомпании «Эр Франс». К финишу захватывающего авиационного шоу пришли и все пять «Конкордов», принадлежавших английской «Бритиш Эрэйс».

Сверхзвуковые пассажирские самолеты покинули небо. Теперь их место – в музеях Европы и Америки. Впрочем, Ту-144, созданный гением советских ученых, не удостоится места и в музее – только забвения. Но это – штрих. Одна из особенностей национального менталитета.

Главное, повторяю, в другом: эра сверхзвуковой гражданской авиации, начавшаяся в XX веке, в XXI завершилась. Небо отторгло безумие земного гения.

Рискуя вызвать праведный гнев многих уважаемых мною людей, утверждаю: случилось то, чего следовало ожидать. И что следует назвать благом. Благом для всего человечества. Для цивилизации.

Теперь – об истории. А в заключение – об аргументах.

Борт ТУ-144

В пять тридцать утра мне позвонил генерал-майор авиации заместитель Генерального конструктора КБ Туполева Владимир Бендеров. О том, что он заедет за мной по пути на аэродром, мы условились еще с вечера.

Через 20 минут наша машина мчалась по пустынному загородному шоссе.

В 7.30 предстояло подняться в стратосферу на Ту-144. Подняться, замкнуть воздушный треугольник с переходом на сверхзвук и приземлиться в Ше-

ремельево. Полет представлял нечто среднее между испытательным – доводка «Ту» еще продолжалась – и показательным.

Авиационный мир с нетерпением ожидал появления чудо-самолетов – советского Ту-144 и британско-французского «Конкорда». Появления на международном авиасалоне в Ле Бурже, Франция.

Сверхзвуковые лайнеры представляли, конечно, не только новое слово в мировой авиации. Но и «аргументы» для двух противостоящих политических систем: социализма и капитализма.

«Холодная война» была в разгаре.

На одном из участков дороги нашу «Волгу», за рулем которой был сам Бендерев, остановил молоденький лейтенант ГАИ. Вид генеральского кителя лейтенанта не смутил.

– Вы знаете, с какой скоростью вы едете? – спросил он.

– Да, – с улыбкой ответил Бендерев. – С черепашей.

– 130 километров в час, – укоризненно произнес лейтенант.

Он не мог знать, что уже через сорок минут мы будем лететь над его головой со скоростью в сто с лишним раз большей, чем та, на которой он нас при тормозил.

Лейтенант этого не знал.

А я не знал другого – куда более страшного: что уже через несколько дней произойдет трагедия. И я никогда больше не буду смеяться над шутками генерала Володи Бендерова, частого гостя «Комсомольской правды», в которой я тогда работал. Что на том же Ту-144, на глазах 350 тысяч зрителей Международного авиасалона в Ле Бурже руководитель полетов Бендерев вместе со всем экипажем погибнет в ужасающей катастрофе, толком не объясненной и по сей день. И что от его ладной фигуры спасатели найдут в огне и пепле лишь торс с головой, белой, как саван.

А пока он был брюнетом.

На то, чтобы волосы стали седыми, понадобилось 7 секунд падения Ту.

Но это будет потом. А пока было чудесное подмосковное утро.

В 10.36 – с небольшой задержкой – мы ушли в ясное небо. За штурвалом необычного Ту находился великий летчик-испытатель Эдуард Елян. Через некоторое время он также едва выживет в другой, уже «домашней» – в центре России, катастрофе другого экземпляра Ту-144. В тот раз объятый пламенем, подобно исполинскому керосиновому факелу, Ту рухнет на землю в абсолютном цензурском безмолвии: ни одного слова в эфире, ни одной строки в газетах.

Страна не должна была знать о подобных вещах.

Полет, о котором я рассказываю, в моей памяти остался двумя вещами. Первая: непривычно узкие, неудобные кресла и столь же узкие проходы между рядами в салоне. А также угнетающе крошечные четырехугольные иллюминаторы. Особенности конструкции мне объяснял А.Туполев, также находившийся на борту в этом полете. «Кресла, – говорил он, – это способ облегчить вес машины. И уменьшить внешнее давление при сверхзвуковом режиме».

Вторая, если можно так сказать, памятная вещь была из другой области. Я ощущал первобытную тревогу, постоянную подавленность. В салоне быстро, по мере подъема Ту, темнело. Происходило неестественно быстрое угасание дневного света за бортом. И, наконец, – полная мгла.

11 часов утра!

Высота – 17 километров.

Стратосфера. Лишь маленькое, твердое, с ртутным отблеском ядро солнца скользило в бесконечном мраке и появлялось, подобно карликовому пророку, то с одной стороны самолета, то с другой.

Переход на сверхзвук не задел чувств. В пустоте, без сопутствующих предметов, без устойчивых ориентиров, определить скорость на глаз, как известно, невозможно. Но мы уже шли на сверхзвуке.

Час полета.

Снижение – в Шереметьево. Сотни людей, неведь каким образом прослышавших о полете Ту-144 и его приземлении в Шереметьево, приветствовали тормозящую машину бессмысленными криками.

Класс!

* * *

Как и Ту-144, дни летели быстрее звука. Я неоднократно встречался в то время, возможно, с одним из самых авторитетных министров СССР – маршалом Борисом Павловичем Бугаевым. Равных ему министров гражданской авиации больше уже не будет. Потому что с его уходом их так и не стало. Бугаев постоянно говорил о возможностях, проблемах и перспективе сверхзвуковых Ту. О Ту бесконечно говорили и мои дорогие друзья, теперь уже ушедшие: заслуженный штурман-испытатель СССР Николай Степанович Зацепя; выдающийся летчик-испытатель, живая легенда – Сергей Николаевич Анохин; Владимир Николаевич Бендеров – не просто генерал, но еще и прекрасный, высокоодаренный инженер. Многие другие 42 – все, кто был причастен к революционной работе над необычным самолетом. Кто писал о нем.

Таким было то время. Такими были мы.

Цель была ясна: обогнать Запад, также создающий свой сверхзвуковой пассажирский самолет. Эта цель стояла всегда: обогнать в резонансных достижениях весь мир; не достичь благополучия, которого Запад достиг для большинства жителей своих стран, не внедрить правовую и конституционную культуру в сознание людей, а «выстрелить» первыми в разовых, эффектных акциях.

Так и действовали.

Теперь невозможно подсчитать, какие средства вложила в реализацию проекта Ту-144 советская экономика. Но открытия, конечно, были. А главное – было удовлетворение жгучего тщеславия верхов: Ту-144 поднялся в небо на три месяца раньше своего грозного соперника «Конкорда» – детища англо-французского консорциума «Согласие» (русский перевод слова «Конкорд». – Авт.).

На подобного рода соревнования государства, движимые спесивостью своих владык, всегда посылают самых талантливых, самых самоотверженных сыновей. То, что большинство из них потом гибнут или надрываются, не имеет никакого значения. Это и произошло в Ле Бурже – с неимоверным трудом «давленный» до приемлемой кондиции Ту-144 проиграл и тур, и свою судьбу «Конкорду». Ибо после того трагического дня «Конкорд», постоянно совершенствуясь, безаварийно пролетал по миру еще почти 30 лет.

Хотя и его судьба была предрешена.

Последующие после трагического инцидента с Ту-144 во Франции новые экземпляры сверхзвукового советского первенца (и новых драм) были волевым образом выведены на рабочую трассу Москва – Алма-Ата. Чабану из предгорий Заилийского Алатау было чрезвычайно важно попасть к своим баранам на полчаса раньше, чем это было всегда. На Ил-18, например. Злые языки утверждают, что вскоре на Ту-144 отказались летать даже самые убежденные самоубийцы – самолет подводили его двигатели, и какое-то время перед забвением на шедевре инженерной мысли стали перевозить в Алма-Ату спортивную обувь и другое барахло.

Как бы то ни было, но вскоре о Ту-144 и вовсе забыли.

Нечасто вспоминают и тех, кто окропил своей кровью французскую землю в миг гибели Ту – Героя Советского Союза, заслуженного летчика-испытателя М.Козлова, летчика-испытателя В.Молчанова, штурмана Г.Баженова, руководителя полета, заместителя главного конструктора КБ Туполева, генерал-майора, инженера В.Бендерова, ведущего инженера Б.Первухина, бортинженера А.Дралина...

А теперь, прежде чем драматические судьбы великих гонок сомкнутся и поставят перед миром труднейшую общечеловеческую проблему, изложим вкратце историю создания «Конкорда».

До его огненной катастрофы.

«Конкорд»

Идея создания сверхзвукового пассажирского самолета в СССР и на Западе возникла в одно и то же время – в конце 1950-х годов. Обкатывалась идея до 1960-х.

Многие источники утверждают, что «Конкорды» – как само название, так и совместная реализация проекта Францией и Англией – были придуманы де Голлем. Вполне вероятно. Ведь даже первые шаги на этом трудном пути показали, что экономика любой отдельно взятой европейской страны не в состоянии поднять столь сложный проект. Нужно было объединить усилия. Нужно было найти согласие.

И усилия были объединены. Согласие – найдено.

По ходу замечу, что США, прослышав о грандиозных европейской и советской затеях, принялись за дело с еще большим рвением, чем энтузиасты Старого Света.

Вложив колоссальные средства, американцы, однако, дальше макета сверхзвукового «пассажира» не продвинулись. Макет был расколошмачен, деньги списали.

А авиаальянс «Согласие» был создан. Работы велись синхронно. В захватывающую орбиту революционного дела были тут же включены всемирно известные фирмы «Роллс-Ройс» и «Снекма».

Для создания реально летающего самолета планировались не только средства, но и время. Время – 8-10 лет. Средства – около 170 миллионов фунтов стерлингов.

Когда «Конкорд» был создан, о цифре 170 миллионов фунтов стерлингов никто не вспоминал. Вспоминают до сих пор о другой – 1200 миллионов.

Крейсерская «скорость» «Конкорда» определялась цифрой 4500 км/час. Испытания «Конкорда» № 001 провели французы. «Конкорда» № 002 – англичане.

Первым звуковой барьер преодолел борт «001». Это произошло 1 октября 1969 года. Вторым, как и планировалось, британский «002». Первые ночные посадки также пришлось на 69-й год. Испытания проходили на удивление гладко. Не считая инцидента с № 001, когда «по вине» помпажа у лайнера отказали 3-й и 4-й двигатели. Третий самовосстановился, и экипаж посадил драгоценное изделие в Тулузе без единой погрешности.

7 мая, в период испытаний французского «Конкорда», на нем совершил полет президент Франции Жорж Помпиду (Париж – Дакар).

После каждого полета бортов «001» и «002» специалисты консорциума «Согласие» продолжали доводки, доделки, усовершенствование сверхмашин. Это был пример слаженной, бесконфликтной, творческой работы. Именно так об этом вспоминали непосредственные участники тех романтических времен.

Пришел час, и французский, и британский «Конкорды» вписались в общемировую авиационную инфраструктуру. Позади остались феерические полеты по головокружительным маршрутам, окольцевавшие весь земной шар. Правда, чем больше СМИ раздували мировой рекламный пожар, тем стремительнее сокращалось число стран, предусмотрительно заказавших «Конкорды» для своих нужд. (По некоторым данным, на первых этапах Франция и Англия получили заказы на 72 самолета. – Авт.)

В конечном счете, как известно, даже США запретили полеты «Конкордов» в свою страну. А затем отказали в приеме «Конкордов» и другие государства. В последние годы «Конкорды» Франции и Англии летали только в Нью-Йорк, да и то после того, как муниципалитет мегаполиса снял введенный ранее запрет.

За время эксплуатации «Конкорды» перевезли свыше 3 миллионов пассажиров. Цифры впечатляют, но тучи над «Конкордами» сгущались. Сумма негативных аргументов множилась неумолимо. Безусловные технологические шедевры, подобно корабельным корпусам, обрастали ракушками недоверия. Мелкие происшествия, незначительные сбои в работе второстепенных систем воспринимались гипертрофированным общественным сознанием все ощутимее. Экономический фактор – пассажиропоток уменьшался, техническое обслуживание дорожало, предчувствие трагедии словно бы носилось в воздухе.

Объективные исследования, как и описание всей этой истории, прекрасно выполнили россияне И.Кудишин, Э.Цихош, Р.Виноградов, Н.Тарасов, А.Пономарев, В.Мелик-Карамов, Р.Абдулатипов, другие авторы, свободные от предвзятости.

Нелишним, по всей вероятности, будет напомнить и о том, что «Конкорды» не были выдающимися изгоями. Их пассажирами неоднократно бывали Ричард Гир (за два дня до катастрофы), Андре Агасси, Клаудиа Шиффер, Синди Кроуфорд, Пол Маккартни, Клиф Ричард, Элтон Джон и уж совсем венценосные особы – Маргарет Тэтчер, Джон Мейджор, Тони Блэр и даже – британская королева-мать.

Знающие люди подсчитали: во время обычных конкордовских рейсов 80 процентов пассажиров составляли бизнесмены, 10 процентов – знаменитости, все остальные – простые смертные.

Звездный занавес упал 25 июля 2000 года.

Взлет стартующего «Конкорда» из аэропорта им. Шарля де Голля совпал с приземлением на посадочную полосу токийского рейса «Боинга-747» с президентом Жаком Шираком на борту. Судьбе было угодно, чтобы свидетелем ужасающей катастрофы стал президент именно Франции – в сущности «матери» сверхсамолета.

«Боинг» заруливал на посадку, а в небо уходил американский «ДС-10» по полосе 26R. При его разбеге от реверса тяги одного из двигателей оторвалась металлическая полоска. Ее длина не превышала 40 см. Для взлетающего через 4 минуты вслед за «ДС-10» «Конкорда» эти сорок сантиметров растянулись в вечность. «Конкорд» к этому времени успел набрать скорость 280 км в час. И именно в этот момент тележка его шасси переехала судьбоносную железку, оторвавшуюся от «ДС-10». Как следует из отчета специалистов, пневматика колес и дефлекторы воды моментально «пошли вразнос». Обрывок шины – 3 кг весом – отлетел вверх и ударил «крыло «Конкорда». Ударив, выбил из обшивки топливного бака кусок дюралю 30х30 сантиметров.

В пробоину хлынуло топливо.

Скорость взлета не допускала остановки. «Конкорд» оторвался от земли в те секунды, когда невидимые пилотам стрелы пламени от вспыхнувшего керосина, который вытек из бака, уже вспыхнули, обогащенные форсажной струей двигателя. Крик: «Вы горите!», услышанный пилотами с вышки КДП, уже мало мог воздействовать на ситуацию. К тому моменту ближайший к месту возгорания двигатель № 2 уже перегрелся и был на секунду от паралича.

Опытнейший командир экипажа Кристиан Марти делал все возможное, чтобы вывести самолет за границы смерти. Диспетчеры запросили экстренную посадку – мгновенно освободить ВПП для посадки терпящего бедствие «Конкорда» с пассажирами на борту (113 человек). Но Марти сказал: «Нет. Не получится. Слишком поздно».

Это были последние слова, услышанные на Земле с борта сверхзвукового лайнера.

В 15.44 пылающий «Конкорд» врезался в небольшой отель «Хотелиссимо» в предместье Парижа – Гонесс.

Пламя поднялось на высоту 300 метров. Его видели миллиарды людей планеты по телевидению.

В катастрофе сгорели все пассажиры, экипаж и постояльцы гостиницы-ресторана...

Попытки покончить с явно великим достижением, казалось бы, окончились. Но аура величественного не равна великому. Энтузиасты стали улучшать недавнее прошлое.

Началась очередная модернизация «Конкордов».

Но пирамиду Хеопса, сработанную однажды как нечто неповторимое, улучшить не удалось. Пирамида – в прошлом. И это хорошо.

Но еще лучше, что пока она не угрожает будущему.

Мнение

Я не авиатор, а журналист. Но не мыслю своей жизни без авиации. Мне довелось взлетать и приземляться как минимум на 120 аэродромах своей страны. А также в аэропортах примерно 60 государств мира. В некоторых странах – таких, например, как США, Англия, Германия, Австрия, странах Африки и Южной Америки – по многу раз. Я понимаю: выступать против совершенствования гражданской авиации, против ее главенствующей роли в современном мироустройстве, используя при этом драматические эпизоды и даже целые периоды в ее непрерывном развитии, некорректно.

Все, из чего состоит наше земное бытие, безусловно, требует совершенствования. Все, в том числе и авиация.

И все в каком-то смысле так и шло. Но лишь до тех пор, пока человечество в никем не замеченный период не перешагнуло за сущностную грань. Грань, разделяющую норму и дерзость. Дерзость и безумие. Безумие и акселеративный прогресс, приписавший себе все мыслимые и немыслимые идеалы цивилизации.

С утратой чувства меры во всеобъемлющем смысле этого понятия мы приобрели тысячи страшных техногенных катастроф. Мы отравили великие озера и реки. Мы чуть ли не вплотную подошли к идее усовершенствования архитектоники земного шара; пока мудрые люди предсказывают войны из-за пресной воды, мы продолжаем отравлять фанерно-картонным производством величайшее из творений природы – озеро Байкал. Мы получили Чернобыль; сотни фрагментов человеческих тел при взрыве ракеты на Байконуре; ужас гибели «Челленджера»; смердящую, мучительно долгую смерть Арала – результат прогрессивных мелиоративных упражнений партийных вождей советского времени (больше хлопка – больше пороха. – *Авт.*); получили напористую пропаганду переброски сибирских рек – ее новый виток; скоростные, сверхскоростные, суперскоростные автомобили, убивающие пешеходов поодиночке, но в суммарном исчислении – более миллиона в год; мы до предела разгоняем свои поезда, свои подводные лодки и надводные суда, которые все с большей скоростью и беспощадностью полосуют стаи рыб и их подводные пастбища в Мировом океане.

Мы пожелали сверхзвуковой пассажирской авиации.

Но не пожелали при этом посчитаться ни с затратами, ни с бессмысленной сверхзвуковой переброской миллионов пассажиров из одного конца мира в другой, когда идеальные средства связи уже позволяют решить без ущерба для здоровья человека и природы любой деловой или даже личностный вопрос. Миг – и электронная почта, мобильная связь, Интернет, факс свяжут людей во всех точках Земли.

Мы не желаем принимать во внимание вещие предсказания еще не потерявших разума ученых: скорость – смертельный враг человека. Сверхскорость разрушает человеческий организм на клеточном уровне (найдите здорового летчика-испытателя сверхзвуковых самолетов. – *Авт.*).

500 сверхзвуковых «Конкордов», если бы их не остановило Провидение, за один лишь год полетов в районе озоновых высот способны привести к гибели всю биосферу планеты.

Даже дозвуковые пассажирские воздушные суда, а их находится над земным шаром в любой час суток около 20 000, затерзали своим грохотом – как бы с этим ни боролись – тысячи городов и маленьких поселений. Сверхзвуковые «Конкорды» доводили до иступления заселенные территории, ударяя по ним акустическими молотами. Первые «Конкорды», пролетая над горными хребтами, срывали своим ревом с вечных якорей миллионы тонн льда и камней. В свою очередь, лед и камни, устремляясь вниз, сносили на своем пути поселения горцев – их дома, их скот, их жизни. Так было, например, в Атласских горах в Северной Африке.

Мы подошли к тому моменту, когда энтузиасты подобного прогресса не на словах, а на деле готовы приняться не только за улучшение пирамиды Хеопса, но и за улучшение человеческого индивидуума. Антигуманное клонирование человека, криминальная практика «улучшения» человеческих существ получают все большее распространение. По всей видимости, этот процесс не прекратится, потому что разумные доводы никогда не имели и не будут иметь реальной власти над агрессивно-ожесточенными идеями улучшения и ускорения. А всех, кто будет призывать к передышке, будут нарекать мракобесами.

Вот, собственно, и все.

Получив в свое владение подлинный Идеал – земной шар, человек этого не осознал. Он придумал свой идеал. Тот, которого достичь невозможно. Но к которому следует стремиться.

Стремись не стремись, а вымороченный, придуманный идеал достичь и впрямь невозможно. Зачем же морочить головы десяткам поколений людей, и так не всегда знающих, по замечанию одного моего уже ушедшего друга, что они – люди?

Никто не ведает, что будет после цивилизации. Потому что никто не знает, что такое «цивилизация».

Бессердечный получеловек-полуавтомат, клон, сидящий за штурвалом сверхзвукового пассажирского самолета, населенного другими, такими же клонами, – это не цивилизация.

Это ее усовершенствованный ускоренным прогрессом клон.

Судьба Ту-144 и «Конкорда» – не часть истории. Это сигнал, поданный людям в который раз: остановиться, задуматься, вернуться к разуму, к мудрости. К чувству меры. К земле с ее цветами, деревьями, картошкой, муравьями. То, что уже достигнуто цивилизацией, – переоценить невозможно. Это – гимн разуму. Это – космос разумного. Но при дальнейших достижениях, вернее, их бездумных насаждениях, возможно и другое – полное уничтожение всего достигнутого.

Я бы хотел, чтобы мои внуки и правнуки увидели то, что еще успел на этой Земле увидеть я. Правда, уже на сверхзвуке я увидел то, что не пожелал бы увидеть никому: бесконечную пустыню российской тундры, загаженную соляркой и миллионами пустых ржавеющих бочек, исполосованную гусеницами вездеходов, белые кости, рога и скелеты тысяч и тысяч оленей, которым в погоне за нефтью, а значит, и скоростью самолетов, машин и кораблей, люди не оставили даже зеленого ростка мха для продления их чудесной, гармоничной жизни.

* * *

«Конкорд» авиакомпании «Эр Франс» разбился рядом с местом гибели другого первенца неугомонного прогресса – Ту-144.

Совпадение нехорошее.

Но, по-видимому, можно хотя бы шутя предположить, что карлик-пророк ртутного ядра Солнца, который я видел в моем первом, давнем полете на Ту-144 в стратосферу, не терял времени зря. Все было устроено так, чтобы оба этих дерзких, великих в своем роде почина обрели свой покой не в отдельных местах Земли, а в одном.

Возможно, это облегчит путь еще оставшимся мудрецам человеческого рода не только к тому, чтобы вернуть людей к достоинству и разумности подлинного прогресса, но и научит хоронить своих мертвецов вместе с их идеями.

АЛЕКСАНДР ЦИПКО

РУССКИЙ XXI ВЕК – ГРЯДУЩЕЕ, КОТОРОЕ НАМ НЕ ДАНО УВИДЕТЬ¹

ГЛАВА I

Парадоксы нашей контрреволюции

В ходе работы, постоянного переписывания первой, вводной, части задуманной книги, я изменил свои планы в отношении первой главы. Сначала я предполагал рассказать в ней о том, что удалось предсказать, предвидеть так называемым пророкам русской контрреволюции. А уже потом, в последующих главах, рассказать о подлинных тайнах русского будущего, которые никто из них, при всей своей погруженности в глубинные течения русской истории, не мог увидеть.

Но, как оказалось, они, русские философы, пророки нашей контрреволюции, лучше видели, что останется после коммунизма, чем как и по каким мотивам, на основе какой идеологии будет разрушена советская система. Видели, как Николай Бердяев, что моральные последствия коммунизма будут «более ужасные, чем последствия государственные, правовые и экономические», и что «они будут длительные».

Но ирония грядущей русской антибольшевистской контрреволюции, то есть разрушения советской системы во имя возвращения к идеалам коммунизма, «возвращения к будущему» (как настаивали авторы революционного сборника «Иного не дано»), никто из русских мыслителей, оказавшихся в эмиграции, не видел, даже не прочувствовал.

Поэтому я был вынужден уже в этой главе сделать акцент на парадоксах, зигзагах нашей «случайной» контрреволюции, на том, что ни одному самому глубокому русскому мыслителю, которому было жалко старую Россию и русский народ, и в голову не могло прийти.

Хотя надо признаться, что о том, что у нас произошло в начале девяностых, то есть слом советской системы во имя полной и окончательной победы ленинизма, во имя «разрушения империи», окончательного выкорчевывания остатков русского национального самосознания, русскому патриоту, русскому мыслителю даже трудно было себе вообразить.

А ведь самое интересное и поучительное в нашей российской контрреволюции, и с философской, и с исторической, и с политической точки зрения, как раз состоит в ее иронии, в ее парадоксе – в разрушении реального русского комму-

¹ Продолжение. Начало см. в «Вестнике аналитики», №3–2006 г.

низма во имя его идеалов, во имя, как писал один из героев перестройки Андрей Нуйкин, коммунизма «вдохновения», коммунизма «окрыленности души».

Интерес к этому парадоксу диктуется многими причинами.

Во-первых, он выявил объективные границы познания будущего, границы исторического предвидения. Понятно, что русские мыслители, рассуждающие о грядущей русской контрреволюции в конце двадцатых – начале тридцатых, не могли видеть, что произойдет в их стране спустя полвека, после смены трех поколений. Но поражает, что из тысячи кремленологов и в США, и в Западной Европе еще за пять лет до перестройки никто, абсолютно никто не мог предвидеть, что коммунизм в России будет разрушаться сверху, из-за наивности его руководителей, продолжающих верить в идеалы социализма.

Во-вторых, он говорит о том, что на выходе из коммунистической системы народные массы, несмотря на поголовную грамотность, продолжали мыслить, как и во время ее становления, то есть продолжали жить инстинктами уравнительности, настроениями передела и русской верой в чудо, в существование какого-то чудодейственного, простого решения, которое сразу делает всех людей счастливыми.

В-третьих, приоткрывает главную тайну ее творцов, левую, более того, марксистскую суть их мировоззрения, причудливый симбиоз либерализма, поклонения идеалам свободы с большевистской нетерпимостью ко всему «иному», национальному, традиционному, устойчивому, что их демократическая (в кавычках) душа не приемлет.

Ничего нельзя понять в судьбах наших реформ, в природе нашего российского «transition», не учитывая особую, совсем «нерусскую» душу реформаторов, смотрящих прищуренным марксистским и ленинским взглядом и на прошлое России, и на российскую государственность, и на русское национальное самосознание.

И, наконец, в-четвертых, в парадоксах нашей российской контрреволюции, в большевизме нашей антибольшевистской революции – ключ к нынешней так называемой путинской эпохе в истории новой России.

Нынешняя откровенно консервативная реакция на девяностые годы и стремление реабилитировать и российский патриотизм, и традиции российской державности, и произошедшая, наконец, реабилитация белого движения, героев борьбы с большевизмом, как раз и мотивирована стремлением превратить парадоксальную контрреволюцию в нормальную, в реставрацию как восстановление единства и преемственности истории российской.

Трудно сейчас сказать, что здесь, в нынешней консервативной реакции, идет от пиара, а что действительно от убеждений нынешних правителей России. Но нельзя не видеть, что послереволюционная стабилизация, в том числе и консервативная реакция на идеологию и политику девяностых годов, есть свидетельство духовного здоровья общества, признак желания на этот раз уклониться от нашей вечной «особости».

Надо учитывать, что в подавляющем большинстве стран Восточной Европы – в Польше, в Чехословакии, в Венгрии и даже в Болгарии – антисоветская контрреволюция с самого начала происходила под консервативными знаменами, была нацелена на восстановление того, что было в этих странах до начала так называемого «социалистического строительства».

1. О свершившихся пророчествах

Все русские мыслители, находящиеся в изгнании, видели и понимали, что смысл содержания контрреволюции в России будет состоять в росте свободы, в освобождении от коммунистической опеки на работе, в мыслях и даже в формах отдыха у себя в доме. И здесь их мысль двигалась в рамках само собой разумеющегося. Раз «революция уничтожила в России всякую свободу», то смысл контрреволюции – ликвидация власти большевизма – будет соответственно «освободительным процессом, должна дать свободу, свободу дышать, мыслить, двигаться, сидеть в своей комнате, жить духовной жизнью» (Николай Бердяев. Смысл истории, с. 263).

В том же ключе, в связи с уникальностью большевистского деспотизма, рассуждал уже Семен Франк: «любой другой государственный и общественный порядок, вплоть до пресловутого азиатского деспотизма, кажется гуманным и либеральным установлением» (Франк С.Ф. Русское мировоззрение, с. 141).

И действительно, в истории социализма после деспота Сталина любой другой генеральный секретарь КПСС, любой другой вождь, даже подонки Берия, насилующий девчонок, выглядел либералом и реформатором.

Как выясняется при повторном прочтении всех классических текстов о природе и судьбе большевистской революции, предвиденное, угаданное сводится к нескольким положениям, кстати, выведенным по аналогии с судьбой Великой французской революции. Впрочем, к примеру, Николай Бердяев и не скрывал, что его «размышления» о судьбе «русской революции» навеяны «идеями Ж. де Местра о революции, высказанными в его гениальной книге «Consideration pur la France». Уже в начале двадцатых было видно, что русскую большевистскую революцию, как революцию 1784 года, нельзя победить извне, нельзя победить силами «бывших» классов, что надо быть готовым к длительному по времени процессу самоизживания большевистской революции.

Русский народ, как в свое время французы, писал Николай Бердяев, «должен изжить горькие плоды революции и получить к ней отвращение». Было ясно, что и в нашем случае, как во Франции, «революционеры будут истреблять друг друга», что те, кто был всем в начале революции, станут прахом в ее конце².

Николай Бердяев, как и Семен Франк, и Иван Ильин, исходил все же из русской органичности, русской природности большевизма, а потому полагал, что большевизм как духовную болезнь надо преодолеть, прежде всего, изнутри. Отсюда и постоянно повторяющийся тезис: «Русскую революцию нужно пережить духовно углубленно. Должен наступить катарсис, внутреннее очищение» (Бердяев Н.А. Смысл истории. – М., 2002, с. 275).

Идеологи грядущей контрреволюции видели и знали, что русскому человеку «нельзя ждать спасения от Европы». Они предвидели, что Запад будет спокойно созерцать и ужасы коллективизации, и ужасы голодомора, и сталин-

² «Природа революции такова, – писал Николай Бердяев, – что она должна дойти до конца, должна изжить свою яростную стихию, чтобы, в конце концов, претерпеть неудачу и перейти в свою противоположность, чтобы из собственных недр породить противоядие. В революции неизбежно должны торжествовать крайние течения, и более умеренные течения должны быть низвергнуты и уничтожены. В революции всегда погибают те, которые ее начали и которые о ней мечтали. Таков закон революции и такова, по гениальной мысли Ж. де Местра, воля Провидения, всегда незримо действующая в революциях» (Бердяев Н.А. Смысл истории. – М., 2002, с. 258).

ские репрессии 1937–1938 годов. Что Запад никогда не встанет на защиту прав тех, кого насильствовала советская система. И мы действительно сами, к полной неожиданности и для Запада, и для самих себя, всего лишь за несколько лет, с 1987 по 1991 год, сами разрушили большевистскую систему. И слава богу. Ибо сейчас на самом деле не обязаны ни Западу, ни США своими свободами и реальными завоеваниями демократии.

Все русские мыслители, современники и революции 1917 года, и начала социалистического строительства в СССР, понимали, предчувствовали, что ирония истории будет состоять в том, что большевистскому коммунизму будет суждено доводить до конца дело обуржуазивания России и русского человека, так и не завершенное к октябрю 1917 года. «Возможно даже, – писал в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма» Николай Бердяев, – что буржуазность в России появится именно после коммунистической революции. Русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предубеждений и не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам. Но опасность обуржуазивания очень сильна в советской России» (*Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма.* – Наука, 1990, с. 119).

У нас в России большевистская революция, а потом коммунистическая система проделывали ту же размывающую работу, которую во Франции накануне революции 1789 года совершал абсолютизм, а потом уже само буржуазное общество³.

Революция уничтожила не только привилегированные, но и все другие классы, все другие формы корпоративных связей. Одновременно произошло выкорчевывание человека из семейных связей, семейной истории, семейных преданий, выкорчевывание его не только из мира религии, но и из национальной истории, национальных традиций, преданий. И такой голенький человечек, освобожденный от всего и даже от моральных заповедей, был завязан на коммунистическую идею через коммунистическое государство и коммунистическую партию. Ты мог не быть членом ВКП (б) или КПСС, но должен был свято верить в ее руководящую роль, понимать, что она, как у Маяковского, ум, честь и совесть эпохи. Но как только идейная связь начала ослабевать и одновременно уставал карающий меч революции, коммунистический человек, оставший-

³ Пониманию этого механизма обуржуазивания людей в коллективистском, коммунистическом обществе опять мог бы помочь Токвиль с его анализом причин роста индивидуализма в условиях «абсолютистского правления там, где аристократии уже нет и быть не может». Токвиль как великий социолог видел то, что не видел Карл Маркс, которого тоже почитают как великого социолога. Он видел не только то, что лежало на поверхности, видел, что на самом деле национальная аристократия является силой сдерживания деспотизма, абсолютизма, но и то, что она является формой корпоративной связи и между членами своего аристократического сообщества, и внутри самой нации, самого общества. К примеру, сегодня в Англии палата лордов воспроизводит не столько привилегии потомков аристократии, сколько национальную память, символы национального самосознания.

Как видел Токвиль, классы – это не только фактор дифференциации, раскола общества, но и фактор социализации личности, обуздания эгоизма, своеволия. И, как оказалось, не важно, каким образом уничтожаются традиционно складывающиеся классы или корпорации – с помощью деспотического монархизма или с помощью коммунистической революции. Важно то, как писал Токвиль, что «люди в этих обществах, не связанные более друг с другом ни кастовыми, ни классовыми, ни корпоративными, не семейными узами, слишком склонны к занятию лишь своими личными интересами, они всегда заняты лишь самими собой и замкнуты в узком индивидуализме, удушающем любую общественную добродетель» (Указ. работа, с. 7).

ся один на один с собой, становился просто социальным атомом, поглощенным только собой и, в лучшем случае, интересами своей семьи.

Обуржуазивание советского человека, о котором писал в тридцатые годы Николай Бердяев, стало очевидно всем уже при Брежневе, в эпоху застоя, когда коммунистическая идеология полностью утратила свою витальность и превратилась в мертвые правила игры, в формальность. И как только механизмы страха, насильственного коллективизма были сметены, на свободу вышел чистый и законченный индивидуалист, не думающий ни о чем, кроме своего благополучия, комфорта и наслаждений. Распад СССР как раз и спровоцировал индивидуалист, сторонник суверенитета РСФСР, который во имя желания сохранить контроль над главными ресурсами страны, над нефтью и газом, добровольно сдал всю русскую историю, а вместе с ней не только Кавказ и часть Сибири, но и Севастополь, Крым и т.д.

Все мы знаем, что Украину в конце 1991 года, в том числе и русскоговорящую Украину, включая Крым, Севастополь, подвигнул на выход из СССР, из России так называемый «колбасный фактор». «Сознательный» советский человек тогда испугался, что в Киеве, Симферополе, Харькове и Одессе будет также пусто на полках магазинов, как в Москве и Ленинграде. Но ведь «сознательный» советский человек, проживающий в социалистической российской республике, ничем не отличался от своего собрата из советской Украины. Он хотел суверенитета, распада СССР, распада России по тем же шкурным, правда, не «колбасным», а «нефтяным» соображениям. «Сознательный» советский человек из РСФСР хотел, чтобы богатства недр Сибири принадлежали ему и только ему.

Тотальное шкурничество по отношению к собственной стране и к национальной истории есть порождение эпохи последних двух-трех десятилетий жизни СССР.

От частного человека, который равен всем другим в свободе от всего социального, в советском человеке проявилось и то, что блестяще описал Токвиль – «жажда взлета», убеждение, что каждый может быть всем, даже стать на место монарха. Все дело в том, что «в такого рода обществах, где нет ничего прочного, каждый снедаем страхом падения или жадой взлета» (Указ. работа, с. 80.). На наших президентских выборах, где каждый из кандидатов убежден, что он может стать президентом, даже охранник Жириновского, господин Малышкин, проявляется общее глубокое презрение к культуре в целом, презрение к культуре мысли, к образованности, ко всему, на чем держится человеческая цивилизация. Но это уже было во всех предшествующих революциях. «Или равенство или смерть» – это Грахх Бабеф во время Великой французской революции. «Каждая кухарка может управлять страной», – это Ленин накануне Великой октябрьской революции. И господин Малышкин во время президентских выборов 2004 года уже в нашей демократической России.

Кстати, последний факт тоже подтверждает мой тезис, что в основе нашей контрреволюции, низвергающей коммунистический строй, лежал на самом деле этос большевизма. Наша парадоксальная контрреволюция на самом деле была вторым изданием большевистской революции. Такой финал советской истории мог предвидеть только всевышний.

Далее, нельзя не отметить, что русские философы уже в тридцатые, когда Сталин только начал создавать свой собственный самодержавный социа-

лизм, видели всю опасность, все драматические последствия, и, прежде всего, для российской государственности, «внезапного», как они писали, обвала коммунистической системы, видели в грядущей контрреволюции зерна хаоса, деморализации, распада. Все они, и как русские патриоты, и как специалисты по русской истории, понимали, что Россия без «сильной власти» не Россия, и что освобождение от коммунизма будет оправданно только тогда, когда она сумеет ее сохранить. «Как бы мы, – писал Николай Алексеев, – не расходились в определении будущего политического строя России, мы не можем не признать, что в ней возможен только политический строй, обладающий такой сильной властью. Сказанное обуславливается тем, что Россия не успокоилась еще от революционных бурь, и тем, что Россия искони привыкла к сильной государственной власти, и тем, что по громадным размерам своим она может быть связана и удержана только сильной властью» (Николай Алексеев. Русский народ и государство, с. 339).

Так что призывы идеологов «Отечества» и «Единства» конца девяностых ушедшего столетия к «сильной власти» не были оригинальны. К сожалению, в девяностые и политики, и эксперты мало считались с тем, что было сказано о России и, особенно, о судьбах советской системы последними российскими мыслителями.

По крайней мере, они и предсказывали внезапный характер обвала советской государственности и одновременно его боялись. И в этом вопросе, в оценке опасности внезапного обвала системы, нет разницы между отвлеченно-созерцательным во всем, что касается коммунизма, Николаем Бердяевым и пышущим жаром непримиримости к большевизму Иваном Ильиным.

Как сознательные русские патриоты, ставящие во главу угла сохранение национального бытия и национального государства, они, естественно, не могли по-иному видеть последствия внезапной, хаотической революции. Отсюда и заявление Николая Бердяева, что «внезапное падение советской власти без существования организованной силы, которая способна была бы придти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляла бы даже опасность для России и грозила бы анархией».

Обращает внимание, что во всех оставшихся нам в наследство текстах русских мыслителей о путях самоосвобождения России от коммунизма провидческое преимущество за теми, кто решался на серьезный, системный анализ ненавистной им созданной большевиками советской системы.

И тут не могу снова не отметить особую предметность мышления, а потому и сбывшиеся прогнозы философа права и государствоведа Николая Алексеева (в 1917 году избирается экстраординарным профессором Московского университета).

Он, как и Семен Франк, предвидел, что освобождение России от коммунизма будет даром случая и произойдет по воле самих властителей страны, будет инициативой сверху. Нельзя исключить, писал Николай Алексеев, что среди тех, кто принимал участие в строительстве советского государства, «образуется группа, которая приходит к убеждению в ошибочности основных предпосылок марксистской теории государства» (Алексеев Н. Русский народ и государство. – М., 2003, с. 338).

И как только она, эта группа реформаторов или, более точно, ниспровергателей системы, развивал свои мысли ученый, придет к выводу о несостоятельности марксизма, перед ними встанет вопрос: «Каким путем уходить от ошибочности созданной системы?». Или «разрушить построенное до основания или отнестись к нему, как инженер к несовершенному и не вполне оконченному проекту» (*Там же*, с. 338).

Хорошо известно, что за перестройкой Горбачева стояло желание совершенствовать так называемый «реальный социализм», облагородить первоначальный «проект». В начале декабря 1986 года, накануне поворотного и в истории страны, и в истории КПСС январского Пленума ЦК КПСС 1987 года, секретарь ЦК КПСС Вадим Медведев попросил меня, своего консультанта, «создать образ социализма, который был бы дорог интеллигенции, любому человеку». «Сформулируйте черты социализма, в котором вам лично хотелось бы жить», – этой фразой немногословный Вадим Андреевич завершил свое обращение ко мне.

Но мало известно, что за намерением совершенствовать «проект» стояли сомнения перестройщиков – и Михаила Горбачева, и Александра Яковлева, и Вадима Медведева, – в осуществимости так называемого научного прогноза коммунизма Карла Маркса, стояло ясное понимание того, что во многих отношениях марксизм принадлежит прошлому, вошел в противоречие с реалиями дня.

Конечно, сомнения перестройщиков были разного рода. Вадим Медведев смотрел на марксизм глазами Беренштейна, немецкого социал-демократа, Александр Яковлев – глазами Николая Бердяева и Семена Франка, как на «химеру», аморальную утопию. Но понимание того, что Маркс во многих отношениях «ошибся», было у всех перестройщиков, даже у наиболее догматичного и наиболее правоверного Горбачева. Уже после распада СССР и смерти КПСС, в 1992 году, Горбачев признался мне, что это он через Яковлева дал мне задание сделать компендиум из антимарксистских книг, собрать все главное, что было написано критиками Маркса на протяжении последних ста лет.

Конечно, ни Михаил Горбачев, ни Александр Яковлев, ни Вадим Медведев не были теми лидерами, которые принимали участие в строительстве советской системы, как рассчитывал Николай Алексеев. Я не думаю, что такие малообразованные люди, как Иосиф Сталин или Михаил Калинин и Климент Ворошилов, могли усомниться в верности «великого учения Карла Маркса». В двадцатые и тридцатые годы вся левая интеллигенция Европы обожествляла марксизм. Но в главном Николай Алексеев оказался прав. При «советском государстве», которое «есть, прежде всего, государство с сильной властью», какие-либо перемены возможны только сверху. Оказался он прав и в том, что при такой жесткой централизованной системе, какой было советское государство, громадное значение приобретают умонастроения тех, кто наверху, их вера или неверие в марксистские догматы. Чем выше у нас уровень централизации системы, чем жестче и ярче выражено единовластие, тем выше и ярче выражена роль случайности в нашей российской жизни. Если бы Михаил Горбачев внял советам своего премьера Николая Рыжкова и не взял из Свердловска в Москву строптивого Бориса Ельцина, то, скорее всего, судьба перестройки и СССР сложилась бы по-другому⁴. Если бы умирающий Константин

⁴ Михаил Горбачев. Я должен был действовать жестче. – «Независимая газета», 15.08.2006 г., с. 8.

Черненко успел передать власть ортодоксальному секретарю МГК КПСС Гришину, то, скорее всего, мы бы на целое десятилетие застряли в развитом социализме.

Анализ советской системы как симбиоза «первого практического опыта демократической организации русского народа» с диктатурой партийных вождей также позволил Николаю Алексееву еще в 1927 году, за более чем шестьдесят лет до августа 1991 года, увидеть, что страна будет уходить от коммунизма и большевизма как раз через систему советов, освобождаясь от опеки коммунистической партии. «Для будущего, – писал Николай Алексеев, – самым существенным вопросом внутренней политики является постепенное освобождение советского демократического начала от коммунистического гнета. Учреждение Советов дало оружие для такого освобождения в руки самому русскому народу» (Алексеев Н. Русский народ и государство. – М., 2003).

Николай Алексеев даже сумел предвидеть те опасности, которые таит в себе демократизация России, особенно в случае увлечения непосредственно прямыми выборами депутатов. Если мы перейдем к непосредственной демократии до того, как в России сформируются партии европейского типа, предупреждал Николай Алексеев, то наша демократия «обратится в голосование за тех, кто всего более пообещает» (Там же, с. 352).

И, наконец, нельзя обойти вниманием и содержащийся в работах Николая Алексеева прогноз распада СССР, сформулированный им всего пять лет спустя после его образования в декабре 1922 года. Николай Алексеев видел, чувствовал, что коммунисты России, вопреки марксизму⁵, возбудили в России национальный центробежный дух, который, в конце концов, взорвет страну. И, самое главное, он предвидел, что многие бывшие советские республики после распада СССР превратятся в то, что мы сегодня называем «падающие государства», которые станут колонией конкурентов России.

«Над Россией витают теперь созданные советской политикой национальные духи, и парение их грозит советскому интернационализму, с которым они рано или поздно должны вступить в борьбу. Коммунистическая политика словно всеми силами стремится сделать реальной ту невероятную возможность, что в результате этой борьбы отдельные, входящие в состав России, народы разрушают и Россию, и интернационализм, и, так как они сами едва ли способны к самостоятельному государственному бытию, **то придет некто третий, не русские и не интернационалист, который и превратит их землю в свою колонию**» (Алексеев Н. Русский народ и государство. – М., 2003, с. 368. Выделено мною. – А.Ц.).

Многое, очень многое мог увидеть из своего будущего российский дореволюционный профессор, погруженный и своими чувствами, и своими знаниями в свое национальное бытие. Еще раз повторяю. Такого провидческого дара, по определению, не может быть ни у бывшего советского ученого, ни у бывшего советского литератора. Даже у того, кто стремился, как Александр

⁵ «Марксистское мировоззрение есть типичный интернационализм, не признающий нации как самостоятельной ценности. По существу своему марксизм стремится к созданию пролетарского интернационала, а вовсе не союза национальностей. Идея союза народов искусственно пришта к марксизму, из которого она никак не вытекает и не выводится» (Алексеев Н. Русский народ и государство. – М., 2003, с. 368).

Исаевич Солженицын, остаться своей душой, вопреки всему, и в России, и в своем национальном бытии. Но даже он, который призвал нас еще в семидесятые не жить больше во лжи, не видел, не представлял себе, какими изуверскими методами мы будем уходить из коммунизма. Во время нашего первого знакомства на банкете за белым вином, сразу после вручения посмертно его премии писателю Носову, Александр Исаевич неожиданно признался мне: «Видит бог. Если бы я знал, к чему приведет крах СССР, кто придет на смену коммунистам, то я бы не написал ни одной строчки».

Можно было бы расширить рассказ о том, что удалось предвидеть русским мыслителям, оказавшимся в начале двадцатых в эмиграции, о путях и методах и даже последствиях грядущей антибольшевистской контрреволюции. Но все же нельзя не сказать, что в главном все они без исключения ошиблись. Главное и наиболее существенное в образе нашей антикоммунистической контрреволюции они не смогли увидеть. Коммунизм не был сметен, как полагал, к примеру, тот же Николай Алексеев, восставшим «голосом русского народа», не был сметен возрождающимся духом русского православия, проснувшейся веры в Россию, как надеялись и Николай Бердяев, и Иван Ильин.

Напротив, все произошло с точностью до наоборот. Почвенническая интеллигенция, все советские писатели, не стесняющиеся себя называть «русскими писателями», и, прежде всего, Валентин Распутин, Василий Белов, Юрий Бондарев, в минуты роковые встали на защиту советского строя и советской системы. А советская, шестидесятническая интеллигенция, которая, как черт ладана, боялась, сторонилась и российского православия, и «русского духа», как раз и возглавила борьбу против советской системы и обрушила, в конце концов, все политические и идейные основания страны Советов.

Русские мыслители в изгнании, все без исключения, полагали, что советская система будет сметена волной пробуждающегося российского патриотизма. А в жизни, на практике разламывали советский строй те, кто полагал, что русский патриот по определению является негодяем и антисемитом, кто видел в российском государственничестве своего главного врага.

Вера в коммунизм и в марксизм действительно, как и предполагали пророки грядущей контрреволюции, очень быстро в народе иссякла. Но на место коммунистической веры, даже если она у кого-то была, не приходило ни православие, ни русское национальное самосознание, ни вера в матушку-Россию. Накануне распада СССР не произошло ни «духовного самоочищения», ни «изживания» коммунистических установок и страстей, с которыми связывал грядущую контрреволюцию Иван Ильин. Не была изжита в русском народе и традиционная любовь к «максималистам» и «доктринерам». А Георгий Федотов, к примеру, свято верил, что русский народ «вернется на свою землю», с «сыновней любовью приникнет к ней», когда поймет, что «всякий максималист есть убийца».

Никто из последних гениев земли русской не мог предвидеть, что систему будут разрушать «ленинцы», борцы за «коммунистическую справедливость» во имя «подлинного ленинизма», во имя «подлинного Маркса». Что именно идеалы социализма окажутся могильщиками коммунистической системы, что советский строй будет разрушаться под знаменем ленинизма во имя настоящей «коммунистической справедливости». Их надежды, что отрезвевшие от

вина марксизма лидеры советской системы, «сознательное» и «трезвое» меньшинство, как они говорили, большевистской партии вернется к идеалам Святой Руси, оказались в вопиющем противоречии с действительностью реальной русской контрреволюции.

Существует легенда, что к идеалам Святой Руси хотел вернуться ленинградский лидер Романов, но, как известно, Ю.В. Андропов сделал все возможное, чтобы закрыть ему дорогу к власти. Лично я не верю, что кто-нибудь из бывших учеников Политбюро ЦК КПСС, придя к власти, мог открыто посягнуть на идеологическую легитимность СССР. В открытую не сделал этого и реформатор Горбачев.

Идеологи грядущей контрреволюции видели, что могильщиками большевизма и большевистской системы будут «силы послереволюционные», люди, выросшие из революции или из системы. Они, к примеру, связывали свои надежды с новым «Наполеоном», с русским термидором. К примеру, Николай Устрялов полагал, что НЭП – это и есть термидор. Ведь, как в свою очередь писал Николай Бердяев, «кончил революцию во Франции «сын революции» (Бердяев Н.А. Смысл истории, с. 260).

В действительности ни один из перестройщиков, ни, тем более, их лидер (знаю это точно) не нес в своей душе никаких идеалов Святой Руси, идеалов Православия, хотя и Михаил Горбачев, и Александр Яковлев были крещены в младенчестве. Если они и были государственники, то в советском смысле этого слова. По крайней мере, среди идеологов и архитекторов перестройки не оказалось ни одного почвенника, ни одного из тех, кто принадлежал бы к партии «Молодой гвардии» и «Нашего современника». И Михаил Горбачев, и Владимир Медведев, и Наиль Биккенин, то есть подавляющее большинство людей, оказывающих влияние на Горбачева, разрабатывающих идеологию перестройки, были убежденными марксистами, были левыми, более того, убежденными атеистами. А совершили антикоммунистический переворот, отменили и партию большевиков, и КГБ, а потом и советскую систему, политики, не просто не имеющие никаких представлений об идеалах Святой Руси, но и враждебные и самой Руси как православной стране, и самой России как «империи».

Георгий Федотов уже в тридцатые, в эпоху Сталина, иронизировал по поводу своих собственных прогнозов десятилетней давности о путях изживания коммунизма в России. Кстати, он во второй половине двадцатых, как и Николай Бердяев в своей работе «Новое Средневековье», написанной в этот же период, связывает свои надежды на будущее, на скорое избавление от большевизма, тоже с христианизацией населения коммунистической России. Георгий Федотов в своей статье «Новая Россия», написанной вскоре после бегства на Запад в 1925 году, обращает внимание, что «за последние годы церковные настроения среди рабочих растут». Обращает внимание, что к прошедшей через аскетическое очищение РПЦ «возвращается значительная часть интеллигенции».

Но все эти «образы» оздоровления коммунистической России, пишет Георгий Федотов, очень скоро, после начала сталинской коллективизации, «отошли в историю». «Едва начали проявляться дороги, – пишет он в работе «Проблемы будущей России», – ведущие в туманное будущее, и вот опять «занесло тебя снегом, Россия». Избави Бог публицисту пророчествовать, а тем более – о России» (указ. работа, с. 226).

Хотя и здесь, в работе, написанной в тридцатые, Георгий Федотов связывает свои надежды на будущую антикоммунистическую контрреволюцию и с возрождением «мощного национального чувства», и с возрождением «религиозного чувства в духовной элите, принадлежащей ко всем классам общества» (указ. работа, с. 240).

Но Бердяев даже в 1947 году, когда Россию, вопреки ожиданиям, снова, в который уже раз после 1917 года, начинает «заносить снегом», продолжает верить в духовное, в религиозное обновление России и в возрождение того же национального чувства.

Все, абсолютно все русские писатели, живописующие в своих трудах образ грядущей контрреволюции, полагали, что «сыны» или «внуки» большевистской революции будут делать ставку на «иное», на «начала, отличные и от тех, что господствовали до революции, и от тех, что господствуют в самой революции. Никто не видел, не предполагал, что у нас на самом деле все будет по-другому, сначала «иным» будет подлинный Ленин, и только потом, спустя пятнадцать лет «иным» будет перезахоронение останков Николая II и его матери, Марии Федоровны, в Санкт-Петербурге.

Никто из русских писателей, кто пытался себе представлять образ, путь освобождения России от коммунизма, не мог даже предположить, что к гуманизму Россия снова будет возвращаться через Карла Маркса, возвращаться к гуманистическим источникам его учения, а к свободе – через идеалы и ценности современной западной цивилизации наслаждений, которые якобы несовместимы с русской душой. Они, последние русские мыслители, повторяю, лучше нас чувствовали, понимали «дороги России», но, видит бог, как на самом деле мало дано «познающему разуму» знать о том, что сокрыто в дне грядущем. Уже в самом будущем сокрыта мистика человеческого бытия и человеческой истории, побуждающая верить в сверхъестественные начала всего существующего.

Так и не удалось увидеть народным массам «духовную порочность», «сатанократическую природу социализма» даже накануне его смерти. А Николай Бердяев верил, что большевизм в России умрет, когда русский народ узрит в нем образ сатаны (Бердяев Н.А. Смысл истории, с. 308). Не было к моменту гибели советского строя ни «духовного углубления», ни «внутреннего очищения», которые тот же Бердяев рассматривал как духовные предпосылки грядущей контрреволюции, грядущего избавления России от коммунизма.

Парадокс русской истории состоит в том, что советскую систему и заодно СССР разрушили люди, все эти Гавриилы Поповы, Юрии Афанасьевы, Галины Старовойтовы, Леониды Баткины, которые всех этих слов – «духовное углубление», «моральное очищение», «покаяние», «сатана» и т.д. – вообще не знали. Они были продуктами советской системы, советского образования, которые, как убежденные атеисты и марксисты, были не только вне мира христианской морали, но и вне всех традиционных проблем русской духовной культуры. Кто мне не верит, тот пусть прочтет семисотстраничный катехизис могильщиков советской системы, изданный под названием «Иного не дано» (М.: Прогресс, 1988 г.). Никто из тридцати пяти авторов этого сборника, даже писатель Даниил Гранин, не поставил вопрос о покаянии и нравственном очищении.

2. Никто не хотел видеть правду

Хотя, если быть объективным, наблюдаемые русскими мыслителями в двадцатые и тридцатые годы факты давали основание для более трезвой и реалистической оценки и перспектив грядущей контрреволюции, и самих судеб посткоммунистической России. Надо видеть, что оптимизм русских мыслителей, их вера в неизбежное духовное возрождение русского народа, в его неизбежное «великое покаяние», в «религиозное преображение жизни», в его самоочищение от иллюзии большевизма, находились в явном противоречии с их собственными философскими взглядами и наблюдаемыми ими реальными переменами в русской жизни. К примеру, Николай Бердяев никогда не был сторонником теории непрерывного прогресса, он прекрасно понимал, что «история не имеет бесконечного развития в нашем времени, не имеет закономерности природных явлений именно потому, что история есть судьба» (*Бердяев Н.А. Смысл истории*, с. 202). Если, как настаивал Николай Бердяев, «в исторической судьбе человека в сущности все не удалось», то как можно было всерьез рассчитывать на религиозное преображение русского народа, да еще в рамках коммунистической, атеистической системы. Ведь само собой разумеется, что коммунизм мог погибнуть и от духовного возрождения русского народа, но и в равной мере – от полного и окончательного распада российской жизни.

Коммунизм у нас погиб и не от религиозного преображения русского народа, и не от полного и окончательного распада русского человека и русского общества, а из-за наивности и легкомысленности его последних вождей, решивших совершить невозможное, то есть соединить ленинско-сталинский социализм со свободой и с совестью. К счастью, все же мы шли в своей советской истории в созидательном русле, в русле цивилизационных координат.

Но интересно, что саму возможность полной и окончательной гибели и России, и русского народа ни один из русских мыслителей не допускал. Никто из них при всей диалектичности их мышления не видел, даже не предполагал и наличия той ситуации, в которой мы сейчас оказались, не видел того, что само по себе освобождение и от советской политической системы, и от многих очевидных глупостей марксистской идеологии само по себе ни к чему не ведет – ни к росту морали, ни к гражданской активности, ни к производственной активности.

Понятны причины, закрывающие от глаз пророков грядущей контрреволюции худшие сценарии русской судьбы. Не мог ни один русский человек, оказавшийся в эмиграции, допустить мысли, что их Родина обречена, что, в сущности, никакой надежды для них нет ни сейчас, ни в будущем.

По этой причине никто из них, ни Николай Бердяев, ни Иван Ильин, ни Николай Алексеев, не делал очевидных выводов из фактов гибели не просто старой России, русской цивилизации, но и всех без исключения классов российского общества. «В России, – пишет Николай Бердяев, – разрушена структура социальных классов... Нужно отдать себе отчет в том, что в России сейчас все классы уничтожены, кроме крестьянства. Дворянства и буржуазии как социальных классов в России больше не существует. Коммунистические революции уничтожили попутно и рабочий класс» (*Бердяев Н.А. Смысл истории*, с. 278).

Об этом же, о «классовом самоубийстве старой России, пишет и Иван Ильин. «Русская революция есть редкий случай классовых самоубийств. Началось с революционно-демократического и пассивно-непротивленческого самоубийства буржуазии и интеллигенции. Затем дошла очередь до крестьянства... И параллельно идет самоубийство рабочего класса, опускающегося до состояния индустриального рабства и безработной черни. Бедная Россия» (Ильин И.А. Кризис безбожия, с. 145).

И об этом же Николай Алексеев: «Нет тех классов, на которых строилась империя, нет тех служилых людей, которыми она приводилась в движение» (Алексеев Н. Русский народ и государство. – М., 2003 г.).

Речь шла не просто об уничтожении «старых классов», а об уничтожении всех самостоятельных, культурных классов, на которых держалась и духовная, и производительная жизнь старой России. К началу тридцатых уже не осталось ни производительного крестьянства, ни русского духовенства, ни русских предпринимателей.

И вот здесь возникает чисто методологическая проблема, которую не хотели видеть русские мыслители в изгнании. Согласно мысли Николая Бердяева, уже в 1922 году в России не была возможна никакая классическая реставрация, ибо ничего не осталось от классов, на которых держалось старое общество (указ. работа, с. 278). Уже в 1922 году не было материальных, человеческих предпосылок для реставрации того, что было до 1916 года. В Россию пришел, как писал Бердяев, «новый слой, не столько социальный, сколько антропологический слой» (с. 278).

Но если в России, как утверждали идеологи грядущей контрреволюции, не было человеческого материала для реставрации, политической и социальной, то откуда мог взяться человеческий материал для желанного ими духовного очищения и религиозного возрождения, для катарсиса, сильного покаяния? Откуда мог взяться подлинно «русский голос», с которым связывал политические реформы в посткоммунистической России Николай Алексеев?

На поверхности лежал и до сих пор лежит важнейший философский и одновременно практический вопрос, который упрямо не видели русские мыслители в изгнании. Меняется ли так называемая «русская душа», если от реальной русской нации мало что осталось, разве что дети беднейшего крестьянства и дети рабочего класса. Можно ли говорить о «русском народе» в старом смысле и «великой русской душе» в старом смысле после уничтожения всех классов, которые в русской истории культивировали и выражали русскую духовность?

Я лично не знаю ответов на эти сложнейшие вопросы. Но поражает, что такие серьезные мыслители, как Николай Бердяев, Семен Франк, Иван Ильин и другие, никогда всерьез не исследовали духовные последствия «самоубийства» всех русских классов. Кто будет инициатором духовного покаяния, духовного возрождения? Такой вопрос они перед собой не ставили.

Никто из них не попытался сделать сами собой напрашивающиеся выводы из наблюдаемого ими факта гибели, разложения дореволюционной русской нации, дореволюционного народа. Если, как они точно предвидели, процесс изживания большевизма и большевистской системы будет длительным, то из этого следует, что к моменту гибели русского коммунизма произойдет и пере-

рождение самой русской нации, русского народа. Да, легко вернуться после духовной встряски в православие, в лоно церкви тем, кто родился и воспитывался в дореволюционной православной России. Но ведь тем поколениям, которые выросли и воспитывались в советской, атеистической России, совершить подобный духовный подвиг будет неизмеримо труднее. Не только из-за страха стать непохожим на других, но просто из-за неведения, отчужденности от церкви, от религии, от веры.

Николай Бердяев практически во всех своих работах, посвященных анализу большевистской революции и социалистического строительства, описывает, как на место старого русского человека приходит новая раса людей, людей энергичных, но жестоких, озлобленных, людей, «пришедших снизу», а потому чуждых традициям русской культуры, приходит раса людей, для которых главным делом было очищение своей жизни от всего русского и, прежде всего, русской православной культуры.

Но одновременно тот же Николай Бердяев до конца жизни надеется на возрождение русского чувства, на внутренний импульс, идущий от «внутренних процессов в русском народе». Ведь если в тридцатые годы меняется русский человек, на что обращали внимание все русские философы, наблюдающие из эмигрантского далека за ходом социалистического строительства, меняется наиболее активная часть общества, то не может не измениться сам народ. Однако Николай Бердяев всегда говорит о русской нации, о русском народе вообще, не принимая во внимание начавшегося при их жизни процесса перерождения самого народа.

И тут, кстати, было глубинное противоречие в самом мышлении глашатаев грядущей русской контрреволюции. С одной стороны, они обращали внимание на начавшийся у них на глазах процесс ускоренного обуржуазивания, индивидуализации, атомизации русского патриархального человека в рамках коммунистической формации. Понятно, что вечный страх за свою жизнь при Ленине и Сталине сам по себе обострял животный эгоизм, желание сохранить себя любой ценой, любыми средствами. Но в то же время они, вопреки фактам, делают ставку на духовное возрождение народа. **«Русский вопрос, — пишет тот же Бердяев, — есть прежде всего духовный вопрос. Вне духовного перерождения Россия не может быть спасена»** (Бердяев Н.А. Смысл истории, с. 267).

На самом деле система дряхла не от возрождения христианской морали или духовного ренессанса, а от усталости самой революции, усталости самого карающего меча революции.

Как ни странно, но прорицатели нашей контрреволюции, писавшие о самоизживании большевизма, не видели и этого, как оказалось, главного. Ими не принимался во внимание известный еще со времен французской революции механизм внутреннего изживания жестокости, феномен усталости и общества, и революционной партии, и самих палачей от жестокости. Не виделось, что на самом деле ломает систему не бунт против опостылевшей жестокости, как рассчитывал, к примеру, Иван Ильин, а элементарная усталость от жестокости, когда в один прекрасный день все те, кто спокойно посылал своих политических противников на расстрелы, на смерть, дрогнут и уже не смогут это делать.

Ведь Никита Хрущев как рабоче-крестьянский сын, пошедший за больше-

виками, как раз и является олицетворением этого нового русского типа, который живописали в своих трудах о большевистской революции русские философы. Он и энергичен, и цепок, и жесток, и одновременно поразительно сервильен, он вульгарный атеист, готов отплясывать гопака, развлекая своего еще более жестокого барина, Сталина, он, несомненно, целиком и полностью оторван от русской культуры, оторван от традиции русской культуры. Но, став верховным вождем, получив неограниченную власть, он ее начинает использовать не во имя упрочения сталинской колесницы смерти, а во имя смягчения аппарата насилия.

Никита Хрущев каким-то десятым чувством почувствовал, что Россия окончательно устала от жестокости, что больше народ мучить нельзя.

История нашего освобождения от коммунизма, нашей контрреволюции свидетельствует, что возрождение чувства стыда и чувства совести, преодоление в себе коммунистического «все позволено во имя победы революции» возможно и в душе человека, не верящего в бога, не воцерковленного.

И, кстати, этот факт так и не стал до сих пор предметом напрашивающихся само собой философских раздумий. И история советской системы, и, тем более, история ее самораспада открывают до сих пор мало исследованные механизмы совести.

Сама идеология, в том числе и коммунистическая, структура ее ценностей может долго не меняться, а ее нравственное наполнение, напротив, претерпевать существенные изменения.

Из нашего российского опыта преодоления коммунизма и классовой морали видно, что само по себе нравственное чувство не совпадает целиком с верой во всевышнего, с развитым религиозным чувством. Интересно (о чем будет разговор ниже), что советский бунт совести против коммунистической морали возглавили советские философы-атеисты, не имеющие ничего общего ни с православием, ни с христианством вообще. Речь идет, прежде всего, о О.Г.Дробницком, П.М.Егидесе, Я.М.Мильнесе-Иринине, которые в середине шестидесятых, за четверть века до распада советской системы и марксистско-ленинской идеологии, начали реабилитацию совести как ядра человечности.

Кстати, Георгий Федотов все же, несмотря на свои ожидания «диктатора из отрезавших большевиков», который поведет Россию по «национальной дороге», все же видел, что «опыт, совесть, интуиция могут восстанавливаться в своих правах» без кардинальной «перемены идеи». Но у него, несомненно, было большое преимущество перед Николаем Бердяевым и Иваном Ильиным – он выехал из СССР на четыре года позже.

Как выяснилось, изначально связанные исходные источники коммунистической идеи могут обособляться, отпочковываться, претендуя на самостоятельное развитие. Пример тому – обособление идеала (взятого на вооружение Марксом) гуманистического идеала всесторонне и гармонично развитой личности от политического механизма его реализации, от учения о пролетарских революциях и диктатуре пролетариата.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

*Журнал для тех, кто хочет знать,
как устроен мир в эпоху глобализации*

«Россия в глобальной политике» – это уникальное издание, на страницах которого лучшие российские и иностранные исследователи делятся своим видением национальных приоритетов России и ее перспектив в новом мире.

«Россия в глобальной политике» – это площадка для диалога ведущих экспертов и журналистов, политиков и предпринимателей, общественных деятелей и ученых из разных стран о животрепещущих проблемах в области безопасности, экономики и общественного развития.

«Россия в глобальной политике» – это возможность познакомиться с эксклюзивными материалами ведущих аналитических центров и лучшими публикациями из журнала Foreign Affairs – самого влиятельного американского издания.

Редационный совет «России в глобальной политике» – это настоящая сборная звезд мировой политики и политологии, среди которых Гельмут Кох, Марити Атисаари, Карл Бильдт, Карл Кайзер, Тьерри де Монбриаль, Хорст Тельчик, Джеймс Хоу, Алексей Абабов, Игорь Иванов, Сергей Караганов, Сергей Лавров, Александр Лившиц, Владимир Лукин, Вячеслав Никонов, Евгений Примаков, Сергей Приходько, Сергей Ястржембский и другие.

- **ПОДПИСКА В РОССИИ, СНГ И СТРАНАХ ВАЛТИИ**
по каталогу «Роспечать»,
индексы: 46708, 46709, 46710
- **ПОДПИСКА В РОССИИ И СНГ**
по каталогу «Адреса России»,
индексы: 15577, 11119*, 16497.
- * Специальный подписной индекс.
Только для студентов и аспирантов
журнал «Россия в глобальной политике»
за 1/2 цены
- **ПОДПИСКА В УКРАИНЕ**
по каталогу «KSS»

www.globalaffairs.ru

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

«ГНЕВ, ВЕДИ МЕНЯ!..»

**Глюксманн А.
Философия ненависти. М., 2006**

Басаев мертв. Президент В.В.Путин благодарит руководителя соответствующей службы за убийство террориста. Как будто все путем... Но вдруг вспыхивает мысль: можно ли благодарить за убийство? Может быть, лучше сказать «за успешно проведенную операцию» или «за выполнение профессионального долга»? И уже другой голос: «нет, нет, именно так – за убийство. Уничтожать надо этих нелюдей, мочить...»

Ненависть, обжигающая, неукротимая, безжалостная, шагает по планете. Она крепчает, подпитываемая гневом, разрастается до всепоглощающего чувства. Она становится страстью, которая не знает насыщения.

Небоскребы, обрушенные самолетами. Дети, бегущие к крану с водой, но настигнутые пулями террористов. Взорванные дома. Тотальное обольщение разрушением.

Как это неожиданно ворвалось в нашу жизнь! Чтобы остановить ненависть, укротить гнев, нужно сначала осмыслить, осознать. Нужна феноменология этого наваждения.

В советское время поэту К.Симонову крепко досталось за стихотворение «Убей его!». Официальная идеология, поднимая ярость народов, пыталась откреститься от человеконенавистничества. А как поступить сегодня?

«Мальчонка в сползающей на глаза каске, с желтой звездой на груди, подняв руки, выходит из какой-то дыры в варшавском гетто; объятая пламенем вьетнамская девчушка бежит от пожирающего ее напалма; далекие, но слишком похожие на людей точки выбрасываются из окон манхэттенских башен. Сегодня окровавленные и обезумевшие малыши в коротких штанишках пытаются спастись между двух огней».

Андре Глюксманн – признанный лидер особой школы – «новых философов» во Франции. В книге «Кухарка и людоед» (1975) пытался представить насилие как логическое следствие марксистской теории, как неотъемлемую часть проекта коммунистического общества. Глюксманн представляет историю как реализацию идей, выраженных в «текстах» великих авторитетов, созданных специально для господства как «дискурс Властителя». Он считает «глупостью» («Глупость», 1985) идею блага, на которой построены как левые, так и правые идеологии.

Новая книга является своеобразным завершением предыдущих работ.

Нельзя сказать, что ненависть – недавняя гостья в мире людей. Мы помним испепеляющее безумие Медеи, вакханалии зверства, продемонстрированные античными тиранами, беспощадный лик восточного деспотизма. Но почему философы так мало внимания уделили этой человеческой страсти? Не ищите это слово среди ключевых понятий у Аристотеля или Канта. «Злорадство», «невоздержанность», «ярость», «исступление» – пожалуйста... Но только не «ненависть». Не вчитывайтесь в сочинения философских антропологов. Есть и другие обозначения, но нет данной страсти. Не ройтесь в этических словарях. В качестве провозвестника «философии ненависти» можно назвать, пожалуй, только римского философа Сенеку.

А.Глюксманн – блестящий публицист. Его философское эссе меньше всего напоминает научный трактат. Нет в его книге стройного продвижения от проблемы к проблеме. Экспрессионистские мазки. Сгустки мысли. Журналистские зарисовки. Кружение вокруг философской цитаты. Но в целом литургически последовательная феноменология ненависти.

В наши дни происходит стремительное преобразование идеологических типов сознания. Либералы стремятся «усыновить» леворадикальные мыслительные навыки. Консерваторы решительно отрекаются от демократических идеалов.

А.Глюксманн постоянно иронизирует над наивным радикализмом. Его книга, помогающая прояснить общественное сознание, безусловно, значима. Но она рождает и огорчение. Сильная в своей аффектации, эмоциональной заразительности, беспощадная в своих наглядных иллюстрациях, книга изобличает политиков, но не предлагает разумного решения проблемы, с которой столкнулось сегодня человечество.

«То жгучая и грубая, то скрытая и ледяная, неустанная ненависть неотступно преследует мир. Ее упорный и упрямый призрак крушит частные отношения и публичные дела. При каждом ее появлении мы делаем вид, будто с луны свалились...»

Казалось бы, мы пережили огромные войны, убийственные революции, геноцид. Чему удивляться? Но воля к разрушению становится историческим фактом, который обязывает к философской и теологической рефлексии.

Раскрывая замысел книги, я вынуждена вернуться к началу своих заметок. Несколько лет назад в Санкт-Петербурге шел судебный процесс. Преступник, совершивший кровавые деяния, сидел на скамье, наголо обритый, поигрывая желваками. Полуприкрыв веки, он разглядывал прокурора, который только что произнес обвинительную речь. Какая мысль терзала сознание изобличенного? Возможно, он ощущал страх или муки раскаяния... А, может быть, в его воображении жила неотвязная картина: он, еще не схваченный милицией, натывается на прокурора в безлюдном темном переулке. А потом я видела этого преступника, когда читали смертный приговор. Теперь его взгляд казался бессмысленным, остановившимся. Прозвучали последние слова о неотвратимой казни, и зал разразился аплодисментами.

Что меня поразило в этом разбирательстве? Не кровавые злодеяния садиста, не мертвенная тишина зала, не прокурорская непреклонность... Я была поражена неожиданными рукоплесканиями... Только что в зале мелькнула

зловещая тень с косой. Прозвучало слово о насильственном прерывании жизни. Возможно, я не права, но мне кажется, было бы уместнее, если бы сидели молча, размышляя о странной цепочке событий, в которые мы вовлечены. Или, удрученные ликом смерти, без слов продвигались бы к выходу, чтобы вернуться к житейским делам. Но радостное освобождение присутствующих выразилось иначе – они рукоплескали казни.

Мой современный читатель сразу выразит недоумение: что тут особенного, так было всегда. Разве толпы в Древнем Риме не рукоплескали, когда гладиаторы убивали друг друга? Не доставляло ли язычникам неизъяснимое блаженство, когда первых христиан, завернутых в промасленные ткани, превращали в пылающие факелы? Человеческая жизнь редко в истории представляла собой особую ценность.

Кровная месть метит жертвы. Еще живых, дышащих засыпают землей. Пленников бросают в пламя. По сигналу хана неугодным переламывают позвоночник. Потом – кошмарное изобретение – гильотина... Окровавленная голова вызывает восторженный рев толпы. Изодранные пытки в подвалах. Фабрики смерти. Убийство, поставленное на поток. Цивилизованное зверство, не имеющее аналогов в истории...

У А.Глюксманна – другие иллюстрации. Число их множится, от главы к главе. И в один ряд попадают и жертвы, и мстители. Любое возмездие вызывает аплодисменты. Ненависть, разумеется, не добродетель. Но как выйти из круга заклатья? Как в праведном гневе не обеспечить еще один виток эскалации ненависти? Ответа в книге нет.

Террористы – нелюди, их можно убивать. Но в прошлом веке русские террористы казнили высокого чиновника только за то, что он приказал высечь заключенную. Лишь один этот факт позволил назвать его преступником, нарушившим коренные человеческие заповеди. Но сегодня своенравная американская солдафонка тащит на поводке арабского пленника на четвереньках, позирует перед объективом, победно подняв большой палец и улыбаясь на фоне коридоров «Абу Граиб». Обезумевшая толпа несется через экран, ничего не понимая. Выпотрошенные дома, сирены, вой, крик, мигалки в ночи, бомбардировки, взрывы. Есть искушение зачислить в число людей, поправших человеческие заповеди, едва ли не все человечество.

Но как провести различие между преступлением и воздаянием? Между выстрелом террориста и гневом матери убитого подростка? Между убийцей и мстителем?

На эти вопросы А.Глюксманн не отвечает. Он хотел бы удержаться на христианской почве: Не убий!» Но представим насильника, который убивает вопящую жертву. Бросаемся к садисту и хотим покарать его. Но «не убий!»... С одной стороны, христианские заповеди потому и считаются общечеловеческими, что не знают исключений. Но ведь смысл заповеди гораздо глубже обычного запрета. «Не убий!» означает – останови цепь кровавых преступлений. И выходит, что убийство убийцы оправданно христианской мыслью.

А. Глюксманн изобличает всякое проявление ненависти. Он предостерегает, вразумляет, разъясняет: *«Зверь, полный бешенства», жестокая скотина», роль ненависти в чистом виде с ее традиционными блестящими лохмотьями, зверством, – исполняет для нас волк, раскладывая на прилавке полный ее ар-*

сенал. Ненависть обвиняет, не зная. Ненависть судит, не выслушав. Ненависть выносит приговор по своему желанию. Она ничего не уважает, думает, что противостоит мировому заговору. В конце концов, закованная в латы своей мстительности, она рассекает все узлы произвольным и самовластным ударом зуба. Ненавижу, следовательно, существу...»

Оценим выразительность этих строчек. Обратим внимание и на фигуру волка, о котором наш президент сказал: «он знает, что он кушает». Но попробуем ответить на вопрос: является ли ненависть врожденным антропологическим свойством человека или эта раковая опухоль – результат мучительных и неразрешимых проблем XXI века? А. Глюксманн, прежде всего, хотел бы создать некую версию антропологической природы человека. Он стремится перетолковать известные нам мифологические и литературные сюжеты, чтобы приковать внимание к феномену разрушительного в человеке.

«После 1918 года и, особенно, после 1945 года образ человека стал невообразимым, и идея человечности – двусмысленной. В мрачной тени планетарных курганов из мертвых тел возникают предварительные вопросы: что бесчеловечно в человеке? Что заставляет отчаиваться? Вот на что нужно ответить в первую очередь».

Может быть, человеку предначертано быть разрушителем? Крути ни крути, писал Э.Фромм, а человек является единственным убийцей на земле.

Разумеется, книга А.Глюксманна расширяет наше историческое и философское представление о ненависти. Он показывает, как в античной Греции рвется к вечности крик ненависти. Вот Аякс, опьяненный боем, в диком порыве закалывает свою бедную сестру Камиллу, хлещущее из бойца в пылу битв неистовство заставляет его забыть все человеческие и божественные законы. Ничто не может остановить его. Он опьянен бесчеловечным. А вот Медея, легендарная колдунья из цикла об аргонавтах. Отвергнутая, ограбленная, изгнанная, она мстит Язону. На глазах мужа она зарезала двух своих сыновей.

Странное дело, до сих пор язычницу Медею никто не изображал как некрофилку, неврастеничку, захваченную параксизмом палачества. Ее мотивы были прозрачны. Зло должно быть наказано, иначе оно будет множиться. А средства, которые выбирает Медея, прежде всего, трагичны для нее самой: ведь она любит своих детей. Ненависть здесь возвышается над любовью, чтобы зло могло содрогнуться от содеянного.

А что нового сообщает нам по этому поводу А.Глюксманн? Он рисует Медею как прародительницу современного террориста-самоубийцы? Она, как выясняется, срывает с себя свою семейную и социальную идентичность и, таким образом, символически убивает себя. Ненависть ничего никому не должна. Ее логика автономна. Все это резонно. Но за всяким убийством выстраивается некая логика, определенная мотивация. Попытка осудить ненависть как человеческую страсть, как антропологическое свойство, лишает, как мне кажется, проведенный анализ философской глубины.

Так постепенно обнаруживается, что концепция А.Глюксманна, несмотря на все попытки придать ей серьезность, основательность, не покидает лоно леворадикального мышления. Он характеризует ненависть если не как психологическую бубонную заразу, то как полное расстройство рассудка, овладевающее и телом, и разумом, и людскими сообществами. Но вряд ли просле-

живание интеллектуальной истории ненависти, или создание гуманитарной науки о ненависти к человеку, может приблизить человечество к решению тех проблем, перед которыми оно оказалось.

Конечно, ненависть – это своеобразное «бытие к смерти». Несомненно, она сама вскармливает питающий ее гнев. Нет желания оспорить, что ненависть питается разрушением любви, не подчиняясь ей, она царствует через внушаемый ею ужас. Но как с помощью этих мудрых сентенций примирить, допустим, арабов и евреев? Как переломить хребет террористам?

В рассуждениях А.Глюксманна постепенно устраняется историческое измерение, глубина социального воображения, конкретность социальных интересов, столкновение различных ценностных ориентаций. В сухом остатке – призыв схватить В.В.Путина за рукав и объяснить ему, что террор порождает хаос нигилизма. По мнению А.Глюксманна, предварительное условие всех предварительных условий мира на Ближнем Востоке – бессрочный запрет на слепой терроризм и человеческие бомбы. Однако как реализовать этот запрет, если французский философ саркастически оценивает деятельность международных организаций как проявление «мировой совести».

«Когда совокупность религиозных, нравственных и политических авторитетов планеты учреждает себя в качестве «мировой совести», горюет, кается и осуждает – это осуждение претендует на силу закона. Международного закона. Третья благая весть – космополитическая – не менее хрупка, чем первая – о мировом порядке, руководимом христианским Провидением. И вероятно, не менее лжива, чем вторая – о мире, опекаемом божественно суверенными государствами». А.Глюксманн предлагает также союз между подлинными государствами в условиях, когда вынашиваются планы ликвидации Израиля как государства.

Не всегда удастся французскому философу воссоздать психологический портрет человека-бомбы. Речь идет о террористах, которые убивают себя в момент террористического акта. Разумеется, психологический аспект здесь важен. *«Эта потрясающая разрушительная энергия вырывает «готовящегося в герои» из норм повседневной жизни, чтобы включить динамику уничтожения окружающих вплоть до принесения в жертву самого себя. Занесение подобного суицидального решения в каталог умственных отклонений научно обосновано и общепонятно как ничто иное. Этот предрассудок украшает фоторобот убийцы-исламиста: человек-бомба должен быть каким-то чокнутым».*

Плохо, когда под рубрику «чокнутый» подверстывается все – и идейный фанатизм, и нищета духа, и другие религиозные представления, и иные ценностные установки. А.Глюксманн абсолютно прав, когда он оценивает человеческую бомбу как мыслящее существо с внутренней жизнью, столь же конфликтной, как у всякого. Ведь действительно стремление к разрушению у такого человека отвечает сознательному выбору и логике.

Убедителен А.Глюксманн и когда толкует о своеобразной «эстетике безобразного», которая становится приметой наших дней. Не подлежит сомнению тот факт, что поэтизация террора содействует его распространению. Знаменитый немецкий композитор К.Штокхаузен глубоко шокировал читателей газет, признав, что любовался манхэттенскими башнями в огне. Этими рушащимися друг на друга мастодонтами современности с толпами человеческих си-

луэтов в завитках черного и алого дыма. Никогда произведение искусства, написал он, не достигало такого величия... Но он не одинок. Большинство граждан мира проявили в отношении виновников бедствия снисходительное понимание. Лишь остаток чувства приличия удерживал некоторых от рукоплесканий. А. Глюксманн показывает, что некоторые даже не стали сдерживать взрыв ярости. Эстеты написали тома комментариев к потешным огням, только что поглотившим немало им подобных.

Эта апология ужасов в конечном итоге направлена на устранение трагического измерения жизни. Вытеснение современного трагического опыта осуществляется и современными средствами информации. Палестинские события превратились в подобие семейного телевизионного сериала. Они приучают относиться к трагедии как к бытовой повседневности.

Книга А.Глюксманна тем не менее может рассматриваться как значительное явление современной философии. Она затрагивает проблему, которая не знает простых решений. Поэтому ее пафос, при всех издержках, заслуживает поддержки.

«Как сдержать, вразумить, парализовать человеческую бомбу? Некогда терроризм вызывал целый букет тщательно продуманных мер – полицейские репрессии, экономические и социальные предосторожности. Сегодня вызов, не признающий границ, обращен здесь и сейчас к разумному обоснованию нашей жизни, к нашим надеждам на выживание и нашей отваге перед лицом смерти. Он тем более воспитывает нас, что сам не поддается воспитанию. Он вопрошает каждого о его отношениях к другим, к миру, к самому себе. Он стал нашей главной философской проблемой».

Эльвира СПИРОВА

Новые книги, которые могут вас заинтересовать

Рубрику ведет
кандидат философских наук
Эльвира СПИРОВА

ГЛАВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ЭПОХИ

Судьба государства в эпоху глобализации. Сб. под ред. проф. Шевченко В.Н. М., ИФРАН, 2005, тираж 500, 200 с.

В монографии обсуждается одна из самых дискуссионных проблем в отечественной науке, которая связана с поиском Россией наиболее жизнеспособного государственного устройства в условиях растущих вызовов и угроз. Авторы исходят из того положения, что главным противоречием эпохи можно считать противоречие между быстро растущей глобализацией мировых общественных отношений и национально-государственными образованиями. Россия как великое государство способно сохранить и в эпоху глобализации свой национально ориентированный путь развития. В ходе решения этой задачи в монографии подробно рассматривается взаимосвязь в прошлом и настоящем российского типа государственности с либеральной (западной) моделью государства.

Ведущей тенденцией в модернизации российского государства, считают авторы, выступает формирование «синтетического» типа государственности, протекающее пока стихийно, методом проб и ошибок. В таком типе государственности должны органично соединиться традиционные формы институтов государственной власти, либеральные свободы и принципы социальной справедливости. Большое внимание уделено анализу становления гражданского общества в России, объяснению тех трудностей, с которыми сталкивается вся страна – как власть, так и нарождающиеся гражданские структуры.

В работе показано, в силу каких причин российское государство обязано обеспечить социальную защиту и социальные права населения, а затем уже встраивать в общество необходимые для дальнейшего развития либеральные принципы, разумеется, в соответствии с культурно-историческими реалиями страны. В целом, обосновывается иной путь предоставления прав российским гражданам по сравнению с западным обществом, в котором в центре внимания длительное время находились политические права. Только во второй половине прошлого века началось предоставление важных для достойной жизни западного человека социальных прав. Рассмотрена также про-

блема формирования сегодня в стране стратегически мыслящего политического субъекта, возникшие здесь объективные и субъективные трудности, в частности, последствия неблагоприятного влияния внешних факторов.

Особое внимание уделяется духовной ситуации на Западе, дальнейшему отходу от христианских ценностей и вместе с тем стремительному росту мистики и оккультизма, которые становятся важным идеологическим оружием в борьбе против традиционных ценностей других народов и цивилизаций и, в частности, против духовных традиций, свойственных российской цивилизации.

ВЕЛИЧИЕ И НЕОПРОВЕРЖИМОСТЬ ДОКУМЕНТА

Главный противник. Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. Пер. с англ. (составитель и автор вступительной статьи И.М.Ильинский. М., Изд-во Московского гуманитарного университета, 2006, тираж 5000 экз., 504 с.)

Впервые на русском языке публикуются некогда совершенно секретные документы внешней политики и стратегии США 1945–1950 годов в отношении России. В оценке составителя эти документы характеризуют важную часть общего замысла и плана начального этапа «холодной войны», которую Запад вел в течение почти полувека против СССР.

Секретные документы раскрывают стратегические проекты порабощения нашей страны разными методами – от ядерных ударов до планомерной работы по размыванию патриотизма. Получается, что в создании этой коллективной монографии участвовали сотни американских специалистов высшего класса – сотрудники Штаба планирования политики, Совета национальной безопасности, вооруженных сил, военно-морских и военно-воздушных сил США, Государственного департамента, Комитета по государственным стратегическим ресурсам и ЦРУ. Чтение этих документов позволяет представить в реальности замыслы, логику и характер действий США не только в далеком прошлом, но и в современном мире, их политику в отношении нынешней России.

Люди минувших эпох живы для нас, пишет составитель, благодаря особому рода общественной практики – мемориальной. Она обеспечивает постоянное присутствие прошлого в актуальном сознании и препятствует тому, чтобы мы его подменяли или сочиняли. Те, кого уже нет, продолжают общаться с нами через оставленное ими наследство.

Документы прошлого времени вовсе не капсулированы в своем времени. У них своя логика, свои типы альтернатив, свои модели социальной ответственности. Это так называемая естественная история, в которой явления и события в результате действия людей разворачиваются во времени, в определенных условиях, с использованием определенных средств и методов, с достижением конкретных результатов. История в истолковании составителя – это бесконечная череда случайных явлений, событий и процессов, возникающих в результате бессознательных и иррациональных действий, поступков миллионов и миллиардов людей. Но история может твориться и сознательно. Она может осмысливаться как заговор. Отдельные государства, группы влиятельных людей способны творить хаос вполне сознательно. Публикуемые в книге

документы носят разные названия: «стратегия», «концепция», «доктрина», «программа», «план». Но их объединяет то, что они имели одну цель и все они тайные. Реализованные через последовательную политику США по разрушению СССР, они вели к развалу сверхдержавы.

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСНЫХ ПРОЦЕССОВ

Россия в начале XXI века. Новый курс. Под ред. проф. В.С.Семенова. М., ИФ РАН, 2005, тираж 500 экз., 197 с.

В книге анализируются и обобщаются социальные сдвиги в России в начале XXI века, исследуется сложная, противоречивая диалектика объективного и субъективного общественного развития в 2000–2004 годы.

Главный концептуальный вывод сводится к тому, что в России был осуществлен объективно требуемый новый социально-исторический поворот – от внутреннего разрушения к позитивному созиданию, от экономического упадка к постепенному общественному подъему, от внешней подчиненности страны к ее независимости и самостоятельности.

В 2003 году руководством страны был определен новый стратегический прорыв России в будущее. Он включал в себя три стратегические задачи: в экономике – удвоение валового внутреннего продукта; в социальной области – уменьшение бедности и повышение качества жизни людей, народа; в области обороны – модернизация вооруженных сил и обеспечение безопасности страны. При сохраняющихся существенных трудностях и противоречиях Россия обрела перспективные возможности для дальнейшего общественно-цивилизационного подъема и прогресса.

Перспективы российского прогресса в новом столетии включают и основные направления развития и возвышения человека как главнейшего субъекта, творца и конечной цели всех динамичных социально-цивилизационных преобразований.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Энциклопедический словарь-ежегодник под руководством члена-корреспондента РАН, доктора социологических наук, заведующего кафедрой «Социология безопасности» социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, шеф-редактора журнала «Безопасность Евразии» В.Н. Кузнецова¹. М.: Бизнес и книга, 2006. 792 с. (Серия научной и учебной литературы «За нашу и вашу безопасность». Приложение к журналу «Безопасность Евразии»).

Это, по существу, первое универсальное справочное издание по проблемам безопасности на русском языке. Содержание книги определяется концептуально целостным пониманием безопасности как одной из базовых потреб-

¹ Предыдущие выпуски: *Безопасность Евразии-2002*: Энциклопедический словарь-ежегодник. М.: Бизнес и книга, 2003. 540 с.; *Безопасность Евразии-2003*: Энциклопедический словарь-ежегодник. М.: Бизнес и книга, 2004. 624 с.

ностей индивидов, образуемых ими групп и создаваемых ими институтов. Отбор терминов и понятий, основательность их разработки позволили составителям и авторам дать соответствующее современному уровню науки относительно полное представление о феномене безопасности. Как представляется, ценность книги состоит именно в том, что она дает ответы на вопросы «Кто есть кто?» и «Что есть что?» в современной политике безопасности.

Составители и издатели Словаря разработали оригинальную и, как представляется, удачную логику, структуру и форму подачи материала. В книге почти 2500 статей в шести самостоятельных разделах.

В первом из них – «События и факты» – в хронологической последовательности рассказывается об основных явлениях и процессах, определявших динамику ситуации в сфере безопасности в мире и его отдельных регионах в 2004 году. Хроника составлена, как сообщают авторы, по материалам периодической печати и Интернета.

«Комментарии» содержат информацию о явлениях и процессах, либо зародившихся в 2004 г. и еще не вошедших в словари и справочники, либо получившие в том году новые импульсы и динамику. Таковы, например, статьи о Болонской декларации, «Дорожной карте», Кимберлийском процессе и «кровавых алмазах» и т.д.

В «Досье» – статьи о государственных учреждениях, общественных объединениях, коммерческих структурах, международных организациях, научных и учебных центрах, функционально предназначенных для обеспечения безопасности личности, общества, государства. Здесь же международные нормативно-правовые акты и документы национальных законодательств, регламентирующие деятельность по обеспечению безопасности, справки об издательских проектах, периодических изданиях, отдельных произведениях, выбор которых определялся их значимостью для понимания теории и практики безопасности.

В разделе «Персоналии» – биографические справки о лицах, чья политическая, общественная, научная, издательская и другая деятельность в 2004 г. была непосредственно связана с безопасностью.

В «Тезаурус» включены понятия и термины, раскрывающие феномен безопасности, ее объекты и субъекты, виды, уровни и другие подобные характеристики, а также угрозы, формы и методы их реализации в различных областях жизни личности, общества и государства, силы и средства противодействия им.

В разделе «Мемориал» приводятся памятные дни, а также имеющие отношение к безопасности события из прошлого, на которые в 2004 году приходилась «круглая дата».

В Приложение, дополняющее «Досье», включены справки о всех Федеральных министерствах и подведомственных им Федеральных службах и Федеральных агентствах.

В целом Энциклопедический словарь-ежегодник является полезным универсальным справочным изданием по всем аспектам безопасности, с учетом динамики их развития и изменения.

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseinov

The reader for certain will pay attention that in number some clauses with interrogative intonations in titles.

Naturally, we also have noticed it, but did not begin to change anything.

«A question of questions»: why has the Soviet Union ceased to exist?» «Russia – Britain: in new times, new relations?» «What ethos is needed in Russia?» «Do all the flowers are to blossom?» «The qualitatively new Russian army: what kind of army is it?» «National education: what it should be like?» «Will the mankind refuse from supersonic passenger aircraft?»

Such here a bouquet of questions in final, the 4-th, issue of the Bulletin – the questions, concerning most various parties of a state policy and a public life.

What stands up for them?

Undoubtedly, problems - not solved yet or solved incorrectly, or in general frozen by virtue of any reasons, but threatening by serious complications in the future.

PRESSING TOPIC

(Express Analysis)

DIVERSIFICATION OF THE ECONOMY AS THE MAJOR OBJECTIVE

The State Secretary, Deputy Minister of economic development and trade of the Russian Federation, Andrey Sharonov, invited by the editors to give his expert opinion, this time preferred to talk the matter over in his office, instead of writing an article. The interview took place early in this November.

1. Russia's President, in his recent Message to the Federal Assembly, pointes at the two major problems and the two factors of the economy growth – the policy of diversification and the climate of innovations. Any country's success or failure in the modern world, he stressed, primarily depend upon what is going on in the economy. And one of the main, basic indicators of the economy's health are the rates of the economic growth.

2. By now, several important institutions were set and started to work. It is, first of all, the program to support the non-raw exports. It is the third year, when the government fund the programs to support of machine-building, hi-tech exports that are to use two forms of supporting exporters – subsidizing the interest rate at transactions, or granting the governmental guarantee at the export transaction.

3. The government are going to choose just management companies and just on the basis of their track record, for these are to be successful companies, providing they had brought the most of investments immediately. The management companies will be granted the right to select bio-technological, nano-technological, etc. companies that are to invest into the scientific research projects. That is the way we can support 80 to 120 companies. That is, we should make rules, built the necessary infrastructure, and then leave the market – to give the private entrepreneurs to go on with the business further. The world experience is a convincing proof of the efficiency of such approach.

4. Reforming the natural monopolies, the financial sector, including banks and the insurance companies; reforming the social sphere – education, public health services; corporate management, bankruptcy, book keeping, the transparency, the legislation on joint-stock companies and partnerships, etc. – all these

are, in fact, institutions. And we are trying to build them up, at the same time teaching people, at the same time making corrections, for, as I have already noted, it is impossible to do all at once, we have not yet gone through all this, in many respects, we do it by someone's else words, by someone's else experience, and have to change many things.

5. Our Byzantium attitude to the government authority mixed in a fantastic way of idolizing with full ignoring, disrespect and disbelief. In public, we make it seem to worship the government representatives, while having a shower, we despise them, we do not respect them – and live with that. We have to somehow level our attitude, we have to diminish the importance of the government inside ourselves, but to heighten trust and respect of them. That is, one has to understand, that the government is not about everything, that the government is just about this that they competent of, and they must be given the opportunity to do this.

POLITICS

Oleg Nikitin. AN EPILOGUE TO ONE DISCOURSE

1. The Russia's international cooperation in energy security, fighting international terrorism, nuclear weaponry non-proliferation has always been met by foreign correspondents with special attention. In the passing year, due to a known actualization of these problems, the contributors often touched upon the place and role Russia was going to play in the world forces allotment, its readiness to responsibly solve global problems of new world order facing the world community. As it turned out, provided one paid no heed to magnifying glasses of editorial corrections, our colleagues' viewpoints came very close to the appraisals of the Russian politologists.

2. News media have no doubt of the necessity of that kind of dialogue with the Russian public. It is regretful, some of our remarks, stated last year, on inefficiency of pro-governmental press-services in discussing the developments in our country with the foreign journalists in a professional way, were just proved to be true.

Stephen Cohen. 'A QUESTION OF QUESTIONS': WHY HAS THE SOVIET UNION CEASED TO EXIST?

This is the title given to the book by Stephen Cohen, the University of New York professor, that the AIRO-XXI Publishers are going to put out, in late 2006.

The extracts from the new book is published in the Vestnik Analytiki bulletin.

1. To many a Russian, perhaps, even to the majority of the populace, the death of the Soviet Union is still 'a question of the century', that is discussed with fervor similar to that of 'religious zealots', a question that 'still has been answered to the folks in plain words by no one', and that is 'the more difficult to comprehend, the more years pass'. But to us also, the question of vital importance is how that vast state, which had become an epoch in itself, disappeared, and why the disappearance took place. That event, as no other one in the current history, was determinative for the world we live since 1991.

2. The notion of 'national liberation revolution from below' advocates' chief mistake, entailing their other delusions, is that they see in all, or almost in all of thousands ethnic protests during the Gorbachev epoch just demands of separation and full independence. In fact, the huge majority of protests were caused by the desire to restore this or that equity violated within the frameworks of the Union.

3. The Russian intelligentsia's traditions, indeed, played prominent part in the events of the last years the Soviet Union's existence. That revealed itself in the behavior of many mid-aged communists, who were so quick and abrupt in their rejecting their former ideology (including the ideas of anti-Stalinism that gave inspiration to the Perestroika), as well as – in the spirit of the Oedipus complex of a sort – rejecting the Soviet leader who liberated them just recently.

4. By their instinct, the Soviet elites knew, that the property was the best way to maintain the power with no authority, nor the Party apparat resources. But due to the fact, that less than 10 percent of the Soviet economy were directly controlled by the Republics, the republican national leaders demanded the 'sovereignty', i.e. the full right to manage those the Union's assets situated in their territory.

***Oksana Ghaman-Golutvina. ADMINISTRATIVE REFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION:
PRELIMINARY SUMMING UP WITH NOT SO MUCH COMFORT***

1. In various countries, the state governance reforming was carried out according to national peculiarities of the public service models. The majority of the countries managed to gain significant results in reforming: the state machinery personnel and its budgeting were reduced, measures to effectively maintain the control system were taken. However, some reforming costs proved to be unavoidable.

2. By some parameters, start positions of administrative reforming in the Russian Federation differ from those that had stimulated similar – in the spirit of NSG – in the developed countries. More so, when it comes to such basics of administrative reform, as the present role of the state and its functions.

3. The key reason for inefficient reforming concept is the simplification of the role of the state in the contemporary world: it is seen either as aggregate of institutions and organizations, or as the repressive mechanism unable to be rationally reformed. Meanwhile, the notion of the state being a sort of 'night watchman' corresponds to the theory and practice of state development in the developed countries of the historical past, not of the present day.

4. Giving to the certain conditions and circumstances of Russia's modern political development, it is required to go through two stages in reforming the civil service in Russia. The first stage is to be focused at strengthening the basics of the traditional civil service model. The second stage has the tasks of correlating of experience of state governance reforming in the developed countries with the specifics of the present-day nation-state building in Russia.

Alla Yazkova. INTERNATIONAL EXPERIENCE ON FEDERALISM IN PRACTICE

1. Much in effective functioning of the states in the system of the Euro-Atlantic civilization – as well as their multilateral relations in epoch of globalization – depends upon common for many of them society's political self-organizing – federalism. The notion of federalism is closely connected with the appearance and development of the contemporary public relations, market economy, civil society and nation state.

2. The federal system of the USA seems to be the most settled in the modern Euro-Atlantic world. By expert estimations, the federalism become firmly established as one of the foundations to build up and develop the American statehood and the society's political organization, being the element of the American way of life.

3. Initially, the ideas of the all-European federalism were caused by the series of catastrophies in the 20th century, the crisis of the nation states and by dictatorial regimes coming to power. At that, the direct link is seen between the ideas of the pulpit of the European federation, J. Monne, A. Spinelli and the like-minded scholars, and the and I. Kant's philosophical insight, who thought that 'the destructive forces of wars' might produce an impulse to creating such a federation.

4. Today, the necessity to bridle the ethnic nationalism is the most widespread and the most difficultly realized task for federalism. Going down to the examples of the 19th century, the nationalism aims at imposing uncompromisingness upon any free government, while the federalism is the democratic 'golden mean' which presuppose negotiations and compromises. Many an expectation in using the federal principles and mechanisms, had often proved to be illusory.

5. Even if the principles, mechanisms and practice of federalism, as the democracy in general, are not being realized in full, they, undoubtedly, serve to strengthen all positive experience the mankind worked out during its long history.

Mikhail Katyshev, Valentine Dyomin. THE LEGAL STRATEGY AND THE LAW AND ORDER (Conclusion)

1. It is important, that the Office of Public Prosecutor were empowered to effectively carry out its law enforcement function in all spheres where its supervision is likely to promote the law and order and eliminating law infringements. At present conditions, it would be a grave mistake to limit the Prosecutor Office's functions just with criminal prosecution, for the law and order had to loose one of its basic mechanisms in all other spheres.

2. In complicated realities of the 20th century, the Russia's Office of Public Prosecutor remained a sort of 'bureau of common citizen's complaints' and actually, in many respects, even confronted totalitarianism. Its experience might be of use and demand to many other developing countries, in which the idea of true statehood still has to pass through the hard period of maturing.

3. Good-for-nothing way of executing Laws has always been the Achilles' heel of the Russian Statehood. Every government department, every body of power is obliged by the Law and standard acts to provide for law and orders in the sphere it supervise. It is they, the government and executive branches in general, that are responsible for the real lawfulness, for preventing and punishing negligence or legal abuses of their employees. But the tradition still goes to lump the blame onto the law enforcement bodies.

4. The Law would have never to become one of the highest priorities of state and society system, if it lacked the humanistic, aimed at public good law ideology, if it lacked the corresponding principles, and objectives, and legal policy, and organization of legal structure. The legal strategy objective must be the new law and order. It is to serve not to a caste, or a clan, or a class, or some party and person in power, but to the possibility for any individual to reveal his or her potential within the human socio-environment based on mutual responsibility for one's own behavior. That is what we see in the main criterion of the rights of personality, that is the basis of the law and order.

FOREIGN AFFAIRS

Sergey Oznobishchev. RUSSIA – BRITAIN: IN NEW TIMES, NEW RELATIONS?

1. The overwhelming majority of the Russian political elite tends have increasing tendency to fully reject even the most benevolent advice by the West – from the countries that passed over the uneasy centuries-old way of democratic development. At the same time, there is still no one who would clearly describe the so called 'particular way' of development, many our politicians and politologists urge to follow. Russia, in result, finds itself before another most dangerous trap again.

2. The so called state visit of our president to the Great Britain, in 2003, has proved to become a most important recognition by London of the importance of the Russian dimension in its policy. Non-ordinariness of the event was stressed by the special – 'royal' – ceremonial, with which were favored neither Yeltsin, nor even Gorbachev, popular in the West as the author of the 'perestroika'.

3. While observing today's political processes and feeling already prevailing political moods in Russia, one cannot help sensing some changes in the nature of the Russian-British relations. They somewhat moved from 'personal' warmth of bilateral dialogue in the first months of the new century to the present 'spy scandals' and the attempts to build the elements of business relations in accordance with the concepts accepted just by one party. The strategic partnership, which was mentioned as an objective few years ago, has become postponed for uncertain term.

4. In the nearest future, the key points of political disagreements are unlikely to be removed. If continued, Russia's withdrawal from democratic procedures, that are rather unequivocally understood in the Great Britain, would expand already existing gap in bilateral relations. On the other hand, if London is going to preserve the above mentioned negative moments in its policy towards us, it would not help to change the moods of the Russian party.

5. Soon, the British prime-minister is to leave his post. The momentum in the English policy in the Russian dimension is most likely to hold out. In 2008, there going to be a change at the post of the president of the Russian Federation, too. There will be new opportunities opened to again try to bring the bilateral relations to partnership level. Though, without laboriously addressing the problems that cause the parties' mutual irritation and concern, no positive changes are possible in the long run.

Isabelle Facon (France). THE QUALITATIVELY NEW RUSSIAN ARMY: WHAT KIND OF ARMY IS IT?

1. Consequences of the Russian Federation Armed Forces deep crisis in the the 1990s would keep their adversely affects for quite a long time. Nevertheless, it is obvious the situation with the Army changes for the better: inflow of people to its ranks has increased, quality of their training has improved, the motivation of the personnel has raised. It is in this context, most favorable for making real efforts to re-structure, that the Russian government spoke of intention to build a 'qualitatively new' Army in the Russian Federation. The government put aside the term of 'military reform', giving preference to the concept of 'modernization'.

2. The way chosen to build up professional army, is based on gradual and incomplete decisions. Indeed, the announced freeze on reduction of the armed forces strength means to preserve considerable drafting in the Army. The idea of having the professional noncoms and commissioned officers in the forces,

that has some potential to curb 'bulling' and thus to lower unpopularity of the draft military service, might help to bring about the conditions necessary for maintenance of mixed system (draftees and professionals).

3. The perspective to quickly rearm the Russian Army is fogged, primarily, with the costs needed to build up a professional army, as well as with the burden of social problems inside the armed forces, on which the president of Russia promised to focus his unremitting attention.

4. Considering the present working and technological state of the Russian military and military-industrial machinery, true qualitative reforming would, undoubtedly, lead to development of most serious cooperation with foreign industries and armies. To the military, that kind of prospect is not obvious: even despite the growing military cooperation, it is still circumscribed, while the Russian officers' interest in foreign models of modernizing the armed forces is rather unstable.

THE ISSUE MAIN TOPIC: THE VALUES IN THE MODERN EPOCH

Christina Matoutyte. WHAT ETHOS IS NEEDED IN RUSSIA?

1. In the world, there are various systems of values, each called ethos – Protestant, Confucian, social, communal, hedonistic, etc. But which of them is the closest to Russia's mentality and historical destiny?

2. In the years of perestroika, the liberals began to actively implant the Protestant ethos in Russia. The arguments of the universal values were based upon conviction that the cult of individual success, competition, entrepreneurship was transparent and reasonable for everyone.

3. But the Protestant ethos proved to be undermined not only in Russia, but also in the West. The era of individual success has come to the end. The ideology of lottery happiness which sprang from an opportunity 'to pan out some gold' or discover some oil deposit, had no reinforcement in an actual living any more. A career could be made inside some corporation only. The creation of the big establishments made the Protestant values insignificant.

4. Today, the government's prime task is to develop a new ethical system capable to unite the nation, to bring about the national enthusiasm, to ensure the confidence that all what is going on around is done not only in a reasonable way, but also in a way of moral prompting, according to the heart. But the government is busy looking for the means of solving the problem, appealing to those ethical systems that have already lost their historical mission.

Irina Monina. VALUES AS 'WEREWOLVES'

1. The way of life is made of features of peoples' day-to-day being. It is being built up of family life, traditions and habits, vital and practical directives, specifics of human communion.

2. Today, a human-being is still forms his or her lifestyle of the mosaic of components. But much has already been changed. A lifestyle is not just demonstrating the class of the society one affiliates himself or herself with, any more. The classes themselves had fallen apart into smaller groups. The meaning of economic factors had decreased. Thus, it is not the class affiliation that is of essence today, but the ties with the subculture which guides a person's lifestyle.

3. Our time's special feature is that the multitude of value orientations began to gradually pull together towards a single point. Today, one might neglect one's honor, friendship, belief, sanctity, dignity for the sake of being rich. That is why it is so important to deeply philosophically comprehend the value aspect of the being.

Tatyana Sveenina. DO ALL THE FLOWERS ARE TO BLOSSOM?

1. People treasure different values. One dreams of the richness, another seeks the power, the third has hope of intellectual development. In fact, it is extremely important for the society to make the arsenal of its values rich and vast enough. At that, the mere variety of vital and practical directives is not a blessing yet.

2. Those sacred objects that are the factors of the state security – patriotism, civicism, national idea, etc. – are of dramatic importance for the country. Today, these value orientations are under threat of statehood disintegrating, of lacking patriotic and civic feelings, of terrorism.

3. Patriotism is positively effective in supporting the state stability. Now, there begins the revival of patriotic feelings in our country. Loving the Motherland, its traditions and its history will undoubtedly will help Russia to occupy a worthy place within the mankind.

1. Different civilizations' values clash gave rise to many controversial opinions. Religious Moslems thought to be offended, some people consider their reaction to have been unreasonable. To a Moslem, though, to make a cartoon of Prophet is just the same as to wreck a temple. At the same time, an opinion sprang out, that the Islamites encroached upon such a value in the Western culture as the freedom of press. Other people unconditionally sided with the Islamites in impermissibility of insulting other people's faith.

2. Today, the society has lost any levers whatsoever to keep the government under control, to influence its behavior. A victim of despotism has no one to address to. Collective rallying, 'ochlos' dictatorship deprive him or her of opportunity to exert influence upon events. Officers of law enforcement, inspectors of various kind the least concern of the law triumphed. They use their crumbs of power for quite other purposes.

3. The world is experiencing economic, cultural and technological changes that help to establish global interrelations, both over national borders and through these borders. Globalization is fraught with mass disorders, and loss of the national control over the principal economic valuables, and social exploitation.

4. The values that appear to be imperturbable do change, in the course of time. It is through changing values orientation that the social dynamics are being brought in. 'Mobile' social, cultural conditions act upon the order of values. An individual draws his or her own practical and living purposes out of the mankind's arsenal. He or she is free to choose values. However, the predominant predilections make up the solid frame of culture in him or her, as values complex.

5. In the time, when the ten tables are apparently losing their indisputable magnitude, one has to learn, more than ever before, to listen to ten thousand tables, arising out of ten thousand of unique situations of which one's life consists. And, as far as these tables concern, one can lean and rely upon one's own conscience only. Vivid, clear and precise conscience is the only thing that provides one with the force to resist the effects of existential vacuum – conformism and totalitarianism.

GEOPOLITICS

Eugenie Vertlib (Germany). GEOSTRATEGICAL CONTEXT OF THE PROBLEMS OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY AND THE CENTRAL ASIA REGIONAL STABILITY

1. Russia is consolidating constructive relations with the rest of the world, it gradually gets rid of infantile foreign policy dogmatics and complaisant care of Washington politics. The Americans perceived Russia's strengthening 'in a wrong direction' as the major threat to their own national security. The reason is «Washington has put the equal-sign between the national security and the world supremacy (and that is where it makes its chief mistake)».

2. Each geopolitical epoch has a certain balance of forces in the international arena and a prevalent configuration of borders and zones of influence. The post-war settlement in Europe and throughout the world, guaranteed by the Yalta Conference of 1945, was ruined in 1989, when the Cold War ended officially, not favorably for Russia – the established borders were changed ('illegal' constitution of the CIS and disintegration of the Yugoslavian Federation), and institutions of global security admitted disbalance of forces (single hegemony of the USA), fraught with consequences.

3. Russia's political orientation and image are being changed: the country is more brave to cooperate with 'rouge countries', to protect the 'unreformable' Belarus from outside attacks, to mutually advantageous cooperate with the Islamists of a Khomeini kind, to do nuclear business with Iran (the Russians are going to build 20 more Busher-type nuclear power generating stations), to treat HAMAS in Moscow, to sell arms to all buyers without exception, to carry out joint military exercises with China.

4. It is precisely in strengthening its Armed Forces potential, up to (if required) going out of the Treaty on medium- and small-range rockets, Russia sees a guarantee to preserve the system of the international security and to consolidate its political and state sovereignty. Still, there are, perhaps, more wished-for points than hard obligations in the 'Ivanov Doctrine', – just in the Seventh Stratagem in the Japanese Art of War, «You need to made the enemy to come to a false conclusion and to convince him it is in compliance with the reality».

Mikhail Voytenko. WORLD SHIPPING: ITS ROLE AND TRENDS IN DEVELOPMENT. RUSSIA IN WORLD SHIPPING

1. In the world, nothing can compete with the merchant fleet in its important role to maintain the vital functions of the mankind as a whole, and the economy, in particular. By various data, the world commercial

fleet transport 85 up to 95 percent of all goods. Energy resources, raw materials, food, finished products. In practice, anything in the world economy is interchangeable or regionally limited, but the merchant marine keeps its position aside, for it would have been impossible for the modern civilized society to exist without it.

2. The shipping business had been, is and will be one of the most risky in the world. It is influenced by literally everything – the state of world and regional economies, storm, earthquakes and tsunami, break-ages and equipment faltering, people's mistake, political upheavals, wars and military exercises, gangsterism and terrorism, world currencies exchange rates, the newest high-tech engineering, oil prices, trade union positions, harvest forecasts in the state of Kansas and at the coffee plantations in Brazil, etc., etc.

3. In terms of world shipping, Russia means the export of energy resources; regional transportations, in main, dealing with exporting raw materials and importing the goods; and some share in global transportations. The Russian ports provide for Russian needs exclusively, with practically no participation in world transit freight traffics. Several the biggest Russian shipowners have their niches in the world shipping and strive for more. The Russian shipping's strong assets are people – seamen, experts in transport business, technicians – as well as the system of maritime education.

4. Shipping, being more globalized industry than any other, is itself an example of what the globalization coupled with scientific and technical progress would bring to the mankind. To maintain the normal work and security is mainly required developing some effective mechanism to control the industry and arising problems, the technique of overcoming narrow interests, limited by a country or a region. The mere existence of many national legislations is not just impeded the world shipping, but makes it dangerous.

Social migration: zones of risk

Boris Bazarov, Mikhail Yefimkin, Vladimir Lamin.

YELLOW MIGRATION: RETROSPECTIVE AND UP-TO-DATE REVIEW (Conclusion)

1. The peasantry dispossession of land in the European Russia made the capital city authorities to look for an urgent solution of rather dangerous social situation. The peasants' migration to Siberia was a sort of safety valve to dump over-critical level of social intensity.

2. In the Soviet period of history, the problems of the Far East regions' safety were being resolved much quicker, than before, the solutions were radical and, giving the opportunities and demands of the time, reliable enough, they were achieved by various ways and means, including the frontier wall deaf to economic and demographic processes.

3. Today's situation in the Russian Far East has lots in common with the similar one of a century ago. There is, perhaps, just one difference: the decreasing population in the Far East – in the Trans-Urals, of 27 million residents 140 to 150 thousand leaving each year, and such loss rate extends far to the west to cover, in fact, the whole of Siberia.

4. The massive use of cheap labor, against which the regional government combated, actually is one of key factors to put into fast motion the flywheel of economic development in the territories of pioneer settling, more so in those that suffer transport isolation from industrial centers and demographic density spots.

5. Transnational migratory processes are objective phenomena. The massive use of cheap labor force is indeed one of the key factors to put into fast motion the flywheel of economic development in the territories of pioneer settling, more so in those that suffer transport isolation from industrial centers and demographic density spots.

CIS

Rasim Agayev (Azerbaijan). **TRANSITION PERIOD: SOME FEATURES OF THE PORTRAIT OF INDEPENDENT REPUBLIC**

1. In Azerbaijan, petrodollar factor made an impact on the whole system of social inter-relations imposes. Under its influence, along with ever-present growth of currency opportunities, the balance of social forces has radically changed. The contract of the century, that gave start to construction of the Baku – Ceyhan strategic oil pipeline, was signed in 1994, and, in 1998, the opposition gave its final battle to Aliiev's regime of personal power – during the presidential elections, its forces began to run low afterwards.

2. As the international experience proves, the petrodollar indeed may become a mighty force to give impetus to social progress, under favorable circumstances. But another fact is also known: wherever there

are no strong democratic traditions and expertise to build up modern state structures, this force serves as the base support of autocratic regimes.

3. In Azerbaijan, the paradox of social development is that the current regime did managed to realize all those political projects that made up the reformatory essence of the opposition's programs, which seemed unrealizable even not so long ago. The governmental program of privatization is being realized, Azerbaijan's strategic orientation directed to the West, the share of foreign subsidies passed over \$20 billion a long time ago, the record of a sort in the CIS.

4. The modern democracy postulate by which the property guarantees a citizen's freedom and thus acknowledges the democratic character of the state system, by no means has taken root in Azerbaijan. The very easiness, with which the former minister of economic development, F. Aliiev, and his brother, R. Aliiev, the owner of the only private oil corporation of Azpetrol, were deprived of their properties, became a visual demonstration of the property's value and meaning.

5. In the transitional period, there took place the final coalescence of the criminal organizations with those of the state, in the post-Soviet countries. Under the conditions of some formal democracy, when the Soviet mechanisms of struggle became out of use, while no new ones developed, the process obtained quite a new quality: the criminal force, integrating into the state system, transforms it into criminal power. The latter, due to lack of administrative and social organization, loses the control over social processes, thus becoming the power for itself.

PUBLICATIONS

The Way It Were

Gennady Bocharov. FLYERS IN THE DARK .

Will the mankind refuse from supersonic passenger aircraft?

«Following the infamous and tragic finale of the Soviet most ambitious aviation program, which embodiment was, undoubtedly, the first-ever supersonic passenger air liner, Toupolev-144, its Western great analogues, the craft-lightning of the Concord family, put down their legendary wings. The last flight across the ocean has been made by the Air France airliner. All the five British Airways Concorde have come to finish of the fascinating aviation show, too.»

«Supersonic passenger aircraft have left the skies. Nowadays, they made landings in museums of Europe and America. Though, Toupolev-144, designed by the genius of the Soviet scientists, has no placing even in a museum, destined to oblivion only. Just a touch, as a matter of fact. A feature of the nation's mentality. It is another thing, I repeat, that matters most – the era of the supersonic civil aircraft which has its start in the 20th century, has come to an end in the 21st century... With the risk to give rise to rightful anger in many people, who are dear to me, I claim: it happened what should be expected. And what is to be perceived as a blessing. The blessing for the whole of mankind. For the civilization.»

«I wish my grandsons and great-grandsons would see what I had no chance to see on the Earth yet. True, because of supersonics, I have already seen what I wish no one else to see – the boundless desert of the Russian tundra, fouled with black oil and millions of empty rusting fuel barrels, slashed with land-rover caterpillars; white bones, horns and skeletons of thousands upon thousands reindeers, from which the people grabbed even the small tuft of green moss in their pursuit for oil, and, hence, for more speedy vehicles in the air, on the land, at seas, giving the animals no chance to prolong their wonderful, harmonious life.»

Alexander Tsipko. THE RUSSIAN 21st CENTURY:
THE FUTURE WE ARE NOT GIVEN TO SEE (*Continuation*)

«From the philosophical, as well as historical and political point of view, the most interesting and instructive thing in our Russian counterrevolution lies just in its irony, in its paradox, that is in destruction of the real Russian Communism in the name of its ideals, in the name of the Communism of 'inspiration', the Communism of 'inspired soul', as one of the heroes of perestroika, Andrey Nujkin, once put it.»

«The today's frankly conservative response on the 1990s and urge towards rehabilitating both the Russian patriotism and the traditions of the Russian sovereigness, as well as eventually rehabilitated, at last, the White Movement, the heroes of fighting the Bolshevism, are, in fact, motivated by the aspiration to transform a paradoxical counterrevolution into that of normal, to see the restoration as a mean to restore the unity and continuity of the Russia's history.»

«Now, is hard to tell, what part in the today's conservative response is played by the so called 'Pe-aR' and what is really influenced by the beliefs of the present Russia's rulers. But one cannot help seeing, that the post-revolutionary stabilization, including the conservative response on the ideology and policy of the 1990s, is just the testimony of the society's spiritual health, the token of the desire to elude our eternal 'specialcy', this time.»

«One has to consider, that in overwhelming majority of the East European countries – in Poland, Czechoslovakia, Hungary and even in Bulgaria – from the very beginning, the anti-Soviet counterrevolution has been set up under the conservative colors and aimed at restoring what those countries had prior to the start of the so-called 'Socialist construction'.»

NOTES ON A BOOK'S MARGINES

«ANGER, DRIVE ME!..»

Elvira Spirova on *The Philosophy of Hatred* by Andre Glucksmann (M., 2006)

1. A. Glucksmann has never been tired to sneer at naive radicalism. His book, helping to make public consciousness cleared, certainly, is significant. Though it gives rise to affliction, too. Strong in its affectation and emotional infection, ruthless in its evident illustrations, the book exposes politicians, but offers no sound decision of the problem the mankind has come face to face with today.

2. The book by A. Glucksmann expands our historical and philosophical notion of hatred. He shows, how the cry of hatred had strived to eternity in Antique Greece. There is Ajax, intoxicated by the fighting, who in wild outburst stabs to death the poor sister of his, Kamilla, the fury gushing out of the warrior in the heat of fighting forces him to forget all human and divine laws. Nothing can stop him. He is intoxicated with unhuman. And there is Medea, the legendary enchantress from the cycle on the Argonauts. Rejected, robbed, expelled, she take vengeance on Yason. Before her husband's eyes, she slaughtered her two sons.

3. The Glucksmann's concept, despite of all the attempts to give it weight and thoroughness, never leaves the bounds of the left-wing radical thinking. He sees hatred, if not as psychological bubonic plague infection, then the complete frustration of mind seizing both the body and the senses, and human communities. But it is unlikely that tracing the intellectual history of hatred, or developing of the humanitarian science of hatred towards the man, might help the mankind to come closer to solving the problems it is faced with.

4. Nevertheless, the work by A. Glucksmann is to be perceived as the significant phenomenon in the modern philosophy. The book touches upon the problem that knows no simple solutions. That is why its pathos deserves support, regardless of all flaws.

BOOKS THAT MIGHT BE OF INTEREST

Reviewed by *Elvira Spirova*, Ph.D.

THE PRINCIPAL CONTRADICTION OF THE EPOCH

The State's Fate in the Epoch of Globalization. Collect., ed. by professor V.N.Shevchenko. M., The Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, 2005, circ. 500 copies, 200 pp.

THE GRANDEUR AND IRREFUTABILITY OF DOCUMENT

The Main Adversary. The 1945–1950 Documents of the US Foreign Policy and Strategy. Transl. from English. Comp. and introduction by I.M.Illinsky. M., Moscow Liberal University Publishing House, 2006, circ. 5000 copies, 504 pp.

CRISIS PROCESS OVERCOMING

Russia at the Beginning of the 21st Century. A New Deal. Ed. by professor V.S.Semyanova. M., The Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, 2005, circ. 500 copies, 197 pp.

ОБ АВТОРАХ

Агаев Расим Гусейнович – заместитель председателя Союза журналистов Азербайджана. По образованию филолог – окончил Азербайджанский государственный университет.

С 1964 года в журналистике – Азербайджанское радио, собкор Агентства печати Новости, газеты «Труд» по Азербайджану, заведующий Бюро АПН в Ливии.

Кандидатская диссертация посвящена проблемам политических союзов в Ираке. В разные годы работал заведующим идеологическим отделом ЦК Компартии Азербайджана, руководителем пресс-службы Президента АР.

Автор ряда работ по проблемам Ближнего Востока, стран Южного Кавказа.

Базаров Борис Ванданович – чл.-корр. РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии, автор более 150 научных работ.

Бочаров Геннадий Николаевич – член Союза писателей Москвы, автор многих документальных книг, изданных в разное время общим тиражом полтора миллиона экземпляров. Большинство его работ переведено на основные языки мира.

В течение ряда лет Геннадий Бочаров работал специальным корреспондентом «Комсомольской правды», обозревателем «Литературной газеты», политическим обозревателем при генеральном директоре ТАСС, политическим обозревателем «Известий». В качестве специального корреспондента побывал более чем в 50 государствах мира, в том числе во всех его «горячих точках».

В советское время был удостоен высших профессиональных наград: премии Союза журналистов СССР, премии им. Михаила Кольцова; премии им. Владимира Гиляровского, премии Ленинского комсомола. За репортажи с космодрома Байконур удостоен почетных знаков им. Ю.Гагарина, академика С.Королева и т.д. Награжден орденами и медалями СССР, включая боевой орден Красной Звезды.

Книга Бочарова «Русская рулетка» в начале девяностых годов стала подлинным мировым бестселлером – ее издали крупнейшие издательства Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Стокгольма, Люксембурга и др. Тема большинства книг Г. Бочарова – человек преодолевающий.

Лучшие работы Бочарова составляют учебное пособие – книга «Чистые вершины» – для отделений иностранных университетов, на которых изучается современный русский язык.

В течение последних 15 лет Г.Бочаров переизбирается членом Правления Международного фонда авиационной безопасности. В этом качестве он участвует во всех международных семинарах, которые проводятся в различных точках мира. Авиационная тематика занимает значительное место в его творчестве.

Вертлиб Евгений Александрович (Германия) – академик РАЕН и Академии безопасности, обороны и правопорядка РФ, а также ряда зарубежных академий, профессор Европейского Центра по изучению проблем безопасности (Германия), внештатный советник

председателя Комитета по международным делам и международным связям Парламента Кыргызской Республики.

В 1975 году получил статус политического беженца (США).

На протяжении ряда лет занимался научно-исследовательской и преподавательской деятельностью в различных институтах и организациях США и Италии.

Сфера научных интересов: аналитическая политология внешней политики, принятие политических решений, управление конфликтами и стабильностью общества, стратегии национальной безопасности.

Член Консультативного Совета неправительственных организаций при Комитете Государственной Думы по международным делам.

Член редакционной коллегии журналов «Геополитика» (Украина), «Дон», «Центральная Азия: политика и экономика» (Казахстан).

Опубликовал более 200 статей, интервью, рецензий и др.

Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

Кавалер ордена Петра Великого I степени.

Войтенко Михаил Дмитриевич – журналист и аналитик в области транспорта и экономики. Образование – инженер-судоводитель, морской стаж – 16 лет.

Создатель и автор ряда сайтов, посвященных морской тематике, в том числе издательства «Морские вести России» (www.morvesti.ru), журнала «Морской флот» (www.morflot.org), www.maritimes.ru (совместно с ИА Росбалт).

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна – доктор политических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Специалист в области изучения политических элит, политического лидерства, политической культуры и политического сознания. Автор монографий «Политические элиты России: вехи исторической эволюции»; «Бюрократия Российской империи», «Цивилизация. Культура. Личность» (в соавторстве); ответственный редактор книг «Самые влиятельные люди России-2003», «Властные элиты современной России». Автор более 150 научных работ,

Гуревич Павел Семенович – доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Московского государственного университета технологий и управления, заведующий Клиникой глубинной психологии.

Президент Московской межрегиональной психоаналитической ассоциации, один из учредителей и член бюро Российской психоаналитической ассоциации, вице-президент Академии гуманитарных исследований, действительный член Нью-Йоркской Академии наук.

Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии. Постоянно печатается в центральных газетах и журналах, автор ряда школьных и вузовских учебников, многочисленных монографий, в том числе: «Философская антропология» (2001), «Основы философии» (2002), «Культурология» (2003), «Психология» (2004).

Гусейнов Вагиф Алиовсатович – директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики».

Получил образование журналиста в Бакинском государственном университете. Работал комментатором общественно-политических передач Азербайджанского радио и телевидения, редактором газеты «Молодежь Азербайджана», первым секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана, секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, первым заместителем начальника управления МИД СССР. С начала войны между Азербайджаном и Арменией из-за Нагорного Карабаха с 1989 по 1991 год – председатель КГБ Азербайджана. С 1998 года – член Совета по внешней и оборонной политике.

Автор книг: трехтомника «От Ельцина к ...» (Хроника тайной борьбы), «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть» (Экономика и геополитика)». Соредактор вышедшей в 2004 году книги «Иракский кризис и становление нового мирового порядка».

Демин Валентин Григорьевич – государственный советник юстиции 2-го класса, заслуженный юрист РФ, кандидат юридических наук. В 1956 году окончил юридический факультет МГУ, работал в органах прокуратуры. В 1974–1987 годах – помощник Генерального прокурора СССР. В 1987–1994 годах – первый заместитель директора Института проблем укрепления законности и правопорядка. В 1994–1996 годах занимал пост начальника Секретариата Генерального прокурора РФ.

Ефимкин Михаил Макарович – профессор Сибирского института финансов и банковского дела.

С 1970 г. работает в Институте истории Сибирского отделения АН России. В 1977 г. защитил кандидатскую, в 1988 г. – докторскую диссертации, став главным научным сотрудником.

Является одним из ведущих сибирских исследователей в области социально-экономической истории Сибири, проблем освоения и развития восточных регионов России, их геополитической роли в становлении и развитии российской государственности, их современного положения в геополитической конфигурации северо-восточной Азии. Автор 150 научных работ, в том числе 10 монографий. В последние четыре года им опубликованы монографии «Россия: особенности исторического пути», «Влияние глобальных цивилизационных факторов на темпы исторического развития России» – учебные пособия; «Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии» в соавторстве с В.А.Ламиным.

Входит в авторский и редакционный состав ряда многотомных популярных изданий: пятитомной «Истории промышленности Новосибирска», «Очерков истории Новосибирска», трехтомной «Исторической энциклопедии Сибири».

Катышев Михаил Борисович – государственный советник юстиции 1-го класса, заслуженный юрист РФ. С 1969 по июнь 2000 года работал в органах прокуратуры. С ноября 1995 по июнь 2000 года занимал должность заместителя Генерального прокурора Российской Федерации.

Коэн Стивен (США) – советолог, профессор истории России в Нью-Йоркском университете, долгое время был профессором политологии в Принстоне, автор многих книг о России, в том числе биографии Николая Бухарина.

Последняя книга Коэна «Провал Крестового Похода» (2001) об американской политике в отношении к России.

Ламин Владимир Александрович – член-корреспондент РАН, член Президиума Сибирского отделения РАН, директор Института истории ОИИФФ СО РАН.

С 1962 г. работает в системе АН СССР (РАН) в различных должностях. Его научная биография связана с Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР (после реорганизации – Институтом истории ОИИФФ СО РАН).

Один из ведущих российских исследователей в области социально-экономической истории России XX века, проблем освоения и развития восточных регионов страны.

Другое направление его научных изысканий – социально-демографическое развитие региона, в том числе особенности современных миграционных процессов на востоке страны с позиции их ретроспективного анализа. Проводимые им исследования современной миграционной и демографической ситуации на востоке России и в сопредельных регионах позволяют сформулировать ряд рекомендаций по оптимизации политики восточных регионов страны в сфере межгосударственных миграций.

Главный редактор крупнейшего трехтомного издания «Историческая энциклопедия Сибири», работа над которым объединяет более 400 специалистов от Урала до Дальнего Востока. Почетный профессор Семипалатинского университета.

Автор и соавтор около 200 научных работ, в том числе с 2000 г. им опубликовано более 50 работ (включая монографии и разделы в коллективных трудах), в том числе: «Энцикло-

педия Новосибирска» (2003 г.), пятитомная «История промышленности Новосибирска», «Очерков истории Новосибирска» (2005 г.).

В 2003 г. удостоен премии им. акад. В.А.Коптюга за фундаментальное исследование «Очерки истории белорусов в Сибири». За исследования по истории социально-экономического освоения и развития нефтегазовых регионов страны в 2005 г. отмечен Почетной грамотой губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа.

Матутите Кристина Павловна – кандидат философских наук, руководитель рекламной группы газеты «Элитный персонал».

Окончила факультет журналистики МГУ. Работала директором издательства «Гуманитарий», ответственным секретарем издательства «Олимп».

Монина Ирина Алексеевна – директор по персоналу ООО «СОВЛИНК», аспирант Института философии РАН.

В 1993 г. окончила Московский технический университет связи и информатики по специальности экономист.

После окончания была направлена на повышение квалификации во Францию в Высшую школу управления Британии (Франция), в рамках франко-русской правительственной программы по формированию молодого поколения управленцев в области связи.

По окончании ВШУБ работала в московских финансовых структурах.

Изучение работ А.Адлера легло в основу ее управленческих тренингов, которые проводятся в различных коммерческих структурах.

Никитин Олег Святославович – старший консультант Бюро социально-экономического анализа, специалист по информационной политике.

Ознобищев Сергей Константинович – кандидат исторических наук, политолог.

В 1993–1996 годах – директор центра проблем международной безопасности Института США и Канады РАН. В настоящее время – директор института стратегических оценок, член экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации; заместитель председателя «Ассоциации Россия–США», член правления Ассоциации политических наук, член международного Пагуошского комитета, член Совета по внешней и оборонной политике, кандидат исторических наук.

Поройков Юрий Дмитриевич – кандидат философских наук, первый заместитель главного редактора «Вестника аналитики». Работал в комсомольских и партийных органах, главным редактором журнала ЦК ВЛКСМ «Молодой коммунист», первым заместителем главного редактора «Литературной газеты», первым заместителем генерального директора ИТАР-ТАСС.

Член Союза писателей, автор ряда прозаических, поэтических и публицистических книг. Лауреат премии Ленинского комсомола в области журналистики. Заслуженный работник культуры Башкортостана и Российской Федерации.

Свинина Татьяна Михайловна – заместитель директора Института психоанализа и социального управления Московского государственного университета технологий и управления, практикующий аналитик.

Автор ряда работ по имиджологии.

Спирова Эльвира Маратовна – кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой психологии в Московском государственном университете технологий и управления, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Изабель Факон (Франция) – научный сотрудник Фонда стратегических исследований (Париж). Специалист в области политики безопасности и обороны России. В частности, в сферу ее интересов входит военная реформа и эволюция отношений между гражданскими и военными. Автор ряда работ по внешней политике России, в частности, по вопросам отношений между ЕС и РФ, а также политики Евросоюза на постсоветском пространстве. Редактор ряда монографий, последняя работа (совместно с Ивом Буайе): «Политика России в области безопасности – между переломом и преемственностью» (Paris, 2000).

Ципко Александр Сергеевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, политический обозреватель «Литературной газеты»,

Окончил философский факультет (1968) и аспирантуру МГУ (1972). Работал в газете «Комсомольская правда», в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ, в журнале «Молодой коммунист».

С 1972 г. – старший научный сотрудник, руководитель группы, заместитель директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (впоследствии – ИМЭПИ РАН). В 1978–1980 гг. – доцент Института философии и социологии Польской академии наук. В 1986–1990 гг. – консультант отдела ЦК КПСС. В 1992–1993 гг. – профессор Университета г. Хоккайдо (Япония), 1993–1995 гг. – директор научных программ Горбачев-фонда, 1995–1996 гг. – профессор Вудро Вильсон-центра (США).

Редактор приложения к «Независимой газете» «НГ-сценарии» (1996–1998), директор центра стратегических исследований Московского фонда президентских программ (1998–1999).

Автор ряда монографий и более 100 научных статей.

Шаронов Андрей Владимирович – статс-секретарь, заместитель министра Министерства экономического развития и торговли РФ, кандидат социологических наук.

В 1986 году окончил Уфимский авиационный институт, в 1996 – Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации.

В 1987–1989 гг. – секретарь комитета ВЛКСМ Уфимского авиационного института.

В 1989–1990 гг. – председатель подкомитета Верховного Совета СССР, а в 1990–1991 гг. – секретарь ЦК ВЛКСМ.

В 1992–1996 гг. – председатель Комитета Российской Федерации по делам молодежи.

В 1996–2002 гг. – на руководящих должностях в Министерстве экономического развития и торговли Российской Федерации; С 2003 года – первый заместитель министра экономического развития и торговли Российской Федерации, заместитель министра Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации в новой структуре МЭРТ РФ.

Язькова Алла Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, член Ученого совета Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, действительный член Академии педагогических и социальных наук, председатель Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН).

Автор свыше 200 научных трудов по проблематике международных отношений в Балканском и Черноморско-Каспийском регионах, отношений России с государствами этих регионов, регулирования политико-этнических конфликтов. Автор ряда монографий и публикаций, среди них: «Государства Закавказья и Россия (проблемы южных рубежей России)». М., 1998; «Национально-этнические проблемы (российский и зарубежный опыт их регулирования)». М., 2003; «Процессы трансформации НАТО и балканские кризисы». – В кн. «НАТО: Проблемы и перспективы трансформации». М., 2004.

OUR AUTHORS

Rasim G.AGAYEV – Deputy Chairman of the Azerbaijan Union of Journalists. Graduated from the Azerbaijan State University (the Philological Department).

Since 1964, engaged in journalism as correspondent of the Azerbaijan Radio, the Novosti Press Agency's own correspondent, the *Trud* newspaper's correspondent for Azerbaijan, the Chief of the Novosti PA Bureau in Libya.

His Cand. Sc. (History) thesis explored on problems of political alliances in Iraq. In divers years, hold positions of the Chief of the Ideological Department at the Communist Party of Azerbaijan Central Committee, the Head of the Press Service of the President of the Azerbaijan Republic.

Authored some publications on problems in the Middle East and the Southern Caucasus countries.

Boris V.BAZAROV – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies. Authored over 150 scientific writings.

Gennady N.BOCHAROV – member of the Moscow Union of Writers, authored many non-fiction books with total circulation of a million and a half; most of them were translated into main world languages.

For a number of years, was a practical journalist of note – special correspondent of the Komsomolskaya Pravda newspaper, columnist of the *Literaturnaya Gazeta* weekly, political analyst at the TASS news agency Director General, political columnist of the *Izvestia* newspaper. In his professional capacity visited more than 50 countries all over the globe, including all its hot spots.

In the Soviet times, became holder of the highest awards in the trade: the USSR Union of Journalists Prize; the Mikhail Koltsov Prize; the Vladimir Gilyarovsky Prize, the Lenin Komsomol Prize. His reports from the Baikonur space launch-site brought him, among the others, the Yuri Gagarin and the Academician Sergey Korolev honorary badges. Had the USSR state decorations, including the Red Star Order for service in battle.

Early in 1990s, his book *The Russian Roulette* turned out to become a true world-wide best-seller, put into print by the most prominent publishing houses in London, Paris, New York, Berlin, Stockholm, Luxembourg, and so forth. The chief subject of the most books by G.Bocharov is a person overcoming.

The best by G.Bocharov made up the *Pure Tops* text-book for the modern Russian language studies at the foreign universities.

For the last 15 years, holds position of a member at the Board of the International Foundation for the Aviation Safety. As such, participates in all international seminars which are being held world over. The aviation is an ever-present subject in his writings.

Stephen COHEN (USA) – Sovietologist, the Professor of Russia's history at the University of New York; for quite a long time was the politology professor at the Princeton University. Authored many books about Russia, including Nikolay Bukharin's biography.

Cohen's latest book, *The Crusade Failure* (2001), is on the US policy towards Russia.

Valentine G.DYOMIN – State Counsellor of Justice of the Second Class. Honoured lawyer of the Russian Federation, candidate of judicial sciences. In 1956 graduated from faculty of law of the Moscow State University, worked with the Prosecutor's Office. In 1974–1987 – assistant to the Prosecutor General of the USSR. In 1987–1994 – First Deputy Director of the Research Institute on Problems of law and Order Enforcement. In 1994–1996 worked as Chief of the Secretariat of the Prosecutor General of the Russian Federation.

Isabelle FACON (France) – research fellow, the Foundation for Strategic Studies, Paris. She is expert in Russia's security and defence policy. Her scientific interests include, in part, the military reform, the evolution of civil-military relations. Authored some works on Russia's foreign policy, in particular, on the issues of EU-Russia relations and EU policy in the postsoviet space. Edited a number of studies, the last one (with Yves Boyer) *La politique de sécurité de la Russie – entre rupture et continuité. Paris, 2000.*

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – D Dr.Sc. (Politology), professor at the RF President's Academy of State Service. The expert in studying political elites, political leadership, political culture and political consciousness. Authored such monographs as the *Political Elites in Russia: Historical Evolution Milestones; the Bureaucracy in the Russian Empire; the Civilization. Culture. Personality* (in co-authorship). Was managing editor of the book publications the *Russia's Most Influential People – 2003; the Power Elites of Contemporary Russia*. In total, published more than 150 scientific works.

Pavel S.GUREVICH – D. Sc. (Philosophy), D. Sc. (Philology), professor, Sector Head at the RAS Institute of Philosophy, Head of the Psychology Chair at the Moscow State Institute of Technologies and Management, Chief of the Deep Psychology Clinic.

Is President of the Moscow Inter-Regional Psychoanalytical Association, one of the founders and Bureau member of the Russian Psychoanalytical Association, Vice-President of the Academy of Humanitarian Studies, Full Member of the New York Academy of Sciences, of the International Informatization Academy, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences.

Fields of research include philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy. Is permanently present in the academic publications and national media, authored some high school and university textbooks, numerous monographs, including *The Philosophical Anthropology* (2001), *The Foundation of Philosophy* (2002), *The Culturology* (2003), *The Psychology* (2004).

Vagif A.GUSEYNOV – director of the Institute of Strategic Studies and Analysis and editor-in-chief of the periodical «Analytical Messenger».

Graduate of the State University in Baku. Worked as a commentator for the Radio of Azerbaijan, as a newspaper «Molodezh Azerbajjana» editor, a Secretary in charge of international affairs in the Youth Organization of the USSR (Komsomol), a department deputy chief in the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Starting from the outbreak of the war between Azerbaijan and Armenia in 1989 caused by the problem of Nagorny Karabakh till 1991 he was the Chairman of the State Security Committee (KGB) in Azerbaijan. Since 1998 he is a member of the Russian Council on Foreign and Defense Policy (SFDP).

Author of several books: «From Yeltsin to...?» (volume I-III: «The chronicle of secret struggle», «Euphoria of power», «War of discreditable materials»), «The Caspian oil (economy and geopolitics)».

Mikhail B. KATYSHEV – State Counsellor of Justice of the First Class. Honoured lawyer of the Russian Federation. From 1969 till June 2000, worked with the Prosecutor's Office. Since November 1995 till June, 2000 held the post of the Deputy Prosecutor General of the Russian Federation.

Vladimir A. LAMIN – Corresponding Member, the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Director, the RAS SB Institute of History.

Since 1962, held various positions within the structure of the USSR (Russian) Academy of Sciences. His scholar life dedicated to the USSR AS SB Institute of History, Philology and Philosophy (upon reorganization – the RAS SB Institute of History).

One of the leading Russian scholars in Russia's social and economic history in the 20th century, expert in settling and developing the Eastern regions of the country.

Conducting researches in socio-demographic development of the region, including retrospective analysis of the specifics of the contemporary migration in the Eastern parts of the country. His studies of the current migration and demographic situation in the Eastern Russia and in adjacent regions result in formulating some recommendations to optimize the east regions' politics in sphere of interstate migrations.

Authored and co-authored some 200 scientific works: since 2000, published over 50 of them it is published more than 50 (monographs and chapters in collective works), including *The Encyclopedia of Novosibirsk* (2003), the five-volume *History of the Novosibirsk's Industry*, the *Essays on the History of Novosibirsk* (2005).

Is the Chief Editor of the largest three-volume Historical Encyclopedia of Siberia, collective work by over 400 contributing experts who cover the area from the Urals Mountains up to the Far East.

Is the Professor of Honor at the Semipalatinsk University.

In 2003, his fundamental investigation on the *Essays on the History of Byelorussians in Siberia* got the Academician V.A. Koptug Award.

In December 2005, his researches on the history of socio-economic settling and developing oil and gas regions of the country were favored the Certificate of Honor by the Governor of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug.

Christina P. MATOUTYTE – PhD, Advertising Director at the Elitny Personal newspaper.

Graduated from the Moscow State University (Department of Journalism). Held the positions of Director, the *Gumanityi* Publishing House, and Managing Editor, the Olymp Publishing House.

Irina A. MONINA – HR Director at the SOVLINK Open Company, Limited, undergoes the post-graduate courses in the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy.

Graduated from the Moscow Technical University of Communication and Information Science with the diploma in economics, in 1993. Upon graduation was sent for up-grading to the Brittany Higher School of Management, France, gratis the French-Russian governmental program to pool younger generation managers in the communications industry. On completion her upgrading at the BHSM, was employed by various commercial companies.

Based on works by A. Adler, programmed some managing trainings of her own for various business structures.

Oleg S. NICKITIN – the senior consultant, the Bureau of the Socio-Economic Analysis, an expert in information policy

Sergey K. OZNOBISHCHEV – born in 1951, Cand.Sc. (History). In 1993–96 held position of Director of the Center on the International Security Problems at the Russian Academy of Sciences Institute of the US and Canadian Studies (ISCRAN). At present, is the Director of the

Institute of Strategic Assessments, member of the Advisory Group at the Committee on the International Affairs of the Council of Federation of the Russian Parliament; Vice-President of the Russia-USA Association, member of the Board of the Association of Political Sciences, member of the International Pugwash Committee, member of the Council on Foreign and Defense Policy.

Yury D. POROIKOV – Ph.D., the First Deputy Editor-in-Chief, *Vestnik Analitiki* bulletin. Made a career in the Young Communist League and Communist Party stuffs, held the post of the chief editor of the YCL Central Committee *Molodoy Kommunist* magazine, the first deputy chief editor of the *Literaturnaya Gazeta* newspaper, the First Deputy General Director of the ITAR-TASS news agency. Member, the Union of Writers, authored some books of prose, poetry and publicism. The Lenin Komsomol Award in Journalism holder. The Honored Worker in Culture of Bashkortostan and the Russian Federation.

Andrey V. SHARONOV – Cand.Sc. (Sociology), the State-Secretary, Deputy Minister of economic development and trade of the Russian Federation.

In 1986, graduated from the Ufa Aviation Institute; in 1996, graduated from the RF President Russian Academy of State Service.

In 1987–1989, headed the All-Union Lenin Young Communist League (*Komsomol*) Committee at the Ufa Aviation Institute. In 1989–1990, was Chairman of the USSR Supreme Soviet sub-Committee; in 1990–1991, was elected Secretary of the *Komsomol* Central Committee.

In 1992–1996, held position of the Chairman of the Russian Federation Committee on youth affairs.

In 1996–2002, held executive posts in the Russian Federation Ministry of Economic Development and Trade; since 2003, was the First Deputy Minister, and – within the new MEDT structure – Deputy Minister of economic development and trade of the Russian Federation.

Tatyana M. SVEENINA – Deputy Director of Institute of Psychoanalysis and Social Management at the Moscow State University of Technologies and Management; a practical analyst.

Authored some works on Imageology.

Elvira M. SPIROVA – Ph.D, deputy head of the Psychology Chair at the Moscow State University of Technologies and Managements, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Alexander S. TSIPKO – principal research fellow in the Institute of International Economic and Political Studies (IMEPI) of the Russian Academy of sciences, political observer in the «*Literaturnaya gazeta*», doctor of philosophical sciences. Graduated from the philosophical faculty and the post graduate course of the Moscow University.

He worked in the newspaper «*Komsomolskaya pravda*», the propaganda department of the Central Committee of the Youth Organisation of the USSR (*Komsomol*), the journal «*Molodoy kommunist*». Since 1972 he was a senior research fellow, head of a subdivision, deputy director of the Institute of Economy of the World Socialist System of the Academy of sciences of the USSR (later IMEPI). In 1978–1980 worked as a senior lecturer of the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of sciences, in 1986–1990 adviser of a department in the Central Committee of the CPSU.

In 1992–1993 he was professor in the University of Hokkaido (Japan), in 1993–1995 director of the scientific programs in the Gorbachev-fund, in 1995–1996 professor in the Woodrow Wilson Center (USA).3

Editor of the supplement to the «Nezavisimaya Gazeta» newspaper «NG-scenarios» in 1996–1998, director of the Center of strategic studies in the Moscow Fund of Presidential Programs in 1998–1999.

Author of a number of books and more than 100 scientific articles..

Evgenie A. VERTLIB (Germany) – Academician of the Russian Academy of Natural Sciences and the Academy of Security, Defense and Law Enforcement of the Russian Federation, as well as some of the foreign Academies; the Professor at the European Center of Security Studies (Germany), the non-staff Adviser to the Chairman of Committee on the foreign affairs and international cooperation of the Parliament of the Kyrgyz Republic.

In 1975, was granted the status of political refugee (USA). For some years, was engaged in research and lecturing at various institutes and organizations in the USA and Italy.

Scientific interests include foreign policy analytical politology, political decision-making, conflict and society's stability management, strategies of national security.

Member of the NGO Advisory Council at the State Duma Foreign Affairs Committee. Member of the Editorial Boards of the *Geopolitics* (Ukraine), *Don* (RF), *The Central Asia: Politics and Economy* (Kazakhstan) magazines.

Published more than 200 articles, interviews, reviews, etc.

Member of the Russia's Union of Writers and the Union of Journalists.

Awarded the Order of Peter the Great, 1st class.

Mikhail D. VOYTENKO – journalist and analyst specializing in transport and economy. Holds higher educational diploma as engineer-navigator: the sea experience of 16 years.

The founder and the author of some web-sites with data on the sea, including the Sea Messages of Russia (www.morvesti.ru) publishing house, the *Merchant Marine* magazine (www.morflot.org), www.maritimes.ru (together with the Rosbalt Information Agency).

Mikhail M. YEFIMKIN – the professor at the Siberian Institute of Finance and Banking.

Since 1970, employed by the RAS Siberian Branch Institute of History. In 1977, got his Cand.Sc. degree, and his Dr.Sc. degree, in 1988, became senior researcher.

One of the leading Siberian scholars in social and economic history of Siberia, expert in development of Russia's Eastern regions, their geopolitical role in building up and developing the Russian statehood, their contemporary positions in the geopolitical configuration of North-East Asia.

Authored 150 scientific works, including 10 monographs. In the latest four years, published monographs on the *Russia: Specifics of the Historical Road*, *The Global Civilizing Factors' Influencing the Rates of Historical Development of Russia*; text-book on *The Transformations in Socio-Industrial Structure of the Novosibirsk Oblast in the 20th century* (co-authored by V.A.Lamin).

Holds membership in editorial stuffs of some multi-volume popular editions: the five-volume *History of the Novosibirsk's Industry*, the *Essays on the History of Novosibirsk*, the three-volume *Historical Encyclopedia of Siberia*.

Alla A. YAZKOVA – D. Sc. (History), professor, chief researcher, member of the Academic Council at the RAS Institute of International Economical and Political Studies, Academician of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Chairperson of the Mediterranean – Black Sea Studies (the RAS Institute of Europe).

Authored over 200 scientific works on international relations in the Balkan and Mediterranean – Black Sea regions, Russia's relations with these regions states, settling political and ethnic conflicts. Published some monographs and essays, including the *Transcaucasia States and Russia: Problems of Russia's Southern Frontiers* (M: 1998); the *National and Ethnic Problems: Russian and Foreign Experience In Settling Them* (M: 2003); the *NATO Transforming and the Balkan Crises // in the NATO: Problems and Perspectives of Transforming* (M: 2004).

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 2006 ГОДУ (ПО РАЗДЕЛАМ)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов	№1–4
Члены редсовета о журнале (к пятилетию выпуска первого номера)	№1

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА (Экспресс-анализ)

«Круглый стол»: Союз России и Белоруссии: мифы и реальность	№1
Николай Шмелев. Золотая середина. В поисках здравого смысла	№2
Александр Рар (Германия), Леонид Слущкий. Россия и мир после встречи «Большой восьмерки»	№3
Андрей Шаронов, Юрий Поройков. Диверсификация экономики как генеральная задача (беседа)	№4

ПОЛИТИКА

Михаил Делягин. Наша задача – созидание российской цивилизации	
Ключевые вопросы идеологии	№1–2
Оксана Гаман-Голутвина. Парламентское представительство: европейский и российский опыт. К 100-летию российского парламентаризма	№2
Михаил Катышев, Валентин Демин. Правовая стратегия и правопорядок	№3–4
Стивен Козн (США). «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?	№4
Алла Язькова. Федерализм: зарубежный опыт	№4
Оксана Гаман-Голутвина. Об административной реформе	№4

«500 слов»: Зарубежные корреспонденты о своей жизни и работе в России

Винай Шукла (Индия)	№2
Бретт Форрест (США)	№2
Димитриос Лиатсос (Греция)	№2
Питер Ван дер Слоот (Нидерланды)	№2
Фред Вир (Канада)	№3
Грегор Файфер (США)	№3
Пол Куинн-Джадж (Великобритания)	№3
Эудженио Барбера (Италия)	№3
Эндрю Чжан (Канада)	№4
Цао Шияо (США)	№4
Девид Саттер (США)	№4
Олег Никитин. Послесловие к состоявшемуся разговору	№4

ТЕМА НОМЕРА

Элита в России

Николай Молчанов. Страшно далеки они от...	
Евгений Власов. Социальное тело без души	
Константин Шаров. «Яйца Фаберже» как феномен	
Павел Гуревич. Элита или номенклатура?	№2

Как управлять страной и людьми

Константин Шаров. На грани хаоса	
Кристина Матутите. Типажи корыстолюбия	
Марина Розенова. Миражи бюрократии	
Павел Гуревич. О кризисе управленческих стратегий	

Ценности в современную эпоху

Кристина Матутите. Какой этос нужен России?	№4
Ирина Моница. Ценности как «оборотни»	
Татьяна Свинина. Должны ли расцветать все цветы?	
Павел Гуревич. Меняются ценности – меняется эпоха	

В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Валерий Буянов. Формирование нового мирового порядка	№3
Валерий Сидоров. Россия в сетях глобализации	№3

Олег Карпухин. Культура и молодежь	№3
Павел Гуревич. Кризис ценностных ориентаций	№3
Игорь Рязанцев. Российская молодежь и Русская православная церковь	№3
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
Роберт Довер (<i>Великобритания</i>). Председательство Великобритании в ЕС (2005 г.): застой, тревога и частичные победы	№1
Лев Никифоров. Пути решения проблемы Косово	№1
Эрнест Султанов. Игры по-шиитски: перспективы нового иракского режима	№1
Ариэль Коэн (<i>США</i>). Границы НАТО: Евразия, Средиземноморье и Большой Ближний Восток	№2
Надежда Арбатова. Стратегия и политика ЕС в отношении стран Юго-Восточной Европы	№2
Трейси Джерман (<i>Великобритания</i>). Западные игроки и урегулирование конфликтов на Южном Кавказе: пример Нагорного Карабаха	№2
«Много тяжелых проблем случилось в один и тот же момент...»	
Интервью министра иностранных дел Вука Драшковича белградскому телевидению	№2
Петр Цветов. Вьетнам в свободном полете	№2
Инна Шумилина. Ирак и проблема популярности президента Джорджа Буша	№2
Кай-Олаф Ланг (<i>Германия</i>). Страны Европейского Союза спустя два года после расширения: уроки и перспективы	№3
Александр Шумилин. Особенности подхода России к проблеме Ирака (2002–2006 гг.)	№3
Сергей Ознобищев. Россия – Британия: новые времена – новые отношения?	№4
Изабель Факон (<i>Франция</i>). Качественно новая российская армия – какая она?	№4
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
Михаил Войтенко. Теракт, который может разрушить мировую экономику	№2
Проблемы национальной безопасности за рубежом	
Чуань Чень (<i>Китай</i>). Новая доктрина Китая в сфере безопасности	№3
Василий Белозеров. Военная сила в системе политики безопасности и обороны Германии	№3
ГЕОПОЛИТИКА	
Михаил Ефимкин, Василий Ламин. Азиатский ход России – сибирский геополитический вектор	№1
Александр Дутин. Оси дружбы и оси вражды	№2
Владимир Дергачев (<i>Украина</i>). Геополитическая трансформация Украины	№2
Карин Кнайсль (<i>Австрия</i>). Иран и геополитика газа	№3
Владимир Дергачев (<i>Украина</i>). Геополитическая трансформация международных транспортных коридоров	№3
Евгений Вертлиб (<i>Германия</i>). Геостратегический контекст проблематики национальной безопасности России и стабильности центрально-азиатского региона	№4
Михаил Войтенко. Мировое судоходство, его роль, тенденции развития. Россия в мировом судоходстве	№4
Социальная миграция: зоны риска	
Борис Базаров, Михаил Ефимкин, Владимир Ламин. Ретроспектива и современность «желтой миграции»	№3–4
БЛИЖНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ / СНГ	
Станислав Чернявский. Абхазия: проблемы мирного урегулирования	№2
Сергей Демиденко. Политические перспективы стран Центральной Азии и российские интересы в этом регионе	№3
Расим Агаев (<i>Азербайджан</i>). Карабахский конфликт и некоторые проблемы на Южном Кавказе	№3
Расим Агаев (<i>Азербайджан</i>). Переходный период: штрихи к портрету независимой республики	№4

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

- Наталья Орлова. Российский банковский сектор в 2005 году №1
Максим Ахмедов. Судостроение – через призму стратегического планирования №1
Николай Михайлов. Оборонно-промышленный комплекс
и инновационная политика №2
Елена Устюжанина. История реформирования отношений собственности
как борьба двух тенденций №3

Зарубежный опыт

- Дмитрий Мартынов, Александр Оськин. Рынок прессы Великобритании и России:
сравнительный ракурс №1
Илья Черменский. Интернет-бизнес в Японии №2

КОНФЕРЕНЦИЯ, «КРУГЛЫЙ СТОЛ»

- Международная научно-практическая конференция:
«Конкурентоспособность России в условиях глобализации».
Обзорно-аналитический материал №1

ПУБЛИКАЦИИ

Как это было

- Геннадий Бочаров. Средневековые XX века.
Глава из новой книги «Закат солнца вручную» №1
Александр Ципко. Александр Яковлев с близкого расстояния №2
Александр Ципко. Русский XXI век – грядущее, которое нам не дано увидеть №3–4
Геннадий Бочаров. Летящие в темноте. Откажется ли человечество
от сверхзвуковых пассажирских самолетов? №4

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

- Вагиф Гусейнов. О книге В.Третьякова «Нужен ли нам Путин после 2008 года?» №1
Эльвира Спирова. О книге В.Кантора «Русская классика, или Бытие России» №1
Эльвира Спирова. Как на войне, но еще страшнее...
О книге Элвина и Хейди Тоффлера «Война и антивоина» №2
Юрий Поройков. Переломный момент истории, или время упущенных возможностей.
О книге Р.Агаева, З.Али-Заде. «Азербайджан. Конец второй республики» №3
Эльвира Спирова. «Гнев, веди меня!..»
О книге Андре Глюксманна «Философия ненависти» №4

Новые книги, которые могут вас заинтересовать №1–4

Представляем членов Редакционного совета «Вестника аналитики» №1

ITEMS PUBLISHED IN THE VESTNIK ANALITIKI BULLETIN IN 2006

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov	№1–4
Members of editorial board about bulletin (to the 5'th anniversary of release of first number of Vestnik Analitiki bulletin)	№1

PRESSING TOPIC (Express-analysis)

Round-Table: The Russia-Belarus union: the myths and reality	№1
Nikolay Shmelev. The golden mean. Searching the common sense	№2
Alexander Rahr (<i>Germany</i>), Leonid Slutsky. Russia and the world after the G8	№3
Andrei Sharonov, Yury Poroikov. Diversification of the economy as the major objective (discussion)	№4

POLITICS

Mikhail Delyagin. Our task is to build the Russian civilization	№1–2
Oksana Ghaman-Golutvina. Parliamentary representation: the European and Russian experience. <i>To the Centenary of the Russian Parliamentarism</i>	№2
Mikhail Katyshev, Valentine Dyomin. The legal strategy and the law and order ...	№3–4
Stephen Cohen (<i>USA</i>). 'A question of questions': why has the Soviet Union ceased to exist?	№4
Alla Yazkova. International experience on federalism in practice	№4
Oksana Ghaman-Golutvina. Administrative reform in the Russian Federation: preliminary summing up with not so much comfort	№4

«500 Words»: *Foreign correspondents speak about their life and work in Russia*

Vinay Shukla (<i>India</i>)	№2
Brett Forrest (<i>USA</i>)	№2
Dimitrios Lyatsos (<i>Greece</i>)	№2
Pieter Van der Sloot (<i>Netherlands</i>)	№2
Fred Weir (<i>Canada</i>)	№3
Gregory Feifer (<i>USA</i>)	№3
Paul Quinn-Judge (<i>Great Britain</i>)	№3
Eugenio Barbera (<i>Italy</i>)	№3
Andrew Chang (<i>Canada</i>)	№4
David Satter (<i>USA</i>)	№4
Cao Shiao (<i>USA</i>)	№4
Oleg Nikitin. An epilogue to one discourse	№4

THE ISSUE'S MAIN TOPIC

The Elite in Russia

Nikolay Molchanov. They are so far from...	№1
Evgeny Vlasov. The social body without soul	
Konstantin Sharov. «Faberge eggs» as a phenomenon	
Pavel Gurevich. The elite or nomenclature?	

How to Govern the Country and People

Konstantin Sharov. On the verge of chaos	№2
Christina Matoutyte. The typology of greed	
Marina Rozenova. The mirages of bureaucracy	
Pavel Gurevich. On problems of governance strategies	

The Values In The Modern Epoch

Christina Matoutyte. What ethos is needed in Russia?	№4
Irina Monina. Values as 'werewolves'	
Tatyana Svinina. Do all the flowers are to blossom?	
Pavel Gurevich. The values alter, the epoch alters	

IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Valery Buyanov. Building-up the new world order under the conditions of globalization . . .	№3
Valery Sidorov. Russia in the world of globalization	№3
Oleg Karpukhin. The culture and youth under the conditions of globalization	№3
Pavel Gurevich. The crisis of value orientations	№3
Igor Ryazantsev. The Russian youth and Russian orthodox church	№3

FOREIGN AFFAIRS

Robert Dover (<i>Great Britain</i>). The British Presidency of the EU (2005): Stasis, Anxiety and Partial Victories	№1
Lev Nickiforov. The ways to solve the Kosovo problem	№1
Ernest Sultanov. Gaming the Shiah style: the new Iraqi regime's perspectives	№1
Ariel Cohen (<i>USA</i>). NATO's frontiers: Eurasia, the Mediterranean	№2
Nadezhda Arbatova. The EU strategy and policy towards the South-East European countries	№2
Tracey German (<i>Great Britain</i>). Western actors and conflict resolution in the south Caucasus: the case of Nagorno-Karabakh	№2
«It was too many difficult problems at the same moment...» <i>The Minister for Foreign Affairs of Serbia and Montenegro Vuk Draskovich's</i> <i>interview to the Beograd TV</i>	№2
Petr Tsvetov. Free flying Vietnam	№2
Inna Shumilina. Iraq and the hardships of President Bush's popularity	№2
Kai-Olaf Lang (<i>Germany</i>). The European Union member countries: lessons and perspectives two years after the enlargement	№3
Alexander Shumilin. The features of Russia's approach to the problem of Iraq (2002–2006)	№3
Sergey Oznobishchev. Russia – Britain: in new times, new relations?	№4
Isabelle Facon (<i>France</i>). What is the qualitatively new army for Russia?	№4

NATIONAL SECURITY

Mikhail Voytenko. An act of terrorism to break the world economy up	№2
Problems of national security abroad	
Chuan Chen (<i>China</i>). China's new security doctrine	№3
Vasily Belozеров. Military force in Germany's security and defense policy system . . .	№3

GEOPOLITICS

Mikhail Yefimkin, Vladimir Lamin. Russia's move to Asia: the Siberian geopolitical vector	№1
Alexander Dugin. Axes of friendship and axis of hostility	№2
Vladimir Dergachev (<i>Ukraine</i>). The geopolitical transformation of Ukraine	№2
Karin Kneissl (<i>Austria</i>). Iran and the geopolitics of gas	№3
Vladimir Dergachev (<i>Ukraine</i>). Geopolitical transformation of the international transport corridors	№3
Eugenie Vertlib (<i>Germany</i>). Geostrategical context of the problems of Russia's national security and the Central Asia regional stability	№4
Mikhail Voytenko. World shipping: its role and trends in development. Russia in world shipping	№4

Social migration: zones of risk

Boris Bazarov, Mikhail Yefimkin, Vladimir Lamin. «Yellow migration»: retrospective and up-to-date review	№3–4
---	------

THE NEAR ABROAD / CIS

Stanislav Chernyavsky. Abkhazia: the problems of peaceful settlement	№2
Sergey Demidenko. Political perspectives of the Central Asia countries and the Russian interests in this region	№3
Rasim Agayev (<i>Azerbaijan</i>). The Karabakh conflict and some problems in the Southern Caucasus	№3
Rasim Agayev (<i>Azerbaijan</i>). Transition period: some features of the portrait of independent republic	№4

ECONOMICS & FINANCE

- Natalia Orlova. The Russian bank sector in 2005№1
Maxim Akhmedov. Shipbuilding through the prism of strategic planning№1
Nikolay Mikhailov. Defense industrial complex and the policy of innovation№2
Yelena Ustyuzhanina. History of reforming the property relations
as the struggle between the two tendencies№3

Foreign experience

- Dmitry Martynov, Alexander Os'kin. The press market in UK and in Russia:
the comparative perspective№1
Ilya Chermensky. The internet business in Japan№2

CONFERENCE, ROUND TABLE

- International scientific-practical conference:
«Russia's competitiveness in the conditions of globalization». Analytical review№1

PUBLICATIONS

As it was

- Gennady Bocharov. The middle ages of the 20th century.
A chapter from the new book «The Sunset by Hand»№1
Alexander Tsipko. Alexander Yakovlev closely looked at№2
Alexander Tsipko. The Russian 21st century: the future we are not given to see№3–4
Gennady Bocharov. Flyers in the dark. Will the mankind refuse
from supersonic passenger aircraft?№4

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

- Vagif Guseinov. I do not argue, but... On the book by Vitaly Tretiakov
Would V.Putin Still Be Needed to Us after 2008?№1
Elvira Spirova. Will Russia shake its sleep off?
On the *Russian Classics, or Russia's Being*, the book by Vladimir Kantor№1
Elvira Spirova. Like in the war, but more terrifying indeed...
On the book by Alvin and Haidee Toffler *The War and Anti-War*№2
Yury Poroikov. Turning-point of history of Azerbaijan,
or time of the missed opportunities. On the book by R.Agayev and Z.Ali-Zadeh,
Azerbaijan. The End of the Second Republic№3
Elvira Spirova. «Anger, drive me!..»
on *The Philosophy of Hatred* by Andre Glucksmann№4

New Books that Might Be of Interest№1–4

Presentation of Editorial Board of the Vestnik Analitiki bulletin№1

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 4(26)

Перевод с английского Владимира Мисюченко

Корректura А.В. Панюгиной
Верстка Л.В. Листвина

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 40/14, стр. 1

Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88

Факс: (495) 911-92-77

www.isoа.ru

E-mail: issa@umail.ru

info@isoа.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 04.12.06 г. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,5. Заказ № 472.

Отпечатано в ФГУП «Издательство и типография газеты «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscfe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«Вестник аналитики» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@imail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

✂

Форма № ПД-4

Измещение

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)
ИНН 7718163808
№ р/с 40702810900000080011
в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(номер счета получателя платежа)
к/с № 30101810800000000777 в отделении
2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)
Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.
Плательщик _____
(Ф.И.О., почтовый адрес, телефон)

Кассир

Квитанция

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)
ИНН 7718163808
№ р/с 40702810900000080011
в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(номер счета получателя платежа)
к/с № 30101810800000000777 в отделении
2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)
Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.
Плательщик _____
(Ф.И.О., почтовый адрес, телефон)

Кассир